

1907.

Годъ 15.

УЧЕНЫЯ ЗАПИСКИ

ИМПЕРАТОРСКАГО

ЮРЬЕВСКАГО УНИВЕРСИТЕТА.

ACTA

ET

COMMENTATIONES

IMP. UNIVERSITATIS JURIEVENSIS

(OLIM DORPATENSIS).

№ 5.

ЮРЬЕВЪ.

Типографія К. Маттисена.

1907.

1907.

Годъ 15.

УЧЕНЫЯ ЗАПИСКИ

ИМПЕРАТОРСКАГО

ЮРЬЕВСКАГО УНИВЕРСИТЕТА.

№ 5.

ЮРЬЕВЪ.

Типографія К. Маттисена.

1907

Печатано по опредѣленію Совѣта Императорскаго Юрьевскаго
Университета.

Ю р ѣ в ъ , 29 сентября 1907 г.

№ 2770.

Ректоръ Е. Пассенъ.

СОДЕРЖАНИЕ.

Научный отдѣлъ.

Стр.

Г. П. Михайловскій. Экскурсія на вулканъ Хоруйо (Jorullo) 1— 58

Приложенія.

Mag. theol. Karl Konrad Grass. Die russischen Sekten 625—716

Н. К. Грунскій. Лекціи по древне-церковно-славянскому языку 65—163

Александръ Миклашевскій. Арбитражъ и соглашеніе
въ промышленныхъ спорахъ 1— 32

Г. П. Михайловскій.

Экскурсія на вулканъ Хоруйо (Jorullo).

Съ 6-ю рисунками.

Когда я лѣтомъ 1906 г. собирался ѣхать на X-ый международный геологическій конгрессъ въ Мексику ¹⁾, мнѣ, конечно, хотѣлось посѣтить знаменитый Хоруйо — вулканъ, о происхожденіи котораго создано столько легендъ и разсказовъ, вулканъ, послужившій основаніемъ пресловутой теоріи поднятія Гумбольдта и Л. фонъ Буха, наконецъ вулканъ, фантастическія изображенія котораго въ различныхъ учебникахъ свидѣтельствуютъ о большой изобрѣтательности лицъ, рисовавшихъ эти изображенія.

Считаю поэтому небезъинтереснымъ для русскаго читателя подѣлиться и своими бѣглыми впечатлѣніями и въ краткихъ чертахъ передать то, что извѣстно въ геологической литературѣ о Хоруйо, причемъ позволю себѣ остановиться на данныхъ Гумбольдта и на прекрасномъ описаніи вулкана, сдѣланномъ извѣстнымъ мексиканскимъ петрографомъ дономъ Езекилемъ Ордоньесомъ, который былъ нашимъ искуснымъ руководителемъ въ нелегкой экскурсіи на Хоруйо.

Экскурсія на Хоруйо была соединена съ экскурсіей на вулканъ Толуку. Предполагалось, что экскурсіонисты выѣдутъ 20-го августа новаго стиля изъ Мексико-сити. Такъ какъ мой пароходъ Сантъ-Янъ пришелъ въ Тампико вечеромъ 18-го, а отъ Тампико до мексиканской столицы немногимъ болѣе сутокъ ѣзды, то я былъ увѣренъ, что успѣю къ 20-му числу попасть въ г. Мексико.

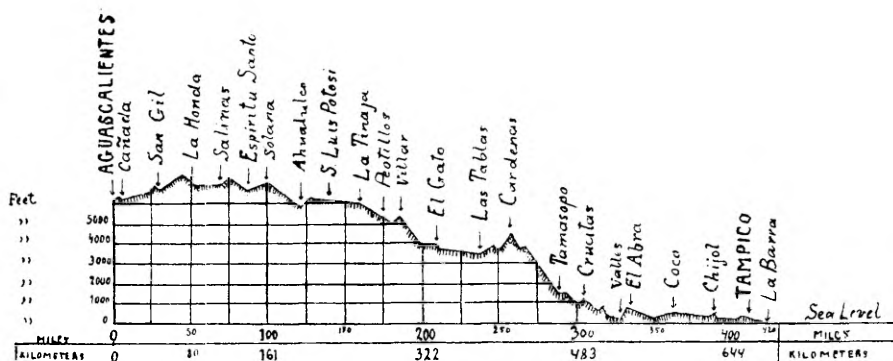
Оказалось, что я упустилъ изъ виду, что Мексика не Западная Европа и что порядки, въ ней царствующіе, напоминаютъ наше отечество. С. Янъ долженъ былъ ночевать у входа въ рѣку Пануко. Слѣдующее утро 19-го числа было потеряно: лишь около полудня явились на пароходъ

1) Правильнѣе говорить и писать: „Мехика“, „мехиканскій“, „мехиканецъ“.

мексиканскія власти и послѣ окуриванія сѣрой (мексиканцы считают ея пары дѣйствительнымъ средствомъ противъ желтой лихородки, такъ какъ она якобы убиваетъ москитовъ — переносителей заразы) пароходъ получилъ позволеніе подняться по рѣкѣ и пристать къ набережной Тампико. У входа въ рѣку Пануко я видѣлъ большія дюны на морскомъ берегу у такъ наз. Ла Вагга. Въ Тампико я впервые познакомился съ москитами и жарой, еще бѣдшей, чѣмъ на островѣ Св. Ѳомы и на Кубѣ (откуда мы пришли). Городъ лежитъ на плоской, слабо холмистой и болотистой равнинѣ, заросшей тропической растительностью. Сойдя съ парохода, я узналъ, что поѣздъ въ Мексико-сити отходить разъ въ сутки въ 6 часовъ утра и, стало быть, уѣхать я могу лишь 20-го утромъ. Такимъ образомъ пришлось потерять 19-ое число. День этотъ я посвятилъ осмотру Тампико. 20-го числа въ 7 часовъ утра, т. е. на часъ позже росписанія, поѣздъ нашъ отошелъ отъ Тампико. Путь нашъ пролегалъ параллельно Пануко, быстрой и мутной рѣкѣ, въ которой по словамъ мѣстныхъ жителей много крокодиловъ (каймановъ, или аллигаторовъ, я не знаю). Рѣка скоро скрылась изъ виду, и мы ѣхали по слабохолмистой равнинѣ, то покрытой плантаціями сахарнаго тростника, то непроходимыми зарослями кустарниковъ, то низкорослымъ тропическимъ лѣсомъ, мѣстами росшимъ на болотистой почвѣ. Растительность не поразила меня яркостью красокъ, какъ я ожидалъ, а имѣла мутно сѣрозеленый колоритъ.

Въ небѣ плавали хищныя птицы. Въ маленькихъ балочкахъ и въ берегахъ ручьевъ иногда проглядывали свѣтло и темносѣрые глинистые сланцы и сланцеватыя глины и желтоватыя сланцевыя породы (мергели?). Породы эти показались мнѣ удивительно похожими на породы нефтеносной толщи Чечни и Дагестана. Какъ и въ Черныхъ горахъ Чечни, эти породы третичнаго (?) возраста и заключаютъ въ себѣ нефть у станціи Эбано, гдѣ я видѣлъ одну нефтяную вышку. Удивительное петрографическое сходство

породъ, заключающихъ въ себѣ нефть, удаленныхъ другъ отъ друга на многія тысячи верстъ, отмѣченное впервые польскимъ геологомъ Зуберомъ, является по моему мнѣнію однимъ изъ доказательствъ того, что ключъ къ разрѣшенію вопроса о происхожденіи нефти слѣдуетъ искать въ біологической обстановкѣ, въ которой находились организмы, разложеніе тѣлъ которыхъ давало нефть. Въ напечатанной мною по этому вопросу статьѣ ¹⁾ указывается, что, по моему

Профиль жел. дороги отъ Тампико до А. Калиентесъ.

мнѣнію такіе организмы жили въ морской водѣ у крутого берега, гдѣ осадки накапливались очень быстро и благодаря глубинѣ морское волненіе не взмучивало ихъ, вслѣдствіе чего разложеніе шло безъ доступа кислорода. Въ статьѣ мексиканскаго геолога Бöse, ²⁾ описывающаго путь отъ Тампико до С. Луисъ-Потози, говорится, что эти породы не заключаютъ въ себѣ окаменѣлостей, но и нефтеносная толща Кавказа также долго считалась нѣмою, а теперь при детальной съемкѣ оказалось, что она содержитъ мѣстами даже очень много окаменѣлостей — нужно только ихъ умѣть искать. Въ будущемъ, когда въ нефтеносныхъ, вѣроятно третичныхъ, пластахъ окрестностей Тампико будутъ найдены

1) Нѣсколько соображеній о происхожденіи кавказской нефти. Изв. Геолог. Ком. 1906 г.

2) Guide géolog. au Mexique, 1906. XXX. De San Luis Potosi a Tampico. par E. Böse.

остатки организмовъ, представится чрезвычайно интереснымъ сравнить ихъ съ окаменѣlostями кавказскихъ мѣсторожденій нефти. У станціи Las Palmas кончается равнина и, вѣроятно, оканчивается полоса третичныхъ сланцеватыхъ породъ.

Отъ Las Palmas начинается подъемъ, сначала не особенно крутой. Между этой станціей и ст. Taninul (121 килом. отъ Тампико) начинается уже полоса мѣловыхъ известняковъ съ *Carpinula* и *Chondrodonta aff. Munsoni*, которымъ Бѣзе приписываетъ среднемѣловой возрастъ. Такимъ образомъ прибрежная полоса третичныхъ сланцевыхъ породъ имѣетъ здѣсь свыше 100 километровъ ширины. За станціей Taninul жел. дорога все время уже пересѣкаетъ мѣловыя породы. Тектоника пока является простой и между станціями Abra и Valles верхнемѣловые сланцы залегаютъ почти горизонтально на известнякахъ съ рудистами. Пласты все же слабо наклонены къ востоку. Дорога за этой станціей спускается нѣсколько внизъ на невысокое холмистое плоскогоріе Valles, сложенное изъ верхнемѣловыхъ пластовъ. Къ станціи Санъ Матео опять начинается подъемъ. Здѣсь желѣзнодорожный путь изгибается и входитъ въ небольшой, чрезвычайно живописный каньонъ Micos, по дну котораго течетъ Ріо Тампаон. По изслѣдованіямъ Бѣзе, въ этомъ каньонѣ синклиналь среднемѣловыхъ пластовъ съ капринидами обрѣзана сбросомъ и по линіи сброса неожиданно выступаютъ сланцы и мергели, которые Бѣзе считаетъ верхнемѣловыми. Направляясь къ ст. Crucitas, дорога сильно поднимается въ гору и здѣсь мы уже находимся на высотѣ свыше 1000 футовъ надъ уровнемъ моря. Съ этого мѣста или далѣе (я уже не помню) открывается великолѣпный видъ на плоскость, прилегающую къ Мексиканскому заливу, покрытую густой тропической растительностью.

За станціей San Dieguito дорога поворачиваетъ на югъ, чтобы избѣжать подъема на высокій хребетъ Sierra del Abra de los Caballeros, и слѣдуетъ той линіи сброса, который былъ

раньше указанъ за ст. Micos. Далѣе путь пролегаетъ по долинѣ Rio Tamasoro, сложенной изъ известняковъ съ рудистами. На большую станцію Тамасопо, гдѣ полагался обѣдъ, мы прибыли съ большимъ опозданіемъ около 2-хъ часовъ дня вмѣсто 12-ти. Отсюда начался самый живописный участокъ дороги.

Подъемъ невѣроятно крутъ, и уклонъ считался бы невозможнымъ для европейскихъ желѣзныхъ дорогъ. Достаточно напримѣръ указать, что между станціями Verástegui и Тамасопо, т. е. на растояніи 15 верстъ, разница въ высотахъ достигаетъ 400 метровъ. Полотно за Тамасопо взбирается въ гору двумя громадными извилинами и все время вы видите станцію Тамасопо на днѣ долины у вашихъ ногъ. Закругленія пути настолько круты, что мѣстами поѣздъ нашъ останавливался. Паровозъ отцѣпляли, онъ толкалъ поѣздъ назадъ, затѣмъ бралъ вагоны, медленно ихъ тащилъ въ гору и опять останавливался. Чѣмъ выше мы поднимались, тѣмъ мѣстность дѣлалась очаровательнѣе. Я не видѣлъ на земномъ шарѣ болѣе живописной дороги, чѣмъ участокъ пути отъ Тамасопо до Верáстеги. Внизу у ногъ зеленая долина Тамасопо; поѣздъ ползетъ по извивающемуся какъ змѣя пути, который взбирается по крутому склону горы. Кругомъ скалы изъ свѣтлыхъ известняковъ, заросшіе густымъ субтропическимъ лѣсомъ. Удивительно разнообразныя лиственные деревья оплетены множествомъ вьющихся растений. Вокругъ нѣкоторыхъ деревьевъ цѣлыя темнозеленыя колонны изъ плюща (или вьющагося растенія, очень на него похожаго). Вообще растительность сильно мнѣ напоминала роскошныя долины Абхазіи, только здѣсь флора еще красивѣе и разнообразнѣе.

Я — плохой ботаникъ, но мнѣ показалось, что большинство древесныхъ породъ относилось къ различнымъ видамъ дуба и деревьямъ съ широкими листьями вродѣ платановъ, или кленовъ. Съ подъемомъ стало замѣтно свѣжѣе. Наканунѣ въ Тампико я задыхался отъ тропиче-

скаго влажнаго зноя. И въ Тампико, и еще раньше во время пути вдоль береговъ Гаити и Кубы, трудно было спать въ каютѣ и около 4-хъ часовъ пополудни t^0 поднималась въ каютахъ выше 30^0 R. Только поднявшись надъ Тамасопо, я впервые почувствовалъ нѣкоторую свѣжесть. Особенно грандіозенъ видъ у ст. *Veráslegui*: здѣсь открывается панорама на лежащую у самыхъ ногъ долину Тамасопо, на кудрявыя зеленныя цѣпи горъ, поднимающіяся къ востоку, и еще далѣе за ними синѣетъ обширная равнина съ лѣсами пальмъ, которая тянется до Мексиканскаго залива.

У Верастегуи можно одновременно видѣть тропическую жаркую полосу — такъ наз. „*tierra caliente*“ или жаркую страну и „*tierra templada*“ или умѣренную полосу, соотвѣтствующую юго-западной Европѣ по средней температурѣ и характеру растительности. Мексиканскія *tierras templadas* лежатъ приблизительно на высотахъ отъ 1000 до 2000 метровъ и по климату принадлежатъ къ самымъ пріятнымъ въ мірѣ. Еще выше лежатъ такъ назыв. *tierras frías* (холодныя страны), „царство вѣчной весны“, къ которымъ принадлежитъ большая часть Мексиканскаго плоскогорія.

Несмотря на то, что климатъ „*tierras frías*“ кажется чрезвычайно пріятнымъ для европейца, онъ для него вреденъ, вслѣдствіе значительной высоты надъ уровнемъ моря и происходящей отъ этого разрѣженности воздуха. Все время на Мексиканскомъ плоскогоріи, и я, и мои коллеги — европейскіе геологи чувствовали какое-то странное недомоганіе. Легкая прогулка утомляла сильнѣе, чѣмъ усиленная ходьба у себя на родинѣ. Возвращаюсь къ прерванному пути. За Верастегуи опять всюду выходы свѣтлыхъ мѣловыхъ известняковъ. Такъ напримѣръ ущеліе Тамасопо пересѣкается красивымъ зубчатымъ гребнемъ, носящимъ фантастическое названіе „*Espinazo del Diablo*“ — хребетъ или спина діавола. Далѣе видно, какъ мѣловые пласты согнуты въ антиклиналь, затѣмъ въ большую синклинальную складку, потомъ за станціей *Espinazo* опять въ косую антиклиналь.

Для породъ ущелія Тамасопо Ббзе не приводитъ окаменѣлостей, а предполагаетъ, что онѣ представляютъ весь туронъ и сеноманъ, а можетъ и такъ наз. „Emscher-Mergel“ (Emscherien), т. е. тѣ пласты, которые по Шлютеру залегаютъ въ Германіи между турономъ и сенономъ.

Съ опозданіемъ, которое все увеличивалось, нашъ поѣздъ подошелъ къ станціи Сапоас. Здѣсь у полотна стояло нѣсколько жалкихъ индѣйскихъ хижинъ. Врыты онѣ были на половину въ землю, построены изъ жердочекъ съ большими щелями и покрыты пальмовыми листьями. Въ одной изъ этихъ хижинъ бронзовыя индіанки приготовляли большія плоскія лепешки — *tortillas*. Одна изъ пассажировъ нашего вагона купила такую лепешку и предложила мнѣ попробовать. Прѣсно, но горячо и ѣсть съ голода можно.

Отъ этой станціи вплоть до Cardenas почти сплошь подъемъ. По даннымъ Ббзе, всѣ породы между станціями Сапоас и Cardenas принадлежатъ къ нижнему сенону, возможно, что къ зонѣ съ *Actinocamax quadratus* Европы. Интересно очень то обстоятельство, что Ббзе между 434 и 435 километромъ жел. пути указываетъ въ глинистыхъ известнякахъ европейскую форму *Gryphaea vesicularis* Lmk., руководящую для верхняго, а не нижняго сенона.

Поэтому утвержденіе Ббзе, что вся толща между станціями Сапоас и Cardenas принадлежитъ къ нижнему сенону, представляется мнѣ страннымъ. Въ долину Los Сапоас по Ббзе известняки кромѣ *G. vesicularis* содержатъ *Echogyracostata* Say, 2 новыхъ вида *Actaeonella* и неопредѣленные виды коралловъ. Кромѣ известняковъ мы встрѣчаемъ еще известковистыя глины и мергели съ *Echogyracostata*, 2 вида устрицъ, и 1 видъ *Inoceramus*, не опредѣленныхъ этимъ геологомъ. На 431 километрѣ слѣва отъ жел. дор. пути находится небольшой покровъ базальта съ призматической отдѣльностью. Я не стану далѣе перечислять и описывать отдѣльныя обнаженія, видѣнныя мною лишь изъ оконъ вагона, и скажу, что по даннымъ Ббзе

дорога постоянно перерѣзываетъ складки мѣловыхъ породъ. Иногда виѣшній рельефъ мѣстности не соотвѣтствуетъ со-всѣмъ тектоникѣ и долина приходится на размытомъ сводѣ антиклинали, какъ это видно на профилѣ между станціей Labor и долиной Las Canoas, изображенномъ у Бѣзе. У стан-ціи Cardenas между 414 и 415 кил. въ желѣзнодорожной выемкѣ выходятъ на поверхность мергели, сланцы, песчаники и известковыя породы, для которыхъ Бѣзе приводитъ 26 видовъ преимущественно гастроподъ изъ родовъ *Turritella*, *Cerithium*, *Actaeonella* и *Natica*. Указываетъ онъ кромѣ того и пластинчатожаберныхъ изъ родовъ *Coralliochama*, *Radiolites* (*Austinensis* Roem.), *Lima*, *Anomia* и *Ostrea*, а также кораллы. Къ сожалѣнію, громадное большинство все виды новые, по мнѣнію Бѣзе (20 новыхъ формъ), 3 вида обозначено *affinis*, т. е. тоже не опредѣлено, а поэтому о возрастѣ этихъ пластовъ приходится судить по тремъ видамъ — *Radiolites Austinensis* Roem., *Anomia argentaria* Mart., и *Ostrea glabra* Meek and Hayden. Бѣзе породы долины Cardenas считаетъ ниже-сенонскими. Во всякомъ случаѣ ясно, что здѣшнія верхнемѣловыя породы съ рудистами и *Actaeonella* (постоянный спутникъ рудистовъ) принадлежатъ къ отложе-ніямъ теплаго пояса, извѣстнымъ на югѣ Европы, въ М. Азіи, Сиріи, Персіи, Индіи и Тибетѣ съ одной стороны и въ южной части Соединенныхъ Штатовъ, Мексикѣ, Вестъ-Индіи и сѣ-верной части южной Америки съ другой. Жаль, что мекси-канскимъ геологомъ не указываются европейскія формы. Присутствіе ихъ здѣсь потому возможно, что для неоком-скихъ породъ Санъ-Луисъ-Потозі геологомъ Hill'емъ ¹⁾ ука-зываются русскія формы *Aucella Pallasii* и *Aucella volgensis* (форма рязанскаго горизонта).

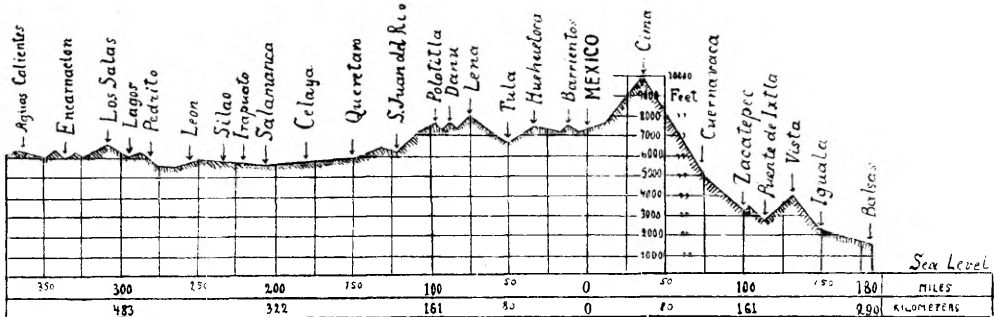
На станціи Cardenas мы были уже на высотѣ свыше 4000 футовъ надъ уровнемъ моря. Мы запоздали почти

1) Hill. Cretac. formation of Mexico. Americ. Journal of sc. 35 45. 1893.

на 2¹/₂ часа и было около 5 часовъ пополудни, когда мы тронулись далѣе. Небо стало хмуриться. Нѣсколько разъ мы попадали въ туманъ и мелкій дождь. Дорога дѣлалась менѣе живописной и интересной.

Бѣзе между километрами 379¹/₂ и 380¹/₂ указываетъ на обширный покровъ базальта. Обнаженія становятся все болѣе и болѣе рѣдкими и гористый характеръ мѣстности постепенно исчезаетъ, замѣняясь равниной. У ст. Cerritos (328 килом.) дорога послѣдній разъ входитъ въ хребетъ Sierra Madre Oriental и вплоть до ст. Silos опять идутъ складки среднемѣловыхъ известняковъ съ рудистами, перерѣзанные выходами уже не основныхъ, какъ прежде, а кислыхъ лавъ-риолитовъ.

Въ С. Луисъ-Потоси мы прибыли въ 11 часовъ ночи вмѣсто 8 часовъ вечера. Здѣсь мнѣ пришлось съ моимъ

Профиль Мексиканскаго плоскогорія отъ А. Каліентесъ до Мексико и Бальсасъ.

очень плохимъ знаніемъ испанскаго языка порядкомъ повозиться, пока я купилъ билетъ и нашелъ спальный вагонъ въ другомъ поѣздѣ, шедшемъ на югъ въ Мексико-сити. Спальные вагоны Мексиканскихъ жел. дорогъ построены по типу пудмановскихъ кáровъ, курсирующихъ на жел. дорогахъ Союза. Они хотя грязнѣе сѣверо-американскихъ, но спать въ нихъ все же можно хорошо. Устроившись на новомъ мѣстѣ, я сейчасъ же заснулъ и проснулся въ Агуасъ-Каліентесъ въ 7 часовъ утра 21 августа. Aguas calientes (Горячеводскъ по нашему) небольшой городъ съ 30.000 жи-

телей — столица штата того же имени. Онъ извѣстенъ своими горячими источниками и сюда съѣзжается много больныхъ. Часовъ около 8 утра нашъ поѣздъ покатилъ по Мексиканскому плоскогорью. Кругомъ и здѣсь и далѣе вплоть до Мексико-сити пейзажъ поражалъ своей оригинальностью. На горизонтѣ всюду горы несомнѣнно вулканическаго происхожденія. Въ оврагахъ и балкахъ ярко-красныя глины, происшедшія отъ вывѣтриванія вулканическихъ туфовъ, и самые туфы, то красновато малиновые, то желтоватые. Растительность блѣдно-зеленаго, чуждаго для нашихъ глазъ, колорита. Особенно поражаютъ кактусы-опунціи. Здѣсь это низкорослое, немного выше человѣческаго роста корявое дерево съ оригинальными лепешками вмѣсто листьевъ. На опунціяхъ въ это время года всюду были видны плоды (въ видѣ маленькихъ розоватыхъ огурцовъ) и ихъ продавали на станціяхъ. Изъ любопытства и я попробовалъ этотъ плодъ, любимый мексиканскимъ простонародьемъ. Онъ довольно безвкусенъ, а если ѣсть безъ предосторожностей, то очень легко уколотъ себѣ губы маленькими колючками, покрывающими кожу плода.

У рѣкъ и ручьевъ много деревьевъ, похожихъ на наши ивы. Поѣздъ мчался среди полей маиса. Мѣстность довольно населена и покрыта деревушками и небольшими городками. Дома — каменные съ оригинальными плоскими кровлями, какъ на востокѣ.

Изъ городовъ, которые мы проѣзжали, я помню Querétaro (Керэтаро или Герэтаро), въ которомъ около 40.000 жителей. Съ полотна жел. дороги были видны купола и башни церквей. Здѣсь мы проѣзжали возлѣ громаднаго съ красивыми арками акведука, построеннаго испанцами въ началѣ XVIII столѣтія. Въ исторіи Мексики Керэтаро приобрѣлъ печальную извѣстность тѣмъ, что возлѣ города былъ расстрѣлянъ въ 1867 году несчастный мексиканскій императоръ Максимилианъ. Мнѣ пассажиры показывали слѣва отъ жел. дороги холмъ (Cerro de las Campanas), на которомъ

Максимиліанъ столь трагически окончилъ свою молодую жизнь.

За Керётаро потянулись поля съ агавой, придающія удивительный характеръ ландшафту. Представьте себѣ разсаженные въ геометрическомъ порядкѣ въ сажень высотой и больше кусты *Agave Americana* съ невѣроятно толстыми (въ нѣсколько вершковъ толщиной) длинными листьями, выходящими пучкомъ изъ земли. Куда вы не посмотрите — всюду эти фантастическіе кусты съ жесткими, словно сдѣланными изъ металла зубчатыми листьями. Въ окрестностяхъ мексиканской столицы громадныя пространства земли заняты этими плантаціями. Изъ сока этого растенія мексиканцы готовятъ свое любимое пулькэ — слегка опьяняющій мутный напитокъ съ непріятнымъ запахомъ. Насъ угощали потомъ у пирамидъ Санъ Хуанъ-Теотигуаканъ самымъ лучшимъ пулькэ, но пить его мы не могли. Изъ агавы мексиканцы готовятъ еще 2 сорта ликеровъ, а изъ толстыхъ сосудистоволокнистыхъ пучковъ листа вяжутъ веревки и дѣлаютъ различныя плетенія. Въ окрестностяхъ Керётаро находятъ много опаловъ и продаютъ ихъ на станціи. Опалы эти мелки и съ посредственной игрой, зато стоятъ очень дешево.

Послѣ Керётаро помню большую станцію San Juan de Río въ городѣ того же имени. Поѣздъ нашъ шелъ съ большимъ опозданіемъ вслѣдствіе того, что вся равнина была залита водой. Въ это время года на мексиканскомъ плоскогоріи каждый вечеръ идутъ тропическіе дожди и вода заливаєтъ громадныя пространства. Поѣздъ то медленно подвигался впередъ, то стоялъ въ полѣ. Когда уже было совсѣмъ темно, мы проѣзжали Tula, очаровательный городъ, построенный толтеками, съ его древними развалинами среди оригинальныхъ зеленыхъ колоннъ кактусовъ-цереусовъ.

Въ 11 часовъ вечера мой поѣздъ прибылъ, наконецъ, въ столицу Мексики. Какой то смуглый метисъ взялъ мои вещи и предложилъ мнѣ показать гостинницу Хуъресъ, гдѣ я думалъ остановиться. Гостинница Хуъресъ оказалась на

старой узкой улицѣ Такуба (Calle Tacuba, Avenida Oriente). Хотя гостинница эта грязновата и съ чисто мексиканскими порядками (нѣтъ звонковъ и прислугу — индіанокъ приходилось звать, хлопая въ ладоши), я взялъ въ ней номеръ, такъ какъ цѣна его показалась мнѣ дешевой и отъ гостинницы въ нѣсколькихъ шагахъ соборная площадь — центръ города.

На другой день утромъ я поѣхалъ на улицу кипарисовъ, гдѣ помѣщается мексиканскій геологическій комитетъ, въ которомъ было устроено бюро конгресса. Зданіе Комитета небольшое, но очень изящное. Хорошъ очень минералогическій музей комитета. Я помню великолѣпные аметисты и кварцы, большіе штуфы различныхъ мѣдныхъ и свинцовыхъ рудъ. Палеонтологическое собраніе комитета гораздо жиже — видно, что музей устраивается только теперь. Однако и въ настоящее время хороши коллекціи мѣловыхъ окаменѣлостей, собранные главн. образомъ Агвилерой (директоромъ комитета). Хорошей степенью сохраненія отличаются богатая коллекція третичныхъ окаменѣлостей съ юга Мексики (Тегуантепекъ). Особенно хороши плиоценовыя раковины изъ Paso-Real, также верхнемиоценовыя изъ Santa Lucrécia. Въ бюро я познакомился съ нѣкоторыми мѣстными геологами — Агвиляромъ, Бурхартомъ, Бозе и Виляррейо. Они меня снабдили печатнымъ гидомъ для экскурсій конгресса и посоветовали выѣхать на другой день утромъ, чтобы на станціи Толука соединиться съ экскурсіонистами, уѣхавшими на вулканъ Невадо де Толука.

Остальной день 22-го августа я провелъ въ укладкѣ багажа и покупкѣ нѣкоторыхъ вещей, нужныхъ для продолжительной экскурсіи верхомъ. Знакомиться съ городомъ не было времени и я рѣшилъ его осмотрѣть послѣ возвращенія съ экскурсій. 23-го рано утромъ я былъ на вокзалѣ Ferrocarril Nacional, гдѣ геологъ Бозе познакомилъ меня съ инженеромъ и профессоромъ географіи сеньоромъ Арагономъ, также какъ и я догнавшимъ экскурсію. Былъ яркій солнечный день и маленькіе городки и деревушки,

маисовыя и агавовыя поля и зеленныя рощи весело блестя на солнцѣ. Въ моихъ рукахъ была брошюра Ордоньеца, описывающая дорогу отъ Мексико-сити до Пацкуаро и Уруапама, такъ что была полная возможность сознательно относиться къ непривычному для русскаго геолога геологическому пейзажу. Дорога до города Толуки идетъ все время на юго-западъ, перерѣзывая высокія долины и отдѣльные бассейны, расположенные у края Мексиканскаго плоскогорія. Вся мѣстность сложена исключительно или изъ изверженныхъ породъ, или изъ рыхлыхъ продуктовъ изверженій. Мы ѣхали сначала по долинѣ г. Мексико, а потомъ, постепенно поднимаясь, пересѣкли хребетъ Sierra de las Cruces, имѣющій довольно значительную высоту: такъ переваль „La Cima“ выше станціи Наукалпанъ, расположенной у подножья Сьерры въ долинѣ Мексико, на 700 метровъ. Хребетъ этотъ является водораздѣломъ между бассейнами Атлантическаго и Тихаго океановъ: такъ рѣки долины Мексико текутъ въ Атлантическій океанъ, а воды долины Толуки впадаютъ уже въ Тихій. Въ желѣзнодорожныхъ выемкахъ всюду вулканич. туфы, напр. известковый съ примѣсью глины въ ближайшихъ окрестностяхъ г. Мексико.

Цѣпь Сьерры начинается холмами, лишенными древесной растительности. Эти холмы состоятъ изъ различныхъ вулкан. туфовъ, желтоватаго и сѣраго цвѣта. Особенно замѣчателенъ туфъ, представляющій конгломератъ, или брекчію изъ кусочковъ пемзы, спаянныхъ желѣзисто-глинистымъ цементомъ. Эта довольно плотная порода называется мѣстными жителями „тепетате“ и изъ нея построено большинство зданій города Мексико. Эти туфы заключаютъ въ себѣ слои рѣчныхъ песковъ и прослойки вулканическаго пепла и песка. Можно думать, что всѣ эти тонкозернистыя туфы представляютъ затвердѣвшіе потоки грязи, извергавшіеся со склоновъ Сьерры во время послѣднихъ изверженій.

Уже у станціи Dos Rios появляются спорадически выходы твердыхъ, необломочныхъ породъ. По Ордоньецу

большая часть породъ Сіерры — андезиты, измѣняющіеся отъ почти сплошь кристалличныхъ порфировыхъ до разностей стекловатыхъ.

Андезиты эти по его даннымъ состоятъ изъ полевого шпата (андезинъ, лабрадоръ, рѣже санидинъ) и роговой обманки.

Кварцъ попадаетъ въ видѣ кристалловъ и въ основной массѣ нѣкоторыхъ породъ, встрѣчающихся въ видѣ апофизъ (дациты и даже ріолиты). Въ видѣ случайныхъ примѣсей встрѣчаются біотитъ и авгитъ. По Ордоньецу породы Сіерры могутъ быть сгруппированы слѣдующимъ образомъ:

Ріолиты	}	сѣверная оконечность Сіерры.
Дациты		

Трахиты	}	Чилука, Ахуско.
Трахи-андезиты		
Роговообманковые андезиты		

Андезиты съ гиперстеномъ и рогов. обманкой	}	Наиболѣе распространены типы.
Андезиты съ гиперстеномъ		
Андезиты съ авгитомъ и гиперстеномъ		

Отъ перевала черезъ Сіерру (станція La Cima на высотѣ 3020 метровъ надъ уровн. моря) дорога проходитъ по длинному плоскогорью — Planos (льяносъ) de Salazar. Это плато мѣстами заболочено и въ западной его части начинается оврагъ — barranca de Tres Peñas, по которой жел. путь постепенно спускается въ долину Толуки. По даннымъ Ордоньеца, въ стѣнахъ барранки обнажаются андезиты и андезитовыя брекчіи. Ниже Хахальпы изъ оконъ вагона открылась великолѣпная панорама на деревни Санъ-Франциско и Окойакакъ — поселенія, кажется, уже не ацтековъ, а народа отоми. Кстати относительно этого народа высказывалось предположеніе, что отоми-потомки китайцевъ, нѣкогда поселившихся въ Мексикѣ. Это странное мнѣніе опирается главнымъ образомъ на то, что ихъ языкъ „hia-hiu“ состоитъ почти исключительно изъ односложныхъ словъ и словари отоми и китайскій даютъ „des coïncidences nombreuses“, какъ

выражается Реклю со словъ Пиментеля (*Cuadro de las lenguas indígenas de Mexico*). Не мнѣ, конечно, судить насколько все это вѣрно, но каждого русскаго, знакомаго съ типами нашихъ инородцевъ, поражаетъ монгольскій обликъ т. наз. „краснокожихъ“ Мексики. Нѣсколько далѣе открывается видъ на большое количество вулканическихъ конусовъ, расположенныхъ на склонахъ Сьерры на большомъ пространствѣ, залитомъ застывшей лавой. Эти унылыя площади бугристой шероховатой лавы, обыкновенно плохо покрыты растительностью, мексиканцы называютъ *malpaus* (мальпаисъ), т. е. дурныя земли. Этотъ терминъ постепенно входитъ въ геологическій лексиконъ. Въ окрестностяхъ г. Мексико такіе громадные мальпаисы мы видѣли напримѣръ по дорогѣ въ Куэрнаваку, а также у вулкана Хоруйо. У края мальпаиса въ долинѣ Толуки находится озеро Лерма, дающее начало значительной рѣкѣ этого же имени (эту рѣку называютъ еще Сантьяго или Тололотланъ). Лучшимъ украшеніемъ долины Толуки является почти изолированная группа вулкановъ, самый высокій изъ числа которыхъ — знаменитый *Xinantecatl* или Невадо де Толука. Возлѣ вулкана находится городъ Толука и неподалеку жел. станція того же имени. На станціи мы застали экскурсантовъ, вернувшихся съ вулкана, и среди нихъ я встрѣтилъ земляка — проф. М. Э. Янишевскаго изъ Томска. Всѣ были очень довольны экскурсіей, хотя восхожденіе было очень труднымъ, а ночевать пришлось очень высоко, сильно страдая отъ холода. Толука (высота 4580 метр.) въ настоящее время угасъ и его кратеръ занятъ озеромъ (*Laguna Grande*).

Далѣе я и проф. Арагонъ поѣхали въ многочисленномъ обществѣ въ вагонѣ, специально предназначенномъ для экскурсантовъ. Отъ Морелии наше общество должно было наполовину уменьшиться, такъ какъ часть экскурсантовъ ѣхала на Хоруйо, и часть на вулканъ Колиму. Оказалось, что на Хоруйо ѣдутъ слѣд. ученые: извѣстный петрографъ Озаннъ, геологъ Вашингтонскаго геологическаго Survey — Бекеръ, проф. Гобсонъ

изъ Манчестера, шотландскій геологъ Cadell, петрографъ Главачъ, участникъ германской антарктической экспедиціи Филиппи и другія лица, числомъ 30 человѣкъ. Руководителемъ нашей экскурсіи будетъ донъ Езекиль Ордоньѣцъ — вице-директоръ мексиканскаго геологическаго комитета, который пріѣдетъ въ Морелію. Отъ ст. Толука направленіе жел. дороги измѣняется на сѣверо-западное. Поѣздъ постепенно спускается внизъ, проѣзжая мимо станцій Palmillas, Presa, La Cima. У ст. Del Río рѣка Лерма прорыла себѣ глубокое русло въ пліоценовыхъ и постпліоценовыхъ осадкахъ, которые покрываютъ всю долину Икстлагуака. По мнѣнію Ордоньѣца, разница въ геолог. строеніи долины Икстлагуаки и долины Толуки состоитъ въ томъ, что послѣдняя заполнена свѣжими продуктами послѣднихъ изверженій вулкана Невадо де Толуки и др. вулкановъ, а первая подвергалась въ теченіи долгаго періода дѣйствию эрозіи, вскрывшей пласты осадковъ, образовавшихся на днѣ громаднаго озера, которое покрывало всю долину и которое еще существовало, когда сосѣдніе вулканы еще не закончили своей дѣятельности. Изученіе осадковъ этой долины Ордоньѣцомъ показало тотъ любопытный фактъ, что часть ихъ состоитъ изъ рыхлыхъ продуктовъ изверженій этихъ вулкановъ, отложившихся на днѣ озера, а часть снесена въ озеро рѣчной водой, можетъ быть, въ видѣ потоковъ вулканической грязи. Мексика — страна исчезающихъ озеръ. Я позволю себѣ позднѣе остановиться на этомъ явленіи, а здѣсь пока выступаетъ тотъ фактъ, что вулканическая дѣятельность (засыпаніе озеръ пепломъ и заполненіе ихъ потоками грязи, сползавшей съ вулкановъ) была однимъ изъ факторовъ, способствовавшихъ исчезанію озеръ.

У станціи Basoco (гдѣ проходитъ берегъ древняго озера) обнажаются андезиты, а далѣе они и ріолиты. Интересенъ путь между станціями Tultenango и Solés. Полотно здѣсь спускается, проникая въ ущеліе, въ отвѣсныхъ стѣнахъ котораго выступаютъ базальты, туфы и другіе рыхлые про-

дукты изверженій. По словамъ Ордоньеца, базальтовый покровъ отсюда тянется далеко къ западу. Далѣе мы проѣхали рядъ станцій (Tepetongo, Agua Buena, Colorado, Mayor, Pateo, Ротоса) и достигли широкой долины, окаймленной андезитовыми и ріолитовыми горами, у начала которой стоитъ городъ Магаватио. Склоны этихъ горъ покрыты свѣжими базальтовыми потоками, а на днѣ долины озерныя отложенія въ перемежку съ вулканическими продуктами изверженій. Далѣе мы всюду видѣли вулканическіе пейзажи: вулканическіе конусы, потоки застывшихъ лавъ, покрывшихъ туфы, отложившіеся на днѣ озеръ. Все наглядно свидѣтельствуешь о громадной вулканической дѣятельности, имѣвшей недавно мѣсто въ этой странѣ.

Около 6 часовъ вечера мы прибыли на большую станцію Акамбаро, гдѣ полагался обѣдъ и 20-ти минутная остановка. Отъ Акамбаро одна жел. дорога идетъ къ сѣверу на Целайю и С. Луисъ-Потозі, а другая къ юго-западу на Морелію, Падкуаро и Урупанъ. Последняя вѣтвь имѣетъ важное торговое значеніе, потому что связываетъ столицу съ богатой провинціей Мичоаканъ и позволяетъ эксплуатировать громадныя лѣса, покрывающіе край и склоны центральнаго плато.

У станціи „La Cumbre“ находится водораздѣлъ и начинается спускъ въ котловину озера Куитцео (Cuítzeo). При описаніи этой мѣстности Ордоньецъ отмѣчаетъ ту связь, которая существуетъ между очертаніями и внѣшнимъ видомъ озеръ Мичоакана и изверженіями базальтовъ и рыхлыхъ продуктовъ вулканической дѣятельности. Древніе берега озеръ сложены изъ ріолитовъ и андезитовъ. Базальты въ видѣ громадной скатерти заполнили углубленія, выполненныя водою, образовали на срединѣ озеръ острова, а по краямъ озеръ сформировались цѣпи конусовъ различной величины. Конусы, купола, потоки, покровы (мальпаисы) — вотъ панорама этихъ мѣстностей. Среди мальпаисовъ торчатъ иногда болѣе возвышенныя части андезитовъ и ріолитовъ, избѣгнувшія заполнения лавой мальпаиса.

У станціи Андокутинъ открывается видъ на озеро Куитцео. Куитцео, какъ и другія мексиканскія озера, неглубоко (не выше 6—8 метровъ). Вода въ немъ соленая и среди солей его преобладаетъ поваренная соль, которую добываютъ здѣсь въ небольшомъ количествѣ.

Въ дождливое время года воды озера покрываютъ большое пространство, а въ сухое, сокращаясь, оно окружаетъ себя солончаковыми болотами съ чахлой растительностью. Озера центрального плато Мексики очень интересны для геолога и очень жаль, что они изучены мало. Само названіе плато — „Анагуакъ“ значитъ „междуводіе“ или „междуозеріе“. И въ настоящее время на плоскогоріи существуетъ достаточное количество озеръ, а въ прежнія времена площадь, покрытая ими, была громадна. Это доказываютъ столь распространенныя въ центральной Мексикѣ озерныя отложенія, имѣющія иногда громадную мощность (выше 384 метровъ въ долинѣ г. Мексико). Эта толщина указываетъ на очень продолжительное время, которое потребовалось для отложеній осадковъ мексиканскаго „озернаго періода“, если можно такъ выразиться. О древности этого процесса выполненія можно еще судить другимъ путемъ. Въ озерныхъ отложеніяхъ долины г. Мексико найдены кости доисторическаго человѣка („человѣкъ *Peñon de los Baños*“) вмѣстѣ съ кремневыми орудіями и костями лошади и слона *Elephas Colombi*. Слоновъ, какъ извѣстно, теперь въ Америкѣ нѣтъ, а лошадей испанцы въ Америкѣ не застали — лошади тогда уже успѣли вымереть. Слѣдовательно, кости человѣка здѣсь найдены въ отложеніяхъ не современныхъ, а диллювіальныхъ (послѣтретичныхъ).

Такимъ образомъ здѣсь, какъ и въ Сѣв. Америкѣ (озеро *Bonneville*), въ диллювіальную эпоху существовали еще очень обширныя озера. Этотъ „озерный періодъ“, соотвѣтствовавшій по времени пліоцену и диллювіальной эпохѣ, продолжался и въ эпоху современную и оканчивается на нашихъ глазахъ. Озера Мексики усыхаютъ чрезвычайно быстро.

Когда Кортесъ бралъ штурмомъ древній Тенохтитланъ (теперь г. Мексико), столица находилась на островѣ, со всѣхъ сторонъ окруженномъ водами озера. Самый упорный бой происходилъ на 3-хъ плотинахъ, соединявшихъ городъ съ материкомъ. Съ тѣхъ поръ (съ 1520 года) часть озера высохла, городъ стоитъ на сушѣ, а прежнее большое озеро раздѣлилось на 3 озера (Текскоко, Ксочимилько и Чалько) самое большое изъ числа которыхъ мелѣтъ очень быстро. Такъ въ 1804 году, когда въ Мексикѣ былъ Гумбольдтъ, глубина его доходила до 5 метровъ, а въ 1881 году она была не болѣе 1,8 метра).

Вода усыхающихъ озеръ по общему правилу, наблюдаемому на всемъ земномъ шарѣ, постепенно увеличиваетъ концентрацію своихъ солей. Озеро Текскоко имѣетъ 7 частей солей на 1000, воду озера Пацкуаро еще можно пить, а озеро Куитцео имѣетъ соленую воду. Мы уже видѣли, что въ процессѣ уничтоженія мексиканскихъ озеръ принимали участіе и вулканическія изверженія, хотя съ другой стороны эти же изверженія, перегораживая плотинами лавы долины рѣкъ, являлись и причиной возникновенія нѣкоторыхъ изъ нихъ.

Между станціями Huingo и Zinzimeo дорога идетъ вдоль берега Куитцео. Стало темнѣть, а поэтому мѣстности мы не видѣли. Въ Морелію мы прибыли поздно вечеромъ (кажется въ половинѣ десятаго). На станціи насъ ожидала торжественная встрѣча. „Банда“, т. е. военный оркестръ игралъ оглушительный маршъ. Мѣстная публика, среди которой было много нарядныхъ дамъ, встрѣтила насъ аплодисментами.

Мы вышли на площадь. Она была освѣщена факелами. Мы сѣли въ открытые вагоны трамвая, запряженные длиннорукими мулами и поѣхали въ приготовленные для насъ 2 гостиницы. На другой день 24-го мы по программѣ должны были послѣ губернаторскаго банкета уѣхать изъ Мореліи и въ этотъ же день быть въ Пацкуаро съ тѣмъ, чтобы 25-го уѣхать верхами въ Аріо. Тропическіе ливни испортили

программу: полотно жел. дороги было размыто и Ордоньецъ не могъ прѣхать 24-го въ Морелію.

Это сократило наше пребываніе на Хоруію, заставило насъ спѣшить, меньше видѣть и больше уставать во время дальнѣйшей экскурсіи. Зато мы пробыли 1½ дня въ очаровательной Мореліи. Ни одинъ городъ въ Мексикѣ не произвелъ на насъ такого сильнаго впечатлѣнія: все въ немъ такъ оригинально и красиво. Городъ не великъ (въ немъ 60.000? жителей) и соответствуетъ, такъ сказать, обыкновенному русскому губернскому городу, такъ какъ является центромъ провинціи, или штата Мичоаканъ. Но какая игрушка этотъ мексиканскій губернскій городъ! Онъ вымощенъ и освѣщенъ электричествомъ. Изящные дома своеобразной архитектуры съ плоскими крышами, старый красивый соборъ, возлѣ него небольшая площадь (аламеда) съ красивой тропической растительностью, довольно порядочные магазины, оригинальная публика въ широкихъ сомбреро и красныхъ плащахъ, все это даетъ картину, которая не забывается.

Я и М. Э. Янишевскій бродили по городу въ самыхъ различныхъ направленіяхъ, открывая все новые и новые оригинальные и живописные уголки. Поражала насъ, напри- мѣръ, непривычная для насъ растительность въ городскихъ садикахъ. На аламедѣ бросилось намъ въ глаза дерево, сплошь покрытое крупными розовыми цвѣтами. Разсматривая эти цвѣты, мы увидѣли, что лепестки ихъ состоятъ изъ обыкновенныхъ листьевъ, сохранившихъ и свои очертанія и нервацію, но только окрашенныхъ въ розовый цвѣтъ. Цвѣты этого дерева могли бы служить прекраснымъ демонстративнымъ матеріаломъ для иллюстраціи положенія, что лепестокъ — видоизмѣненный листъ растенія. Съ громадной плоской кровли нашей гостинницы открывался чудный видъ на городъ и его окрестности.

Я не стану описывать торжественнаго приѣма, устроеннаго для насъ городомъ въ паркѣ Хуáрецъ, куда мы поѣхали въ трамваѣ. Мы проѣзжали по равнинѣ, покрытой слабой

растительностью и мало живописной. Въ паркѣ, находящемся на скатѣ горы, выходы изверженныхъ породъ, розоватаго цвѣта, повидимому трахитовъ (точного опредѣленія ихъ у меня пока еще нѣтъ). Въ Мореліи существуетъ естественно-историческій довольно плохой музей. Коллекціи его были бы впрочемъ интересны для изученія мѣстной фауны, если бы не крайне несовершенный способъ сохраненія препаратовъ. Напримѣръ, крупныя змѣи Мичоакана прибиты къ стѣнамъ въ видѣ плохихъ чучелъ съ оттопырившейся чешуей.¹⁾

Морелія стоитъ на невысокомъ холмѣ съ покатыми склонами среди обширной равнины, протягивающейся съ юга на сѣверъ. Долина мѣстами заболочена и по ней протекаетъ рѣка Rio Grande. Очевидно рѣка еще не успѣла дренировать долину, которая еще сравнительно недавно представляла замкнутую котловину, расположенную между владинами Куитцео, лежащей на сѣверѣ, и Ундамео на югѣ. Эрозія соединила эти бассейны. Съ востока и запада долина окаймлена горами вулканическаго происхожденія (напр. съ запада горная цѣпь включаетъ высокія вершины Пико де Квинцео и Куто).

Мы выѣхали изъ Мореліи 25 числа послѣ полудня. Дорога почти все время поднималась въ гору. Породы, встрѣчавшіяся въ желѣзнодорожныхъ выемкахъ, ріолиты и базальты. Мѣстность чрезвычайно живописная: разнообразныя субтропическія лѣса. Начиная со станціи Чапультепекъ, всюду на горизонтѣ вулканы большіе и маленькіе, коническіе, подковообразные. Трудно, я думаю, найти мѣстность съ болѣе характернымъ вулканическимъ пейзажемъ.

За станціей Чапультепекъ открывается видъ на озеро Пацкуаро и на вулканы, его окружающіе. Предполагалась сначала экскурсія на это озеро, но мы такъ запоздали, что ничего не вышло изъ этой экскурсіи. Вмѣсто нея намъ

1) Интересны въ музеѣ куски лавы съ отпечатками зеренъ маиса.

было предложено, послѣ того какъ мы устроились въ гостиницѣ, пойти на террасу „Los Balcones“, находящуюся за городомъ. Съ этой возвышенности открылся прекрасный видъ на окрестности и на озеро. Руководитель экскурсіи прочелъ намъ небольшую лекцію, называя виднѣвшіеся многочисленные вулканы (Cerro Blanco, Cerro Colorado и др.). Конѣцъ лекціи мы слушали подѣ проливнымъ дождемъ.

Озеро Пацкуаро, съ которымъ мы не успѣли сколько нибудь ознакомиться, считается однимъ изъ самыхъ живописныхъ и интересныхъ. Длина его около 20 километровъ. Очертанія его очень прихотливыя: такъ на примѣръ въ озеро вдался базальтовый потокъ, на которомъ стоитъ деревня Tzintzunzan, нѣкогда богатый городъ, столица государства Тарасковъ.

Средняя глубина озера по Ордоньцу 7 метровъ. На днѣ его темно-желтый туфовый илъ. Какъ и всѣ озера Мексики, оно усыхаетъ и его уровень понижается. Земли гаціенды Charahuén, теперь обрабатываемыя, еще нѣсколько лѣтъ тому назадъ были подѣ водою и значительная часть восточной половины озера представляетъ обширное болото. Озеро лежитъ довольно высоко: уровень его выше уровня Куитцео на 200 метровъ и выше уровня моря на 2040 метровъ.

Особенную красоту придаютъ озеру вулканы его окружающіе, деревушки тарасковъ по берегамъ озера и многочисленные острова на немъ. Острова эти состоятъ изъ участковъ мальпаисовъ, т. е. лавовыхъ потоковъ и покрововъ. Интересна очень геологическая исторія озера, какъ ее рисуетъ Ордоньецъ. Долина его сначала была соединена съ долиной Ундамео. Затѣмъ, если я вѣрно понялъ слова Ордоньеца, андезитовый барьеръ разъединилъ обѣ долины. Долина Пацкуаро превратилась въ замкнутый со всѣхъ сторонъ бассейнъ, покрытый обширнымъ озеромъ съ андезитовыми берегами. Наконецъ послѣдовали изверженія базальтовъ, выполнившія часть котловины, сократившія размеры озера и образовавшія его острова.

26-го августа мы встали на разсвѣтъ и въ 6 часовъ тронулись въ путь на югъ по направленію къ городу Аріо. Красивое и оригинальное зрѣлище представлялъ нашъ караванъ. Для эскорта данъ былъ намъ отрядъ „Rurales“ мексиканской конной милиціи 7-го полка. Люди эти были одѣты въ національный костюмъ съ вышитой серебромъ цифрой 7 на сомбреро. Каждому изъ насъ полагались лошади и проводникъ изъ числа этихъ rurales. Ёхали кромѣ того съ нами нѣсколько мексиканскихъ „гаціендеро“, т. е. помѣщиковъ въ богатыхъ расшитыхъ серебромъ костюмахъ и для чего то взводъ конныхъ полицейскихъ. Мексиканскія сѣдла, красивыя на видъ и украшенныя серебромъ, оказались потомъ очень неудобными для насъ европейцевъ: они лишены подушекъ и вмѣсто стремянъ къ нимъ на широкихъ ремняхъ привѣшены глубокія кожаныя калоши. Дѣлается это для защиты ногъ всадника отъ колючихъ растений, которыми такъ изобилуетъ Мексика.

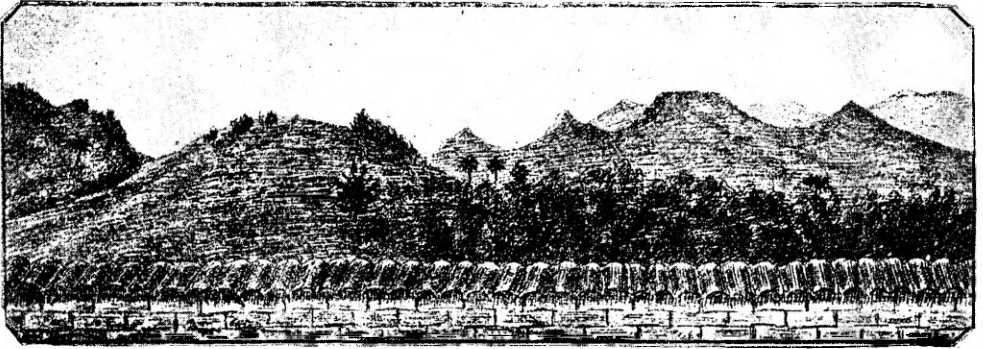
Мы сначала поднимались въ гору, пока не взобрались на высоты, окружающія Пацкуаро. Отсюда чудный видъ на городъ и озеро. Потомъ мы поѣхали по довольно широкой дорогѣ. Въ канавахъ ея виднѣлись красная и желтовато-красная глина — продукты разрушенія туфовъ, а иногда и эти туфы красноватаго и желтоватаго цвѣта. Интересно вывѣтриваніе этихъ породъ: на склонахъ ихъ выходовъ вся поверхность породы покрыта крошечными земляными пирамидками, причемъ каждая пирамидка состоитъ изъ сравнительно крупнаго кусочка туфа, лежащаго на столбикѣ изъ глины, сверху узкомъ, а къ основанію расширяющемся. Кромѣ глины и туфовъ мы ничего не видали. Дорога то шла майсовыми полями, то проходила по мѣстности, заросшей перелѣсками. Она то спускалась внизъ, то поднималась на холмы, также очевидно вулканическаго происхожденія. По сторонамъ иногда виднѣлись вулканическіе конусы (нѣкоторые хорошо сохранившіеся), покрытые растительностью, преимущественно травянистой. На одномъ

небольшомъ плоскогоріи мнѣ бросились въ глаза трещины высыханія на поверхности земли, такой величины, какой я еще никогда не видѣлъ. Затѣмъ мы спустились внизъ и ѣхали по болотистой мѣстности. Потомъ слѣдовалъ небольшой подъемъ и мы часовъ около 9 утра очутились въ крошечномъ городкѣ Санта Клара. Здѣсь полагался завтракъ и непродолжительный отдыхъ. Дорогу отъ С. Клара до Аріо я плохо помню — она показалась мнѣ мало интересной. Она, несмотря на ширину, непригодна почти для колесныхъ экипажей, а поэтому жители Аріо сообщаются съ остальнымъ міромъ верхомъ на лошадахъ, или на мулахъ. Видѣлъ я впрочемъ крестьянскія двухколесныя арбы, удивительно напоминающія кавказскія. Отъ Пацкуаро до Аріо всего около 45 верстъ, но ѣзда на непривычныхъ сѣдлахъ насъ утомила. Мы поэтому, приѣхавъ въ Аріо, съ удовольствіемъ привели себя въ порядокъ и сѣли за обѣдъ. Аріо — крошечный, но очень чистенькій и симпатичный городокъ, расположенный на плато, сложенномъ изъ авгитовыхъ и роговообманковыхъ андезитовъ и базальтовъ. Меня очень удивило, что это небольшое поселеніе въ глуши Мексики, далеко отъ жел. дороги, освѣщается электричествомъ. Торжественный приѣмъ экскурсантовъ былъ устроенъ въ домѣ общественнаго управленія, гдѣ большая часть экскурсантовъ и были устроены на ночь. Меня и Янишевскаго Ордовецъ устроилъ съ собой и Арагономъ въ маленькую гостинницѣ, балконъ которой выходилъ на площадь — аламеду. Вообще всюду насъ въ Мексикѣ встрѣчали съ торжественностью, весьма насъ смущавшей. Едва мы въѣзжали въ какой нибудь городъ, какъ начинали звонить въ колокола, стрѣлять изъ ружей, пускать шутихи, очень пугавшія нашихъ лошадей. Среди этой помпы мы въ нашихъ запыленныхъ и измятыхъ костюмахъ, съ нашей далеко не кавалерійской посадкой имѣли видъ, мало соответствующій этой торжественной обстановкѣ.

Вечеромъ на аламедѣ мѣстный военный оркестръ, со-

стоявшій изъ индѣйцевъ-подростковъ, игралъ въ нашу честь серенаду, въ которой значились довольно сложныя пьесы. Хотя исполненіе „банды“ оставляло желать многого, но мы были рады музыкѣ, такъ какъ ея ради на площади собралось много публики. Типы индѣйцевъ здѣсь разнообразнѣе, чѣмъ въ Мореліи. Картина площади съ высокими незнакомыми намъ деревьями, чернаго неба съ опрокинутыми созвѣздіями (Большая Медвѣдица въ этихъ широтахъ повернута вертикально, а *Corona borealis* почти въ зенитѣ), пестрой толпы въ странныхъ для насъ костюмахъ — все это представляло чрезвычайно оригинальное и красивое зрѣлище. Съ неохотой мы пошли спать довольно рано, такъ какъ слѣдующій день обѣщалъ быть самымъ труднымъ.

27-го августа мы выѣхали опять въ 6 часовъ утра. Аріо расположенъ еще довольно высоко (1772 метра надъ ур. моря), но отъ этого города дорога идетъ все внизъ: мы все время спускались съ южнаго склона центральнаго мексиканскаго плоскогорія. Поэтому жара становилась ощутительнѣе, а растительность, постепенно приобретаая тропическій характеръ, дѣлалась интереснѣе и богаче. Въ садахъ деревушекъ, мимо которыхъ мы проѣзжали, виднѣлись громадныя, чрезвычайно эффектные листья банановъ. По дорогѣ встрѣчалось много деревьевъ съ очень мелкими сложными листьями вродѣ мимозъ, или акацій. Какъ вездѣ въ Мексикѣ, попадалось много кактусовъ. Около 10 часовъ утра мы достигли поселенія Rancho Nuevo. Здѣсь въ помѣщичьемъ домѣ приготовленъ былъ завтракъ. Съ открытаго длиннаго балкона помѣщичьяго дома открылась великолѣпная панорама на рядъ далекихъ вулкановъ, среди которыхъ виднѣлся и знаменитый Хоруйо — цѣль нашего путешествія. Ранчо Нуэво лежитъ уже на высотѣ только 1312 метровъ надъ уровнемъ моря, въ разстояніи около 18 верстъ къ югу отъ Аріо.

Видъ на Хоруйо съ балкона Ранчо Нуэво.

Около часу дня мы тронулись въ дальнѣйшій путь.

Жара сдѣлалась очень сильной и постоянные спуски, изрѣдка смѣнявшіеся небольшими подъемами, чрезвычайно утомляли лошадей и всадниковъ. Пейзажи кругомъ дѣлались все живописнѣе и интереснѣе. Проѣзжали мы, напри- мѣръ, черезъ большой сосновый лѣсъ. Съ понятіемъ о тропической растительности какъ то не вяжутся сосны, между тѣмъ обиліе и разнообразіе хвойныхъ составляетъ особенность растительнаго міра тропической Мексики.

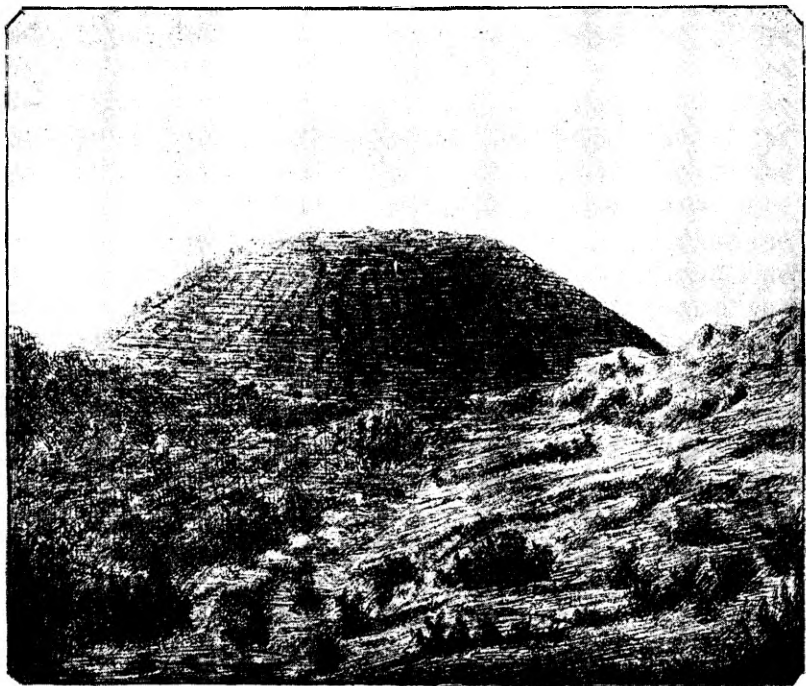
Если бы не тропическая жара и почва, состоящая изъ разрушенныхъ вулканическихъ породъ, всегда можно было бы сказать, что ѣдешь гдѣ нибудь по сосновому бору средней Россіи. За сосновымъ лѣсомъ стали попадаться пальмовые лѣса. Возвращаясь назадъ, по нѣсколько другой дорогѣ, мы приблизительно въ этихъ мѣстахъ проѣзжали большимъ пальмовымъ лѣсомъ. Не красивъ онъ, этотъ лѣсъ. Невысокія пальмы (наполовину съ желтыми листьями) стоятъ далеко другъ отъ друга, болотистая мѣстами почва покрыта между деревьями высокой травянистой растительностью. Нѣтъ тѣни и свѣжести въ такомъ пальмовомъ лѣсу. Вѣрныя пальмы, которыя мы видѣли, кажется, принадлежать къ виду *Corypha* (*Copernicia*) *rimos*. Очень усталый я доѣхалъ до деревни, или гаціенды *La Playa*. На рѣдкость живописна эта деревня. Нигдѣ я не видѣлъ такихъ громад-

ныхъ деревьевъ, какъ здѣсь у ручья. Чуть ли не каждая индѣйская хижина окружена небольшимъ палисадникомъ съ гуявами (*Psidium pyrifera*), бананами (*Musa*), деревьями вродѣ фикусовъ, и массой яркихъ цвѣтовъ, которые мнѣ показались похожими на орхидей. Индѣйцы любятъ цвѣты: ихъ посятъ не только женщины, но и мужчины. Здѣсь какой-то культъ цвѣтовъ.

Вообще встрѣчавшіеся по пути индѣйцы-тараски производили замѣчательно пріятное впечатлѣніе. Они вѣжливы, привѣтливы, гостепріимны. Помню какъ въ какой-то деревенской лавочкѣ съ меня какъ иностранца ни за что не хотѣли брать денегъ за лимонадъ. Типы тарасковъ очень различны. Одни съ широкими монголоидными лицами и выдающимися скулами. Другіе имѣютъ совершенно европейскія черты лица и отличаются даже красотой съ нашей точки зрѣнія.

Цвѣтъ кожи, конечно, не красный, а желтоватый, смуглый. Глаза каріе, не черные, волосы черные. У мужчинъ на бородѣ и усахъ растительность рѣдкая. Отъ гаціенды Ла Плауа довольно крутой спускъ въ глубокій амфитеатръ, на которомъ расположенъ Хоруйо. Скоро мы увидѣли знаменитый вулканъ. Онъ имѣетъ видъ довольно правильнаго усѣченнаго конуса съ очень правильными, рѣзко бросающимися въ глаза барранкосами (рытвинами), расходящимися отъ краевъ кратера по склонамъ вулкана. Такъ какъ барранкосы обыкновенно не покрыты растительностью, то они имѣютъ видъ темныхъ полосъ, явственно выступающихъ на зеленомъ фонѣ растительности склоновъ вулкана.

Животныхъ мы встрѣчали по дорогѣ замѣчательно мало. Я объясняю это тѣмъ, что мы ѣхали слишкомъ большимъ и шумнымъ обществомъ. Помню, что на дорогѣ я видѣлъ мертваго довольно большого армадила, и въ одномъ мѣстѣ небольшая змѣя переползла дорогу.

Барранкосы Хоруйо.

Спустившись на дно амфитеатра Хоруйо, мы нѣсколько верстъ ѣхали по рыхлому почти мѣсту, покрытому вулканическимъ пескомъ. Здѣсь именно виденъ тотъ пейзажъ, который изображенъ у Неймайра. Темная почти черная почва, рѣдкія пальмы, купы мимозъ и акацій, а впереди, т. е. на юго-востокѣ конусъ Хоруйо съ небольшими конусами Volcancito del Norte, Volc. de Enmedio и V. del Sur. Лошади наши съ трудомъ передвигали ноги, такъ какъ ихъ копыта глубоко погружались въ черный песокъ. Интересны разрѣзы этихъ песковъ: черные тонкіе слои чередуются съ сѣрыми. На склонахъ такихъ разрѣзовъ образуются также крошечныя пирамидки отъ вывѣтриванія, о которыхъ я упоминалъ раньше.

Дорога потомъ пошла въ гору, такъ какъ пришлось подниматься на южный склонъ Volcancito del Sur. Здѣсь

растетъ красивый лиственный лѣсъ. Затѣмъ мы проѣхали небольшое разстояніе по плоскогорію Mesa de la Higuera и прибыли на ночлегъ (около 6 часовъ) въ гаціенду Mata de Plátano. Сдѣлали мы отъ Rancho Nuevo верстъ 23—24, а всего отъ Аріо 42—43 версты. Эти цифры я взялъ изъ брошюры Гобсона „Mexican Volcanoes“, но онѣ мнѣ кажутся нѣсколько меньше дѣйствительности. Выходить по Гобсону, что мы проѣхали отъ Пацкуаро около 90 верстъ, а мнѣ кажется, что почти сотню.

Mata de Plátano состоитъ изъ нѣсколькихъ жалкихъ хижинъ, гдѣ живутъ индѣйцы — рабочіе внизу, и изъ господскаго дома со службами, построеннаго выше по склону горы. У дома банановая роща, отъ которой поселеніе и получило свое названіе (бананъ — plátano по испански).

Домъ этотъ, принадлежащій компаніи мѣдныхъ рудниковъ „Inguaran“, предоставленъ былъ въ наше распоряженіе. Общество было слишкомъ велико, чтобы размѣститься въ нѣсколькихъ комнатахъ дома. Большей части насъ были приготовлены постели на открытомъ воздухѣ — на большой верандѣ, полъ которой былъ ниже почвы, и которая низкимъ барьерчикомъ отдѣлялась отъ высокихъ травъ тропическаго лѣса, окружавшаго усадьбу. Начались поэтому шутки, остроты и пожеланія, чтобы въ постель кому нибудь не заползла кобра. Нѣкоторые, для приданія намъ бодрости, рассказывали содержаніе брошюры, имѣвшей кое у кого. На основаніи данныхъ этой брошюры оказывалось, что амфитеатръ Хоруйо и его ближайшія окрестности единственное мѣсто въ Мексикѣ, гдѣ живетъ змѣя — близкая родственница индѣйской очковой Наја. Помимо этой брошюры мы знали, что въ окрестностяхъ Хоруйо много ядовитыхъ змѣй и маленькихъ скорпіоновъ, укушеніе которыхъ очень непріятно. Ордоньецъ, ѣздившій до конгресса изслѣдовать вулканъ, былъ здѣсь укушенъ скорпіономъ и проболѣлъ болѣе недѣли. Мнѣ пришлось ночевать въ комнатѣ, но въ сосѣднемъ съ ней помѣщеніи для ванны мы убили пару скорпіоновъ. Здѣсь

же на стѣнѣ сидѣлъ безвредный, очень интересный экземпляръ телефона (если я не ошибаюсь). Мы однако всѣ такъ устали, что спали какъ убитые и никто изъ насъ не былъ укушенъ ни змѣей, ни скорпіономъ.

Передъ сномъ мы любовались съ веранды великолѣпнымъ закатомъ солнца и розовыми отблесками на склонахъ ярко зеленыхъ вулканическихъ горъ.

Теперь я позволю себѣ въ нѣсколькихъ словахъ изложить топографію Хоруйо. Для большей ясности дальнѣйшаго изложенія на слѣд. страницѣ помѣщается карта Хоруйо и его окрестностей.

Прежде всего въ русскихъ учебникахъ геологіи его называютъ неправильно: то Юрулло (Иностранцевъ), то Хорулло (Мушкетовъ). Пишется по испански *Jorullo* и выговаривается Хоруйо. Географическія координаты вулкана Хоруйо до сихъ поръ не опредѣлены съ надлежащей точностью; наиболѣе вѣроятны цифры $18^{\circ}58'$ С. Ш. и $2^{\circ}37'50''$ З. Д. отъ меридіана города Мексико. Вулканъ расположенъ на днѣ большого амфитеатра, представляющаго углубленіе среди небольшихъ плато, постепенно спускающихся подобно ступенямъ лѣстницы внизъ, которыми оканчивается въ этихъ мѣстностяхъ центральное плоскогоріе Мексики. У Санта Клара, гдѣ мы были на высотѣ 2450 метровъ, собственно оканчивается это плато и проходитъ здѣсь его край. Когда мы подвигались далѣе къ Лаплайѣ, мы постепенно спускались со ступеней этой гигантской лѣстницы вплоть до этой деревни. Здѣсь еще проходитъ хребетъ около 1000 метровъ высотой надъ ур. моря, а отсюда идетъ быстрый спускъ въ амфитеатръ Хоруйо на 300 метровъ. Длина амфитеатра не менѣе 14 километровъ. Онъ окруженъ съ трехъ сторонъ обрывистыми, иногда имѣющими видъ почти вертикальных стѣнъ, склонами высотой въ нѣсколько десятковъ метровъ. Съ юга амфитеатръ открытъ, а поэтому въ этомъ направленіи текутъ 2 ручья — Лаплайя (который мы переѣзжали) и Санъ Педро Хоруйо, берущій начало къ востоку отъ вул-

кана въ горахъ Cerro del Cuiche. Онъ образуетъ небольшой каскадъ у гаціенды Mata de Plátano, а потомъ, соединяясь съ ручьемъ Лаплайя, образуетъ рѣку Rio de la Huacana (притокъ Rio Balsas, которая уже впадаетъ въ Тихій океанъ). Края амфитеатра образуютъ діоритовая цѣпь Las Canoas, отрогъ цѣпи Ингуаранъ, плоскогорія Ранчо Нуево, Ичара, Las Puentes, на которыхъ находятся покрытые лѣсами вулканическіе конусы Ортигалъ, Ортигалито, Эспиналііо и др.

Вотъ какова въ общихъ чертахъ топографія вулкана. Слѣдуетъ еще при этомъ прибавить, что на днѣ амфитеатра кромѣ главнаго конуса, т. е. Хоруіо, находятся меньшіе по размѣрамъ вулканы: сѣверный маленькій вулканъ (Volcancito del Norte и затѣмъ къ югу отъ Хоруіо средній „вулканчикъ“ Volcancito de Enmedio и южный маленькій вулканъ Volcancito del Sur. Всѣ 4 вулкана ¹⁾ расположены по одной линіи, пересѣкающей амфитеатръ въ направленіи съ С. В. на Ю. З.

Это бросающееся сразу въ глаза линейное расположеніе вулкановъ подало Гумбольдту и др. изслѣдователямъ Хоруіо (кромѣ Ордоньеса) вполне естественную мысль, что всѣ эти вулканы расположены по одной трещинѣ.

Главный интересъ, который представляетъ Хоруіо для вулканизма, это то обстоятельство, что Хоруіо и 3 остальные вулканы появились на глазахъ людей въ 1759 году среди амфитеатра, на днѣ котораго раньше этихъ вулкановъ не было. Такимъ образомъ Хоруіо является единственнымъ большимъ вулканомъ въ мірѣ, который сравнительно недавно вдругъ выросъ, такъ сказать, на ровномъ мѣстѣ. Вулканъ Монте Нуово, возлѣ Неаполя, также выросшій въ нѣсколько дней на ровномъ мѣстѣ, гораздо меньше по размѣрамъ, чѣмъ Хоруіо, и образованіе его относится къ 1538 году. Какъ мы увидимъ далѣе, существуетъ извѣстное сходство во вне-

1) Гумбольдтъ почему то говоритъ о 6 вулканахъ, тогда какъ ихъ всего четыре.

запомъ появленіи Хоруйо и Монте Нуово, а въ особенности маленькіе Volcancitos напоминають этотъ италіанскій вулканъ.

Мѣстность, гдѣ появился Хоруйо, и теперь представляеть глухой довольно уголъ Мексики. Уже изъ предшествующаго разсказа видно, что намъ пришлось по сквернымъ горнымъ дорогамъ верхами проѣхать свыше 90 верстъ отъ желѣзной дороги. Почти полтора ста лѣтъ тому назадъ здѣсь было настоящее захолустье. Населеніе было очень рѣдкое и состояло оно изъ людей необразованныхъ — индѣйцевъ. Благодаря рѣдкости населенія и пустынности края катастрофа обошлась безъ человѣческихъ жертвъ, но вслѣдствіе вышеуказанныхъ причинъ не было не только геолога, который бы могъ наблюдать важное для науки явленіе, но не было даже сколько-нибудь интеллигентныхъ свидѣтелей появленія вулкана.

Гумбольдтъ, посѣтившій Хоруйо въ 1803 году, былъ первымъ геологомъ, давшимъ научное описаніе этого вулкана. Его трудолюбію мы обязаны и свѣдѣніями о появленіи Хоруйо, случившемся за 44 года до путешествія Гумбольдта.

Знаменитый ученый собралъ всѣ печатные и писанные документы, относящіеся къ катастрофѣ, и пополнилъ ихъ разсказами очевидцевъ. Въ результатъ получилась цѣлая картина внезапнаго появленія большого вулкана на ровномъ мѣстѣ, вдали отъ другихъ вулканическихъ горъ. Мало того, этому появленію Хоруйо предшествовало поднятіе мѣстности, которая, такъ сказать, вздулась въ срединѣ амфитеатра. Самое большое вздутіе образовало Хоруйо, вздутія поменьше образовали Volcancitos, а совсѣмъ маленькія вздутія дали безчисленные орнито. Такимъ образомъ въ появленіи группы Хоруйо Гумбольдтъ видѣлъ блестящій наглядный примѣръ той теоріи „кратера поднятія“, которую онъ совмѣстно съ Леопольдомъ Бухомъ ввелъ въ науку.

Посмотримъ теперь, какими источниками пользовался Гумбольдтъ. Главнымъ документомъ является донесеніе

священника близъ лежавшей индѣйской деревушки Гуакана, нѣкоего Ансогори, написанное епископу Мичоакана 28-го сентября 1759 года, т. е. менѣе чѣмъ черезъ 3 недѣли послѣ катастрофы. Затѣмъ Гумбольдтъ пользовался разсказами бискайца Дона Рамона Эспельде, который во время путешествія Гумбольдта жилъ въ окрестностяхъ Хоруйо и со-путствовалъ нѣмецкому ученому въ его экскурсіяхъ. Эспельде самъ не былъ очевидцемъ появленія Хоруйо, но передалъ Гумбольдту все то, что слышалъ отъ очевидцевъ.

Этотъ Эспельде принималъ также участіе въ экспедиціи интенданта-корреgidора дона Хуана Антоніо Ріаньо, который съ обнаженной шпагой въ рукѣ взомель на вершину вулкана 16-го марта 1789 года. Разсказъ объ этой опасной по тогдашнему времени экспедиціи напечатанъ былъ въ „Gaseta de Mexico“ въ томъ же 1789 году. Гумбольдтъ взялъ у Ріаньо приводимые этимъ послѣднимъ разсказы очевидцевъ о томъ, что Хоруйо выросъ въ видѣ громаднаго вздутія почвы.

Мы видимъ, что всѣ источники Гумбольдта, относящіеся собственно къ изверженію, являются, въ сущности говоря, мало надежными — все это разсказы малообразованныхъ свидѣтелей, записанные священникомъ и Ріаньо (послѣднимъ даже черезъ 30 лѣтъ послѣ изверженія). На основаніи всѣхъ этихъ данныхъ Гумбольдтъ даетъ слѣдующій разсказъ объ изверженіи ¹⁾.

Изверженію предшествовалъ непрерывный подземный шумъ, замѣченный впервые 29-го іюня, и землетрясеніе. Немногочисленное населеніе Playas de Jogullo было сильно напугано всѣмъ этимъ, а поэтому, когда въ Пацкуаро узнали обо всѣхъ этихъ явленіяхъ, то изъ іезуитскаго коллегіума этого города былъ командированъ патеръ Исидоръ Молина для того, чтобы преподать напуганному шумомъ и землетрясеніемъ населенію духовное утѣшеніе. Патеръ былъ,

1) Kosmos IV. Band. 1858 p. p. 334—337 и примѣчанія стр. 562—567.

повидимому, умнымъ человѣкомъ и сообразилъ, что тутъ одними духовными наставленіями и утѣшеніями не поможешь. Можно думать, что онъ растолковалъ населенію, что ему грозитъ опасность, и благодаря этому катастрофа потомъ не сопровождалась человѣческими жертвами. На томъ мѣстѣ, гдѣ стоитъ теперь вулканъ, находилась большая роща фруктовыхъ деревьевъ — гуявъ. За день до появленія вулкана рабочіе съ сахарныхъ плантацій гаціенды Санъ-Педро-Хоруйо пришли сюда для сбора плодовъ и возвращаясь потомъ домой замѣтили, что ихъ громадныя сомбреро (шляпы) покрыты пепломъ. Такимъ образомъ катастрофа началась сильнымъ дождемъ пепла ¹⁾. Затѣмъ въ той мѣстности, гдѣ теперь находятся мальпаисы (т. е. между Ла Плайя и Хоруйо) появились трещины. Въ началѣ ночи черный вулканическій пепелъ лежалъ слоемъ въ 1 футъ толщиной. Жители бросились бѣжать по высотамъ индѣйской деревушки Агуасарко, лежавшей на 2260 футовъ выше прежней равнины Хоруйо. Наблюдавшимъ явленіе съ этихъ высотъ казалось, что большое пространство равнины объято пламенемъ и что среди этого пламени появилась безформенная громада, похожая на „castillo negro“, т. е. на черную крѣпость. По рассказамъ, собраннымъ Ріаньо, выходитъ нѣсколько иначе. Уже на слѣдующій день (а не ночью, какъ можно предполагать по предъидущему разсказу) наблюдалось, что плоская поверхность равнины поднялась перпендикулярно вверхъ (*se observó, que el plan de la tierra se levantaba perpendicularmente*), вся она вздулась и изъ появившихся вздутій самое большое и образовало вулканъ Хоруйо (*de los vexigones el mayor es hoy el Cerro del Volcan*). Эти вздутія различной величины и формы (нѣкоторыя правильно конической) потомъ лопались и изъ нихъ вылетала кипящая грязь и массы разныхъ продуктовъ. Всѣ извѣстія сходятся въ томъ,

1) Очевидно, что въ этотъ моментъ жерла будущихъ вулкановъ уже были раскрыты, но это осталось незамѣченнымъ.

что въ первые дни изверженія выброшена была масса рыхлаго матеріала (бомбъ, рапилли, песку и пепла), а также грязная вода.

Изъ всѣхъ этихъ разсказовъ Гумбольдтъ вывелъ заключеніе, что не только Хоруйо, но и маленькіе „вулкансито“ и „hornitos“ — кратеры поднятія, различающіеся между собой только величиной. Однимъ изъ наиболѣе серьезныхъ доказательствъ происшедшаго до изверженія поднятія по мнѣнію Гумбольдта есть то, что пространство, занятое мальпаисами, имѣетъ видъ выпуклаго щита, на самыхъ высокихъ частяхъ котораго находятся Хоруйо и остальные вулканы. Рядовое расположеніе ихъ Гумбольдтъ объясняетъ трещиной, вдоль которой и расположились вулканы (6 числомъ по его счету).

Буркартъ, посѣтившій Хоруйо во время своего путешествія по Мексикѣ въ 1825—1834 годахъ, смотрѣлъ на происхожденіе вулкана глазами Гумбольдта. Однако къ концу первой половины прошлаго столѣтія теорія кратера поднятія стала утрачивать свой кредитъ и благодаря Ляй-эллю и Poulet Scrope'у стала брать верхъ теорія кратера накопленія. Для основателей этой послѣдней теоріи было чрезвычайно важно провѣрить, дѣйствительно ли Хоруйо даетъ тѣ факты въ пользу теоріи поднятія, о которыхъ говоритъ Гумбольдтъ.

Поэтому весьма важнымъ для всѣхъ этихъ теоретическихъ соображеній явилось опубликованіе короткой замітки Соссюра, который побывалъ на Хоруйо и увидѣлъ тамъ далеко не то, что видѣлъ, или хотѣлъ видѣть Гумбольдтъ. По даннымъ Соссюра во первыхъ: Конусъ Хоруйо и др. конусы (Volcancitos) — горы накопленія, состоящія изъ рыхлыхъ продуктовъ (бомбъ, рапилли, песку и пепла); 2) послѣдовательные уступы мальпаисовъ суть края послѣдовательно наложенныхъ другъ на друга лавовыхъ покрововъ, обозначающіе предѣлы распространенія этихъ послѣднихъ, а не края приподнятыхъ площадей (Tranche de soulèvement), какъ думалъ Гумбольдтъ. 3) Выпуклость маль-

паисовъ и то обстоятельство, что конусы лежатъ на самой возвышенной ихъ части, объясняется рельефомъ дна амфитеатра до изверженія и еще тѣмъ, что послѣдующіе лавовые покровы и потоки занимали все меньшее пространство и, накладываясь на предъидущіе, увеличивали эту выпуклость.

4) Когда прекратилось изъ кратера Хоруїо изліяніе лавы, оставшаяся въ кратерѣ лава уходила назадъ въ жерло, оставляя рядъ послѣдовательныхъ ступеней въ кратерѣ.

5) Изверженіе происходило по короткой трещинѣ съ N на S., но по этой трещинѣ не произошло никакого поднятія и давленія вулканическихъ силъ на наружныя напластованія подстилающихъ вулканъ породъ.

Ко взглядамъ Соссюра примкнулъ Скропъ, который объяснял происхожденіе орнито дѣйствіемъ фумаролъ, нагромоздившихъ обломки шлаковъ въ видѣ кучъ, похожихъ на стоги сѣна, съ которыми по внѣшней формѣ сравниваетъ онъ hornitos. Кромѣ этихъ геологовъ на Хоруїо были Шлейденъ, описывавшій орнито такими, какими ихъ наблюдалъ Соссюръ, и въ 1888 году Феликсъ и Ленкъ. Эти ученые нашли только одинъ орнито, соотвѣтствующій описанію Гумбольдта. Они полагаютъ, что одни орнито образовались изъ накопленія рыхлыхъ продуктовъ, другіе могли образоваться и въ видѣ вздутій на поверхности лавы.

Вотъ въ какомъ неопредѣленномъ положеніи находился вопросъ о происхожденіи Хоруїо до изслѣдованій Ордоньеца, предварительные результаты которыхъ изложены авторомъ въ большой брошюрѣ подъ заглавіемъ „Le Jorullo par M. Ezequiel Ordóñez“, написанной въ качествѣ гида для членовъ конгресса. Намъ предстояло теперь увидѣть, такъ сказать, иллюстраціи къ работѣ Ордоньеца и до извѣстной степени критически отнестись къ выводамъ ея, насколько это позволитъ время.

28-го августа мы встали въ 5 часовъ утра и въ 6 уже были на дорогѣ къ вулкану. Сначала мы пѣшкомъ спу-

стились внизъ и пошли по высохшему ложу небольшого ручья (Arroyo Puerco)¹⁾, постепенно поднимаясь въ гору. Идти было не трудно. Потомъ мы пошли лѣсомъ, который растетъ на слояхъ вулканическаго песка и рапилли. Затѣмъ мы поднялись на гребень, соединяющій Хоруйо съ Cerro del Bonete. Здѣсь совершенно неожиданно разразился тропическій ливень, продолжавшійся около получаса. Это было потому странно, что только что сіяло солнце и была прекрасная погода. Мы переждали ливень, стоя подъ деревьями, а потомъ пошли дальше. Солнце снова засіяло на небѣ. Мы по гребню дошли до подошвы вулкана и начали на него восхожденіе съ восточной стороны. Съ этой стороны взойти на вулканъ легче всего, такъ какъ склоны его не такъ круты (уголъ склоновъ колеблется вообще для Хоруйо отъ 28° до 35°) и относительная высота здѣсь вулкана меньше 150 метровъ. Наоборотъ съ западной стороны относительная высота вулкана достигаетъ 400 метровъ. Очень скоро мы всѣ убѣдились, что склоны вулкана, по крайней мѣрѣ на поверхности, состоятъ исключительно изъ рыхлаго обломочнаго матеріала. Мѣстами ноги наши погружались въ мелкій черный песокъ, мѣстами мы шли по скопленіямъ рапилли величиной съ орѣхъ и больше. Нигдѣ ни лавъ, ни какихъ либо другихъ породъ кромѣ обломочныхъ мы не видѣли. Такимъ образомъ каждый изъ насъ убѣдился, что Хоруйо — конусъ накопленія, а не вулканическая гора поднятія.

Склоны Хоруйо покрыты роскошнымъ тропическимъ лѣсомъ. Деревья, которыя я видѣлъ, казались мнѣ похожими главнымъ образомъ на акаціи и мимозы. Мнѣ извѣстно, что на склонахъ Хоруйо растетъ сосна (*Pinus oocarpa*), которая встрѣчается еще на высотѣ 600 метр. надъ уровнемъ моря, а для ближайшихъ окрестностей вулкана Гумбольдтъ указываетъ еще особый видъ ольхи — *Alnus Jo-*

1) На картѣ Ордоньеса рѣчки и ручьи не показаны.

rullensis). Кромѣ деревьевъ склоны покрыты кустами и высокими травами. Растительность эта при всемъ своемъ богатствѣ не мѣшаетъ иногда видѣть ту почву, на которой она растетъ, и вѣтки деревьевъ помогаютъ взбираться въ трудныхъ мѣстахъ. Если память мнѣ не измѣняетъ, наше восхожденіе продолжалось менѣе часу и мы часовъ около 8 утра достигли самой высокой точки восточнаго края кратера, которую Ордоньецъ предлагаетъ назвать пикомъ Гумбольдта. Высота этой точки 1310 метр. надъ уровнемъ моря. Для другой самой возвышенной точки западнаго края, достигающей по даннымъ инженеровъ Виллафанья и Ангуіана высоты 1320 метр., Ордоньецъ предлагаетъ названіе „Пикъ Ріаньо“. Казалось бы лишнимъ давать отдѣльнымъ точкамъ края кратера особые названія, но дѣло заключается въ томъ, что различные наблюдатели даютъ для этихъ точекъ высоты, весьма отличающіяся другъ отъ друга. Для объясненія такого разногласія Феликсъ и Ленкъ предложили даже гипотезу постепеннаго пониженія наиболѣе высокой точки кратера, т. е. пика Ріаньо. Такъ какъ при этомъ должно уменьшаться вертикальное разстояніе отъ вершины этого пика до дна кратера, а этого по мнѣнію Ордоньеца нельзя доказать, и такъ какъ нынѣ Ріаньо состоитъ изъ матеріаловъ довольно прочныхъ, то Ордоньецъ не соглашается съ мнѣніемъ этихъ ученыхъ. Наоборотъ, пикъ Гумбольдта по Ордоньецу обреченъ на уничтоженіе, такъ какъ состоитъ изъ рыхлыхъ матеріаловъ. Въ виду такого разногласія интересно фиксировать точно названіями обѣ точки съ тѣмъ, чтобы послѣдующіе наблюдатели выяснили, дѣйствительно ли происходитъ быстро уменьшеніе высоты краевъ кратера, или разница въ цифрахъ получалась отъ погрѣшностей нѣкоторыхъ опредѣленій.

Съ пика Гумбольдта, гдѣ мы отдыхали нѣкоторое время, открылся чудный видъ на амфитеатръ Хоруйо. Прежде всего видно, что Хоруйо и 3 остальныхъ вулкана расположены не на днѣ амфитеатра, какъ это мы принимали раньше,

а на небольшомъ удлиненномъ плато „Mesa de la Higuera“. Изъ данныхъ Ордоньеса далѣе получается слѣдующій важный выводъ. Плато „Higuera“ сложено изъ базальтовъ, а конусъ Хоруйо изъ рыхлыхъ матеріаловъ. Изъ такихъ же рыхлыхъ продуктовъ сложены и 3 остальные вулкана. Рыхлыя породы всѣхъ 4-хъ вулкановъ у ихъ основанія налегаютъ на базальты Mesa de la Higuera, слѣдовательно не можетъ быть и рѣчи о вздутіи въ видѣ щита, давшемъ трещину, по которой расположились всѣ 4 вулкана. Плато Higuera существовало до появленія 4-хъ вулкановъ. Когда они образовались, потоки лавы текли въ мѣста, лежавшія ниже плато, и образовали этотъ щитъ, выпуклость котораго съ одной стороны зависитъ отъ послѣдовательнаго накладыванія новыхъ потоковъ на старые, а съ другой обуславливается тѣмъ рельефомъ, который имѣло дно амфитеатра до появленія Хоруйо и трехъ остальныхъ Volcancitos. Такимъ образомъ ясно, что правъ Соссюръ, а не Гумбольдтъ.

Съ пика Гумбольдта видны были хорошо и ближайшія вершины, замыкающія амфитеатръ¹⁾, и самый кратеръ. Прежде всего видно, что кратеръ имѣетъ видъ подковы, открытой къ сѣверу. Очевидно, что прежде онъ имѣлъ очертанія эллипса, или лучше овоида, но сѣверный край кратера былъ прорванъ потоками лавы. Большій діаметръ эллипса, идущій по линіи S—N (съ нѣкоторымъ отклоненіемъ на западъ) равенъ 520 метрамъ, а меньшій (по линіи W—O) достигаетъ только 385 метр. Кратеръ очень глубокъ и стѣны его мѣстами чрезвычайно крутыя. По измѣреніямъ Ордоньеса наибольшая глубина кратера равна 149 метрамъ и дно его имѣетъ только 1171 метръ абсолютной высоты. Проломъ, сдѣланный въ сѣверной стѣнѣ кратера потоками лавы и превратившій кратеръ въ подкову, имѣетъ ширину до 150 метровъ.

1) На востокъ Церро дель Саусито и Церро дель Бонете, на югъ Пенья Бланка, на западъ Веладеро, на сѣверѣ Церрито де ла Крусъ, Пасо Хондо и Пальма Куата. Все это старые базальтовые конусы.

Полюбовавшись окрестностями и общим видомъ кратера, мы по предложенію Ордоньеца раздѣлились. Часть (и я въ томъ числѣ) пошли по гребню кратера, желая обойти его кругомъ, а часть осталась отдыхать на пикѣ Гумбольдта съ тѣмъ, чтобы болѣе короткой и удобной дорогой спуститься на дно кратера. Нашъ путь былъ дологъ и очень утомителенъ. Пришлось пробираться по узкому краю кратера, то раздвигать густыя вѣтви деревьевъ, то протискиваться между большими глыбами лавы, то, наконецъ, идти по ея чрезвычайно бугристой и неровной поверхности. Продолжая пробираться по краю кратера, мы поднялись на пикъ Ріаньо, а затѣмъ дошли до того мѣста, гдѣ стѣна кратера кончается и находятся ворота для выхода лавы. По дорогѣ мы видѣли нѣсколько фумаролъ, самая большая изъ числа которыхъ находится на днѣ кратера въ томъ мѣстѣ, гдѣ онъ прорванъ. Мы спустились здѣсь на дно кратера къ этой фумаролѣ, гдѣ насъ ждали остальные наши спутники. Несмотря на то, что со времени изверженія прошло почти полтора ста лѣтъ, фумаролы Хоруйо до сихъ поръ выдѣляютъ пары воды, которые были намъ вполне ясно видны. Температура внутри отверстій этихъ фумаролъ (ихъ всего теперь 5) обыкновенно не выше 75° С., но въ той большой фумаролѣ, вокругъ которой мы собрались, термометръ, опущенный на глубину около метра, показываетъ до 165° . Въ нѣкоторые дни, когда температура, воздуха ниже обыкновенной, а влажность его меньше, столбъ пара изъ этой фумаролы виденъ, по Ордоньецу, за 10 километровъ отъ вулкана. Такимъ образомъ Хоруйо является прекраснымъ примѣромъ медленности остыванія большихъ массъ лавы. Мѣсто, гдѣ мы стояли, замѣчательно еще въ другомъ отношеніи. Какъ уже сказано было выше, здѣсь черезъ ворота выходили послѣдовательно потоки лавы, затоплявшіе амфитеатръ. Послѣдній потокъ, съ температурой быть можетъ, меньшей, изливался медленно. Быстро застывъ съ поверхности, онъ текъ въ трубѣ изъ застывшей лавы и

образовалъ нѣчто вродѣ туннеля. Верхняя часть свода этого туннеля затѣмъ обрушилась и онъ теперь имѣетъ видъ узкаго (70—100 метр. ширины) и длиннаго (до 1500 длины) канала, нѣсколько изогнутаго и наполненнаго обломками лавы. Стѣнки этого канала, который Ордоньецъ образно называетъ „La rue des ruines“, имѣютъ высоту отъ 5 до 10 метровъ.

Съ этого мѣста, гдѣ мы стояли, виденъ былъ хорошо весь кратеръ. Мы находились теперь почти на днѣ громадной воронки, или чаши. Зрѣлище получалось удивительно мрачное и зловѣщее. Какъ я уже говорилъ раньше, склоны вулкана вплоть до краевъ кратера заросли могучей растительностью. Внутри кратера наоборотъ растительности почти нѣтъ, если не считать тощей травы, кое-гдѣ пробивающейся изъ трещинъ лавы. Стѣны кратера очень крутыя темнокоричневыя, мѣстами почти черныя, мѣстами съ рыжевато-сѣрыми полосами. Въ то время, какъ конусъ Хоруйо состоитъ изъ обломочнаго матеріала, стѣны кратера сложены изъ лавъ. Несомнѣнно, какъ это указываетъ Ордоньецъ, лава наполнила кратеръ почти до самыхъ краевъ. Затѣмъ ея уровень понижался нѣсколько разъ. При отступаніи лавы отъ краевъ кратера внизъ, лава отрывалась отъ тѣхъ мѣстъ, гдѣ въ ней были трещины, расположенныя концентрически. Поэтому образовался рядъ концентрическихъ уступовъ и кратеръ получилъ видъ цѣлаго ряда воронокъ, вложенныхъ одна въ другую. Эти концентрическіе уступы, или террасы имѣютъ каждая отъ 2-хъ до 10 метровъ высоты и будучи сами наклонными, раздѣлены одна отъ другой крутыми склонами, представляющими поверхность свободно-застывавшей лавы, принявшей при этомъ чрезвычайно бугристый видъ, который Ордоньецъ сравниваетъ по примѣру Гумбольдта съ цвѣтной капустой. Такая бугристая поверхность лавы имѣетъ коричневый почти черный цвѣтъ, дающій на стѣнѣ кратера широкую темную полосу. Наоборотъ гладкіе обрывы уступовъ, или террасъ, предста-

вляющіе поверхность разрыва по концентрической трещинѣ, имѣютъ болѣе свѣтлый рыжеватый цвѣтъ и даютъ въ стѣнѣ кратера красноватую полосу. Если бы не эти небольшія террасы, спуститься въ кратеръ было бы вслѣдствіе крутизны его склоновъ почти невозможно. Кромѣ небольшихъ концентрическихъ террасокъ, свидѣтельствующихъ о постепенномъ пониженіи уровня лавы, существуютъ еще слѣды быстрого весьма значительнаго пониженія ея уровня въ видѣ 2-хъ или 3-хъ большихъ террасъ. Произошли онѣ, какъ мнѣ представляется, и какъ на это можно найти намеки въ статьѣ Ордоньеца, вотъ почему. Кратеръ, какъ сказано выше, былъ почти до краевъ наполненъ лавой. Лава однако не перелилась черезъ края, а нѣкоторое время стояла на одномъ почти уровнѣ, такъ сказать пульсируя, какъ это наблюдается у лавы Килауэа. Непрочныя однако стѣнки кратера, состоящія изъ рыхлыхъ матеріаловъ, не выдержали страшной тяжести своего огненножидкаго содержимаго, сѣверная стѣнка кратера обрушилась и черезъ образовавшіеся ворота вырвался быстро потокъ лавы, залившій громадную площадь и обозначенный на картѣ Ордоньеца цифрой III. Выходя черезъ ворота и потомъ застывъ на поверхности, этотъ потокъ загрозоздиль, вѣроятно, сѣверное отверстіе, а поэтому, быть можетъ, лава опять поднялась очень высоко до уровня террасы, края которой видны на картѣ Ордоньеца на восточномъ краѣ кратера. Перейдя черезъ временный валъ, образованный застывавшимъ предшествовавшимъ потокомъ, этотъ новый потокъ частью покрылъ предъидущій, частью распространился къ западу и занялъ пространство, обозначенное на картѣ Ордоньеца цифрой IV. Спустя очень короткій промежутокъ времени, а по Ордоньецу одновременно съ предшествующимъ потокомъ, лава опять ушла изъ кратера, заливъ пространство вплоть до Alberca grande и Alberca chica. Наконецъ лава, уходя черезъ туннель Calle de las ruinas, оставила самую внутреннюю съ крутыми склонами террасу. Я приблизительно такъ себѣ представляю про-

цессы, происходившіе внутри кратера, комбинируя то, что я видѣлъ, съ картой Ордоньеца (жаль только, что масштабъ ея не вполне достаточный). Возможно впрочемъ, что самая внутренняя, наиболѣе рѣзко выраженная терраса произошла потому, что остатокъ лавы кратера ушелъ обратно въ жерло. Такимъ образомъ въ кратерѣ Хоруйо происходило въ миньютурѣ и нѣсколько болѣе ускореннымъ темпомъ то, что наблюдается въ кратерѣ Килауэа при пульсациі уровня лавы въ кратерѣ. Тѣ образцы лавъ, которые мы брали въ кратерѣ представляли базальты чрезвычайно пористые, а поэтому легкіе. Магма, стало быть, была богата газами. Поры этихъ лавъ округленныя, часто шарообразныя, въ противоположность порамъ лавъ изъ потоковъ Хоруйо, въ лавахъ которыхъ часто наблюдаются крупныя, сильно вытянутыя въ длину поры, свидѣтельствующія о движеніи огненножидкой массы потока.

Осмотрѣвъ кратеръ, мы пошли внизъ по поверхности послѣдняго потока (согласно Ордоньецу), или предпослѣдняго, если принимать небольшую паузу между его изверженіемъ и тѣмъ, которое доставило лаву „улицы развалинъ“. Поверхность послѣдняго потока чрезвычайно бугриста, неровная и мѣстами представляетъ настоящую „глыбовую лаву (типъ „аа“ лавъ вулкановъ Гавай). Такъ какъ уклонъ лавоваго потока кромѣ того очень крутъ, то спускъ по поверхности этого потока былъ очень труденъ и, пожалуй, представлялъ самую трудную часть экскурсіи. Мы спускались теперь съ сѣверо-западной стороны вулкана. Потокъ, по которому мы шли, очевидно, двигался во время изверженія довольно медленно и остывалъ онъ быстро — это доказывается и его большимъ уклономъ и его поверхностью, покрытой хаосомъ глыбъ, углубленій и возвышеній. На прилагаемомъ къ этой статьѣ далѣе рисункѣ потокъ этотъ изображенъ съ лѣвой стороны вулкана — онъ сразу бросается въ глаза наблюдателю, находящемуся на мальпаисѣ къ юго-западу отъ вулкана, въ видѣ темнаго, непокрытаго растительностью

придатка, или полосы, словно приклеенной къ склону Хоруйо.

Когда спускъ нашъ по поверхности потока окончился, мы стали отдыхать на небольшой полянѣ. Мѣстность здѣсь напоминала не столько лѣсъ, сколько паркъ съ рѣдко растущими кучами деревьевъ на зеленыхъ лужайкахъ. Ордоньецъ предложилъ здѣсь раздѣлиться — кто хочетъ, пусть возвращается въ гаціенду (сюда подвели лошадей), а желающіе могутъ съ нимъ вмѣстѣ идти осматривать Volcancito del Norte и орнито. Чувствуя себя усталымъ и желая посмотрѣть потомъ горнитосы внимательно, я рѣшилъ вернуться домой. Черезъ нѣсколько часовъ послѣ насъ къ вечеру въ гаціенду вернулась часть нашихъ товарищей. Они очень устали и, спрашивая ихъ, я убѣдился, что я не много потерялъ, отправившись съ той частью экскурсантовъ, которые отправились прямо въ Mata de Platano.

Теперь только мы убѣдились, насколько мы потеряли, просидѣвъ лишній день въ Морелии. То, что рассчитано было на 2 дня, пришлось осматривать въ одинъ, торопливо и съ сильной усталостью. 29-го августа на другой день мы тронулись въ обратный путь. Ордоньецъ опять предложилъ части экскурсантовъ осмотрѣть еще одинъ „волкансито“ пѣшкомъ, а другая часть должна была ѣхать по старой дорогѣ въ Ла Пайя и тамъ поджидать товарищей. Я предпочелъ поступить нѣсколько иначе. Съ однимъ мексиканцемъ мы поѣхали очень медленно сначала по старой дорогѣ, а потомъ свернули влѣво по дорогѣ на Уакану. Подвигаясь въ этомъ направленіи, мы сперва ѣхали по той части мальпаиса, которая образована вторымъ лавовымъ потокомъ, видѣли затѣмъ его край, потомъ по мальпаису второго потока и доѣхавъ до его края, стали подвигаться вдоль него, а затѣмъ выѣхали на прежнюю дорогу. Теперь я позволю себѣ сказать нѣсколько словъ о мальпаисахъ Хоруйо. Какъ это было упомянуто раньше, мальпаисами (malpaays) называютъ въ Мексикѣ значительныя пространства, покрытыя потоками, или покровами лавы. Названіе прои-

зошло потому, что на поверхности такого лавового поля или очень долго, или совсѣмъ не появляется растительность. Мальпаисы Хоруйо занимаютъ громадную площадь — до $8\frac{1}{2}$ квадр. километровъ. Поэтому, по мнѣнію Ордоньеца, изверженіе Хоруйо именно и замѣчательно этимъ большимъ количествомъ излившихся огненно-жидкихъ массъ. Площадь, занятая потоками Хоруйо, не кажется большою по сравненію съ пространствомъ, которое залито было потоками нѣкоторыхъ исландскихъ и гавайскихъ вулкановъ (Скаптаръ Юкулъ, Мауна Лоа), но все же представляется весьма значительной.

Мальпаисы Хоруйо, по взглядамъ Ордоньеца, съ которыми трудно не согласиться, состоятъ изъ 4-хъ лавовыхъ потоковъ, излившихся послѣдовательно, причемъ каждый послѣдующій потокъ распространялся на меньшее пространство, чѣмъ предъидущій, и покрывалъ часть этого предъидущаго потока. Отъ наложенія послѣдовательныхъ потоковъ другъ на друга и получился этотъ выпуклый щитъ, еще усиленный въ смыслѣ выпуклости рельефомъ мѣстности до изверженія. Потокъ четвертый (послѣдній), какъ мы уже видѣли, занялъ мало мѣста. Потокъ третій залилъ бѣльшее пространство, накрывъ среднюю часть второго покрова, который выходитъ изъ подъ него съ юга и съ сѣвера. Оба послѣднихъ потока, по мнѣнію Ордоньеца, вышли изъ кратера Хоруйо, а первые два залили равнину еще тогда, когда конуса Хоруйо и 3-хъ остальныхъ конусовъ (Волкансито) еще не существовало. Мнѣніе свое Ордоньець основываетъ на томъ обстоятельстве, что конусы всѣхъ 3-хъ „Волкансито“ построены на старомъ мальпаисѣ, образованномъ вторымъ потокомъ. Такъ какъ конусъ Хоруйо по Ордоньецу возникъ приблизительно въ одно время съ 3-мя остальными конусами, то и онъ, по мнѣнію Ордоньеца, образовался позже выхода потоковъ перваго и второго, вылившихся изъ четырехъ жерлъ, еще не окруженныхъ конусами. Мнѣ кажется, что эта мысль Ордоньеца, имѣющая за собой значительную долю вѣроятности, тѣмъ не менѣе можетъ

оспариваться. Какъ ни сбивчивы рассказы объ изверженіи Хоруйо, они сходятся на томъ, что катастрофа началась обильнымъ дождемъ пепла. Разъ въ самомъ началѣ изверженія было выброшено значительное количество рыхлаго матеріала, то могли существовать и конусы. Затѣмъ они могли быть прорваны съ западной и юго-западной стороны мощными массами лавы, давшими первые 2 потока. Вслѣдъ за этимъ, если опять наступила стадія выбрасыванія рыхлаго матеріала, покрывая словно чехлами раньше образовавшіеся конусы, то могло случиться, что эти послѣ изліянія лавы образовавшіяся периферическія части конуса накрыли въ нѣкоторыхъ мѣстахъ лаву потока.

Подвигаясь по поверхности мальпаисовъ, мы видѣли слѣдующее. Мы ѣхали по довольно ровной мѣстности, заросшей купами деревьевъ и всюду видѣли черный песокъ. Иногда въ маленькихъ разрѣзахъ видно было, что черные пластики его переслаиваются съ тонкими прослойками болѣе свѣтлыхъ туфовъ, образовавшихся изъ вулканическаго пепла. На склонахъ такихъ разрѣзовъ видны были крошечныя земляныя пирамидки, столь характерныя для вывѣтриванія мексиканскихъ вулканическихъ туфовъ. Эти слои рыхлаго матеріала, имѣющіе по Ордоньцу до 5 метровъ общей мощности, извергнутые послѣ выхода первыхъ 2-хъ потоковъ, а также въ самомъ концѣ изверженія, засыпали бугристую поверхность мальпаисовъ и нивелировали большую часть углубленій и возвышеній. Въ нѣкоторыхъ однако мѣстахъ лава не прикрыта пескомъ. Такъ въ одномъ мѣстѣ я видѣлъ оригинальную довольно длинную стѣну изъ черной лавы въ 1—2 сажени высоты и нѣсколько саженой толщины. Кромѣ того на пространствѣ мальпаисовъ наблюдаются не-большіе холмики отъ одного до 7 метровъ высоты, изъ которыхъ 5 представлено на прилагаемомъ рисункѣ. Эти не-большіе холмики и есть, по всей вѣроятности, знаменитые

„горнитосы“¹⁾. О нихъ создана цѣлая литература. Мы уже видѣли, что, по словамъ Ріаньо, поверхность мальпаисовъ покрылась множествомъ вздутій, изъ которыхъ многія имѣли правильную форму; вздутія эти потомъ лопались и изъ образовавшихся отверстій изливалась грязь и выталкивался рыхлый, болѣе крупный матеріалъ, шлаки, камни (*piedras cocidas? y fundidas*). Теперь посмотримъ, что наблюдалъ своими глазами Гумбольдтъ. Въ одно раннее утро съ Cerro del Mirador поверхность мальпаисовъ, еще лишенная тогда растительности, была покрыта множествомъ бѣлыхъ столбовъ пара, поднимавшихся съ орнито. По словамъ Гумбольдта на мальпаисахъ ихъ было „много тысячъ“. Онъ говоритъ, что эти „viele Tausende der kleinen Auswurfs-Kegel“ имѣли либо кругловатыя очертанія, либо немного удлин-

1) Терминъ этотъ вошелъ въ литературу въ неправильномъ видѣ. По испански въ единственномъ числѣ говорится „Hornito“ (орнито) такъ какъ *h* не выговаривается, а во множественномъ числѣ прибавляется буква *e* — *hornitos* (орнитосъ).

Видъ Хоруйо съ стороны мальпаисовъ съ „орнито“ (*hornitos*) на первомъ планѣ.

ненную форму, которую Гумбольдтъ сравниваетъ съ очертаніями хлѣбной печи (backofen-artiger Form). Высота ихъ по его словамъ 4—9 футовъ. Каждый „горнито“ или „орнито“ представляетъ по Гумбольдту нѣсколько приплюснутый маленькій базальтовый куполь, состоящій изъ концентрическихъ скорлупъ черной лавы. Въ нѣкоторыхъ орнито Гумбольдтъ могъ насчитать отъ 24 до 28 такихъ концентрическихъ скорлупъ. По его описанію отъ дѣйствія горячихъ паровъ базальтовые слои орнито легко разрушались, образуя землистую массу, находившуюся между уцѣлѣвшими отъ разложенія слоями базальта. Во всякомъ случаѣ ядро каждого орнито состояло изъ твердой и компактной породы. Буркартъ, высказывая предположеніе, что подъ дѣйствіемъ дождей глинистыя составныя части орнито исчезли, описываетъ ихъ нѣсколько иначе. Шлейденъ и другіе изслѣдователи говорятъ, что концентрическіе слои орнито состоятъ не изъ лавы, а изъ рыхлыхъ продуктовъ изверженія. Однако Феликсъ и Ленкъ (1888) опять указываютъ согласно съ Гумбольдтомъ, что въ нѣкоторыхъ случаяхъ орнито могутъ состоять изъ отдѣльныхъ базальтовыхъ скорлупъ, получившихся отъ вздутія лавы.

Ордоньецъ очень подробно изслѣдовалъ орнито. „Nous avons passé bien des heures à errer entre ces protuberances en forme de coupole et de cônes, qui caractérisent le malpays du Jorullo, étudiant la structure de ces étranges objets“, говоритъ онъ. При всемъ этомъ орнито такихъ, какими ихъ описываетъ Гумбольдтъ, Ордоньецъ не нашелъ ни одного. Каждый „орнито“ представляетъ холмикъ то съ кругловатымъ, то съ эллиптическимъ основаніемъ, состоящій изъ тонкихъ (меньше сантиметра и до пяти толщины) концентрическихъ слоевъ вулканическаго песка или пепла, плохо связанныхъ, или почти не связанныхъ цементомъ, что дѣлаетъ эти скорлупы легко разсыпавшимися. Большинство орнито имѣютъ дыру наверху то кругловатыхъ, то эллиптическихъ, то совсѣмъ неправильныхъ очертаній, причемъ величина такого углу-

бленія можетъ быть на примѣръ до 30 сант. въ діаметрѣ. Въ такихъ углубленіяхъ любятъ селиться скорпіоны и змѣи, изъ которыхъ нѣкоторыя ядовиты.

Замѣчательно то обстоятельство, что, по Ордоньцу, углубленіе или ямка никогда не находится на самой высокой части орнито, а всегда помѣщено нѣсколько сбоку. Какъ это изображено на нашемъ рисункѣ, обыкновенно на орнито растетъ какое-нибудь дерево, корнями своими выворачивающее куски этихъ скорлуповатыхъ слоевъ туфа, причемъ получается возможность увидать внутреннюю структуру орнито. Всѣ тѣ орнито, которыя я видѣлъ, вполне подходятъ подъ описаніе Ордоньца. Такъ въ одномъ имѣвшемъ около 2-хъ метровъ высоты орнито я хорошо видѣлъ, что онъ сложенъ изъ концентрическихъ скорлупъ въ нѣсколько сантиметровъ толщины желтоватаго туфа, а не лавы. По Ордоньцу внутреннее ядро орнито дѣйствительно состоитъ изъ лавы, имѣющей видъ неправильныхъ глыбъ, но эта лава покрыта съ поверхности скорлупами рыхлаго матеріала. Поэтому, по мнѣнію Ордоньца, орнито представляютъ просто неровныя, болѣе выдающіяся части поверхности мальпаиса, покрытыя рыхлымъ матеріаломъ, который заполнилъ болѣе углубленныя части поверхности лавового потока, а затѣмъ покрылъ и болѣе выдающіеся выступы его, придавъ этимъ выступамъ кругловатую форму. Такимъ образомъ Ордоньецъ приходитъ совсѣмъ къ другимъ выводамъ относительно происхожденія „hornitos“, чѣмъ предшествовавшіе изслѣдователи, и говоритъ, что Гумбольдтъ не понималъ ихъ строенія, хотя въ то время, когда знаменитый нѣмецкій ученый посѣтилъ Хоруйо, эти орнито были въ лучшей степени сохраненія и изучить ихъ было легче, чѣмъ теперь. Можно было бы согласно съ Феликсомъ и Ленкомъ думать, что орнито типа, описаннаго Гумбольдтомъ, т. е. состоящія изъ концентрическихъ слоевъ лавы, просто исчезли безъ слѣда, но тогда странно, почему исчезли образованія, состоявшія изъ болѣе прочнаго матеріала (лавы), и сохранились въ боль-

шомъ количествѣ холмики изъ рыхлаго песка и туфа? Поэтому между строкъ работы Ордоньеца читается, что Гумбольдтъ сдѣлалъ грубую ошибку, принявъ концентрическіе слои песку и туфа за слои лавы. Сдѣлать однако такую ошибку Гумбольдтъ не могъ, а поэтому вопросъ остается загадочнымъ по прежнему. Несомнѣнно для меня одно, что „hornitos“, которые мы видѣли, дѣйствительно произошли путемъ накопленія рыхлаго матеріала на бугристой поверхности лавоваго поля. Посмотримъ, какъ могъ скопиться этотъ рыхлый матеріалъ? Матеріалъ этотъ падалъ на поверхность мальпаиса почти вертикально, или во всякомъ случаѣ не подъ очень малымъ угломъ къ этой поверхности, такъ какъ въ этомъ случаѣ орнито приняли бы очертанія грядокъ съ покатой навѣтренной и болѣе крутой подвѣтренной стороной, т. е. приближались бы по своимъ очертаніямъ къ дюнамъ и барханамъ. Можно думать поэтому, что выпаденіе песку и пепла не сопровождалось сильнымъ вѣтромъ. Матеріалъ кромѣ того падалъ мокрымъ, а не сухимъ, такъ какъ въ противномъ случаѣ получилось бы заполненіе углубленій, а выпуклости и къ верху торчащія глыбы, съ которыхъ рыхлый матеріалъ скатывался бы внизъ, остались бы неприкрытыми.

Труднѣе всего объяснить происхожденіе тѣхъ углубленій, которыя находятъ на hornitos. Мы уже видѣли, что Гумбольдтъ видѣлъ тысячи колоннъ паровъ, поднимавшихся съ горнитосовъ. Такъ какъ слои песку и пепла, покрывшіе мальпаисы, были толще въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ поверхность лавоваго поля представляла углубленія, и тоньше въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ были выступы и большія глыбы лавы, т. е. тамъ, гдѣ образовались орнито, то понятно, почему пары и газы поднимались именно съ орнито. Скорлупы рыхлыхъ продуктовъ, покрывавшія орнито, и были тѣми мѣстами, гдѣ наиболѣе сказывалось разлагающее дѣйствіе паровъ и газовъ, причемъ болѣе глубокія скорлупы, находившіяся въ непосредственномъ сосѣдствѣ съ поверхностью ра-

скаленной лавы, болѣе разѣдались этими парами, чѣмъ наружныя скорлупы орнито. При этихъ условіяхъ, когда болѣе прочными являлись периферическія скорлупы, а болѣе внутреннія, разлагаясь, превращались въ порошокъ, легко могли происходить небольшіе провалы, которые и дали углубленія на поверхности орнито.

Въ заключеніе нашего очерка слѣдуетъ еще остановиться на одномъ вопросѣ. Всѣ изслѣдователи, кромѣ Ордоньца, думаютъ, присоединяясь къ Гумбольдту, что Хоруйо и 3 Volcancito произошли вдоль одной короткой трещины, происшедшей къ направленію съ СВ. на ЮЗ. Ордоньецъ по этому поводу говоритъ: „*Sans reponsser, à priori, cette hypothèse si généralement admise, on pourrait pourtant presque affirmer que les cheminées du Jorullo sont indépendantes, à la surface du sol, bien qu'elles soient situées sur une même ligne, de 3.400 m. de long*“.

Однако въ работѣ Ордоньца нѣтъ сколько-нибудь убѣдительныхъ доказательствъ въ пользу такого мнѣнія. Если бы защитники его указывали на отсутствіе сдвига, или сброса по этой линіи, то имъ можно возразить, что въ мѣстности, сложенной изъ древнихъ и новыхъ лавъ, такія нарушенія залеганія установить довольно трудно. Наконецъ, трещина могла и не сопровождаться перемѣщеніемъ однихъ пластовъ относительно другихъ (напр. трещина разрыва), а затѣмъ могла быть замаскирована конусами и лавами мальпаисовъ. Какъ ни какъ, а приходится считаться со слѣдующими фактами: 1) Всѣ 4 конуса расположены по одной короткой линіи; 2) всѣ они произошли почти одновременно въ промежутокъ какихъ-нибудь однѣхъ сутокъ; 3) матеріалъ, изъ котораго построены всѣ 4 конуса, очень схожъ — разница лишь въ томъ, что бомбы Volcancito (особенно V. del sur) отличаются большей величиной, чѣмъ главнаго конуса. Всѣ 4 конуса построены изъ рапилли, обломковъ и цѣлыхъ бомбъ и болѣе мелкаго обломочнаго матеріала. Къ статьѣ Ордоньца приложены 2 химическихъ анализа

лавы Хоруйо и одинъ бомбы Volcancito del sur. Сравнивая лаву Хоруйо съ лавой этого Volcancito, мы видимъ очень большое сходство. Количества SiO_2 , Al_2O_3 , MgO , CaO , щелочей и TiO_2 либо совершенно одинаковы, либо почти одинаковы, разница заключается лишь въ неодинаковомъ содержаніи закиси и окиси желѣза; однако если обратить вниманіе на общее содержаніе желѣза лавы Хоруйо и лавы южнаго Волкансито, то мы получимъ весьма близкія цифры (7,5 и 7,9 %).

Такимъ образомъ, если даже въ данномъ случаѣ изверженіе произошло не по трещинѣ, то я уже не знаю, въ какихъ случаяхъ слѣдуетъ предполагать изверженіе по трещинѣ? Слѣдуетъ еще къ этому прибавить, что направленіе трещины совпадаетъ съ краемъ плато Mesa de la Higuera.

На основаніи всего вышеизложеннаго можно себѣ въ общихъ чертахъ слѣдующимъ образомъ представить возникновеніе вулканической группы Хоруйо.

Главный и 3 остальныхъ конуса появились въ мѣстности, издавна бывшей ареной дѣйствія вулканическихъ силъ

Дно амфитеатра давно уже было залито авгитовыми андезитами и древними базальтами, которые отличаются отъ базальтовъ, излившихся при появленіи Хоруйо, большей плотностью, свѣтло-сѣрымъ цвѣтомъ и изобиліемъ оливина; кромѣ лавъ мы неподалеку отъ Хоруйо находимъ старые конусы El Bonete и El Saucito, покрытые свѣтлымъ пепломъ; всего на 2 километра южнѣе находится вулканъ Cerro Blanco, высокій конусъ котораго сложенъ изъ рапилли и этотъ конусъ насыпанъ на томъ же самомъ плато Higuera, на которомъ стоитъ Хоруйо и 3 Volcancito.

Катастрофѣ предшествовалъ непрерывный подземный гулъ, впервые замѣченный 23 іюня, т. е. за 3 мѣсяца до изверженія, а также землетрясенія. Эти явленія указываютъ на то важное обстоятельство, что до изверженія въ этой мѣстности происходилъ какой-то довольно медленный тектоническій процессъ (вѣроятно образованіе трещины раз-

рыва). Къ вечеру 28 сентября 1759 года трещина (или нѣсколько небольшихъ трещинъ, составившихъ потомъ одну большую) была раскрыта и стала выбрасывать большое количество рыхлаго матеріала.

Можно предполагать, что уже тогда въ началѣ ночи стали расти конусы 3-хъ вулкансито. Конуса главнаго вулкана быть можетъ тогда еще не существовало. Затѣмъ ночью съ 28 на 29 сентября изъ всѣхъ 4-хъ отверстій вышло 2 громадныхъ лавовыхъ потока послѣдовательно одинъ за другимъ и эти потоки, слившись вмѣстѣ, образовали на днѣ амфитеатра мальпаисы. Какъ я предполагаю, потоки эти прорвались черезъ западныя стѣнки кратеровъ Volcancito, почему кратеры ихъ приняли форму подковъ. Ордоньецъ предполагаетъ иначе. Думая, что изверженіе первыхъ 2-хъ потоковъ произошло до формировація конусовъ 3-хъ вулкансито, онъ предполагаетъ, что эти конусы насыпались потомъ на еще двигавшуюся лаву первыхъ 2-хъ потоковъ, а поэтому, построенные на неустановившемся фундаментѣ, они легко могли разсѣсться пополамъ, причемъ западныя половины легко могли при этихъ условіяхъ разрушиться. Объясненіе Ордоньца кажется мнѣ мало правдоподобнымъ.

Ночью жителямъ окрестныхъ деревень могла представляться слѣдующая картина. Дно амфитеатра залито огненными озерами лавы. Уровень ея повышается вслѣдствіе прилива извнутри новыхъ количествъ этой лавы. Поэтому наблюдателямъ, смотрѣвшимъ съ окрестныхъ высотъ, могло казаться, что дно амфитеатра приподнимается перпендикулярно вверхъ. Кромѣ того возможно, что этой же ночью, сейчасъ-же послѣ выхода 2-хъ первыхъ потоковъ, послѣдовало громадное изверженіе рыхлаго матеріала, бомбъ, рапилли, песка и пепла. Это второе изверженіе нагромодило главный конусъ Хоруйо и покрыло рыхлымъ матеріаломъ поверхность мальпаисовъ. Если конусъ Хоруйо росъ быстро, то весьма возможно, что наблюдателямъ по-

чью казалось, что изъ моря огня выдвигалась черная громадная масса.

Образовавшийся кратеръ Хоруио вслѣдъ за этимъ (еще этой ночью, или на другой день 29 сентября) былъ наполненъ до краевъ лавой, которая прорвала стѣнки кратера съ сѣверной стороны и излилась въ видѣ третьяго лавоваго потока. Это же явленіе повторилось еще разъ и четвертый (последній) потокъ также вышелъ черезъ сѣверныя ворота кратера Хоруио. Изверженіе закончилось, вѣроятно, выбрасываніемъ паровъ воды и др. газовъ и вулканическаго песка. По всей вѣроятности въ это же время были насыпаны орнито на бугристой поверхности мальпаисовъ. Картина, только что представленная въ общихъ чертахъ, имѣетъ за собой большую долю вѣроятности, но, конечно, можно спорить о деталяхъ ея, напримѣръ о порядкѣ возникновенія отдѣльныхъ конусовъ и о томъ способѣ, благодаря которому вулкансито были разрушены съ западной стороны. Твердо установленными являются слѣдующія положенія: 1) Группа Хоруио возникла въ мѣстности, не новой для дѣйствія вулканическихъ силъ. 2) Конусы этой группы образованы изъ рыхлаго матеріала и представляютъ горы накопленія (аккумулятивныя), а не обусловлены поднятіемъ. 3) Весьма вѣроятно, что изверженіе произошло по короткой трещинѣ и, быть можетъ, явленія до катастрофы (шумъ, землетрясенія) связаны были съ процессомъ формированія этой трещины. 4) орнито или „горнитосы“ — холмики накопленія, а не вздутія на поверхности лавы.

Изъ всего вышеизложеннаго, я думаю, ясно, что Гумбольдтомъ дано довольно невѣрное описаніе Хоруио и что ближе всего къ истинѣ былъ Соссюръ, большинство положеній котораго подтверждено Ордоньецомъ. Я полагаю даже, что въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ выводы Соссюра расходятся съ выводами Ордоньеца, правъ скорѣе первый, чѣмъ мексиканскій геологъ (напр. въ вопросѣ о трещинѣ).

Такимъ образомъ экскурсія на Хоруио дала мнѣ и

моимъ коллегамъ очень много любопытнаго и я былъ очень доволенъ, что выбралъ именно ее, а не одновременную съ ней экскурсію на Колиму. Жаль только, что въ амфитеатрѣ Хоруйо мы пробыли слишкомъ короткое время и вслѣдствіе сильной усталости многіе изъ насъ (и я въ томъ числѣ) не успѣли осмотрѣть Volcancito del sur. Во всякомъ случаѣ экскурсія была очень удачной, благодаря знаніямъ, опытности и толковой распорядительности нашего руководителя Ордоньеса.

Этого нельзя сказать о другихъ экскурсіяхъ конгресса, въ которыхъ я принималъ участіе. Объ этихъ экскурсіяхъ (въ Куэрнаваку, къ пирамидамъ Санъ Хуанъ Теотигуаканъ и большая экскурсія на Халапу, Вера-Крусъ и барранку Санта-Марія Татетла), равно какъ и о засѣданіяхъ конгресса, я намѣренъ дать отдѣльную замѣтку. Здѣсь же, въ заключеніе этой статьи прибавлю, что мы, нигдѣ не останавливаясь (кромѣ ночлеговъ въ Аріо и Пацкуаро) и ничего не осматривая, вернулись въ Мексико-сити по старой дорогѣ.

Рисунки этой статьи взяты изъ моей записной книжки, а карта изъ работы Ордоньеса, причемъ она немного уменьшена (масштабъ карты Ордоньеса — 1 километръ въ дюймѣ). Горизонталы проведены на ней черезъ каждыя 10 метровъ.

wieder behauptet, so zeigt diese seine positive Darlegung, dass er mehrfach sich Sechtschapows Darlegung anzuschliessen sich genötigt sieht (die er doch zuvor abgelehnt hatte, vergl. oben S. 619). Bei der Betonung der Selbständigkeit der Chlüstowschtschina auch gegenüber seinen Vorgängern in dieser Ansicht scheint es Wüsozki nämlich darauf anzukommen, ihre Ableitung derselben aus irgendeiner früheren konsolidierten russischen Sekte oder von einem bestimmten russischen Sektierer vor Danila zu bekämpfen. Seine Ansicht ist demnach, dass die Sekte sich aus dem allgemeinen Milieu der russischen Religiosität, wie sie nicht nur durch das byzantinische Christentum, speziell Mönchtum, sondern auch durch Nachwirkung des früheren einheimischen Heidentums bestimmt ist, ganz selbständig entwickelt habe. — Jene Ableitung seiner Vorgänger hat imgrunde nur er zu bekämpfen gesucht. Ich finde sonst nur die gelegentliche Bemerkung Je. Barsows gegen die Ableitung von Kapiton (Die neuesten Erforscher etc. S. 143), dass dieser mit der Chlüstowschtschina nur den Gegensatz gegen die Kirche gemein habe. Wüsozki nun hat freilich N. Barsow und Roščdestwenski nicht im Einzelnen zu widerlegen gesucht, sondern ihnen nur den allgemeinen Vorwurf gemacht (S. 712 f.), dass sie sich damit begnügt hätten, die gegenüber allen äusseren Einflüssen selbständige Entstehung der Chlüstowschtschina nachzuweisen. Sie hätten aber auch die Selbständigkeit der Elemente, aus denen sich die Chlüstowschtschina gebildet, nachweisen müssen, dass diese nicht von Aussen entlehnt und nur umgearbeitet worden, sondern ganz und gar Produkt des nationalen Geistes seien. Jene ihre Ableitung hat Wüsozki nur stillschweigend abgelehnt. Nur die Ableitung Miljukows hat er zu widerlegen gesucht (S. 711—712¹⁾). Die Sekte der Gottesleute sei älter als die Bešpopowschtschina. Sie müsse spätestens vor dem Ablauf der ersten Hälfte des XVII. Jahrh. entstanden sein, während die Bešpopowschtschina erst im letzten Viertel dieses Jahrh. Andre Denisow gab seine Gebote erst um 1700. Wie sollen also die Danilas von ihm entlehnt sein? Weder Lehre, noch Kultus der Chlüsten sind irgendwie dem der Bešpopowzen ähnlich.

Gegen die Erklärung der Chlüstowschtschina für eine

1) Ferner die Ableitung der Chlüstowschtschina von der Sekte der „Strigólniki“ des XIV. Jahrh. durch Prof. N. Tichonráwow (S. 705—710), die dieser aber nicht literarisch vertreten hat, sondern nur im Kolleg.

selbständige Erscheinung des russischen Lebens überhaupt hat sich direkt nur Je. Barsow gewandt (Die neuesten Erforscher etc. S. 147): Die Kompliziertheit der Doktrinen, die N. Barsow von der Chlüstowschtschina aussagt, konnte wohl aus dem Kampf der Zivilisation der alten Welt mit dem Christentum entstehen, man kann sie aber nicht für ein selbständiges Produkt des russischen Lebens halten, das im höchsten Grade arm war an Mythen und sonstiger derartiger Ueberlieferung. Der russische Mensch hat durchaus nicht einen solchen geistigen Kampf, solche innere historische Prozesse durchlebt, in deren Kraft derartige Sekten hätten entstehen können, wie das im Osten wie im Westen der Fall war. — Das führt uns bereits auf:

4. Die Ableitung vom Bogomilentum.

Während Nadeschdin¹⁾ und nach ihm Je. Barsow²⁾ nur dahingehende Vermutungen ausgesprochen haben, leiteten zuerst Melnikow, dann Kelsijew, Maksimow und Dmitrijewski mit Bestimmtheit die Sekte der Gottesleute von der der Bogomilen (= Gottesfreunde) ab. Melnikow sagt in seinen „Briefen über den Raskol“ (1862, S. 83 f.): „Die Chlüstowschtschina und ihr ähnliche Sekten sind nach Russland aus Byzanz oder, richtiger gesagt, aus Bulgarien gebracht worden, sehr lange zurück, gleichzeitig mit der Annahme des Christentums durch den h. Wladimir. — Sechzehn Jahre nach der Taufe der Kijewer in Kijew wurde bereits der verschnittene Bogomile Adriän überführt. Das Chlüstentum hat viel Gemeinsames mit dem Bogomilentum“. — Diese Annahme Melnikows hat dann W. Kelsijew in seinem Vorwort zu der von ihm wieder abgedruckten „Erforschung der skopzischen Häresie“ Nadeschdins (1862) für „vollständig richtig“ erklärt (Sammlung etc. III. Lief. S. XX.). „Quellen zur Erlernung des Bogomilentums finden sich nicht nur in der bulgarischen,

1) Erforschung der skopzischen Häresie (1845, bei Kelsijew, Sammlung etc. III. S. 114, Anm. 46): „Vielleicht verbindet ein geheimes, bisher unbemerkbares Band mit den Bogomilen auch die jetzigen „Gottesleute“, „Brüder Christi“, „Geistlichen Christen“ und andere ähnliche Sektierer, deren Entstehung man nicht ausschliesslich aus der Erregung abergläubischer Unbildung, die bei uns durch die Korrektur der kirchlichen Bücher hervorgerufen wurde, erklären kann“.

2) A. a. O.: „Aus der Chlüstowschtschina sind am ehesten die Nachklänge der östlichen häretischen Ueberlieferungen herauszuhören“.

sondern auch in unserer alten Literatur — die „doppelgläubigen Bücher“ und „bulgarischen Fabeln“ müssen viel Gnostisches enthalten; wir weisen z. B. auf die „Erzählung von der Erbauung der grossen Kirche Gottes der h. Sophie in Konstantinopel“ aus dem XVI. Jahrhundert hin, in welcher ein Engel als Verschnittener erscheint. Ausserdem ist bemerkenswert, dass gleich nach der Einführung des Christentums bei uns (im XI. Jahrh.) verschnittene Bischöfe aufzutreten und Tempel zu Ehren der Sophia, der Allweisheit Gottes gebaut zu werden begannen, des abstrakten Begriffes der Weisheit des Urgrundes, der bei den Gnostikern aufgekomen ist“. — Ferner findet sich ein diesbezüglicher Hinweis nach Melnikow (Die geh. Sekten S. 22 Anm.) in den „Statistischen Tabellen des Russischen Reichs, herausgegeben auf Anordnung des Ministers der innern Angelegenheiten durch das zentrale statistische Komitee“ (St. P. 1863, S. 22 Anm.): „Die älteste Sekte in Russland ist nach ihrer Entstehung zweifellos die Chlütowschtschina . . . nach Russland aus Byzanz gebracht oder genauer aus Bulgarien (Bogomilen). Sie erschien in Russland zusammen mit der christlichen Lehre, obgleich sie mit ihr nichts Gemeinsames hat, hat (hier seitdem) immer existiert, aber existierte heimlich, nicht wagend im Volke offen aufzutreten, welches ihre Anhänger für dunkle Leute hielt und ihnen gegenüber eine tiefe Abneigung hegte“ . . . (im Weiteren Berufung auf die Christusse Awerjan unter Dimitri Donskoi, Iwan Jemeljanow unter Iwan dem Schrecklichen etc. für das Alter der Sekte). — Maksimow sagt gelegentlich (Hinter dem Kaukasus, Vaterl. Aufzeichn. 1867, B. 172, S. 507 f.): „Es gibt viele Daten, die dafür sprechen, dass in den Bogomilen die Entstehung auch unserer Chlüsten zu suchen sei, und zwar in der Zeit, als die Grebenschon oder Šaporošcher ¹⁾ Kosaken in Scharen in die türkischen Besitzungen liefen und sich gerne unter ihren Brüdern dem Fleische und der Sprache nach ansiedelten. In dieser Zeit häufiger Beziehungen und enger Annäherungen zwischen den östlichen und westlichen Slaven sind die ersten und deutlichen Spuren der neuen Lehre zu bemerken, und daher sagt auch der h. Dimitri Rostowski, der zuerst über die Sekte schrieb, über Danila Philipow ²⁾: „Man sagt,

1) Vergl. oben S. 155, Anm. 2.

2) Nur lapsus memoriae; denn S. 504 bezieht M. die Erzählung Dimitris (vergl. oben S. 81 ff.), in welcher der Satz vorkommt, auf Iwan Suslow.

jener Lügenchristus sei von Geburt ein Türke“. Im Jahre 1828 gab die Saratowsche Lügengottesmutter Anna Skatschkowa beim Verhör direkt an, dass sie an der Donau als Vorsteher einen Christus haben“ . . . — Solche Daten hat dann Melnikow des Nähern zu bieten versucht (Die geheimen Sekten S. 15—32): Die geheimen Sekten halten sich in Russland seit den ältesten Zeiten. Sie sind unvergleichlich älter als der Raskol. Spuren dieser Sekten, freilich nicht ganz deutliche, sind schon in den Zeiten des heiligen Fürsten Wladimir zu bemerken. Unter ihm brachten die Ankömmlinge von jenseits der Donau nach Russland nicht nur den reinen Weizen der allgemein-kirchlichen Lehre, sondern auch die Spreu, an der seit alters der Boden von Byzanz reich war. — Freilich, die Erforscher der russischen geheimen Sekten werden niemals den ununterbrochenen Strom von den Bogomilen, die nach Russland unter Wladimir kamen, bis zur Obristlieutenantin Tatarinowa, die im Michael-Palais hüpfte¹⁾, aufspüren. Nichtsdestoweniger lässt sich ein Zusammenhang zwischen diesen Erscheinungen, die von einander durch ganze acht Jahrhunderte getrennt sind, nicht leugnen. — Zur Zeit Wladimirs kamen gerade viele bulgarische Popen nach Russland, da der Gottesdienst in slavischer Sprache abzuhalten war, die die Griechen nicht verstanden. Unter ihnen konnten auch sehr leicht Bogomilen in das russische Land geraten. Sie waren dann auch die ersten Einführer der Lehre der geheimen Sekten auf russischem Boden. Sechzehn Jahre, nachdem das russische Volk getauft worden, noch zu Lebzeiten Wladimirs, wurde einer dieser Einführer in Kijew gerichtet. Das war der verschnittene Mönch Adrian, welcher nach Mitteilung der Chronik Nikons (I, 112) im Jahre 1004 die Kirche, ihre Ordnungen und Riten, und die Geistlichkeit schmähte. Er wurde aus der Kirche ausgeschlossen und ins Gefängnis gesetzt, wo er bereute. Im 12. Jahrh. trat nach derselben Chronik (II, 56) in Kijew ein anderer Häretiker auf, Dmitr. Nach Tatitschew (Russländische Geschichte II. S. 223) lehnte er im Jahre 1123 die kirchliche Ordnung ab, wofür er verschickt wurde. — In den ersten Zeiten des Christentums in Russland wurde das überführende „Wort gegen die Bogomilen“ des bulgarischen Presbyters Kosma verbreitet, offenbar doch mit dem Zwecke, dieser Lehre entgegenzuwirken. Die hier geschilderten Bogomilen sind vollständig unsere Chlūsten. Trotz

1) Vergl. oben S. 153 Anm.

der Zwischenzeit von acht Jahrhunderten ist die Aehnlichkeit frappant. Man glaubt unwillkürlich bei der Lektüre, nicht über Dinge, die in Bulgarien zur Zeit des Zaren Peter geschehen sind, zu lesen, sondern über uns gleichzeitige etwa im Gouv. Samara¹⁾. — In einigen chlüstischen Schiffen, vielleicht auch in

1) Melnikow führt als Beweis einige von N. Rudnew („Erörterung über Häresien und Sekten, die in der russischen Kirche seit der Zeit Wladimirs des Grossen bis Ioann dem Schrecklichen gewesen“, Moskau 1838, Anmerkungen S. 7—10; liegt mir vor) aus einer handschriftlichen Kórmutschaja (Nomokanon) der Moskauer geistlichen Akademie abgedruckte Stelle an. Hier ist zunächst gesagt, dass die Bogomilen den Teufel den Schöpfer des Menschen nennen; ferner: „Sie bekennen nicht, dass Christus Wunder verrichtet habe . . ., indem sie sagen: nicht hat Christus den Blinden erleuchtet noch den Lahmen geheilt, noch den Toten auferweckt, sondern Gleichnisse sind das nur . . . denn Sünder wurden auf seine Entscheidung geheilt; dass das Volk aber in der Wüste mit fünf Broten gesättigt wurde, glauben sie nicht, indem sie sprechen: nicht waren das in Wirklichkeit Brote, sondern die vier Evangelisten, das fünfte Opraks Apostel (nach Meln. statt „aprakos A.“; m. E. = *ὁ πρᾶξαποστολος*) . . . Die heilige Taufe verwerfen sie, indem sie vor getauften Kindern Ekel haben“ . . . Das Abendmahl sei nicht der Leib Christi, sondern gewöhnliche Speise. Was Christus von Brot und Kelch gesagt, hat er vom Tetraevangelium und Opraks Apostel gemeint. Die Beichte vollziehen sie selbst. „Sie meinen, dass der Teufel den Menschen befohlen habe, Weiber zu nehmen, und den verheirateten Menschen und den in der Welt lebenden nennen sie Mammonsdiener“. Sie haben eine andere Liturgie und andere Gebete, als die Kirche, die sie mit ihren Ständen schmähen, ebenso das Kreuz, da die Juden den Sohn Gottes daran gekreuzigt, der nicht freiwillig zur Errettung gestorben, sondern gezwungen, ebenso die Ikone als Götzenbilder: „sie vorbeugen sich vor ihnen nicht, wenn sie allein sind, sondern nur aus Angst vor den Menschen gehen sie in die Kirche und küssen Kreuz und Ikon, wie uns einige kundgetan haben, die sich von ihnen zu unserem wahren Glauben bekehrt haben, indem sie sagten: dieses alles tun wir nur um der Menschen willen, aber nicht von Herzen, sondern im Geheimen halten wir unsern Glauben“. Sonn- und Feiertage feiern sie nicht. Die rechthgläubigen Priester nennen sie blinde Pharisäer. Sie tun keinerlei Arbeit, sondern betteln. „Es sind die Häretiker äusserlich gleichwie Schafe, sanft und demütig und schweigsam, bleich sind sie anzusehen von heuchlerischem Fasten, verstecken sich vor dem Blick und tun alles äusserlich, sodass man sie von den rechthgläubigen Christen nicht unterscheiden kann“. Dadurch werden die Leute verführt, sich ihnen zu nähern und sie nach der Seelenerrettung zu befragen. „Wir, sagen die Häretiker, beten zu Gott und wachen und beten mehr als ihr, und leben nicht wie ihr in Wollust. Dem Fleische nach leben die Popen offen, nicht aber dem Geiste nach wie wir“.

„llen — was wir freilich nicht sicher behaupten können — wird statt des Sonntags der Freitag hochgehalten. Dass die Bogomilen den Freitag hochhielten, sagt Kośma nicht, wohl aber, dass sie den Sonntag nicht ehrten. Woher die geheimen Sekten die Ehrung des Freitags entlehnt, das zu entscheiden, übernehmen wir nicht, meinen jedoch, dass sie sie von den Mohammedanern nicht entlehnt haben können. Neben dem Freitag aber halten sie freilich auch den Sonntag hoch, wenn auch weniger (vergl. das Weitere darüber oben S. 38, Anm. 2, zu der Berufung auf die Stelle im Stoglaw noch S. 97 f.). — Wenn im einfachen Volke die Ehrung des Freitags überhaupt sehr verbreitet ist, so ist das auch auf die geheimen Sekten zurückzuführen, wenn sie hier auch jeden Zusammenhang mit ihnen verloren hat. — Es sind bis zu uns Ueberlieferungen über die chlüstischen Christusse Awerjan zur Zeit Dimitri Donskois und Iwan Jemeljanowitsch zur Zeit Iwans des Schrecklichen gelangt. Wie die Ueberlieferungen über den letzteren beweisen, gab es also schon im XVI. Jahrhundert einen Christus, der von zwölf Aposteln umgeben war. — Dass aber die Chlüstowschtschina sich damals nicht auf Russland beschränkte, sondern auch sonst unter Slaven verbreitet war, zeigt das Zeugnis der Gustünschen Chronik über einen Christus, der umgeben von zwölf Aposteln in den ersten Jahren des XVI. Jahrh. in Schlesien auftrat. — Der strenge Asketismus der Manichäer, der in den bulgarischen Klöstern vorhanden war, gab den Bogomilen ihre asketische Richtung. Dieser Asketismus war auch den russischen geheimen Sekten eigen. Ein derartiger Asket war Kapitön, der seine asketische, der Chlüstowschtschina nahestehende (vergl. das Nähere oben S. 94) Sekte in den Wäldern von Wjaśniki verbreitete und dessen Schüler Jefim Podreschetnikow (das Nähere ebenda) und Danila Philipow waren.

Diese Darlegung Melnikows hat F. Dmitrijewski in einer Artikelserie über Seliwanow alsbald aufgenommen und im Einzelnen näher zu begründen gesucht („Der Skopze Andre Seliwanow und die Grundlagen seiner Lehre, Tschernigower Ep.-Nachr. 1869, S. 312—333, 384—392, 418—423, 432—438 [versehentlich lauten die Seitenzahlen 332—338], 505—507 [405—407]): Der bogomilische Dualismus, der den Leib als ein finsternes Prinzip ansieht, findet sich bei den Chlüsten wieder. Seine Schmähungen gegen die Kirche und sein Verschnittensein beweisen, dass jener Adrian ein Bogomile war. Ebenso Dmitr, der von der Chronik ein „schlimmer Häretiker“ genannt wird. Seitdem wird für das

Bogomilentum durch apokryphe Bücher dieses Charakters Propaganda gemacht, z. B. „Die Fragen Johann des Theologen, welches die Fragen des Herrn auf dem Oelberge sind“, ferner die „Rolle göttlicher Bücher“. Auch in andern Büchern blickt das Bogomilentum durch, so z. B. in der „Unterhaltung der drei Hierarchen“, „Erzählung, wie Gott Adam erschuf.“ — Derartige Bücher waren besonders unter den Raskolniken beliebt. Mit der Bezeichnung Danila Philipows seitens Dimitri Rostowskis als „Türken von Geburt“ gab dieser einen direkten Hinweis auf die Entstehung seiner Lehre aus der bogomilischen. Entweder stammten seine Eltern von in die Türkei entflohenen Raskolniken, die zurückgekehrt waren, oder Philipow war in irgendwelchen besondern Aufträgen der Raskolniken zu ihren Brüdern in der Türkei gesandt und konnte die bereits zu Hause erlernten bogomilischen Fabeln noch näher in den dortigen slavischen Gebieten kennen lernen. Obgleich wir uns für die Richtigkeit dieser Annahme nicht verbürgen können, so zweifeln wir doch nicht, dass seine Lehre eine der allernächsten Abzweigungen der bogomilischen Lehre ist, da die Grundlagen seiner Glaubenslehre: Berausches nicht zu trinken und die fleischliche Sünde nicht zu begehen, vollständig mit der bogomilischen Moral übereinstimmen. — Die Legende beweist, dass Danila sich auf Bücher stützte, doch mag er auch aus mündlicher Ueberlieferung über die Bogomilensekte geschöpft haben. — Wie die Bogomilen leugnen, dass Christus Fleisch angenommen, da dieses vom bösen Geist erschaffen, und die alttestamentlichen Schriften als teuflisch verwarfen, so verwarf Danila die ganze h. Schrift und erkannte die Ankunft Christi im Fleisch überhaupt nicht an.

Nach Dmitrijewski hat erst wieder Kornejenko Melnikows Beweisführung für die Ableitung der Chlüstowschtschina vom Bogomilentum weitergeführt, und zwar in sehr ausführlicher Weise, obgleich er nur zum geringeren Teil dem Einfluss des letzteren ihre Entstehung zuschreibt (a. a. O. S. 762—773): Da die Bogomilen in der Propaganda sehr eifrig waren und ihre Lehre in Europa vom Bosphorus bis zum Ozean, ferner in einem Teil Asiens ausgebreitet haben, so wäre zu erwarten, dass diese Propaganda sich besonders weit in Russland ausgebreitet habe, da zwischen der russischen und bulgarischen Kirche sich frühzeitig ein enges Band gebildet hat (Entlehnung der h. Schrift und kirchlicher Bücher, der geistlichen Melodien etc.), das durch die geografische Nachbarschaft, die Gleichheit der Sprache

und durch Handelsbeziehungen noch verstärkt wurde. Erstaunlicher Weise berichten unsere Chroniken nur von zwei Fällen solcher Propaganda: durch Adrian und Dmitr, die man nicht ohne Grund gewöhnlich für Bogomilen hält. Adrian war verschnitten, die Bogomilen liessen die Verschneidung zu; er war ein Mönch, das Bogomilentum fand gerade unter den Mönchen Aufnahme; beide Häretiker schmähten die Kirche und lehnten ihre Ordnungen ab, wie das auch die Bogomilen taten. Vielleicht ist das Schweigen unserer Chroniken und sonstiger Quellen über diese Propaganda eine Folge davon, dass bei uns die Häretiker sehr vorsichtig und geheim vorgingen, weil unsere Hierarchie nach ihrer Zusammensetzung und Bildung eine griechische war, daher sehr gut mit dieser Sekte und ihrer Tätigkeit im byzantinischen Reich bekannt war. Dass aber diese Propaganda unter den Russen Erfolg hatte, kann man daraus schliessen, dass, wie es scheint, schon im XI. Jahrhundert, Abschriften der „Unterredung des Presbyters Kośma mit den Bogomilen“ auftauchen. In einer handschriftlichen Kórmutschaja ¹⁾ des XV. oder XVI. Jahrh. sind alle Lehrpunkte Bogomils dargestellt; in den handschriftlichen „Regeln“ einer russischen Uebersetzung des XVI. Jahrhunderts ist die Zeit Bogomils und seine Meinung über das Kreuz notiert. Das alles geschah augenscheinlich zur Bewahrung der Russen vor den unter ihnen tätigen Häretikern. Aber nicht nur auf mündlichem Wege drangen zu uns bogomilische Ansichten, sondern auch auf literarischem. Von den Anfängen des Christentums in Russland bis ins XVI. Jahrh. werden hier byzantinische und serbisch-bulgarische Apokryphen verbreitet. Unter ihnen waren auch viele, welche von Gnostikern, Manichäern, Bogomilen verfasst waren. In einem Verzeichnis apokrypher Bücher ist unter anderem gesagt: „Viele lügenhafte Kanone und Gebete, von dem verfilzten bulgarischen Popen Jeremé verfasste lügenhafte Fabeln . . . unter die göttlichen Schriften sind lügenhafte Schriften von den Häretikern ausgesät“. Im XIII. und XIV. Jahrh. kamen dazu noch Apokryphen russischer Abfassung. Nicht nur die Laien, sondern sogar die Geistlichen lasen sie und verfassten neue. Fürst Kurbski klagt: „In gegenwärtigem Zeitalter üben sich, die sich für Lehrer halten, mehr in bulgarischen Fabeln . . . lesen und loben sie, als sie sich mit den Gedanken der grossen Lehrer ergötzen.“ Von den

1) Nomokanon.

Lesekundigen drangen so häretische Meinungen ins Volk. Bis auf uns sind eine Menge literarischer Denkmäler mit bogomilischer Lehre gekommen¹⁾, und in der Tat lebt die bogomilische

1) Kornejenko führt einige Beispiele an: In einem Artikel der Solowezkischen Sammlung „Erzählung von den 7 Planeten“ wird gesagt, dass an dem Tage, als Gott Sonne, Mond und Sterne schuf, „der Satan aus der Herrlichkeit fiel“. Als er Himmel und Erde so geschmückt sah, beschloss Satanael, sich ein besonderes Reich im Himmel zu gründen, indem er die Oberherrschaft über die Engelklassen an sich riss. Gott befahl dem Erzengel Michael, den Widersacher Satanael hinabzustürzen. Michael wagte es zuerst nicht, da er an ihm das Sigel der Gottheit sah. Erst als Gott ihm die Gottheit nahm, ward er mit allen seinen Mächten aus dem Himmel gestürzt. Seitdem hiess er blos „Satan“: das „el“ gab Gott den Engeln und Erzengeln, Mich hiess seitdem Michael und erhielt die Oberherrschaft über alle himmlischen Mächte. Satan siedelte sich in der Hölle unter der Erde an, seine Geister aber theils in der Luft, theils auf Erden, indem sie zu Teufeln wurden. — In einer Handschrift des Permschen Seminars: „Als es weder Himmel noch Erde gab, da gab es nur das Tiberiadische Meer (See Tiberias). Auf dem Meere schwamm eine Quakerente (im Russ. mask.: gógol). Gott befahl der Quakerente, vom Boden des Meeres zwei Steine heraufzuholen. Die Quakerente holte sie und Gott begann Stein an Stein zu schlagen: aus den Funken, die aus dem Stein sprühten, entstanden Engel. Die Quakerente schlug ebenfalls Stein an Stein und es kamen bei ihm seine Engel hervor, die zehnte Rangklasse, seine eigene. Ferner brachte die Quakerente ein Ei herbei, auf diesem Ei spiegelte sich Gott wieder — (so entstand) die zweite Person (der Gottheit). Gott befahl der Quakerente, fünf Erdarten herbeizubringen, aus denen er den Menschen schuf. Nachdem Gott den Menschen geschaffen, verschwand er. Der Diabel benutzte diese Gelegenheit und schuf verkrüppelte Menschen. Gott geriet in Zorn über Satanael, nahm ihm das „el“ weg und gab es dem Führer seiner himmlischen Heerschar Mich. Auf diese Weise wurden zwei feindliche Mächte: Satan und Michael.“ — In der Abschrift der „Unterhaltung der drei Hierarchen“ des Prof. W. Grigorówitsch wird folgendes erzählt: Vor der Existenz der Erde verweilte Gott Zebaoth, der Vater ohne Anfang, „in drei Mücken (w-trech komarech) in den Lüften (na wośdusech“). Zu einer bestimmten Zeit brachte er aus dem Herzen hervor und gebar den geliebten Sohn Gottes, unsern Herrn Jesum Christum, aber aus seinen Lippen hauchte er den H. Geist in Gestalt einer Taube. Darauf schuf er durch sein Wort Himmel, Wolken, Sterne, Sonne, Licht und Tiberiadisches Meer. Einstmals kam der Herr durch die Luft auf das Tiberiadische Meer herab und sah auf ihm eine schwimmende Quakerente. Der Herr fragte: „Wer bist du?“ Die Quakerente antwortete: „Ich bin der Satan“. Der Herr befahl ihm, ins Meer unterzutauchen und Erde und einen Stein von dort zu holen. Den Stein brach der

dualistische Weltanschauung noch heute im russischen Volk. So wird z. B. die Erschaffung der Berge bei der Welterschöpfung vom Volke dem Teufel zugeschrieben. In Gouv. Nischni-Nowgorod (im Dorf Pawlow) wird Gott Zebaoth „der alte Gott“ genannt, Jesus Christ aber „der junge Gott“. — Alle angeführten Daten geben das volle Recht, auf eine Einwirkung des Bogomilentums auf die Bildung der Chlüstensekte zu schliessen, da in einigen Lehrpunkten zwischen ihnen eine bedeutende Aehnlichkeit, ja sogar Identität herrscht, besonders im Dualismus und dem damit eng verbundenen Asketismus. Beide betrachten den Leib als böses Prinzip, welches man auf jegliche Weise töten muss. Daher bei beiden die rauhe Moral, die Forderung, sich von der Ehe und von Berauschendem zu enthalten, sich zu mühen, zu fasten und die Zeit im Gebete zu verbringen, welch' letzterem beide eine besonders grosse Bedeutung zuschreiben. Daher werden die Chlüsten in einigen Gegenden Gottesanbeter (bogomólü) genannt, gleich den Gottesanbetern des IV. und XI. Jahrhunderts (den Messalianern oder Euchiten). — Bei beiden ist Teilung der Gemeindeglieder in Ordnungen, je nach dem sittlichen Fortschritt und dem Verhältnis zu Gott, vorhanden. Wir schweigen von dem ähnlichen, äusserlich heuchlerischen, in der That feindlichen Verhalten zur Kirche, von der Verwerfung und Verkehrung der christlichen Hauptdogmen hier und dort — der Dreifaltigkeit, der Menschwerdung und Erlösung Jesu Christi. Zu beachten ist, dass auch die Chlüstowschtschina sich unter Mönchen und Nonnen besonders verbreitet hat. Freilich darf man bei aller Aehnlichkeit die Unterschiede nicht übersehen. Die Chlüsten haben keine ausführlich entwickelte dualistische Lehre von den Anfängen der Welt, von den beiden Göttern, dem guten und bösen und deren gegenseitigen Beziehungen, statt dessen aber eine Lehre, die in keiner andern christlichen Gesellschaft eine Analogie hat, die Lehre von den häufigen Fleischwerdungen Christi, die aus einer pantheistischen Vorstellung von Gott fiesst, und die Lehre von der Seelenwanderung.

Herr in zwei Hälften, die eine gab er mit der linken Hand dem Satan, aus der andern schuf er durch einen Schlag mit seinem Stabe den Erzengel Michael, Gabriel und die Engel. Der Satan aber schlug aus seiner Hälfte die teuflische unzählbare Macht der Götter heraus. Da sprach der Herr: „Es werden 33 Walfische auf dem Tiberiatischen Meere und auf diesen Walfischen werde die Erde.“

Die zuletzt angeführten Sätze Kornejenkos führen uns bereits zu dem, was gegen die Ableitung der Chlüstowschtschina vom Bogomilenthum in der russischen Literatur vorgebracht worden ist. Denn N. Stellezki, der in einer Arbeit über die Bogomilen jene Ableitung zuletzt vertreten hat (Die bulgarische Häresie der Bogomilen, *Miss.-Rundsch.* 1901 II. S. 777—784), hat nur die früheren Argumente, besonders die Kornejenkos, wiederholt und dem nur für die chlüstischen Radenija den Hinweis auf die Tänze der Euchiten oder Messalianer zur Ertötung des Fleisches hinzugefügt, welche letzteren auf die Bildung des Bogomilenthums Einfluss gehabt hätten. Zunächst hat sich N. Barsow von seiner Behauptung der völligen Selbständigkeit der Chlüstowschtschina aus ebenso gegen ihre Ableitung von östlichen Sekten gewandt, wie gegen die von den westlichen (vergl. oben S. 596 f.), und unter Zugeständnis dessen, dass sie dem Bogomilenthum noch am nächsten stehen, speziell gegen Melnikows Erwägungen bemerkt, dass sie an Geschraubtheit leiden und kaum eine strenge Kritik aushalten (*Der russ. volkstüml. Mystizismus* S. 57). Gelegentlich (*Die neuesten Erforscher etc.* S. 146) hat ferner Je. Barsow gegen sie eingewandt: „Das Bogomilenthum hätte nicht (wenn es in Russland existierte) ganze Jahrhunderte der Kirche, Regierung, der Chronikenschreibung und den des Lesens und Schreibens kundigen Leuten verborgen bleiben können und so oder anders hätte sich von ihm eine deutliche Spur in der Geschichte erhalten“ (doch vergl. oben S. 626). Erst Roščdestwenski hat sich ausführlicher mit dieser Ansicht auseinandergesetzt (S. 15—18): Zwischen jener und dieser Sekte kann man nur wenig Ähnliches finden. Während bei den Bogomilen das böse Prinzip eine ganze geschlossene Geschichte hat, von ihm als einem Wesen der höheren Welt das Böse auf Erden abgeleitet wird, erscheint bei den Chlüsten als Quelle des Bösen bloss der Mensch. Ein besonderes selbständiges Geisterreich gibt es nach ihrer Lehre nicht, es bildet sich ja nur aus den Seelen der verstorbenen Menschen. — Während die Bogomilen das Neue Testament ausser dem Johannesev. als Quelle ihrer Lehre anerkannten und nur das Alte Testament ausser dem Psalter und den Profeten verwarfen, lehnten die Chlüsten anfangs ganz die h. Schrift ab und beriefen sich in der Folgezeit auch nur zu Zwecken der Propaganda auf sie. Den Bogomilen fehlt die Lehre von der Seelenwanderung, sie haben auch eine andere Vorstellung von der Gottheit, die nicht einen wirklichen menschlichen Leib an-

nehmen kann, während sie sich nach Ansicht der Chlūsten gerade in wirklichen Menschen niederlässt. — Erscheint der Asketismus hier und dort gleich, so hat er hier doch eine andere Quelle (das Mönchtum). — Wollte man Melnikow Recht geben, so würde schwer zu erklären sein, auf welche Weise sich die Chlūstowschtschina während ganzer acht Jahrhunderte in verborgenem Zustande erhalten konnte. — Auch Speranski erklärt (S. 252) die gemeinsamen Züge für unbedeutend und nur zufälligen Charakters. Ist Wüsozki (S. 441—445) auch geneigt, sie für ziemlich bedeutend zu halten und zuzugeben, dass bogomilische Ideen frühzeitig in Russland auftauchten, fest im Volksbewusstsein Wurzel fassten und während ganzer Jahrhunderte lebendig blieben, so wiederholt er doch den zuletzt aufgeführten Satz Roščdestwenskis, der durch den Hinweis Melnikows auf die Profeten des Stoglaw nicht umgestossen werde. Denn von diesen Hexenmeistern, die sich für zeitweilige, zufällige Organe göttlicher Offenbarungen (vermittelt durch ihnen erscheinende heilige Freitage und Anastasijas) ausgaben, ist es zu weit bis zu chlūstischen Christussen und Aposteln, welche sich für beständige Träger und Fleischwerdungen der Gottheit ausgaben und dafür anerkannt wurden (ferner wiederholt Wüsozki das Argument Sokolows, vergl. oben S. 597.) Demnach haben die Chlūsten nichts mit ihnen zu tun, ein anderes Zeugnis für ihre Existenz vor dem 17. Jahrh. aber gibt es nicht. — Im Uebrigen wiederholt Wüsozki die Argumente Roščdestwenskis.

Alle vier Ansichten sind ziemlich gleichzeitig (in den sechziger Jahren) und gleich in ziemlich entwickelter Form aufgetreten. Als den einzigen Schritt, den die Lösung der Streitfrage seitdem vorwärts getan hat, lässt sich allenfalls das Zurücktreten der an erster Stelle dargelegten von der Entstehung der Chlūstowschtschina aus westlicher Sektiererei bezeichnen. Wenigstens hat sich die Mehrzahl der Forscher gegen sie gewandt und sie ist lange nicht mehr literarisch vertreten worden, wenn sie auch tatsächlich — besonders unter Geistlichen — noch viele Anhänger haben mag. So wenig sie einer Widerlegung bedarf, so wenig enthält die dritte Ansicht eine wirkliche Beantwortung der Streitfrage, soweit sie nämlich die Chlūstowschtschina von früheren

antikirchlichen Erscheinungen in Russland ableitet, sondern schiebt sie nur auf diese zurück. Es fragt sich dann eben, wie diese entstanden sind. Aber die Ableitung ist auch fehlerhaft. Hinsichtlich Kapitons und Podreschetnikows haben wir das bereits nachzuweisen gesucht (oben S. 94 f., 490 f., 413 Anm.). Gegen Miljukows Ableitung von der Bešpopowschtschina hat schon Wüsozki (vergl. oben S. 625) das Entscheidende geltend gemacht. Hinzuzufügen wäre noch, dass die Chlüstowschtschina ursprünglich so wenig eine ritualistische Sekte ist, dass sie vielmehr eine ekstatische Reaktion gegen die Herrschaft des Ritus bedeutet. Erst allmählich hat auch hier sich die Liebe des Russen zu ihm mehr geltend gemacht (vergl. oben S. 421), aber auch dann fehlte der das eigentliche Wesen des Ritualismus ausmachende Glaube an die Alleinwirksamkeit der bestimmten Form (vergl. oben S. 366 f.). Ferner lässt sich speziell gegen die Ableitung der Gebote Danilas von solchen der Bešpopowzen ausser dem Argumente Wüsozkis noch das geltend machen, dass dort nicht das Verbot der Ehe durch das Verbot der fleischlichen Sünde überhaupt motiviert erscheint, wie bei Danila (vergl. oben S. 15, 313), sondern durch den Mangel an Priestern, die imstande wären, das Sakrament der Trauung zu vollziehen; das Verbot, auf Taufen und Hochzeiten zu gehen, nicht wie hier Konsequenz des frühern Verbotes ist (vergl. oben S. 313, 315), sondern nur in das Verbot der Beteiligung an weltlichen Vergnügungen hineingeht, soweit nicht auch hierbei der Abscheu vor den Sakramenten der Grosskirche in Betracht kommt. — Was aber die Behauptung der völlig selbständigen Entstehung der Chlüstowschtschina auf dem Boden des russischen Christentums in der dritten Ansicht anlangt, so könnte sie nur bei genügender Widerlegung der zweiten und vierten Ansicht aufrecht erhalten werden. Die der zweiten durch die russischen Forscher muss als durchaus ungenügend bezeichnet werden. Wir möchten zu ihrer Ergänzung gegen Schtschapow und gegen Jakobi Folgendes geltend machen. Schtschapow leitet die chlüstische Ekstase zuerst aus dem finnischen Schamanismus ab, dann aus dem türkisch-tatarischen Mohammedanismus mit seinem Profetentum und Haremwesen, ohne zu sehen, dass doch nur eine der beiden Ableitungen gelten könnte, da dieser mit jenem nichts zu tun hat, nicht aber beide zugleich. Dass Schtschapow eine Parallelisierung der Chlüstowschtschina mit beidem möglich war, hätte ihn bereits zur Erkenntnis führen müssen, dass es sich hier blos um Analogien aller

Religionen handelt. Nun macht aber diese Parallelisierung vielfach einen gezwungenen Eindruck und die Analogien erweisen sich als sehr entfernte. Was haben die öffentlichen volkstümlichen Lustbarkeiten zur Feier des Johannitages und sonst imgrunde mit den geheimen Gottesdiensten der Chlūsten zu tun? Nicht nur von Arkandisziplin, sondern auch von Ertötung des Fleisches zwecks Begeisterung findet sich hier keine Spur. Auf den gemeinsamen Mahlzeiten hierbei werden doch nicht etwa nur Fastenspeisen gegessen! Von den Mahlzeiten der Tschuwaschen sagt Schtschapow selber das gerade Gegenteil aus (oben S. 610). Auch die Geheimhaltung ihrer Zaubermittel seitens der Schamanen hat nur wenig mit der chlūstischen Arkandisziplin zu tun. Die schamanischen Gottesdienste finden ja ganz öffentlich statt, ohne dass jemand von den Stammesangehörigen ausgeschlossen würde. Die Zaubermittel verlören ihre Wertschätzung, wenn sie allgemein bekannt würden, und damit der über sie verfügende Stand. Schtschapow hätte vielmehr die Vorstellung als schamanisch nachweisen müssen, dass der göttliche Geist nur im Verborgenen wirke und daher der Glaube an ihn verborgen gehalten werden müsse. Aber auch sonst macht seine Parallelisierung des chlūstischen Gottesdiensts mit dem schamanischen einen künstlichen Eindruck. Dass z. B. die Chlūsten den Geist mit der Interjektion „goi!“ herbeirufen, ist nirgends bezeugt. Ferner vermag Schtschapow hierbei von europäischen Finnen nur die Samojeden im äussersten Norden zu nennen, als bei welchen ekstatische Gottesdienste vorkommen, sonst nur sibirische. Da aber das Chlūstentum in Zentralrussland auftaucht (der äusserste Norden ist noch heute von ihm frei), so hätten doch bei den hiesigen Finnen, zum mindesten während ihrer heidnischen Zeit, derartige Gottesdienste nachgewiesen werden müssen. Statt dessen hat Jakobi zugegeben, dass die Religion der Westfinnen bereits zur Zeit der Entstehung des Kalevala kein ekstatisches Element aufzuweisen hat. Nun meint er freilich, unter Berufung auf norwegische Sagen, dass früher auch die Westfinnen den Schamanismus gehabt hätten. Aber wenn sie ihn noch in ihrer heidnischen Zeit aufgegeben haben, wie sollte er sich dann bei ihnen nach Annahme des Christentums in Form einer christlichen Sekte erhalten haben? Wenn aber Jakobi seine Ansicht durch die Behauptung zu stützen sucht, dass die Auffassung des Menschen als möglichen Wohnsitzes des Geistes, der ihn automatisch leitet, nur dem Schamanen- und Chlūstentum gemeinsam sei,

so ist diese Behauptung sicher falsch, verliert aber schon für die Streitfrage allen Wert durch sein eigenes Zugeständnis, dass diese Auffassung auch im christlichen Byzanz zu finden sei. Muss auch die ganze geistreiche Konzeption Jakobis, nach welcher die Chlüstowschtschina sozialer und kultureller Atavismus wäre, als durchaus haltlos bezeichnet werden, so liegt das daran, dass das Fundament, auf dem er sein Gebäude aufgerichtet hat, ein schlechtes ist. Seine Kenntnis der Chlüstowschtschina selber ist eine durchaus ungenügende. Er beherrscht bei weitem nicht die ganze Literatur über dieselbe und verlässt sich viel zu sehr auf die Gesamtdarstellungen von Dobrotworski, Kutepow, Iwanowski u. a. Es ist ein unglücklicher Zufall, dass der Suponewoer Prozess, dem allein er beigewohnt hat, z. T. jene Darstellungen zu bestätigen schien. Aber die Personen, die in ihn verwickelt waren, waren nach Jakobis eigener Beurteilung derselben fast lauter Geisteskranke, deren Zeugnis daher nicht viel Gewicht beanspruchen kann (vergl. oben S. 446, Anm. 1. und die Nachträge zu S. 245¹⁾). Die Verallgemeinerung dieser lokalen Beobachtung auf alle Chlūsten, der Schluss, dass sie alle degenerierte Leute seien, wird bereits durch meine ganze Darstellung der Sekte aufgrund russischen Materials widerlegt (vergl. besonders die Urteile über ihre Sittlichkeit oben S. 503—505). Ihre Kinderlosigkeit insbesondere ist nicht Folge von Degeneration, sondern zweifellos Folge

1) Dabei ist Jakobis Scharfblick die Unzuverlässigkeit jener Darstellungen nicht völlig entgangen, wie er auch gelegentlich selber die Beobachtung dessen gemacht hat, wie sie die wirkliche Erkenntnis der Sekte trüben. Er sagt gelegentlich (S. 132), dass die Doktrin vom geheimnisvollen Tode nicht der Chlūstowschtschina angehöre, sondern ganz von ihren Gegnern ersonnen sei, welche deren krankhaftes Geschwätz zu einem harmonischen Ganzen zu systematisieren gesucht. Er habe selbst beim Suponewoer Prozess ein Beispiel dieses Systematisierens erlebt. Der Untersuchungsrichter trug mit grossem Eifer ins Protokoll die Angaben der Angeklagten und der Zeugen ein, indem er sie nur, wie er meinte, in eine mehr korrekte literarische Form fasste, die er von Dobrotworski, Kutepow u. a. entlehnte. Dabei kam aber etwas ganz anderes heraus, als die Betreffenden wirklich ausgesagt hatten. — Obgleich nun jene Lehre nicht von den Darstellern erdacht, sondern von Radajew wirklich geäußert worden ist (vergl. oben S. 218 ff.), so hat Jakobi doch durchaus Recht, sie der Chlūstowschtschina als solcher im Gegensatz zu allen Forschern abzusprechen. Mit derselben Skepsis hätte er sich aber auch zu vielem anderem von ihnen Behaupteten verhalten sollen.

von geschlechtlicher Enthaltbarkeit, was Jakobi selber z. T. zugibt, ohne zu sehen, dass diese beiden Erklärungsgründe für die genannte Erscheinung viel zu verschieden sind, als dass sie kombiniert werden dürften. Freilich ist das bei ihm nicht Folge von Mangel an Scharfblick, sondern Folge davon, dass er zu sehr der landläufigen Vorstellung geglaubt hat, als ob die Chlūsten nur den Geschlechtsverkehr in der Ehe und nicht überhaupt verwürfen. Schliesslich hat er die gleiche Grenzlinie für die Verbreitung der finnischen Bevölkerung und der Chlūstowschtschina nur deswegen ziehen können, weil er das Schalopotentum ausser Betracht gelassen hat, auch hierin den landläufigen Darstellungen folgend, die es für eine besondere Sekte neben dem Chlūstentum erklären (vergl. oben S. 489 Anm.) oder wenigstens stillschweigend als solche behandeln. Damit will ich nicht alle Wahrheit den diesbezüglichen Beobachtungen Jakobis und schon Schtschapows absprechen. Wie Jakobi in der Bevölkerung finnischen Ursprungs im Gouv. Orjol besondere Neigung zu psychischen Krankheiten und ekstatischem Treiben (die Klikuschi!) nachgewiesen und auch für das übrige Russland mit dem Hinweis auf die Untersuchung Sapošchnikows wahrscheinlich gemacht hat (vergl. oben S. 613 f.), so dürfte in der Tat dem finnischen Stamme Neigung zu religiösem Fanatismus, den Sapošchnikow zunächst behauptet, und grüblerischem Tiefsinn eigen sein. Dieser Neigung dürfte eine ekstatisch-asketische Sekte wie die Chlūstowschtschina sehr entgegenkommen ¹⁾ und es dürfte daher in der Tat kein Zufall sein, wenn, worauf Schtschapow hinwies (vergl. oben. 608), von ausserhalb des anatolischen Christentums Stehenden nur die lutherischen Finnen Ingermannlands sie, wenn auch unter Modifikation, ebenso bei sich aufgenommen haben (vergl. oben S. 508 ff.), wie das noch weit fanatischere Skopzentum ²⁾. Das

1) Gerade von chlūstischen Leitern wird zuweilen bezeugt, dass sie Finnen waren, so schon (z. T. wenigstens) von Wasili Stepanow (vergl. oben S. 126), ferner von Arina Lašarewa (S. 211) und Nadešda Konowalowa (siehe unten im Nachtrage zu S. 170).

2) Der in letzterem vorliegende Uebergang von blosser geschlechtlicher Askese zur Selbstverstümmelung hat als Kollektiverscheinung etwas schier Unverständliches an sich. Hier dürfte ebenfalls eine (gefährliche) Eigenart der finnischen Rasse sich geltend machen, nämlich der leichte und schnelle Uebergang von Gedanken zu Taten. Was Tolstoi in seinem berühmten Buche „Kindheit und Jugend“ (II. Kap. XIII.) als Eigentümlichkeit des jugendlichen Russen in Anspruch

ist aber eine Ausnahme und die Sekte ist sonst nur unter anatolischen Christen verbreitet. Zweifelsohne ist die Behauptung Roschdestwenskis gegenüber Schtschapow richtig, dass die Chlüstowschtschina nicht auf dem Boden des finnisch-slavischen Heidentums, sondern auf dem des kirchlich-byzantinischen Christentums entstanden ist. Ein gewisser Einschlag altheidnischen finnisch-slavischen Aberglaubens braucht dabei nicht verkannt zu werden. Das aber hat mit der Frage nach der Entstehung der Sekte nichts zu tun. Auf ihn hat in der Tat Schtschapow erstmalig in ausführlicher Weise aufmerksam gemacht und es ist in dieser Hinsicht kaum etwas zu seinen Ausführungen hinzuzufügen. Nicht nur die Lieder und kultischen Formeln enthalten Rudimente altrussischen Heidentums, nicht nur mögen ganze Riten, wie das Tanzen um den mit Wasser gefüllten Bottich zur Sommersonnenwende, von dorthier entnommen sein ¹⁾, sondern auch die chlüstische Profetie in weitem Masse die Formen finnisch-russischen Zauberesens an sich tragen. Aber was beweist das für den Ursprung der Sekte? Ist doch auch die Religiosität des rechtgläubigen Volkes durchzogen von alten heidnischen Vorstellungen, die religiösen Volkslieder, die von ihm gesungen werden, sind in dieser Hinsicht ebenso geartet wie die chlüstischen, die Feier der kirchlichen Feste hat in Russland wie überall in der Welt Bestandteile alter heidnischer Festfeiern in sich aufgenommen, Wahrsagerei- und Zauberei-Aberglauben ist weit verbreitet. Und doch wird niemand um deswillen auf den Einfall kommen, den Ursprung der rechtgläubigen Kirche aus dem finnisch-slavischen Heidentum abzuleiten! Eine andere Frage ist es, ob nicht zu dem Wesensbestande des chlüstischen Glaubens ein ganz anderswoher stammendes heidnisches Element gehört, das ihn dem halb-

nimmt, dürfte vielmehr mit dem finnischen Blute in ihm zusammenhängen, da sie sonst den Slaven fehlt. Aber auch die fast spontan immer wieder hervorbrechende Neigung der Chlüstenchristusse, in ihrem Leben das Leben Jesu darzustellen, die mehr Begleiterscheinung, als Konsequenz der chlüstischen Christologie ist, dürfte hierdurch ihre Erklärung finden. Gewiss zeigt sich zunächst hierin der starke Eindruck, den die evangelische Geschichte auch auf diese Bibelverächter ausübt. Aber dieser Eindruck ist doch sicher sonst in der Welt viel stärker vorhanden, ohne dass sich eine derartige Neigung äusserte.

1) Doch hat auch dieser Ritus nicht nur eine aus christlicher Askese stammende Begleithandlung erhalten, das Geisseln, sondern auch eine christliche Abzweckung, die Christusvision (vergl. oben S. 278 f.).

heidnischen russischen Volke besonders anziehend machte, da alle Naturreligionen innerlich verwandt sind. Damit kommen wir auf die vierte Ableitung.

Ich finde in der chlüstischen Arkandisziplin ein solches Element. Wie diese die russischen Forscher überhaupt nur wenig berücksichtigen, so haben sie sie auch in der Frage nach dem Ursprunge der Sekte fast garnicht herangezogen (nur Schtschapow mit Hinweis auf die Geheimhaltung der Zauberkunst seitens der Schamanen, vergl. oben S. 607; sonst führt nur noch Melnikow in der Reihe der von ihm zitierten Worte des Presbyters Kośma auch ein solches über die bogomilische Arkandisziplin auf, ohne dass er des weiteren auf diese Parallele zu sprechen käme, vergl. oben S. 629 Anm.). Aber gerade sie gibt m. E. den deutlichsten Fingerzeig in dieser Frage. Alle Bestandteile derselben, die Scheidung der Andachtsversammlungen in öffentliche und geheime, welche letztere nur als eigentliche Gottesdienste gelten (die ersteren nur als Werbeversammlungen), die lange stufenweise Vorbereitung der Neuaufzunehmenden, ihre feierliche umständliche Aufnahme unter strengstem Schwure, den neuen Glauben geheim zu halten, die Zurückführung des letzteren auf eine Geheimlehre Jesu Christi, das daher stammende Hochgefühl gegenüber der Grosskirche — finden wir bereits in der altkirchlichen Gnosis. Auch das heuchlerische Sichhalten zur Grosskirche als letzte Konsequenz der Arkandisziplin lässt sich jedenfalls in den Ausläufern der Gnosis nachweisen, bei den Euchiten und Bogomilen, z. T. auch bei den Paulikianern und Katharern. Sie ist wohl erst infolge der Verfolgung durch die Grosskirche gezogen worden. Ist schon die altkirchliche Arkandisziplin durch Beeinflussung seitens des antiken Mysterienwesens entstanden, so beruht die Arkandisziplin der Gnosis doch noch viel mehr auf Vorstellungen griechischer und orientalischer Naturreligion, wie sie im Gespensterglauben freilich allen Naturreligionen eigen sind. Das Göttliche offenbart sich nur im Verborgenen und kann nur im Verborgenen ergriffen werden. Wer das Geheimnis bricht, beleidigt die Gottheit und veranlasst, dass sie sich zurückzieht. Diese Vorstellungen liegen aufs deutlichste dem chlüstischen Glauben und ihrer Arkandisziplin zugrunde (vergl. besonders oben S. 337 f.). — Ist es schon an sich überaus unwahrscheinlich, dass sich diese Zug für Zug mit der gnostischen übereinstimmende Institution unabhängig von ihr entwickelt haben sollte, so weist auf Nachwirkung der Gnosis noch etwas ganz anderes hin, nämlich die chlüstische Christologie.

Soweit diese gegenüber der kirchlichen eigenartig ist, hat sie nichts mit den Fragestellungen der trinitarischen und christologischen Streitigkeiten der alten Kirche zu tun. Die Pneumatologie ist hier nicht durch die Christologie bestimmt, sondern die Christologie ist von der Pneumatologie aus entworfen. erinnert sie sehr an Gedankenreihen des Paulus, wie sie Röm. 8, 9; 2. Kor. 3, 17 f. am prägnantesten zum Ausdruck kommen, so kann doch nicht ernstlich angenommen werden, dass sie durch Bibellektüre selbständig bei den Chlūsten ausgelöst worden sei. Auf Zusammenhang ihrer Christologie mit der Gnosis weist der von ihnen mit am deutlichsten vertretene Satz, dass Jesus von Nazareth bis zu seinem dreissigsten Lebensjahr ein ganz gewöhnlicher Mensch war und erst bei der Taufe durch den h. Geist zum Christus wurde (vergl. oben S. 256). Dieser Satz kann hier nur gnostisches Erbe sein. Er steht aber in so konsequentem Zusammenhang mit ihrer ganzen pneumatologischen Christologie, dass man diese im ganzen als gnostisch wird in Anspruch nehmen dürfen, wenn sie auch bisher bei keiner gnostischen Denomination gerade in dieser Form deutlich nachgewiesen worden ist¹⁾. Dass die Chlūsten sie nicht selbst erfunden, sondern bloss übernommen haben, beweist auch der Umstand, dass sie nebenbei an der kirchlichen Christologie insofern festhalten, als sie die Trinitätslehre und den Glauben an den erhöhten, allwaltenden Sohn Gottes als der zweiten Person der Trinität mit der Kirche teilen, obgleich das doch in klaffendem Widerspruch zu ihren ihnen eigentümlichen christologischen Gedanken steht. Hätten sie die spekulative Kraft besessen, diese selbständig zu erzeugen, so hätten sie auch die Geistesschärfe haben müssen, die kirchliche Christologie als ihnen durchaus widersprechend zu erkennen; sie hätten sie infolgedessen ganz abgelehnt oder wenigstens entsprechend stark modifiziert. Statt dessen zeigt sich keine Spur des Bewusstseins über den hier vorliegenden Hiatus. Folglich müssen sie neben der kirchlichen noch eine andere, häretische, christologische Tradition gehabt haben. Darauf führen auch allgemeine Erwägungen. Bei der Beurteilung des russischen Christentums als Gesamterscheinung wird ja als hervorstechendster Zug der streng konservative Traditionalismus allgemein anerkannt. Wie ungeeignet dieser Boden für Neubildungen ist, das kann nicht stark genug betont werden. Die religiöse Bewe-

1) Vergl. dazu A. Harnack, Lehrbuch der Dogmengeschichte I³. S. 182 Anm.

gung schwingt sich im Allgemeinen nur zur Ablehnung der kirchlichen Tradition in bestimmten einzelnen Stücken oder im ganzen auf, aber dann doch nur unter Berufung auf eine andere Ueberlieferung. Ist diese nicht die biblische, so kann sie nur alte häretische Tradition sein. Sonst zeigt sich eine Art Entwicklung nur darin, dass dieser oder jener Bestandteil der Ueberlieferung konsequenter geltend gemacht oder auf die Spitze getrieben wird und von dem sich daraus ergebenden einseitigen Gesichtspunkt z. T. wenigstens auch das Uebrige betrachtet wird. — Doch möchte ich den chlüstischen Asketismus nicht im zuletzt genannten Sinne als eine Fortentwicklung des kirchlichen beurteilen, sondern im Zusammenhang mit der Arkandisziplin und Christologie als ebenfalls auf alter häretischer Tradition beruhend. Denn der Dualismus, der ihm zugrunde liegt, ist nicht der kirchliche. Der Leib kann schliesslich überhaupt nicht erneuert, sondern nur vernichtet werden. Freilich wird er nicht als so durch und durch böse angesehen, dass er nicht wenigstens für dieses Leben einer gewissen Reinigung durch die Askese fähig würde, um Wohnsitz des Geistes hier auf Erden zu werden. Auch der Mangel doketischer Ansichten in der Christologie dürfte mit diesem milderen Dualismus gegenüber dem des Gnostizismus zusammenhängen. Doch ist er wohl auch Folge der pneumatischen Christologie. Die Vorstellung, dass Christus ein mit dem Geiste Gottes in höchstem Masse erfüllter Mensch war, ist doch mit Doketismus unvereinbar. Aber auch bei Jesus von Nazareth und bei den späteren Christussen vermag dieser Vollbesitz des Geistes den Körper nicht wesentlich umzuwandeln, auch bei ihnen verfällt er schliesslich der Verwesung und völligen Vernichtung (vergl. oben S. 256 f.).

Der altkirchlich-gnostische Charakter der Chlütowschtschina tritt wie besonders deutlich an diesen Hauptpunkten, so auch im einzelnen vielfach ganz unverkennbar zu Tage. Wenn freilich die Chlūsten auf Gnosis im eigentlichen Sinne nicht aus sind, so tritt ja auch im kirchlichen Altertum neben diese oder auch ganz an ihre Stelle als Mittel der Erfassung des wahren Glaubens die Ekstase, so dass hierin kein Argument gegen die gekennzeichnete Auffassung der Sekte liegt. Freilich aber lässt sich keinerlei geschichtlicher Zusammenhang zwischen den Ausläufern des Gnostizismus und der Chlütowschtschina nachweisen, wie unsere Darstellung der Vertretung und Bekämpfung der vierten Ansicht seitens der russischen Forscher bereits gezeigt hat. Sie zeigt, dass nicht einmal darüber geschichtliche Kunde vorhanden

ist, ob es Bogomilen in Russland gegeben hat. Denn die Nachrichten über jenen Adrian und Dmitr beweisen in keiner Weise, dass sie solche waren. Gegensatz gegen die Kirche ist doch allen Sektierern gemeinsam, und dass Adrian verschnitten war, beweist schon deswegen nichts, weil nach dem Zeugnis der ältesten russischen Quellen es auch unter den ersten kirchlichen Hierarchen in Russland Verschnittene gab ¹⁾. Dass gegen Bogomilen gerichtete Schriften und Apokryphen mit bogomilischem Inhalt in Russland verbreitet waren, beweist m. E. nichts für die Existenz der Sekte hierselbst. Auch sonst sind hier altkirchliche antihäretische Schriften genug verbreitet gewesen, aus denen den gleichen Schluss auf Vorhandensein der betreffenden Sekten in Russland zu ziehen, völlig ausgeschlossen ist. Und die mythologische Kosmologie der Bogomilen empfahl sich schon durch ihre volkstümliche Anschaulichkeit zur Aufnahme in apokryphe Volksbücher. Diese ihre Eigentümlichkeit spricht aber auch sachlich dagegen, die Chlüstowschtschina gerade vom Bogomilentum abzuleiten. Denn sie wäre hier gewiss nicht spurlos verschwunden, wie es doch der Fall ist, was schon Kornejenko zugesteht (vergl. oben S. 634). Im Zusammenhange mit dieser Kosmologie ist dann auch die Christologie dort eine wesentlich andere, wie schon ihr Dokerismus beweist. Auch die Ansicht, von der letzterer dort abhängt, dass der Leib des Menschen vom Teufel geschaffen ist, tritt ebenfalls nirgends bei den Chlüsten zu Tage, auch nicht, wo ihr Dualismus in schärferer Form geltend gemacht wird, wie in der Denomination Panijaschkas (vergl. oben S. 572 ff.). Auch dann erscheint der Leib doch nur als Wohnsitz des Teufels, der aber aus ihm vertrieben werden kann. Aus diesen inneren Gründen schliesse ich mich denen an, welche die Ableitung der Chlüstowschtschina aus dem Bogomilentum ablehnen und vermag auch nicht, in ihr etwa ein verblasstes, abgeschwächtes Bogomilentum zu erblicken. Wenn nun aber auch Je. Barsows und Rošchdestwenskis Einwand aus dem Nichtvorhandensein historischer Nachrichten bis zum 16. Jahrhundert

1) Die russischen Sektenforscher erwähnen diese Tatsache bei der Besprechung des Ursprunges des Skopzentums. Als Verschnittene werden aufgeführt die Kijewer Bischöfe Ioann II. (1089—90) und Jephrem (1090—1096), aus späterer Zeit Manuñ, Bischof von Smolensk (1138—1147) und Feódor, Bischof von Wladimir Wolünsk (1136—1147), Feodosi, Bischof von Luzk (1326).

erst recht gegen die Herleitung der Chlüstowschtschina von irgend einem sonstigen Ausläufer des Gnostizismus geltend gemacht werden kann, so zwingt ihr ganzer Charakter dennoch zu der Annahme, dass derartige Gemeinschaften bis zu ihrem Hervortreten in Russland existiert haben. Ist nicht an Bogomilen zu denken, so vielleicht an die Messalianer oder Euchiten, deren Aehnlichkeit mit den Chlüsten schon Feophilakt Lopatinski erkannt hat (vergl. oben S. 491) und auf die wenigstens nebenbei auch Kornejenko und Stellezki hinwiesen. Freilich ist unsere Kunde über sie eine geringe. Aber schon das Wenige, was wir wissen, zeigt eine frappante Aehnlichkeit. Vielleicht wird die fortschreitende Erforschung diese Aehnlichkeit in noch deutlicheres Licht setzen¹⁾. Unsere Annahme liefe dann dahin,

1) Wie ich nachträglich sehe, hat bereits N. Bonwetsch in seinem die Ergebnisse der bisherigen Forschung zusammenfassenden Artikel „Messalianer“ in der Herzog-Hauckschen „Realencyklopädie für protestantische Theologie und Kirche“ auf die Aehnlichkeit zwischen ihnen und den russischen „Geisteschristen“ aufmerksam gemacht. „Sie erheben den Anspruch, volle Christen zu sein, da sie der Welt abgesagt . . . haben. Als Geistesmenschen tragen sie kein Bedenken sich Prophet, Christus, Patriarch, Engel zu nennen. . . . Sie widmen sich ganz dem Gebet . . . rügt an ihnen besonders, dass Männer und Frauen am gleichen Orte schlafen. . . . Nach gleichzeitigen Quellen handelt es sich deutlich um eine Sekte von enthusiastischem Mystizismus, die aber nichts weniger als Lösung von der Kirche beabsichtigt. Innerhalb der Kirche, aber unter Verzicht auf ihre Gnadenmittel, will sie ein vollkommenes Christentum verwirklichen. Es ist verständlich, wie gerade im Mönchtum diese Mystik Anhänger fand, sie zählte sie aber auch in der Laienwelt. . . . Die Taufe . . . vermag die Wurzel der Sünde nicht auszutilgen. Dies kann nur das anhaltende Gebet. Ihm widmen sie sich daher ganz als geistige Christen, wie es scheint besonders des Nachts. . . . Wahrnehmbar und sichtbar kehre der Geist in die Beter ein. Sie werden dadurch befähigt zu profetischem Schauen. . . . Er (der Profet) ist Herzenskündiger und weiss auch um den Zustand der Seelen der Entschlafenen. Frauen waren bei ihnen Lehrerinnen. Sie trugen kein Bedenken, ihre Lehren gegebenen Falls zu verleugnen . . . Es ist durchweg Mystik, die zum Teil nur Konsequenzen auch in der orthodoxen Kirche geltender Anschauungen zieht. Eine Abart des Mönchtums sind sie allerdings nicht, aber auch nicht einfach „eine Art Derwische auf christlichem Boden“, obschon es unter ihnen an Zügen, die an jene gemahnen, ebenso wenig gefehlt hat (auf ihre Tänze weist der Name χορευτάι), wie an solchen, die an die älteren Asketen . . . erinnern“. — Diese Sätze Bonwetschs über die Messalianer könnten ebensogut über die Chlüsten geschrieben sein. Freilich stimmen andere nicht,

dass zusammen mit dem Christentum oder nicht viel später auch diese Sekte nach Russland gekommen sei¹⁾, dass es ihr aber wegen der Kleinheit und unbedeutenden Anzahl ihrer Gemeinden und konsequenter Anwendung der Arkandisziplin in der Tat gelungen, wenigstens in dem Masse vor Kirche und Regierung verborgen zu bleiben, dass keine Mitteilung über sie in die offiziellen Akten und in die private Literatur gelangt ist, deren Umfang ja in vorpetrinischer Zeit überhaupt ein geringer ist. Erst als der innerkirchliche Streit um die alten und neuen liturgischen Bücher entstand, wagten sie es, die nach jenem alten Liede (siehe

wie dass die Messalianer unter Verzicht auf Arbeit vom Bettel leben und vom Fasten nichts wissen wollen. Doch dürften diese Unterschiede nicht allzuschwer ins Gewicht fallen und das allmähliche Verschwinden dieser Züge unter Einfluss lokaler Faktoren, nämlich des russischen Mönchtums, sich leicht erklären lassen. — Wenn ferner schon Karapet Ter-Mkrttschian (Die Paulikianer im byzantinischen Kaiserreiche und verwandte ketzerische Erscheinungen in Armenien, 1893) von „mehreren jetzigen russischen Sekten“ aussagt (S. 128), dass sie „einen wesentlich messalianischen Charakter“ haben, so denkt er offenbar an die Chlūsten (und Skopzen).

1) Diese Annahme wäre nach rückwärts geschichtlich von geringerer Schwierigkeit gedrückt, wenn es möglich wäre, die Chlūsten mit den Euchiten oder Enthusiasten, die Michael Psellos als etwa um dieselbe Zeit in Thrazien verbreitet schildert (Περὶ ἐνεργείας δαιμόνων δι᾿ ὁλογοῦς), in Zusammenhang zu bringen. Aber diese besaßen nach ihm bereits eine dualistische Kosmologie (Migne 122, S. 823—827), die nur eine einfachere Form der bogomilischen ist. Unsere Annahme muss durch die andere gestützt werden, dass die euchitische Sekte sich auch in der älteren Form im Gebiete der byzantinischen Kirche bis in diese Zeit erhalten hat, obgleich Nachrichten fehlen. Freilich spricht für die Glaubwürdigkeit der Angaben des Psellos weder, dass er die Euchiten von Manes ableitet, noch dass er von ihrem Kultus als einziges allgemeine Unzucht im Versammlungshause bei gelöschten Lichten, wobei auch die nächste Verwandtschaft nicht beachtet wurde, Schlachtung der dadurch gezeugten Kinder, Kommunion mit Speise und Trank, denen deren Blut und Asche hinzugetan, auszusagen weiss (S. 831—832). — Dass übrigens die gleiche sich den Chlūsten anhaftende üble Nachrede von hierher stammt, lässt sich direkt nicht nachweisen, dazu stimmt auch nicht, dass sie zunächst die popenlosen Raskolniki getroffen hat und von ihnen auf sie übertragen worden ist (vergl. oben S. 477 ff.); denn jene wird man nicht mit den Euchiten identifiziert haben. Aber die Parallele ist in ihrer Genauigkeit überaus frappant. Und aus der Lektüre patristischer anti-häretischer Schriften stammt jene Verleumdung russischer Sektierer letztlich jedenfalls (einige Stellen bei Migne, 122, S. 831, Anm. 37).

oben S. 10 f.) damals in tiefster Verborgenheit in den Wäldern an der oberen Wolga mit Askese und Ekstase nur um ihre eigene Errettung sich mühten¹⁾, mit ihrer Propaganda offener hervorzutreten²⁾, soweit das ihre Arkandisziplin zuließ, um gegenüber der religiösen Not der Zeit auf ihre Weise zu helfen. Die Führung übernahm hierbei nicht nur, sondern gab wohl auch den ersten Anstoß dazu eine unter ihnen auftretende bedeutende Persönlichkeit, Danila Philipow, der wohl nicht die alte überkommene Lehre reformierte, sondern nur durch besonders intensive Anwendung ihrer Christologie auf seine Person und durch deren Bedeutung die Sekte straffer organisierte und ihr neue Lebenskraft einflößte. Eine Vision gab ihnen und ihm die höhere Sanktion für das Unternehmen. — Wäre so unsere Annahme über ihren Ursprung mit der Legende der Sekte selbst über ihre Entstehung kombiniert, indem diese letztere dann nicht als erstmalige Entstehung, sondern als erneuter Aufschwung aufgefasst würde, so weist auf diese Auffassung die Legende selbst durch ihre Erzählung von älteren Christussen hin — obgleich sie sie nicht teilt (vergl. oben S. 6 f.). Bei Anerkennung von deren Glaubwürdigkeit (vergl. oben S. 96) wären das die einzigen Spuren der Existenz der Sekte in Russland vom 14. bis 16. Jahrhundert. — Sollte aber auch diese hypothetische Annahme ihres Ursprungs speziell aus der Sekte der Euchiten sich vor der fortschreitenden Forschung nicht bewähren, so wird doch die Auffassung der Chlüstowschtschina als einer mit dem anatolischen Christentum überkommenen Abzweigung desselben, die heute den letzten vorhandenen ekstatisch-asketischen Ausläufer des altkirchlichen Gnostizismus repräsentiert, sich auch in Russland trotz starker entgegenstehender Vorurteile allmählich durchsetzen müssen.

1) Wenn man jenes Lied überhaupt heranzieht, so muss man es doch in seinem Sinne tun. Es bezeichnet aber bereits jene Asketen als Gottesleute.

2) Eine geschichtliche Parallele böten bis zu einem gewissen Grade die Wiedertäufer der Reformationszeit. Auch sie existierten ja als Mystiker lange vorher, in die grössere Öffentlichkeit wagten sie aber erst zu treten, als das Aufkommen einer grösseren gegen die Kirche gerichteten Partei ihnen dazu den Mut gab.

Nachträge

u n d B e r i c h t i g u n g e n .

Zu Seite 6, Anm. 4: Dass Roščdestwenski recht hat, beweist m. E. der Anfang eines Liedes, das ich in der „Sammlung russischer geistlicher Verse“ von W. Warenzow S. 242—243 finde (entlehnt aus Kostomárows „Von der geschichtlichen Bedeutung der russischen Volkspoesie“ S. 14—15):

Aber in Rom, in Rom, in Jerusaleim . . .
(A w-Ríme, w-Ríme, w-Jerusalíme)
Ist uns der Sohn Gottes geboren.

Zu Seite 9, Zeile 18 ff.: Auf einer mir von L. Backman zur Verfügung gestellten Generalstabskarte finde ich das Dorf Gorodina als an der Wjáśma gelegen verzeichnet, die ein Nebenfluss des Uwódj (eines Nebenflusses der Kljaśma) ist, aber in einer solchen Entfernung vom Uwodj, von diesem nicht nur durch die Wjáśma, sondern auch durch die Uchtochma getrennt, dass Melnikows Angabe als falsch bezeichnet werden muss. Starodub (Rjapolówski oder Wjátiski) ist die ältere Bezeichnung des heutigen Kljaśemski Gorodók an der Kljaśma, dreizehn Werst unterhalb von Kowrów an der Kljaśma. Die übrigen Orte finde ich nicht auf der Karte.

Seite 12, Anm. 3, 3. Zeile und 2. Zeile auf S. 13: Nach Liprandi bei Kelsijew.

Zu Seite 16, Anm. 3: L. Backmann hat auf der oben (zu S. 9) erwähnten Karte das Dorf Maksákowo aufgefunden, 70 Werst nordöstlich von Murom, und statt Wjablizki Pnost, das Druckfehler sein müsse, Wjablizki Pogóst (= Kirchspiel) konjiziert, das freilich nicht auf der Karte verzeichnet war, wohl aber in der nächsten Nähe von Maksakowo ein Dorf Ošjablikówski. Aufklärung brachte ein von Backman durch Vermittlung von Pastor E. Holzmayer in Nišchni-Nowgorod beschaffter Brief und Karte des Muromschen Kreises des Chefs der Akziseverwaltung, des letzteren A. Uksche. Danach liegt $1\frac{1}{4}$ Werst von Maksakowo Šjablizki Pogost (identisch mit Ošjablikowski der Generalstabskarte), sodass also die Namensschreibung bei Dobrotworski (in dessen Artikel „Nachrichten über die im russischen Raskol sogenannte

Sekte der Gottesleute“; S. 340 steht die Angabe) zwei Druckfehler enthält, die sich bei der Aehnlichkeit der betreffenden russischen Buchstaben leicht erklären. Auch ein „Kirchspiel Jegori“ (Jegorjewski Pogost) gibt es in der Nähe, $9\frac{1}{4}$ Werst von Maksakowo, auch Lipowizü genannt. Starodub, ein anderer Ort als der S. 9 genannte (vergl. Nachtrag zu S. 9), war auf den Karten nicht zu finden. Es ist das ein sehr häufiger Ortsname (= Alteichen).

Zu Seite 20, 11. Zeile: In der altslawischen und russischen Bibelübersetzung wird mit „Lóбноje Mésto“ *χρανίου τόπος* übersetzt. Der Ort der Qualen Suslows sollte als zweites „Golgatha“ bezeichnet werden. L. Backman: „Die Uebersetzung „Stirnplatz“ ist richtig, bedarf aber einer Erklärung. Das sogenannte „Lóбноje Mésto“ ist ja ein etwa $1\frac{1}{2}$ Arschin hoher Steinbau auf dem „Roten Platze“ in der Nähe der Erlösertore, rund, etwa 35—50 Fuss im Durchmesser. Die Hinrichtungen wurden nie auf dieser Erhöhung, sondern nur in der Nähe derselben an der Kremlmauer auf einem ad hoc erbauten Schaffot oder Scheiterhaufen vollzogen. Nur das Urteil wurde vom „Lóбноje Mésto“ aus verlesen. Aber, obgleich offiziell nur der Steinbau so heisst, wird noch heute vom Volke auch die Umgebung desselben so genannt (vergl. S. 75, 12. Z. von unten). Vor allem aber empfangen dort die Grossfürsten und Patriarchen die Bittsteller und solche, die Klagen vorzubringen hatten. Die Bittsteller pflegten aber nach russischer Sitte vor dem Grossfürsten oder Patriarchen auf die Kniee zu fallen und mit der Stirn die Erde zu berühren. Damit hängt der Name zusammen“.

Zu Seite 25, Z. 1 f.: Eine Schilderung der „Erdgefängnisse“, wie sie in Klöstern für Irrlehrer bis in die zweite Hälfte des 18. Jahrhunderts im Gebrauche waren, gibt A. S. Prugawin (Die Klostergefängnisse, Uebers. S. 20 f.). Danach waren es unterirdische Gefängnisse, drei Meter tief unter der Erde (unter dem Klostergebäude), am Rande mit Ziegelsteinen eingefasst; ihr Dach bestand aus Brettern, die mit Erde bedeckt waren; durch eine in ihm befindliche verschliessbare Tür wurde der Gefangene hinuntergelassen, resp. hinaufgezogen.

Zu Seite 25, 9. Z. L. Backman: „bogatīna ist nicht gleich bogatūr (Held), sondern bäuerlicher Ausdruck für bogātsch (der Reiche), also „der reiche Reiche“ = der sehr Reiche“.

Zu Seite 25 Anm. L. Backman: „Der Sucharewturm hat in der Tat auch einen Adler an der Spitze, aber nie hat man beim Durchgehen durch das Tor desselben die Mütze abgenommen. Die Erlösertore sollen, wie mir gesagt worden ist, ähnlich einer Tschasównja (Kapelle, kleine Kirche ohne Altar) kirchliche Weihe erhalten haben, und daher muss man beim Durchgehn die Mütze abnehmen“.

Zu Seite 26: Von einem Besuche „des reichen Gastes“ Danila handelt wohl auch das Lied, das neuerdings der Priester Schewaléjewski in einer von ihm in der Kursker Eparchie zusammengebrachten Sammlung von Skopzenliedern bringt (Geistliche Lieder der Skopzen der Kursker Eparchie, Missions-Rundschau 1906, S. 194). Es wird von den Skopzen offenbar auf Seliwanow bezogen, hat aber nichts

Skopzisches an sich, sondern trägt altertümlicheres Gepräge. In ihm singt ein Mädchen (wohl eine Profetin):

Ich erwartete, erwartete das Väterchen bei mir zu Gast,
 Und mit Anstrengung hab ich ihn, das Licht, erwartet:
 Nächtige, mein Väterchen, ein Nächstchen,
 Nächtige, Leiblicher, wenigstens das zweite (Nächstchen);
 Aber wenn du auch das dritte nächtigen wirst,
 So werde ich dich selber geleiten,
 Auf dem breiten Wege mit Verbeugung,
 Im dunklen Walde mit Lichten (swetschámi)
 Auf dem freien Felde mit Rufen (golosámi)
 Auf dem blauen Meere mit Schiffen (korabljámi).
 Es setzte sich unser Väterchen in ein Schiffehen,
 Es setzte sich der Angestammte in ein breites.
 „Haltet ihr, Fahrer, fahret nicht,
 Ich vergass, das Väterchen um Rat zu fragen (sprositjsja),
 Ich vergass, den Angestammten zu ersuchen (dološitjsja):
 Wie wir leben und das Leben verbringen sollen (proščiti),
 Die Seele im Leibe zu erretten (spasiti)“.
 Es verlautebarte unser Väterchen, ja unsere Hoffnung,
 Er unser reicher Gast:
 „Ja betet (molítesja), Freunde, seid nicht träge (ne lenítesja),
 Zu Gott dem Herrn betet, Freunde, seid nicht träge,
 Den Lehrer des Lichts verehret (potschitaíte),
 Den Heiligen Geist verehret (potschitaíte),
 Den Heiligen Geist beobachtet (sobljudaíte)!
 Denn so müssen wir leben und das Leben verbringen (proščíti),
 Die Seele im Leibe erretten (spasiti)“.

Zu Seite 27, Z. 13 ff.: Von dieser Verfolgung handelt wohl folgendes Lied (bei Schewaléjewski, Geistliche Lieder der Skopzen der Kursker Eparchie S. 194—195):

Im freien Felde beim Tale,
 Beim grünen Dickicht,
 Da wuchs ein grüner Garten auf
 Mit fruchtbaren Bäumen.
 Inmitten des grünen Gartens
 Wurde eine geistliche Herde geweidet.
 Hier war eine Umfriedigung Gottes.
 Und auf den Wiesen, auf den Wiesen (lugáč),
 Auf den Zionsbergen (gorách)
 Stand des Väterchens Halle,
 Freude hatten alle in ihm,
 Die gläubigen Gerechten Versammlung (sobránje).
 Es geschah eine schlimme Untersuchung (nedošnánje):
 Sie verloren ihren Rang (śwánje) —
 Trauer, ganz grosser Kummer!
 Von der mitternächtlichen Seite
 Erhob sich ein Wetter (pogóda),

Es rauschte das Dickicht (dubrąwa),
 Es schwankte der grüne Garten
 Mit den fruchtbaren Bäumen.
 Aber die Wächter waren eingeschlummert (śadremáli).
 Es flogen die Vögel Raben herab,
 Von den Bäumen heimsten sie (posobráli) die Früchte ein,
 Die noch unreifen Weintrauben (winogrądu),
 Trugen sie zur Umfriedigung (ogrądu) hinaus.
 O ihr, o ihr, ihr habt verschlafen (prospáli),
 Die Schafe haben die Wölfe verschleppt (rastaskáli).
 Der Hirte, der Hirte, der gute Hirte,
 Vermisste (chwatílsja) seine Schäflein,
 Es weinte das Väterchen, betete (molílsja),
 Setzte sich (sadílsja) auf den goldenen Thron:
 „Ihr Erzengel des Herrn (Gospódni),
 Ihr werdet Thron- (prestólńń) Rang erhalten,
 Gehet ihr, schwebet (pokatíte),
 Bringet meine Schafe zurück (worotíte).
 Sie, die armen, sind in Höhlen (wertépach),
 Böse Qual erleiden sie (térpjat) bitter“.
 Die Erzengel schwebten,
 Nahmen klingende Harfen
 Und kostbare (dorogíje) Instrumente —
 Anstimmen werden sie, die heiligen (swjatíje),
 Vor ihnen sind goldene (śolotíja) Posaunen.
 Auf den Harfen beginnen sie zu spielen,
 Auf den Instrumenten stimmen sie an (śapojút)
 Und rufen (pośowút) alle:
 „Liebe, besinnet euch (spochwatíte),
 Kranke, kehret zurück!“
 O ihr, o ihr, unser Sohn Gottes (Bóśchi),
 Segne, Allerhöchster (Predwúšni) Schöpfer,
 Uns deine Herzens- (serdétšńń) Quelle zu eröffnen,
 Das Paradies des Reiches aufzuschliessen (otperétj),
 Damit wir an der Seele nicht sterben (umerétj).

Von derselben Verfolgung handelt wohl auch das Lied oben S. 333 Anm. Was dort ein „kleines Missgeschick“ genannt wird, heisst hier eine „schlimme Untersuchung“, ein „Wetter von der mitternächtlichen Seite“.

Zu Seite 29, Z. 13 ff.: Auch N. Iwanowski spricht gelegentlich (Womit und wie soll man die Erforschung des Sektentums beginnen? Miss.-Rundsch. 1896 1. Märzheft, S. 9) auf grund dessen, dass er in vielen von ihm durchgelesenen Prozessakten kein einziges Mal auf ihre Namen gestossen, einen Zweifel aus, ob sich die mystischen Fäseleien über Danila Philippow und Iwan Timofejew erhalten haben (und wenn, in welchem Umfange). Doch hat er in der Folgezeit diesen Zweifel aufgegeben, denn er erzählt von den Samaraer Chlústen (Die Sekte der Chlústen in ihrer Geschichte etc. S. 216), dass wenn

beim Priwod dem Neophyten die Gebote der Sekte eingeschärft werden, dieser antwortet: „Betet für mich zu dem Väterchen Danila Philippowitsch“; und fügt hinzu, dass demnach sich die Erinnerung an ihn an einigen Orten erhalten hat (er beruft sich dabei auf Mitteilungen des Samaraer Delegierten auf dem Missionskongresse; da J. diese Mitteilung über den Priwod bereits in seinem Artikel, Der Ritus der Aufnahme bei den gegenwärtigen Chlūsten etc. Miss.-Rundsch. 1896 1. Nov.-Heft S. 315, geboten, so meint er den 2. allruss. Missionskongress in Moskau 1891).

Seite 32, 5. Z.: P. Dobromūsłow.

Seite 35, Anm. letzte Zeile von unten: Ergänzende Nachrichten über die Sekte der Gottesleute.

Seite 40, 20. Z.: Phrolów.

Seite 43, 8. Z. (und sonst): Warsonóphjewski-Kloster.

Zu Seite 43, 10. Z. vergl. S. 112, Anm. 3.

Seite 43, 25. Z.: Nikiforow.

Seite 44, 12. Z.: Brásowo.

Seite 44, 18. Z.: (Akten der Unters. etc.).

Seite 54, zwischen 2) und 3) hinzuzufügen: Pelikan, Gerichtlich-medizinische Untersuchungen über das Skopzentum und historische Nachrichten über dasselbe 1872, S. 152—162, Uebers. S. 175—187, Auszüge aus der Akte des Synodalarchivs № 213 „Nach Angabe aus der Untersuchungskommission für Raskolniki in Moskau über die in Perejaslawl Salesski aufgetretenen Anhänger der Quäkersekte“ (begonnen am 9. Febr. 1747).

Zu Seite 72: Ueber ihre Bekehrung zur Sekte sagte Nastasja beim peinlichen Verhör (1733) folgendes aus (Tschistowitsch S. 4—5): „Vor etwa 30 Jahren, als sie bei ihrem Bruder lebte, ging sie mit ihm auf die Sperlingsberge in das Haus des Bauern Alekse Trophimow auf die genannten Versammlungen. Die Schwester des Wirts Fjokla zitterte, während sie auf der Bank sass, und von jener Bank warf es sie in die Höhe, als geschehe es durch Wind, und betend drehte sie sich in die Runde und sprach, dass sie auf göttliche Genehmigung hin handle, weil auf sie der H. Geist herabgekommen, und dass die Hingekommenen daran nicht zweifeln und Wein nicht trinken und nicht heiraten möchten; sie weissagte auch, dass von den Hingekommenen die einen sterben, die andern sich dem Trunke ergeben würden, die dritten würden Unglücksfälle treffen, was sich auch ereignete. Die Arme schwenkte sie demgemäss, als ob die Engel sie auf den Flügeln trügen. Brot und Kwas gab sie als Kommunion und lehrte von der zweiten Taufe durch Geist. Trophimow und der Bauer Lupkin wählten sie (Nastasja) zur Leiterin und sie pflegte bei ihnen auf Versammlungen zu sein“. . . . Demnach dürfte die Missgunst Lupkins ihr gegenüber erst entstanden sein, als sie ihm zu angesehen wurde.

Seite 72, 7. Z. von unten: Suśdal liegt im Kreise Wladimir.

Seite 94, Anm. 3: Dimitri.

Seite 104, 7. Zeile v. unten: pólskije wird hier nach

dem älteren Sinne zu nehmen sein, abgeleitet von póle, das Feld: Tiere des Feldes.

Seite 112, 12. Zeile: Kreuzes.

Zu Seite 126, Anm. 2. L. Backman: „Ich bin fest überzeugt, dass es das Wort „Welmóscha“ mit der Endung eines Kosenamens ist = grosser, bedeutender Mann, (aus „wéli = weliki, gross, und musch, Mann, gebildet). Dass Osipow seine Anhänger in geistlicher Beziehung für hervorragende Leute erklärte oder als solche bezeichnete, ist natürlich. Grammatisch müsste die Koseendung zu „Welmóscha“ eigentlich — „ošchka“ sein, nicht — „uschka“, aber im Russischen und besonders in der Bauernsprache kommt eine derartige Umbildung nicht selten vor: djéwotschka und djéwuschka, das Mädchen, djétotschki und djétuschki, die Kindlein u. a. m. Diese Endung hat im Munde der Bauern niemals eine verächtliche Nebenbedeutung, wie nicht selten im Munde des Gebildeten“.

Zu Seite 128, Anm. 6 auf Seite 129, 6. Z. L. Backman: „nadarilisja“, scheint mir, müsste durch „sich beschenken lassen“ (scil. durch den h. Geist) übersetzt werden“.

Zu Seite 160, 11. Z.: verspreche vor der etc.

Zu Seite 161 Rudja: Kutepow hat die Mitteilungen über Rudja aus dem Artikel „Die Nowochoperskschen Sektierer, Chlügen“, in den Woronescher Ep.-Nachr. von 1871 geschöpft (S. 726—734). Danach war im Jahre 1815 in Tróizki Jurt, 15 Werst von Krasnaja, ein Bauer, der offiziell als Raskolnik Iwan Porphiljew bezeichnet wurde, als Johann der Täufer aufgetreten, umgeben von sechs Aposteln und der Grossmartyrerin Warwara (diesen Vornamen hatte das Mädchen wirklich). Kurz vor dem Auftreten Rudjas erschienen in Krasnaja „Blöde“ (Nikolai Karatschanski hiess der eine) und weissagten. Das Buch wollte Rudja auf der Reise nach Kijew erhalten haben. Er hatte aus Krasnaja Boten in die umliegenden Sloboden und Dörfer gesandt. Zu ihnen gehörte Mikitka. Die Laienschwestern wohnten in einzelnen Hütten zu zwei und drei. Er lehrte sie, sich um Mitternacht gegenseitig mit Wasser zu begiessen (vergl. auch oben S. 320, Anm. 2). Als (am 6. Januar) 1837 die Wasserweihe am Flusse Chopra vollzogen wurde, klatschten Mikitka und seine Anhänger in die Hände. Dafür wurden sie verhaftet und verschickt. — Ferner berichtet über Rudja W. Polikarpow in seinem Artikel „Von der Sekte der „Bogomolü“ (im Woronescher Gouv.), Miss.-Rundsch. 1897, 1. Juniheft S. 521—527. Er hat nicht nur den oben genannten Artikel benutzt, sondern auch eine Rede des früheren Priesters von Krasnaja N. Dolerinski, die er 1868 gehalten. Danach gehörte Rudja als Knabe zu den Sängern des Gutsbesitzers Borošdin und lernte hier lesen. Als er erwachsen war, las er an Sonn- und Feiertagen den Leuten die Bibel, Tschétji Miné-i und andere Bücher religiösen Inhalts vor. Von seiner Pilgerfahrt nach Kijew zurückgekehrt, sagte er sich „aus Frömmigkeit“ von seinem Weibe los und führte Versammlungen mit Psalmengesang und Radenija ein. Besonders betonte er in seinen Belehrungen die Gleichheit von Mann und Weib (Gal. 3, 28).

Doch „wurden als Glieder der Gesellschaft nur Verheiratete und Witwer und Witwen zugelassen, aber unter keiner Bedingung Junggesellen oder Mädchen“ (?). Die Ehe „erachteten sie als Unzucht, als unvereinbar mit der allmählichen Ertötung des Fleisches.“ Die Gesellschaft Rudjas versammelte sich abends in den Häusern der Mitglieder derselben der Reihe nach. Zuerst las Rudja aus einem erbaulichen Buche vor, alle hörten zu; darauf wurden Psalmen gesungen. Währenddessen „gerieten sie in Verzückerung, bald schüttelten sie sich, bald bebten sie am ganzen Leibe; irgendein Weib schrie mit verschiedenen Stimmen auf“, indem sie die Worte nicht zu Ende sprach, „denen man die Bedeutung von Weissagungen beilegte“. Dann wurden diejenigen, welche noch nicht zur Sekte gehörten (die auch nicht mitsingen durften), nach Hause geschickt. Die nun allein bleibenden Sektierer begannen ungestüm sich zu schütteln, die Füße zu regen, die Arme zu schwenken und die Lippen zu bewegen, als ob sie „Staub von irgend etwas abliesen“. — „Oeffentlich betrugten sie sich ganz wie Rechtgläubige und galten als die grössten Eiferer für die Rechtgläubigkeit“. — Dolerinski, der seit 1863 Priester in Krasnaja war, ist selbst zweimal auf Versammlungen der „Bogomolü“ gewesen, aber hörte nur Lektüre und Gesang. Nach Polikarpow existierten sie noch 1897 in Krasnaja, aber ihr Zentrum ist gegenwärtig das Dorf Püchówka, wo ihr Haupt Ignát lebt, der zuweilen nach Krasnaja kommt und dann dort von Frauen umgeben ist, die für Nonnen gelten. Zuweilen geht er mit ihnen zur Kirche, vor deren Tür er ein hölzernes Kreuz aufpflanzt, um davor zu beten; darauf nimmt er das Kreuz wieder auf und geht davon.

Zu Seite 162 Anm.. An erster Stelle ist hinzuzufügen: Kelsijew, Sammlung etc. II. S. 77—82, Die Montanen, Nachrichten über die Montanische Sekte, beschafft vom Samaraer Eparchial-Archiere (Vertraulich, 20. Febr. 1855), S. 83—84, Rapport-Niederschrift, bald nach dem Empfang der Nachrichten von der Eparchial-Obrigkeit (im Auftrage des Samaraer Gouverneurs) vom Beamten für besondere Aufträge Worónow verfasst und dem Chef des Samaraer Gouvernements überreicht. — Diese Aktenstücke sind in den in der Anm. genannten Artikeln z. T. benutzt. Hinzuzufügen wäre noch: Sie nennen sich selbst nicht „Montanen“, sondern „geistliche Christen“ oder „Pilger und Umherwandernde“, aber diese Beziehungen sind der Sekte nicht eigentümlich, auch nicht allgemein bei ihnen in Gebrauch. Ausser Wasili Nikiforow werden noch der Bauer des Dorfes Kámenka Ignati Iwánow und das ihm zur Seite stehende Mädchen Ksenija Danilowa als Verbreiter der Sekte genannt, welche letztere in vielen Ansiedlungen der Kreise Samara und Stawropol Einfluss hat: sie gilt als unter dem Einfluss des Geistes stehend. Die Priester haben bemerkt, dass sie in engem Zusammenhang mit Moskau stehen, von dort Geldmittel zur Unterstützung und Verstärkung ihrer Sekte erhalten, dass einige Bauern unter dem Vorwande der Pilgerfahrt zu h. Orten dorthin gehen und als Lehrer zurückkehren, die unter den Ihrigen besonderes Ansehen geniessen. — Woronow hatte auf einer dienstlichen Reise im Dorfe Málaja Kamenka die Zellenvorsteherin Witwe

Aphimja Iwánowa kennen gelernt, die von Schtscheglow eingesetzt worden und bei der sich nicht nur Bauern ihres Dorfes, sondern auch des Kirchdorfes Jekaterinowka und des Dorfes Stáru Buján versammelten. Sie nimmt die Bauerntöchter noch als minderjährige auf, lehrt sie lesen und schreiben, und wenn sie erwachsen, so weiht sie sie zu Zellenfrauen. Auf ihren Versammlungen lesen die Anhänger Schtscheglow's heilige Bücher und singen. Aeusserlich sind sie an ihren langen Haaren kenntlich. Sie benutzen Heiligenbilder, die von dem Sohne Schtscheglow's gemalt sind und von ihm selbst verkauft werden. In Samara im eigenen Hause wohnend benutzt er diesen Handel zum Vorwande für seine Reisen in die umliegenden Dörfer. Ueberhaupt treibt er sein Propaganda sehr geheim und gewandt. —

Der an zweiter Stelle genannte Artikel ist vom Protoiereie D. Orlow gezeichnet. —

5. Zeile: 1895.

An letzter Stelle ist hinzuzufügen: Je. Kesarew, Das Besednikentum als Sekte I. Die Besedschiki der Samaraer Eparchie 1905. Ueber Schtscheglow teilt Kesarew noch Folgendes mit (im Abschnitt „Der Organisator des Zellenwesens und Begründer des Besednikentums W. N. Schtscheglow S. 3—12): Er war geboren im Dorfe Prislónicha im Gouv. Simbirsk; nach der Legende, die sich über ihn gebildet hat, war er Sohn frommer Eltern, die regelmässig den Tempel Gottes besuchten, ihn aber auch oft in das Nachbardorf Basárnü Urénj mitnahmen, wo sich unter Leitung zweier Gutsbesitzerinnen, der Schwestern Anna Andréjewna und Darja Andrejewna (beide unverheiratet), eine religiöse Genossenschaft gebildet hatte, die ein streng enthaltsames Leben führte. Alle Besucher ohne Unterschied, wer nur das Bedürfnis fühlte, die Seele durch seelenerrettende Lektüre und Gespräche über erbauliche Gegenstände des Glaubens und Lebens zu heilen, nahmen sie freundlich auf. Hierher kamen die Besitzerinnen der benachbarten Güter, ja sogar aus den Nachbargouvernements (z. B. aus dem Samaraschen eine gewisse Jekaterina Petrowna) und lebten hier oft lange. Die Töchter einiger Bauern aber wohnten hier beständig, nicht so sehr als Dienstboten, als vielmehr als Freundinnen und Teilnehmerinnen an den Mühn der Durchführung des guten Werkes des Zellenlebens. Eine von ihnen heiratete Schtscheglow, welcher von Natur zur Einsamkeit und Exaltation geneigt war. Er liebte die einsamen, sternhellen Nächte und hörte nach seinen Worten oft beim Rollen des Donners deutlich unerklärliche Worte. Oft richtete er in Gegenwart anderer seine Blicke unter Gemurmeln verständlicher Worte zum Himmel, weil er einen Weg dorthin, bestehend aus vielen feurigen Sternen, und Antlitze der Engel sehe. Derartige Visionen hörten aber plötzlich auf, was zeitlich mit der Ankunft zweier Wanderer zusammenfiel, die ihm vieles über ein gerechtes Leben, Beten und Fasten sagten. Seitdem fühlte er in sich eine besondere „Weisheit“ und die Gabe der „Seherkraft“, die Fähigkeit, den Menschen ganz zu durchschauen, ihn an zwei, drei Worten zu erkennen, nahm Pilger, Uebersiedelnde, wandernde Arbeiter, Handwerker, Kaufleute freundlich bei sich auf, bewirtete sie, so gut er es

vermochte, und knüpfte mit ihnen Gespräche über die Errettung der Seele an, indem er dabei die Genossenschaft in Bašárnü Urénj als Muster eines wahrhaft tugendhaften Lebens hinstellte. Der Zustrom dorthin nahm (infolgedessen) immer mehr zu, sodass die Polizei sich veranlasst sah, sie aufzulösen. Um sich Verfolgungen zu entziehen, siedelte Schtscheglow nunmehr mit seiner Familie und zwei bei ihm lebenden Tschernitschki nach Samara über, wohin bereits einige Mädchen aus der aufgelösten Genossenschaft sich zu Jekaterina Petrowna begeben hatten, bei der ebenfalls Zellenfrauen lebten. Hier wohnte er bald in einem Dorfe, bald im andern, so in Dubowü Umjot, Bolschája Kamenka, Rakowka u. a., predigte überall seine Lehre und gründete Genossenschaften, denen er Vorsteher aus den örtlichen Bauern gab. Er selbst führte ein sehr enthaltsames Leben, kleidete sich ärmlich, trank weder Thee noch Branntwein, ass kein Fleisch, vor der Kommunion (in der Kirche) ass er eine ganze Woche nichts. Mit allen sprach er freundlich, hatte immer ein Lächeln auf den Lippen, liebte (geistlichen) Gesang und Lektüre geistlicher Bücher. Besonders beschäftigte er sich mit dem Buche Tichons von Worónesch „Von der Pflicht eines Christen“ und dem Johann Bunyans „Die Reise des Christen zur seligen Ewigkeit“ (es soll im Russischen in mehreren Ausgaben unter verschiedenen Titeln sehr verbreitet sein, ihm soll Schtsch. seine Lehre „vom ersten Christen“, vergl. oben S. 163, entnommen haben).

Zu Seite 165: Ueber das Bild Nikiforows findet sich noch folgende Mitteilung (Die Lehre der Anhänger W. Schtscheglow's etc.): „Schtscheglow wird dargestellt in einem gegerbten Halbpelz, ungekämmt, mit einem geraden Scheitel auf der Stirn, mit einem kleinen keilförmigen Bärtchen, ohne Backenbart, mit begeisterter Physiognomie von matter Farbe“. Seine Anhänger verehren es ebenso, wie das Christusbild, indem sie sagen: „Heiland war Christus, aber Nikiforow ist der Christ, das gerechte Seelchen; beide sind sie Fürsorger (radételi) und Kämpfer (wo-iteli) gegen die Macht der Sünde. Nun, so müssen sie natürlich auch neben einander auf der Gottesbilderkonsole stehen und ihnen gleiche Ehre erwiesen werden“. — Die Zellen haben zwei Abteilungen, die vordere zum Wohnen, die hintere für die „Radénija“, auch „beséduschka Gospódnja“ (Unterhaltung [dim.] des Herrn) genannt, wonach sie „besédniki“ heissen. Hier befinden sich Sitze, die „gerechte Sitzplätze“ genannt werden. — Wenn sie bei der Unterhaltung in Begeisterung gerieten, so sprangen sie mit Gelächter von den Bänken empor, ergriffen sich paarweise an den Händen, fielen hin und wälzten sich auf der Diele, liefen auf den Hof, nahmen Erde und rieben sich damit die Brust, mit dem Ausruf „Gnade des h. Geistes“.

Zu Seite 168: Aus dem ersten Sendschreiben Schtscheglow's werden in dem Artikel „Die Lehre der Anhänger Wasili S. etc.“ noch folgende Bruchstücke mitgeteilt:

„Besser wäre es, nicht in der Welt geboren werden, wo die Sünde sich bereicherte, die Frömmigkeit verarmte, d. h. nicht die Frömmigkeit (selbst) verarmte, sondern es ward nur in der Welt

wenig Frömmigkeit. Aber wir leben in der Welt. Wie viel jemand von uns sich von der Welt entfernte zu einem besseren Leben in Werken und Worten und Taten, soviel wird ihm auch zugeteilt werden auf dem schrecklichen und gerechten Gericht. Wer der Welt Freund ist, ist Gottes Feind“.

„Das weltliche Leben ist ein sündhaftes, unflätiges; längst bedarf es der Besserung, nur nicht nach den Regeln und Ordnungen, welche für Geld die Kirchenleute herausgeben. Denn ihre Ordnungen sind zu nichts nütze, nur zum Bösen; ja auch selbst leben sie nicht nach den Ordnungen, sondern lassen der Sünde freien Lauf“.

„Ohne Versöhnung und Busse hat der Mensch auch keine Errettung; aber obgleich er auch büsst und betet, wenn in ihm kein Friede mit den Menschen ist, so ist für ihn auch keine Errettung da: wenn mit den Menschen kein Friede da ist, so ist auch mit Gott kein Friede. Der Herr kam vom Himmel herab, brachte mit sich Frieden auf die Erde herab und sagte: „Frieden gebe ich euch“, und zu den Aposteln sagte er ebenfalls: „Wenn ihr in ein Haus geht, so sagt den Leuten: „Friede sei euch“; wenn jemand euren Frieden annimmt, so wird in jenem Hause der Friede ruhen; aber wer nicht annimmt, Sodom und Gomorra wird es am Gerichtstage erfreulicher sein, als dem, der euren Frieden nicht angenommen“.

„Ihr sollt euch mit nichts überheben, ausser wie ihr euch in Nichtigkeit bringen könntet: wer sich erniedrigte, der erhöhte sich; aber wer sich erhöhte, der erniedrigte sich. Manchen führt Gott so. Wie auf dem Schaffot gemäss den Zarischen Befehlen, die Verbrecher genannt werden, bestraft werden, so sind auch wir Verbrecher, wenn wir die Gebote Gottes brechen. Wir brechen die Gebote, wenn auch nicht so, wie die, welche zum Schaffot verurteilt sind, sondern wir pflegen eines andern Verbrechens schuldig zu sein. Bei vielen ist die Sünde in der Brust verborgen, in seiner Schamhaftigkeit prüft er nicht genau, was für eine Sünde es war, und beichtet es nicht dem Beichtvater. Der Mensch tadelt sich gewohnheitsmässig und schilt die Sünde, aber zu gleicher Zeit lobt er sich desto mehr, und zwar deswegen, weil er nicht sieht, wie die Sünde durch die Seele geht, wie Wasser durch einen Sieb“. —

Ferner bietet Je. Kesarew (S. 6—11) einen Abriss der Lehre Schtscheglows, welcher aus teils in Verkürzung, teils in extenso wiedergegebenen Aussprüchen desselben zusammengesetzt ist. Kesarew gibt nicht seine Quelle an. Da sich aber einige in den von uns dargebotenen Bruchstücken seiner Briefe finden, so lässt sich annehmen, dass auch die anderen aus diesen entnommen sind: da sich Kesarew sonst einmal für seine Darbietungen auf das Samaraer Konsistorium beruft, so wird er auch sie in dessen Akten gefunden haben (vergl. oben S. 165). Doch mag er auch diesen oder jenen Ausspruch den Zeugenaussagen über Schtscheglows mündliche Predigt entnommen haben (vergl. oben S. 162—164). Wir bieten nun die Aussprüche, die sonst nicht mitgeteilt werden:

... Verstrickt durch den Däbel, sündigt der Mensch auch in der Kirche selbst: er geht in die Kirche mit einer Sünde hinein, aber kommt

mit einem ganzen Korbe heraus. Das kirchliche Gebet kann nicht die Sünde totschiagen; es vermag sie weder das (kirchliche) Fasten, noch das Einsiedlerleben auszurotten: ein Mönch kämpfte 40 Jahre lang in der Einsiedelei gegen die fleischliche Begierde und Geldgier an, aber die letzteren blieben auch in der Einsiedelei unüberwunden. „Man kann den Leib in einen Käfig einschliessen, doch die Seele bleibt bei Räuerei“. Eine reine Jungfrau grub sich im Wunsche, für die Welt zu sterben, bis zum Halse in die Erde ein und verbrachte die ganze Zeit im Gebete, sodass ihre ganze Kleidung bereits an ihr vermodert war. Und siehe da kommt ein Mönch und ruft sie, sie solle ihm in die Kirche folgen. Sie weigerte sich, nackt zu gehen. „Aber, du bist doch für die Welt gestorben“, sagte der Mönch. „Ich schäme mich“, sagte die reine Jungfrau und folgte dem Mönch nicht. Folglich war sie für die Welt noch nicht gestorben. Nicht Fasten, noch Gebete, noch Opfer erretten an sich den Menschen. Ein Mönch stritt mit dem Teufel. „Ich faste“ sagte der Mönch; „aber ich habe niemals gegessen“, antwortete der Teufel. „Ich wache, bete zu Gott“; „aber ich habe niemals geschlafen“. „Ich fürchte Gott“; „aber ich zittere vor Ihm“. „Ich lese die heilige Schrift“; „aber ich kenne die Schrift auswendig“. Ein Dieb, der sich mehrere Mal vor der Verfolgung retten musste, betete (jedemal) zu Nikolai dem Wundertäter um seine Errettung und legte dabei verschiedene Gelübde ab, welche er auch erfüllte. Das letzte Mal befahl ihm Nikolai der Wundertäter, sich im Rumpfe eines verwesenden Pferdes zu verbergen, und fragte hernach, ob er es dort gut gehabt. Der Dieb antwortete: „Schlecht, schwül, abscheulich“. „So wird auch mir schwül und abscheulich (zu Mute) vor deinen Darbringungen, die durch Unrechlichkeit erworben sind“, sagte der Heilige. — „Es ist besser, in Demut einem armen Menschen ein Krummholz für sein Pferd zu geben, als dem Popen ein Messgewand in Stolz und zur Ehre seines (eigenen) unehrlichen Namens“. „Man soll den Tempel nicht zu einer Räuberhöhle machen“, aber in ihm sind alle Ziegel bereits mit Menschenblut gestrichen“.

... Die Wahrheit (Rechlichkeit) kommt ins Volk durch gerechte Leute, welche wie die Sonne die finsternen Seelen der Sünder erhellen, das weltliche Dunkel vertreiben und den rechten Weg zeigen. Zu ihren Lebzeiten kommen zu ihnen Scharen von Leuten, kranken, beleidigten und unterjochten — sie kommen wie zur allerwertvollsten Heilquelle, weil sie für sich Heilung und Lösung von den die Seele knechtenden Zweifeln erhalten. Nur durch einen Gerechten kann man die Gerechtigkeit erlernen: der Schüler kann nicht mehr sein, als sein Lehrer. Der Geist der Arglist geht ebenfalls unter den Leuten umher: der Feldherr sammelt sich ein Heer, um fremde Länder zu verwüsten; der Kaufmann wählt gewandte Kommis, um grösseren Gewinn zu erhalten; der Räuber sucht sich ihm ähnliche, um Menschenleben zu verderben. „O, weltliche Hoffart! Wo sind deine Zaren, deine Feldherrn, deine Krieger, wo hohe Geburt und Reichtum, wo deine Städte, deine Schlösser und Grabmäler? Alles verwandelte sich in Staub, alles hat der Wind verweht, — alle Süßigkeit der Sünde verging mit (ihrem) Geräusch, weil nur von Wahrheit ewiges Licht ausgeht“.

Ein Weib kann den Mann verraten, eine Mutter ihr Kind vergessen; die Wahrheit aber verrät nie den Menschen: in diesem Leben schmückt sie ihn mit Gaben der Profetie, der Seherkraft und Ueberführung, aber im künftigen Zeitalter gibt sie ihm das himmlische Reich. Die Gerechten sind gestorben, aber über Krümchen ihrer unverweslichen Gebeine, über Teilchen ihrer Kleidung werden auf Erden Kirchen gebaut, werden in den Städten Kathedralen errichtet. Und so, wie es verschiedene Geister gibt, so gibt es auch verschiedene Lehrer, und die Wege, auf welchen sie leiten, sind auch verschieden; und da man auf zwei Wegen (zugleich) nicht gehen kann, so muss man ordentlich überlegen, wem wir folgen sollen: ob wir nicht amende nach Speise zu einem Menschen gehen, der selber hungrig ist; ob wir nicht einen Menschen um Freiheit bitten, der selbst an Händen und Füßen gefesselt ist. Es ist gesagt: „Viel vermag das dringliche Gebet eines Gerechten“ (Jak. 5, 16), ihn eben muss man suchen.

Uns sind Priester von einem Range gegeben, der höher ist als der der Engel, weil den Engeln nicht die Macht, zu binden und zu lösen, gegeben ist; aber den ersteren ist solche Macht gegeben. Nach der Ernennung sind sie — geistliche Hirten, unsere Wegführer, Väterchen; aber nur nach der Ernennung, in Wirklichkeit sind sie vielmehr — Mietlinge, die nicht um Jesu (Jisúsa) willen, sondern um des Bissens Brot (chléba kúsa) willen dienen; sie zeigen wie Werstpfosten den Weg, aber gehen selbst nicht auf ihm, weswegen auch gesagt ist: „Alles was sie euch beobachten heissen, beobachtet; nach ihren Werken aber verfaret nicht, weil sie sagen und nicht tun“ (Matth. 23, 3). Die Hirten selber zertreten Gottes Aue, indem sie der Ueppigkeit dienen und mit ihren Sünden die Sonne der Wahrheit verdunkeln. Sie vergessen, dass den Menschen verführen dasselbe ist, wie ihn töten; aber wann die Seele des Menschen für Gott gestorben ist, dann können die Gaben des h. Geistes, die bei der Taufe, der Myrosalbung, der Busse und Kommunion gegeben werden, nicht mehr die Seele von der Erstarrung erwecken, sie wirken nicht mehr. Wer wird diese tote Seele beleben? H. Ikone befinden sich auf dem Regal, heilige Bücher auf dem Tisch, aber der Mensch schämt sich auch in ihrer Gegenwart nicht und fürchtet sich nicht: schimpft, beleidigt den Nächsten und verübt jegliche Ungehörigkeiten. Die Kirchenbeamten streiten sich im Tempel unter einander, reden unnützes Zeug und kommen sogar betrunken und fürchten sich nicht, dass in der Kirche auf dem Altare unsichtbar J. Christus anwesend ist. Die Anwesenheit eines Gerechten macht sich unwillkürlich überall bemerkbar: die Familienglieder hören auf, sich zu streiten, widerspenstige Kinder werden sanft, gehorsam ihren Eltern; bei seinem Eintritt in die Kirche fühlen alle, dass einer eingetreten, der mehr ist, als Ikone und Bücher, mehr als ein gewöhnlicher Mensch. Durch die Gerechten bestehen die Zarenreiche, durch Wahrheit halten sich die Gesetze aufrecht, durch die Gerechten wirst du auch ins Himmelreich eingehen, weil nur die Gerechten die Schlüssel des Reiches haben. Man muss nur das lebendige Wasser wünschen, und die Wahrheit wird nicht auf sich warten lassen, wie es z. B. auch mit dem Zarensohn Josaph war.

Adam sündigte durch sein Weib Eva. Er pflügte die Erde, aber Eva kochte eine Linsensuppe; in ihren Haaren waren Feldblumen. Adam, müde geworden und beschmutzt, gedachte des Paradieses und seines früheren Lebens, brach in Tränen aus und sagte: „Eva, welcher Freude bin ich durch dich beraubt worden, ich will lieber mit einer Löwin leben!“ Eva warf die Blumen aus den Haaren auf die Erde, teilte ihr Haar in zwei Strähne und sagte: Siehe diese rechte Haarsträhne ist für Gott, aber diese linke Haarsträhne für dich. Da sagte Gott: Das Weib wird einen Sohn gebären, der den Diable besiegen und euch retten und wieder ins Paradies führen wird.

Ein Mensch suchte den Wohnort J. Christi auf Erden und kam in ein Kloster und fragte, ob Er nicht hier sei, aber man antwortete ihm: „Er war früher da, ist aber jetzt irgendwohin weggegangen“. Der Mensch begann Christum unter den Priestern zu suchen, die aber antworteten ihm: „Wir haben nur von Ihm gehört, aber selbst Ihn nicht gesehen; wir leben nicht um Jesu (Jisusa) willen, sondern um des Bissens Brot (chléba kusa) willen“. Es fand der Mensch Christum auch nicht unter den Richtern, Er war auch nicht unter den Zaren. Es erwies sich, dass nur das pflügende Bäuerlein mit dem Herrn lebt, weil ihn allein die Ueppigkeit nicht fesselt, dieses unersättliche Bedürfnis des bösen Geistes, von welcher nicht einmal die Bettelhaftigkeit befreit, und deswegen ist Armut (bédnostj) noch nicht — Heiligkeit (swjátostj).

Um sicherer auf dem Wege der Errettung zu gehen, ist ein erfahrener Handleiter nötig; ein Mensch wandelte im Tale der Demut; er war schon gewöhnt, die Sünden zu unterscheiden, er lebte in einem sehenden und tätigen Glauben; er hatte schon das Kreuz gesehen, aber hatte noch nicht Christum an ihm gesehen, lebte noch nicht in einem lebendigen Glauben; Scharen von Dämonen verfolgten ihn und nur die Gnade, die auf Glauben an J. Christum ausgegossen wird, hielt ihn aufrecht, die Gnade, welche wie eine gute Mutter für ihren Sohn sorgt, und immer zur rechten Zeit einen zuverlässigen Handleiter sendet. An den Feiertagen sitzen in jedem Dorfe und in jedem Hause die heidnischen Götter, Venus, Bacchus und Gefrässigkeit. Von ihnen sind von einem Ende des Dorfes zum andern Stricke mit Häkchen gleich Angeln (dim.) zum Fangen der Seelen gezogen. Schon während des Läutens zum Mittagsgottesdienst, wann das Volk noch auf dem Wege zur Kirche ist, geraten viele auf diese Haken, aber nach dem Mittagsgottesdienste bleiben alle vom Kleinen bis zum Grossen an diesen Haken hängen und werden zu Trunksucht, Liedern, Tänzen und jeglichen Ungehörigkeiten gezogen. Deswegen gehe nicht auf Schmäuse weder zu Fremden, noch zu den Deinigen, gehe weder auf Hochzeiten, noch auf Taufen; segne nicht Bräutigam und Braut im Kreise von lärmenden Trunkenbolden und verunehre damit nicht den Namen des Herrn, denn es ist gesagt: du sollst den Namen des Herrn deines Gottes nicht unnützlich führen; die Kinder, besonders die Kinder armer Eltern zu taufen (d. h. Paten zu stehen und das Patengeschenk zu geben), lehnet nicht ab, aber von den auf Taufen gewohnheitsmässigen Ungehörigkeiten entfernt euch; gib keinerlei Sachen, wenn

du weisst, dass der da nimmt, eine Schmauserei oder eine „Pòmotsch“ (Feldarbeit mit Hülfe der Nachbarn und nachherige Bewirtung derselben) während eines Feiertages und mit Bewirtung der Teilnehmer mit Branntwein arrangieren will. Nicht nur für Anteilnahme an einem schändlichen Schmause wirst du dich vor Gott verantworten müssen am Gerichtstage, sondern auch für jede Mithülfe dazu, weil eine jede Sache, Löffel, Bank, die für Sünde gegeben ist, sich zu Gott erheben und erzählen wird, wie man mit ihr umgegangen. Branntwein und Thee sind Verderber der Seelen und Zerstörer der Häuser. Der Samowar ist dasselbe Idol, welches die Israeliten vor dem Sinai machten; nur war jenes mit Ringen, aber dieses mit Griffen, aber es ist derselbe Schaden, weil auch vor dem Samowar, wie vor jenem Idol Schmausereien mit Tänzern, Unzucht und Völlerei veranstaltet werden. Der enthaltsame Mensch ist am Geiste lebendig und die Engel selbst unterstützen ihn und lassen nicht zu, dass er schwach werde . . . (es folgt das Wort, das oben S. 171 als 2. Regel der Kerowa mitgeteilt ist, bis „Teufel“; nur statt „ist gleich“ etc.: „ist ein“ etc., statt „ein Gerechter“ steht „ein Mensch“). Man muss die Fleischspeise vermeiden, welche, indem sie den Leib mästet, die Seele mit Begierden beschwert. Leidenschaftlos ist nur der, der keinen Unterschied macht zwischen Gold und einer Scherbe, zwischen einem Weibe — und einem Aase. Und da man sich in allem der Sünde widersetzen muss, so ist gut, Ueppigkeit auch in kleinen Dingen zu meiden: nicht Häuser mit Schnitzwerk und gemalten Karnisen zu bauen, nicht Kleider mit Spitzen und Fabeln zu nähen, nicht Pirogen mit Abteilungen (d. h. Pastetchen mit verschiedenem Füllnis) zu backen u. s. f.

Zu Seite 170 über die Gottesmutter K. und sonstige Leiter der Samaraer Chlūsten: Ueber sie bietet Je. Kesarew eine weit ausführlichere Darstellung, als Grekulow (S. 6 und im Abschnitt „Die Nachfolger Schtscheglow's und Fortsetzer seines Werkes: A. K. Kérowa [Schuwiná]“, S. 12—22). Darnach hatte Schtscheglow die Bäuerin des Dorfes Rakowka Anastásia Kuśminá Kerowa (auch Schuwiná) zur Leiterin der von ihm in Rakowka gegründeten Genossenschaft eingesetzt, welche als solche „die Nástja von Rakowka“ genannt wurde. Sie arrangierte zuerst in Rakowka „besédki“ (d. h. kleine Unterhaltungen), auf denen von des Lesens Kundigen unter ihrer Leitung fromme Bücher gelesen und kirchliche Gesänge gesungen, aber in den Zwischenpausen Gespräche geführt wurden, in welchen auf den Abstand zwischen dem Gelesenen und dem Leben, wie es die Leute in Wirklichkeit führen, aufmerksam gemacht wurde. Bald gewann sie in den Augen der Dorfbewohner den Ruf einer guten Ratgeberin in persönlichen und Familienangelegenheiten. Dann bat sie den örtlichen Priester um Erlaubnis, dass man sich zu den „besédki“ in der Wächterstube der Kirche versammeln dürfe. Schliesslich sammelte sie mit Erfolg Geldmittel zur Begründung einer klösterlichen Genossenschaft in Rakowka und erlangte von der (geistlichen) Obrigkeit die Erlaubnis zu der Eröffnung einer solchen. Da es ihr nicht gelang, Aebtissin zu werden, so trat sie als dienende Schwester ein (in den siebziger Jahren). Doch ge-

lang es ihr auch als solche eine leitende Rolle neben der von der geistlichen Obrigkeit bestellten Aebtissin zu spielen, sodass die Genossenschaft gleichsam in zwei zerfiel. Sie liess sich ein besonderes Gebäude errichten und hier empfing sie ungehindert ihre Anhänger und sorgte für deren Erbauung. Zuweilen versammelten sich hier an hundert Personen aus den benachbarten Dörfern, und viele fanden für die Nacht ein Obdach. Sie unternahm es nicht selten, zu ihr gebrachte Kranke zu heilen, und fuhr in die benachbarten Dörfer, um ihre Gesinnungsgenossen zu besuchen. — Als Beispiel ihrer Wunderkraft wird erzählt (S. 24—25), dass einer ihrer späteren Gehilfen, der an Mondsucht litt, um Mitternacht aufsprang und ohne Bewusstsein davonlief, sich an sie wandte, und sie ihm riet, vor der wunderthätigen Ikon in Rakowka (der Gottesmutter, die „Auffindung der Verunglückten“ genannt, deren Fest am 5. Febr. gefeiert wird) das Bittgebet der Wasserweihe abhalten zu lassen und sich an dem geweihten Wasser sattzutrinken. Er tat das und die Krankheit verschwand völlig und für immer. — Dabei genoss die Kerowa das Vertrauen der Aebtissin, die wiederholt die allerschmeichelhaftesten Erklärungen offiziell über ihre Aufführung abgab. Erst Ende 1880 wurde von der Gebietsverwaltung und der Polizei über ihre Propaganda eine Eingabe an das Samaraer Geistliche Konsistorium gemacht, in der u. a. mitgeteilt wurde, dass die ihr anhängenden Jungfrauen ihr Wunderkraft zuschrieben und sich mit solcher Andacht zu ihr verhielten, dass sie sie mit angezündeten Lichten und unter Kniebeugung begrüßten und herausgeleiteten, wobei viele vor Rührung weinten; die Zellenfrauen eines Dorfes hätten bei Stepan Schtscheglow (dem Sohne Wasili Nikiforows, vergl. oben S. 170) ein Porträt der Kuśminischna bestellt, das er mit einem Scheine rings um ihr Haupt und mit Zweiglein in ihren Händen angefertigt. Die nunmehr vom Konsistorium angestellte geheime Untersuchung ergab, dass die Kerowa bereits in vier Kreisen des Gouv. Samara in sechzehn (namentlich aufgezählten) Dörfern Anhänger habe. Aus den allerfähigsten derselben hatte sie zu Zwecken der Propaganda sich einen Hofstaat von Gehülfen gebildet, die als von ihr neugeboren ihre „geistlichen Söhne“ hießen. In Rakowka selbst stand ihr Jakow Sché-in zur Seite. Sie alle arrangierten selbständig „besedki“, die ihrerseits Bildung neuer Gemeinden veranlassten, an deren Spitze örtliche Leiter traten, wozu sie durch ihren Segen bestellt wurden. Während die Zugehörigkeit der Kerowa zu einer rechtgläubigen klösterlichen Gemeinschaft nicht wenig ihre Propaganda förderte, stellte sie sich selbst feindlich zu Kirche und geistlicher Obrigkeit: ihre Anhänger durften sich in der Kirche nicht auf den Chor stellen, um sich an dem Gesang zu beteiligen; um sich von den Weltmenschen (den Rechtgläubigen) zu unterscheiden, mussten die Männer die Haare auf den Schläfen abstutzen, die Mädchen die Zöpfe abschneiden; die geistliche Kirche Christi bildeten nur ihre Anhänger, denn die rechtgläubigen Popen seien von einem Menschen sichtbar bestellt, sie aber und ihre geistlichen Söhne von Gott selbst unsichtbar. Daher sind erstere nicht wirkliche Priester, sondern Idolenpriester, welche nicht die Sünden

abzubitten vermögen, und daher ist es besser, vierzig Schweine zu mästen, als für Gedächtnisfeiern (Geld) zu geben; man soll nicht Spenden für die (klösterliche) Genossenschaft bringen, da das noch schlechter ist, als Schweine mästen; die Gläubigen sollen nur den Gläubigen wohlthun (auch hier steht „wérnűje“, folglich hat die Volkssprache noch den älteren Sprachgebrauch erhalten, auch ohne Zusammenstellung mit „prawednűje“, vergl. oben S. 487 Anm.; einer ihrer Anhänger pflegte zu sagen: „Die Priester stellen eine Badstube vor, die alle wäscht, selber aber niemals rein ist“); die da sich verheiraten lassen, verderben ihr Seelchen; wer sich erretten will, schneide die Zöpfe ab, verkaufe (sie) und opfere das Geld zu Oel für die Gottesmutter, welche selbst weiss, wie sie das Geschick eines Mädchens gestalten soll; ungesetzliche Frucht braucht man nicht zu fürchten: ein ungesetzlich geborenes Kind töten, bedeutet die Sünde in ihrem Anfang töten (? dass Kerowa diesen Satz gesagt haben soll, ist sicher Verleumdung); wer Wein, Thee trinkt, Fleisch isst, sich in üppige Kleidung kleidet, der wird nicht errettet; die Popen richten darauf keine Aufmerksamkeit, da sie selbst darin schuldig sind; deswegen aber sind sie nicht geistliche (duchównűje = Beicht-) Väter, sondern Väter des Bauches (brju-chównűje); man muss auch die Brustkinder nicht mehr als zweimal am Tage nähren (vergl. oben S. 171, Regel 2.); die Eheleute müssen sich von der ehelichen Vereinigung enthalten; Diebstahl ist keine Sünde, wenn das Gestohlene den geistlichen Leitern dargebracht wird (vergl. oben S. 212); jeglicher Handel ist anstössig (vergl. oben S. 504 Anm.); die zur Genossenschaft Gehörenden müssen mit allen Mitteln einander helfen und nur mit ihresgleichen Bekanntschaft haben. — Die von den Gehülfen der Kerowa veranstalteten Gebetsversammlungen hatten folgende Eigentümlichkeiten: über den Tag ihrer Ankunft in einem bestimmten Dorf benachrichtigen die Häupter rechtzeitig einen der Hauswirte unter ihren Gesinnungsgenossen. Alle Sektierer werden von letzterem benachrichtigt und beginnen sich zu einem würdigen Empfang der teuren Gäste vorzubereiten; sie brauen bierwürzenen Kwas, versehen sich mit Fischspeisen und Süssigkeiten; und das alles in grossen Quantitäten, weil die Häupter alle Sektierer der am Wege gelegenen Dörfer mit sich nehmen, sodass, je mehr man sich dem Ziel der Fahrt nähert, sich geradezu ein Wagenzug bildet. Nach Ankunft in dem bestimmten Hause beginnt man Akafiste zu lesen, geistliche Weisen zu singen, Betrachtungen über Gegenstände des Glaubens und Lebens anzustellen; während der Lektüre der Kanone und Akafiste beten die Sektierer anhaltend unter Kniebeugung. — Es ergab sich ferner, dass der Zauber, der von der Person der Kerowa und ihrer Gehülfen ausging, ein gewaltiger war. Wenn man Bitten an die Kerowa richtete, so leitete man sie mit „hılı“, „erbarme dich“, „errette“ ein, nannte sie „Gottesmutter“. Ein junges Weib aus der Sekte hatte zu ihrem Manne gesagt: „Wanja, gehe doch nur und betrachte das Porträt des Tantchens Nastasja; es steht auf dem Regale neben der Ikon der Mutter Gottes und wie schön ist sie auf dem Porträt; du selbst wirst, sobald du sie erblickst, zu ihr beten“. Von Jakow Schein hatte einer seiner Verehrer gesagt: „Wenn ich sagen wollte, dass

Jakow Afonásjewitsch weniger ist als J. Christus, so fürchte ich mich, ihn etwa zu erniedrigen; wenn ich aber sagen wollte, dass er mehr ist, als Jesus Christus, so fürchte ich mich, ihn etwa (zu sehr) zu erheben“. „Die Sektierer versicherten, dass während des Gebets von Haupt und Schultern Kuśminischnas Licht ausstrahlt, aber auf die Teilnehmer an der Unterhaltung der h. Geist selbst herabkommt, welcher sie auch belehrt“. — Das Geistliche Konsistorium beschloss (7. Juni 1881) die Kerowa und Jakow Sche-in der Kriminalverfolgung zu übergeben, wovon es dem Prokureur des Samaraer Bezirksgerichts Mitteilung machte. Da verliess Kerowa heimlich das Kloster und nahm bei ihren Verwandten in Rakowka Wohnung, leitete aber nach wie vor durch ihre Gehülfen die Sekte. Das Bezirksgericht aber erbat sich als Experten den früheren Religionslehrer am Samaraer Gymnasium Archángelski, der die Meinung abgab, dass es sich hier nur um eine religiöse Bewegung im Volke, noch nicht um eine formierte Sekte handele. Infolgedessen liess die Kaśaner Gerichtspalate die vorläufige Untersuchung abbrechen, wovon am 16. Febr. 1883 dem Konsistorium Mitteilung gemacht wurde. Infolge aber der immer weiteren Ausbreitung der Sekte begann das Konsistorium 1890 ein neues Verfahren gegen sie, indem sie einen zu ihr Uebergetretenen zur Verantwortung vor sich forderte, wobei 153 Personen als Zeugen hinzugezogen und als Sachbeweise sechs Porträts der Kerowa, welche von St. W. Schtscheglow in Oel gemalt waren, und drei abgeschnittene Mädchenzöpfe beigebracht wurden. Es ergab sich hierbei noch, dass die Besedniki sich selbst als heilig hinstellen, sich „geistliche Leute“, die nicht zu ihnen Gehörenden aber „Weltleute, Sündhafte, Verlorene, Feinde“ nennen, die Kinder der Rechtgläubigen aber „kleine Teufel“; ferner bei jeder Gelegenheit den Rechtgläubigen einzuflöszen suchen, dass nur sie die Sünden abzubitten verstünden, da sie heilig lebten, nicht aber die Popen, die selber der Ohnmacht verfallen seien; man solle ihnen nicht gehorchen, sondern nur zum Schein in die Kirche und zur Kommunion und Beichte gehen. Die Hautsache sei, Branntwein nicht zu trinken, welches das Blut des Teufels ist, sodass jeder, der ihn trinkt, bereits ein Diener des Teufels sei; ferner nicht zu schimpfen, sich nicht zu putzen, nicht die „besedki“ zu verlassen, sich nicht der fleischlichen Begierde in der Ehe zu ergeben, sich nicht zu überessen, nicht weltliche Lieder zu singen, nicht Hochzeits-, Tauf- und alle sonstigen Schmausereien zu arrangieren u. s. w. Nach Angabe einiger Zeugen weinen die Teilnehmer an den „besedki“ während der Predigt des Lehrers und des Gesanges der Weisen bald, bald lachen sie hysterisch, indem sie gewisse nervöse Bewegungen mit ihrem ganzen Körper machen; dabei hätten sie versichert, dass ihre Andachten Gott so wohlgefällig wären, dass die Gebieterin selbst, die Allerheiligste Gottesmutter, des öfters ihr Antlitz auf der Ikon verändert habe entsprechend ihrem geistlichen Jubel. Damit das Gebet Gott wohlgefällig sei, müsse man so beten: „Durch die Gebete unserer heiligen Väter, des ehrwürdigen Wasili (Schtscheglow), der Mutter Anastasija (Kerowa) und des geistlichen Jakow (Sche-in), Herr unser Gott, erbarme dich unser!“ An 40 Dörfer erwiesen sich als Sitze der Sekte. Die Sache wurde

wiederum dem weltlichen Gericht übergeben, aber da die Expertise abermals an dem Besednikentum keine Anzeichen einer sich von der Kirche absondernden und für sie schädlichen Sekte fand, so wurde ihr auch dieses Mal kein weiterer Fortgang gegeben. Da schrieb (am 3. Mai 1891) das Konsistorium den Priestern der betreffenden Gemeinden unter anderem vor, alle Handlungen der Besedniki beständig zu beobachten, genau, aber vorsichtig ihre Lehre durch Ausfragen derselben und der von ihnen Abgefallenen zu erforschen, handschriftliche Heftchen mit Versen und Darlegungen ihrer Lehre und sie überführende Briefe zu sammeln etc. Die Kerowa wurde zur Vermahnung vor das Konsistorium gefordert. Sie zeigte sich reumütig und bat um die Erlaubnis, in das Samaraer Iberische Frauenkloster eintreten zu dürfen. Hier erhielt sie die Weihe unter dem Namen Maria. Da aber nunmehr unaufhörlich Pilgerfahrten zu diesen Kloster stattfanden, und trotz aller Wachsamkeit der Klosteradministration ihre Anhänger mit ihr zusammenkamen und von ihr Anweisungen erhielten, so bat die Samaraer Eparchial-Obrigkeit den h. Sinod um Einkerkung der Kerowa in das Spaso-Jewfimi-Kloster in Sušdal, die auch erfolgte. Ihre Anhänger behaupten aber, dass trotzdem briefliche Beziehungen zu ihr bis zum heutigen Tage fort dauern (Kesarew zweifelt an der Richtigkeit dessen, wohl weil an der Möglichkeit).

Der Hauptgehülfe der Kerowa, der ihr beständiger Begleiter auf ihren Fahrten war, Jakow Sche-in, war dazu von ihr feierlich auf einer Versammlung in Schumarka ernannt worden. Er galt als „Apostel“, ja als „Befreier“ und „Erlöser“, wie schon der oben angeführte Ausspruch beweist. Die Bank in seinem Hause, auf der er zu sitzen pflegte, das Pritschenbrett, auf dem er schlief, wurden von seinen Anhängern voller Andacht geküsst. Vorher (bis 1879) ein armer Hirte, wurde er durch die Freigebigkeit derselben gegen ihn, das „Onkelchen“, ein reicher Bauer. Nach der Kirchenchronik von Orljanka besuchte er im Namen der Kerowa sehr oft die dortigen Besedniki „zur Begiessung der geistlichen Gärten“ und „bezauberte“ geradezu durch seine geistlichen „Unterhaltungen“ die einfachen Leute. Ein solcher Erfolg erweckte aber den Neid seiner geistlichen Mutter Kerowa und sie bemühte sich seitdem, ihn zu entfernen. Das führte zu einer Spaltung der Orljankaschen Gemeinde (Ende 1888), deren einer Teil der Kerowa anhing, der andere dem Sche-in. Die Folge dieser Streitigkeiten war, dass fast alle dortigen Zellenjungfrauen heirateten und die Männer an Rückkehr zur Orthodoxie dachten, ja Sche-in selber, der aus der Kirche ausgeschlossen worden war, erlangte auf die Fürbitte des Priesters die Wiederaufnahme. Damals wurde aber die Kerowa ins Kloster verbannt, das Prestige Sche-ins erneuerte sich infolgedessen und er leitete die Orljankaschen Sektierer bis zu seinem Tode.

Kesarew schildert noch Leben und Tätigkeit einer Reihe anderer Gehülfen und Nachfolger der Kerowa, doch gibt er von keinem weiter an, dass er als Christus gegolten, obgleich er von zweien von ihnen (Dimitri Bachmútow und Ignati Phrolów) die auffällige Mitteilung bringt, sie hätten mit der Kerowa zusammen bei den Besedschiki

als die „lebende H. Dreifaltigkeit“ gegolten. Nur von einem „Apostel“, K. D. Próchorow in Bolschája Kamenka, erzählt er, wo das Besednikentum sich besonders als Zellenwesen etabliert hatte (vergl. oben S. 497 Anm.; doch geschieht es nach seinen eigenen Ausführungen über das Verhältnis zwischen beidem im Anfang seines Buches mit Unrecht, wenn er um deswillen von einer besonderen Fraktion des Besednikentums hierselbst redet). Ferner wurde im Dorfe Pawlowka ein Bauer für sein Eifern für geistliches Leben und seinen Eifer bei den „besedki“ „der h. Pantelémon“ genannt und ein Weib für ihre Verachtung des ehelichen Lebens „die Märtyrerin Warwara“. — Wohl aber traten bei den Samaraer Besedniki nach der Entfernung der Kerowa noch mehrere andere Gottesmütter auf. Die eine war die Schwester jenes Apostels, Ksénija Danílowa Próchorowa aus Bolschája Kamenka, die später nach Samara übersiedelte (etwa 1895), wohin seitdem die Mädchen aus Kamenka wallfahrteten, um von ihr Anweisungen zu erhalten. Näheres über sie hörte Kesarew selbst bei einem Besuche dieses Dorfes von dem früheren dortigen Haupte der Besedniki, der unter Schwur sich von ihnen losgesagt hatte und zur Rechtgläubigkeit zurückgekehrt war: „Ich war mit den andern überzeugt, dass mit ihren Lippen die H. Dreifaltigkeit selbst redet. Sie nannte man Gottesgebärerin in dem Sinne, dass ihr Wort die sündigen Leute zu wahrhaften Christen wiedergeboren habe, welche den wahrhaften Christus in ihrem Leibe hätten. Auf ihren Rat . . . wählte ich als Heldentat für mich die völlige Enthaltung von fleischlicher Gemeinschaft mit meinem Weibe und hielt mein Gelübde während der ganzen Zeit meiner Zugehörigkeit zur Sekte. Aber als ich sah, dass die anderen die Versammlung paarweise verliessen . . . begann ich in Leidenschaft zur Mutter Ksenija selbst zu entbrennen, dem sie auch selbst nicht wenig Vorschub leistete, indem sie mich mehr als alle in ihre Nähe zog und oft unter dem Vorwande des Vorlesens die ganze Nacht bei sich behielt. Ich erreichte es, dass sie mich in ihr Bett nahm, aber auf mein weiteres Drängen antwortete sie: „Denke daran, dass du nicht mit einem Menschen liegst“; und merkwürdig, für die nächste Nacht schickte sie wieder nach mir, und es wiederholte sich dieselbe Geschichte. So geschah es viele Mal. Nachher erklärte sie mir, dass sie so getan „zur Prüfung der Grade meines fleischlichen Verlangens“. . . . Mit einem Worte, ich nahm die Stelle ihres früheren Lieblings Iwan Pitschúschkin ein, des späteren Mönches Vaters Ilarion. (Auf ihn gründete Ksenija ihre Autorität, weil er für die Wahrheit erleuchtet worden sei durch einen Mönch der Sárowskaja-Einsiedelei Kafódor [Agafodor], der seinerseits durch Seraphim von Sarowo selbst erleuchtet worden). Seitdem begannen mir alle zu schmeicheln Ksenija suchte ihre Anhänger von Annäherung an die Rakowkasche Nastasja Kuśminischna fernzuhalten, welche ihre Nachfolger zu strengeren Lebensregeln anhielt. Gegenwärtig sind die einen der Sektierer von Bolschája Kamenka Verehrer der verstorbenen Ksenija, die anderen der Nastasja Kuśminischna, von der sie auch gegenwärtig irgendwie durch List Berichte erhalten“. — Ferner berichtet Kesarew von einer Ksénija

Penkówa, die in den sechziger Jahren zu den Zellenfrauen eines früheren Schemamönches Ioann in Samara gehörte (nach Kesarews Behauptung identisch mit dem oben erwähnten Liebling der Ksenija Iwan Pitschuškin, auch Mamórin, als Schemamönch Ilarión, der stets das Wort im Munde führt: „Man muss selber zu einer Ikon werden“), welcher nach seiner Verstossung aus einem rechtgläubigen Kloster eine eigene klösterliche Gemeinschaft in seinem Hause gegründet; sie erhielt von ihm die Weihe und den Namen „Angelina“ und leitete später die „Bogomólü“ im Dorfe Morscha im Kreise Nikolajewsk, die mit den Sektierern von Bolschaja Kamenka in Beziehung standen. Des weitem erzählt Kesarew von einer Anisja Jákoválewá Kusnezówa, die in Gemeinschaft mit dem „Blöden“ Nikita Potápow, genannt „Nikituschka“, den Sektierern im Dorfe Bolschaja Gluschiza vorstand und in naher Beziehung zu Morscha stand. — Kesarew sagt freilich nicht, dass sie als „Gottesmütter“ galten, sondern von der ersten nur, dass sie „Wohnung der Gnade“, „Dienerin Gottes, unvergleichlich höher als alle Priester“, „heilige Mutter Angelina“ genannt wurde, aber Auftreten, Tätigkeit und Einfluss beider macht ganz den Eindruck von solchen. Zwischen der Schilderung der Gottesmutter Ksenija Prochorowa und den beiden zuletzt genannten steht aber bei Kesarew ein Abschnitt über eine weit bedeutendere „Gottesmutter“, die Nadeschda Platónowa Konowálowa, welche die Sekte der „Gottesleute“ in den sechziger Jahren im Kreise Buśulúk des Gouv. Samara und weit darüber hinaus ausgebreitet. Nun sagt freilich Kesarew nicht ausdrücklich, dass sie mit den Samaraer Besedniki in Beziehung gestanden, sondern nennt sie „Anhängerin von Orenburger Mystikern“, aber da er sie zwischen jene drei stellt, wird eine solche Beziehung trotzdem anzunehmen sein. Sie war eine arme ungebildete Mordwinin aus dem Dorfe Kuškino und soll in ihrer Jugend einen anstössigen Lebenswandel geführt haben, bis sie einmal in den Zustand der im Volke sogenannten „Erstarrung“ geriet, worin sie das Paradies und die Hölle, alles Vergangene und Zukünftige sah. Infolgedessen wandten sich die Dorfbewohner an sie mit Fragen nach dem Schicksal ihrer verstorbenen Anverwandten. Ihr Ruf wuchs noch durch ihr häufiges Gehen in die Kirche und ihre angestrengten Andachten zu Hause, wo sie mit Hülfe der Darbringungen ihrer Anhänger eine Herberge für Wanderer errichtete, sich mit einem Hofstaate von „jungfräulichen“ Männern und Mädchen umgab, die mit ihr Kanone und Akafiste lasen und sangen. Ihr Ruf als einer grossen Beterin drang weit über ihren Kreis und sogar über das Gouv. Samara hinaus. Einige Mal im Jahr bereiste sie mit einer ganzen Suite von Zellenjungfrauen die Dörfer ihrer Anhänger und brachte reiche Gaben heim. Ja ihre Propaganda ging ins Orenburger Gouv. hinüber (nach Mitteilung des Propstes Malé-in an das Orenburger Konsistorium, dass die Sekte der „Gottesleute“ seit den sechziger Jahren in seinem Gebiete existiere, wo sie von der Platonowna aus Kuškino verbreitet worden, die in den Dörfern Poljakówka, Blagodarowka und Schóltü Poselók wirke). Wiederholt wallfahrtete die Konowalowa nach Kijew, Jerusalem und dem Athos, mit den Kellioten des letzteren Ortes stand

sie in beständigen Beziehungen, wie auch mit chlöstlichen Propagandisten, die ihren Ruf als „der Erlöserin von den menschlichen Sünden“ von Ort zu Ort trugen. Sie verlegte allmählich das Zentrum ihrer Tätigkeit in die Gouvernements Ufa und Orenburg, diese nahm aber ein plötzliches Ende durch eine Lähmung, die sie befiel und nicht nur der Bewegungsmöglichkeit, sondern auch des Gesichts und Gehörs beraubte. Dieses Unglück machte sie der Einwirkung des Priesters ihres Dorfes, in welches sie zurückgekehrt, zugänglich und sie sagte sich nach öffentlicher Beichte von der „gottlosen chlöstlichen Sekte los, der sie seit langen Zeiten angehört und für die sie fast ihr ganzes Leben gewirkt“ (1900).

Nachdem noch Kesarew die Panijaschtschina als eine „besondere Form des Besednikentums“ behandelt (vergl. oben S. 567 ff.), will er in dem Schlussabschnitt (X. S. 75—108) noch „eine andere Fraktion des Nowo-usensker Besednikentums“ behandeln, indem er den „Mystiker Iwan Aleksejew Tschurikow und den Einfluss seiner Phantastereien auf die Volksmasse“ schildert. Die breite und unklare Darstellung Kesarews zeigt doch das eine deutlich, dass Tschurikow nicht der Begründer einer besondern Denomination war. Entweder war er ein Asket (er trug beständig 22 Pfund schwere Ketten auf blossem Leibe und ein 2 Pfund schweres kupfernes Kreuz auf der Brust „zur Vernichtung des Fleisches, damit nicht Unzucht erweckt werde“, ass kein Fleisch und fastete viel) und „Wundertäter“ (reiste wiederholt nach Petersburg, um Kranke zu heilen) auf eigene Hand, der nicht an Absonderung von der Kirche dachte, oder er war ein Chlöst, der nur seine Zugehörigkeit zur Sekte besonders gut zu verbergen verstanden. Für ersteres spricht, dass er im Irrenhause zu Samara, in welchem er auf Veranlassung des Samaraer Geistlichen Konsistoriums zur Besichtigung interniert worden war (1898), sich Rotwein geben liess, ferner dass er in Petersburg zwei Lutheranerinnen zur Rechtgläubigkeit bekehrte; für das zweite, dass als er im Irrenhause Briefe von vielen „geistlichen Schwestern“ empfing, die Beziehung zu ihnen mit den Worten rechtfertigte: „Auch den Heiland umgaben viele Salbenträgerinnen, ich habe 15 geistliche Schwestern“; ferner, dass er nicht nur von einigen seiner Anhängerinnen als Christus verehrt wurde, von seinem eigenen Vater freilich nur als „Johann der Theologe“. Aber es ergibt sich aus dem Material, das Kesarew mitteilt, nicht, ob er sich selbst diese Würden zugeschrieben. Er scheint sich nur für einen „grossen Heiligen“ gehalten zu haben, durch den die Gläubigen Heilung aller ihrer Krankheiten erhalten könnten. Kesarew freilich sieht das Eigenartige Tschurikows gegenüber dem Besednikentum darin, dass er näher der Chlöstowschtschina stehe als dieses, wenn er sich auch keiner der existierenden Sekten angeschlossen habe. — Damit kommen wir schliesslich auf die Frage nach dem Verhältnis des von Kesarew geschilderten Besednikentums zur Sekte der Chlösten (vergl. oben S. 389 Anm.).

Die Frage hat nach Kesarew die Samaraer Eparchial-Obrigkeit viel beschäftigt. 1902 forderte sie von allen Priestern, in deren Gemeinden es Besedniki gab, Antworten auf eine Reihe diesbezüglicher Fragen

ein. Die eingelaufenen Antworten wurden einer aus Priestern und Missionaren (unter ihnen auch Kesarew) bestehenden Kommission unter dem Vorsitz des Rektors des geistlichen Seminars übergeben, welche 30 Sitzungen auf ihre Prüfung verwandte. Die Protokolle dieser Sitzungen sollten für die Priester gedruckt werden, aber die Konferenz der Eparchial-Geistlichkeit verhielt sich dazu ablehnend, weil die Mitglieder der Kommission ganz verschieden das Besednikentum beurteilten, die einen darin nur das Streben des Volkes, sich durch geistliche Lektüre und Gesang zu erbauen, sahen, die anderen ein Streben zu asketischen Leistungen unter Leitung eigener Vorsteher, da die Priester sich angeblich nicht genug darum kümmerten, die dritten endlich es als Abweichung von der Rechtgläubigkeit zum Sektentum beurteilten. Kesarew formuliert nun seine eigene Ansicht dahin, dass in der Tat einige äussere Anzeichen der Ähnlichkeit mit dem Chlüstentum existierten: „Die Gesichter der Besedschiki sind leichenhaft bleich, niedergeschlagen und eingefallen; in ihrer Lebensart zeigen sie sich demütig, gehen mit gesenktem Haupt und niedergeschlagenem Blick einher, seufzen zerknirscht, halten sich von den volkstümlichen Belustigungen, Feiern und Liedern fern, bringen keine Prosforen zur Proskomidie, bestellen keine Seelenmessen und Gebete des vierzigsten Tages (für die Verstorbenen), beim Gottesdienst halten sie die linke Hand als wäre sie gelähmt, und ziehen über sie im Winter einen Faust- oder gewöhnlichen Handschuh, nennen sich „Brüderchen“, begrüssen sich bei Begegnungen mit dem Worte „Friede sei Euch“, versammeln sich zu „besedki“, wo sie die Zeit bis in die späte Nacht verbringen, aber an den Feiertagen bis zum Läuten zum Frühgottesdienst, helfen nur ihren Leuten etc. Das eifrige Sichhüten vor dem Aussprechen von Schmähworten und überhaupt vor allen Verführungen, seien es auch die allerunschuldigsten Vergnügungen, die akkurate Erfüllung der rituellen Seite der Rechtgläubigkeit, das Bestreben, nach der mönchischen Regel zu leben, die beständigen Gespräche über die Errettung der Seele bei Lektüre von Akafisten und Gesang kirchlicher Gesänge oder religiöser Weisen, besonders die gesuchte Zuvorkommenheit gegen die Geistlichkeit bei sichtlichem Streben, sich ihr zu nähern und ihr Vertrauen zu gewinnen . . . in all dem zeigen sich deutlich die Züge des geheimen mystischen Sektentums“. — Aber trotzdem sei „das Besednikentum seinem Wesen nach entfernt nicht mit der chlüstischen Sekte identisch. Die wesentlichen Züge des letzteren, der Ritus der Aufnahme, die immer erneute Fleischwerdung Christi, der Abscheu vor der Ehe, vor Wein und Fleisch, die Radenija, die im Prinzip geheiligte Unzucht, das Abtreiben der Frucht (vergl. den Widerspruch S. 664) etc. fehlen vollständig im Besednikentum. Freilich auch die Besedniki enthalten sich vom Genuss des Weines und Fleisches und empfehlen zuweilen die Ehelosigkeit, aber das alles geschieht nicht aus Abscheu, wie im Chlüstentum, sondern um der Heldentat der Enthaltbarkeit willen“.

Diese Auslassungen Kesarews verraten deutlich den Grund, warum er und andere Samaraer Geistliche die Identität des dortigen Besednikentums mit dem Chlüstentum, die seine eigene Darstellung

des ersteren auf Schritt und Tritt beweist, nicht zu erkennen vermochten: es ist die in Russland landläufige falsche Auffassung der Chlüstowschtschina. Wenn eine Lehre von wiederholter Fleischwerdung Jesu Christi bei den Chlüsten überhaupt nicht existiert (Christusse und Gottesmütter haben die Besedniki in demselben Sinne wie die Chlüsten), die Betrachtung der Ehe (die übrigens die Chlüsten nicht schlechthin verbieten, als ökonomischen Bund bestehen lassen), des Fleisch- und Weingenusses aus rein asketischen Gesichtspunkten geschieht, Unzucht bei ihnen prinzipiell nicht gebilligt wird, so blieben von den von Kesarew angegebenen Unterschieden nur das angebliche Fehlen eines Aufnahme- und der Radenija nach. Dass sie die Arkandisziplin besitzen, beweist ihr äusseres Sichhalten zur Grosskirche (vergl. auch oben S. 168), wenn sie sich auch dabei auf das Mitmachen des Allernotwendigsten, wie Kirchenbesuch und Gehen zur Beichte und Kommunion, beschränken und nicht Extra-Amtshandlungen von den Priestern vollziehen lassen (dasselbe ist auch sonst von den Chlüsten bezeugt, vergl. oben S. 502 Anm.). Ferner teilt Kesarew die Aussage des Priesters Orlów in Bolschaja Kamenka über die dortigen Besedniki mit, dass „sie alle Massnahmen getroffen, um sich unter der undurchdringlichen Decke scheinbarer Unschuld und Nichtwissens zu verbergen“. Dann aber wird doch anzunehmen sein, dass die Neueintretenden sich zu solcher Geheimhaltung verpflichten müssen. Kesarew scheint vergessen zu haben, dass er zuvor (S. 34) aus dem Bericht des Lehrers der Kirchenschule in dem III. Propstbezirke des Kreises Bugurslän I. Radéjew an den Bischof von Samara (vom 16. Mai 1889) selber mitgeteilt, dass der Neueintretende nach der Beichte vor dem Leiter der Besedniki von Bolschaja Kamenka einen „Schwur beim Himmel und der Erde“ ablegen muss, dass er „schweigsam alle Geheimnisse der Sekte bewahren“ werde, worauf er von ihm den Segen zu einem frommen Leben erhält, dessen mitgeteilte Regeln ganz identisch sind mit den sonst in den Priwod-Gelübden genannten. Was aber den Kultus anlangt, so vergleicht Kesarew fälschlicher Weise die „besedki“ der Besedniki mit den ekstatischen Gottesdiensten der Chlüsten und ihren Radenija. Er hätte sie vielmehr mit den „gewöhnlichen Unterhaltungen“ der letzteren (siehe oben S. 367—369) vergleichen müssen, mit denen sie ganz identisch sind. Das Fehlen der „Radenija“ würde an sich nicht beweisen, dass die Besedniki keine Chlüsten sind; denn sie fehlen auch sonst und werden durch Gesang als Mittel ekstatischer Erregung ersetzt (vergl. oben S. 389 Anm.). Dass aber letztere bei den Andachten der Besedniki vorkommt, berichtet Kesarew selbst (vergl. oben S. 389 Anm. und S. 665). Nun werden aber von anderer Seite in der Tat Radenija bei den Samaraer Besedniki bezeugt. Ausser der bereits angeführten Stelle (S. 657) aus dem Artikel „Die Lehre der Anhänger Wasili Schtscheglow“ etc. findet sich in den „Verhandlungen des 3. Allruss. Missionskongresses in Kasan“ eine Mitteilung (S. 101), die auch erklärt, wie Kesarew und seinen Gewährsmännern das Vorhandensein von besonderen ekstatischen Gottesdiensten mit Radenija bei den Besedniki entgehen konnte: „Die Radenija werden bei diesen Chlüsten gewöhnlich selten vollzogen,

unter grossen Vorsichtsmassregeln und im kleinen Kreise der Auserwählten. Die gewöhnlichen Andachten aber heissen bei ihnen „Unterhaltungen“; auf letzteren werden rechthgläubige kirchliche Gesänge und besondere Kanone gesungen“ (vergl. auch das über ihre Lieder Gesagte oben S. 406, Anm. 4). — Nun behauptet Kesarew freilich schliesslich (S. 126), „dass in ein und denselben Dörfern sowohl Besedniki als Chlūsten vorhanden seien, aber diese und jene haben keine Gemeinschaft unter einander und befinden sich immer in feindlichen Beziehungen“. Ich bezweifle die Richtigkeit dieser Angabe angesichts dessen, dass er wiederholt selbst bezeugt, dass die Besedniki sich „Gottesleute“ nennen und so oder auch „Chlūsten“ von den Rechthgläubigen genannt werden (S. 33, 44); (so bemerkt er von den Sektierern in Bolschaja Kamenka, dass sie seit alters Chlūsten genannt würden, aber ihrem Wesen nach seien sie vielmehr Besedniki, S. 39 und Anm.). Feindschaft zwischen verschiedenen Gruppen der Chlūsten kommt oft vor, kann aber bloss durch die Rivalität ihrer Häupter bedingt sein, wird freilich auch nicht selten durch deren Sonderansichten verschärft (vergl. oben S. 179, 241 f.), ohne dass man deswegen von Denominationen, geschweige denn von ganz verschiedenen Sekten reden dürfte. Man wird Kesarew gegenüber dem von ihm mitgetheilten Gutachten Radejew's (S. 32—35) eher zustimmen können, dass „alles (als chlūstisch bei den Besedniki Aufgeführte) die Grundlage zu dem Schlusse bietet, dass man das Fehlen der übrigen Kennzeichen des Chlūstentums auf Rechnung der ungenügenden Bekanntschaft mit der Sekte selbst setzen muss“. Freilich meint Radejew damit wohl hauptsächlich solches, was fälschlicher Weise den Chlūsten zugeschrieben wird (so nennt er im Weiteren gleich physische und moralische Vergewaltigung der Proselyten).

Sind aber die Besedniki in der Tat Chlūsten, so beweist die eingehende Schilderung Kesarew's, dass unsere Darstellung des Chlūstentums gegenüber der landläufigen russischen im Rechte ist. Denn sie wird Punkt für Punkt durch diese Schilderung bestätigt. Insbesondere zeigt Kesarew's Buch aufs neue (deutlicher, als alles Frühere), dass die Sektierer durchaus nicht nur die Geschlechtsgemeinschaft in der von der Kirche geschlossenen Ehe verbieten, sondern Jungfräulichkeit überhaupt fordern. Wiederholt wird von Mädchen berichtet, die das Gelübde ewiger Jungfräulichkeit auf sich genommen, um in die „geistliche Schwesterschaft“ einzutreten (S. 31, 49). Jungfräulichkeit ist auch das „gewisse unverständliche Ziel zu welchem nach Kesarew (S. 38) viele Eltern ihre Töchter vor der Ehe zurückhalten. Dass sie auch hierbei die Arkandisziplin beobachten, beweist der Umstand, dass sie auf die Frage, warum sie das tun, zu antworten pflegen: „Wegen Kränklichkeit“, während aus den Dokumenten zu ersehen sei, dass solche unverheiratete Mädchen ein hohes Alter erreichen. Kesarew teilt in seinem zusammenfassenden Abriss der Lehre der Besedniki (in Form einer Predigt eines Leiters) als ihre Ansicht mit (S. 126): „Die Jungfräulichen können Gott gerade ins Antlitz sehen, die Eheleute aber können nicht; Unzucht aber soll auch nicht einmal genannt werden, sondern man muss so

leben, wie es Heiligen angemessen ist“. — Auf den einzigen wirklich vorhandenen Unterschied hat aber Kesarew nicht aufmerksam gemacht, nämlich auf die religiös und sittlich wesentlich vertiefte Anschauungsweise des Begründers des Samaraer Besednikentums, Wasili Schtscheglow, wie sie besonders seine Briefe offenbaren. Mit ihr hängt einerseits die relativ freundlichere Beurteilung der rechtgläubigen Kirche zusammen (ihren Sakramenten wird der sakramentale Charakter nicht an sich abgesprochen, vergl. oben S. 660), andererseits die Milderung der rigorosen Forderungen der Chlüstowschtschina aus Gründen der Menschlichkeit (auf Taufen zu gehen wird gestattet, wenn man durch das Patengeschenk einem Armen helfen kann, vergl. oben S. 661). So sehr solches Schtscheglow auch über sonstige Chlüstenchristusse emporhebt, so hebt es ihn freilich doch noch nicht aus der Chlüstowschtschina heraus, er scheint auch bei den Fortsetzern seines Werkes darin keine Nachfolge gefunden zu haben (vergl. oben S. 663 f.).

Seite 181, Anm. 1: Der Artikel, Die Beichte etc. ist anonym; es muss heissen: Die Beichte eines Schaloputen (G. K-n).

Der Verfasser von „Unter Sektierern“ ist Ja. Abramow.

Am Schlusse ist hinzuzufügen: Je. Kapralow, Skizzen der Glaubenslehre der nord-kaukasischen Schaloputen. 2. Vom Sohne Gottes, Miss.-Rundsch., 1896, S. 428—437. — Aus diesem Artikel ergibt sich noch deutlicher, wie die Schaloputen das Leben Katasonows nach der Analogie des Jesu Christi sich ausmalten (vergl. oben S. 186—188). Auch er ist in Bethlehem geboren, d. h. in der schaloputischen Gemeinde. Als er im Gouv. Tambow geboren wurde, so ging über die Erde ein Stern, d. h. das Gerücht von dem grossen Ereignisse. Die Zauberer (so werden im Russ. die „Magier aus dem Morgenlande“ genannt) sind die Rechtgläubigen, welche Näheres über den Ort seiner Geburt erfahren wollten, womit ein jeder seinen Herodes, d. h. seinen Priester oder Archiere, beunruhigte. Letztere sandten sie nach Bethlehem, d. h. zu den Schaloputen, es zu erforschen. Diese gingen dem Gerüchte nach („der Stern ging vor ihnen her“) und fanden Perfischa auf. Als sie ihn und seine Mutter Jewdokija sahen, wurden sie gläubig an ihn und änderten ihr Leben: begannen gut („ládno“) zu leben (d. h. die Zauberer brachten „ladón“ = Weihrauch dar). Sie kehrten aber nicht mehr zur rechtgläubigen Kirche zurück, sondern gingen seildem einen „andern Weg“ (den des schaloputischen Glaubens). — Der Prozess Katasonows vor dem Saratower Bezirksgericht wird ebenfalls nach Analogie des Leidens Jesu Christi ausgemalt. Er wurde in schwere Ketten geschlossen, ins Gefängnis geworfen, dort unerträglichen Martern unterworfen, „aus seinem allerreinsten Fleische schnitt man ganze Riemen aus und erhöhte ihn schliesslich am Kreuze“. Darüber singen sie in einem bei Tische gesungenen Liede:

... wir unterredeten uns
 Ueber dich, Licht, unser Herrscher,
 Ueber deine Leiden, Qualen (mutschénja)
 Ueber den Tränenfluss (tetschénja) aus (deinen) Augen,
 Dass du für uns, Licht, gelitten hast (postradál),

Am Kreuze das Fleisch kreuzigtest (raspinál),
 Das allerreinste Blut vergossest (proliwál)
 Und mit (deinem) Schutze (uns) decktest (pokrúwál).

Auch das oben S. 343—344 gebrachte Lied beziehen sie auf Katasonow. Noch gegenwärtig besitzen sie Ikone, welche ihn in Ketten und in Arrestantenkleidung darstellen. Auch Katasonow ist nach ihrer Ansicht wieder auferstanden, d. h. als er vierzig Tage zu fasten unternahm (anders Katasonow selbst, vergl. oben S. 183), ward er nach 20 Tagen kraftlos und lag im Bette. Um ihn waren seine Schüler, die Profeten, die sein Fasten und allmähliche Ausmergelung verfolgten. In den letzten Tagen erstarrte (eigentlich „erstarb“) er infolge des Fastens. Sein Leib lag ohne Atem da und von allen Seiten strömten zu ihm die „Salbenträgerinnen“, d. h. die Schaloputinnen, die ihn „mit wohlriechenden (blagowónnū) Salben salbten“, d. h. andächtig (blagowéno) das „unverwesliche Fleisch des Heilands“ küssten. Am dritten Tage stand er vor aller Augen auf.

Seite 182, Anm. 2 und Seite 183, Anm. 1 ist „G. K-n“ zu streichen.

Zu Seite 184, 20. Z.: Kapralow bezieht in demselben Artikel (S. 436 Anm.) dieses Wort Katasonows auf den Kleinbürger der Stadt Tscherkássk Jewté Ljulkéwitsch und den Bauern aus dem Gouv. Stawrópol Warfolomé Gorjáinow, die in den genannten Gouvernements und im Kubangebiet als Christusse aufgetreten. Während er sonst den vorhergehenden und diesen Satz ebenso wiedergibt, schreibt er die beiden Namen „Jewté Grigórjewitsch“ und „Cholomé von Medwéshensk“ („Akte des Jekaterinodarer Kreisgerichts“, 1. Teil Blatt 64). Er bemerkt noch, dass Katasonow Analphabet und daher gezwungen war, seine Briefe durch fremde Hand schreiben zu lassen. Der Brief sei 1873 an alle nord-kaukasischen Schiffe versandt worden.

Seite 185, Anm. 4: Wk. Schw., Die Sekte etc.

Seite 188, Anm. 3, 2. Z.: 1883; 4. Z.: im Miussker (jetzt Taganroger). . .

Zu Seite 190: Ueber Tod und Begräbnis Lorduchins wurde auf dem allrussischen Missionskongress in Kaśan (1897) folgende Mitteilung gemacht (gleichlautend abgedruckt im Artikel „Chlüstentum, Schaloputentum und Prügumentum“, Miss.-Rundsch. 1897, S. 842 und „Verhandlungen etc.“ S. 107): „Als Lordugin (sic!) gefährlich erkrankte, traf er in Pjatigórsk ein, wo die Klerisei wenig von ihm wusste, erklärte sich für rechtgläubig, beichtete, kommunizierte und ward beerdigt auf dem rechtgläubigen städtischen Kirchhofe. Ueber seinem Grabe errichteten die Chlüsten ein auffallendes Grabmal, an welchem eine Photographie „des allergöttlichsten Petruscha“ ausgestellt und mit goldenen Buchstaben die Inschrift befestigt war „Mitglied und Mitarbeiter der rechtgläubigen Palästina-Gesellschaft und Gesellschaft zur Hebung der Rechtgläubigkeit im Kaukasus“, und Verse, in denen die letztwilligen Verordnungen Lordugins dargelegt waren. Das Grab Lordugins zieht die Chlüsten zur Anbetung herbei. — Dem Kongresse wurde von Vater Nikólski eine Photographie des Denkmals Lor-

dugins und von Vater Lawrów das fotografische Porträt Lordugins dargeboten. Dieses Porträt war von dem Pristaw (Polizeibeamter) von Pjatigorsk direkt vom Grabe Lordugins in den Kongress geschickt worden“ . . .

Seite 198 Anm.: „am 8. Mai 1898“ gehört nicht zum Titel.

Seite 200, 12. Z.: In Zárew; Anm.: Die Zárewschen Chlústen.

Seite 201, 2. Z. von unten: N. Tiphlow; 2. Anm.: 1902.

Zu Seite 206, Anm. 2: Neuerdings wurde nach der religiösen Zeitung „Kólokol“ (Die Glocke, № 36 v. 16. Febr. 1906) in der Vorstadt Gross-Ochta ein drittes Chlústenschiff entdeckt, dem Darja Smirnówa als Gottesmutter vorsteht, welche ihren Mann verlassen und seitdem gemeinsam mit dem „Apostel Peter“ lebt, Denis Schémétow. Ihr Theehaus diene als Versammlungsort für ihre Anhänger. Der Missionar Bulgákov hatte im Nebenzimmer Schreien und wilde Ausrufe gehört.

Zu Seite 209—211: In der „Chronik“ des Juniheftes der Miss.-Rundsch. 1899 (S. 733) wird kurz von einer in der Umgebung von Zarizün (Gouv. Astrachan) „sich merklich entwickelnden neuen Sekte der Jenochówzú“ berichtet. In der Person Ioanns von Kronstadt und des Piesters von Dubowka, Vaters Nikolai, sehen sie die (wieder) fleischgewordenen Profeten Elia und Henoch. Demgemäss erwarten sie den baldigen Anbruch des Reiches des Antichrists. — Dieses und dass sie alle Riten ablehnen, charakterisiert sie mehr als adventistische Sehtundisten. Doch sollen ihre Andachten geheim sein.

Nicht unerwähnt möge bleiben, dass neuerdings, worauf mich der hiesige Professor M. Rostózwew aufmerksam machte, ein Prozess gegen die „Ioanniten“ geführt wird, die das von Ioann von Kronstadt gegründete Frauenkloster Johann des Theologen in St. Petersburg zu ihrem Mittelpunkt gemacht haben. Die Zeitungen behaupten, dass dabei im Kloster herrschende Trunksucht, Orgien, Intrigen, grausame Behandlungen derjenigen, die mit diesem Leben nicht einverstanden, zutage getreten seien, ferner dass der Vater Ioann Sérgijew von Kronstadt vergeblich durch Predigten und Presse seine Solidarität mit der Sekte der Ioanniten geleugnet. Seine Beziehung zu der kürzlich verstorbenen „joannitischen Gottesmutter Porphirija“ bewiesen das Gegenteil („Birschewüja Wédomosti“ [Börsennachrichten] vom 23. Dez. 1905 S. 3, „Petersburger Klostergeheimnisse“, unter Berufung auf die „Peterbürgskaja Gašeta“). — Vielleicht hat die Anklage auf „Trunksucht und Orgien“ als ihre tatsächliche Grundlage Radenija. Entstanden ist der Prozess durch die Klage des Klostergeistlichen W. Tolbájew gegen eine „die gegenwärtige Magdalena“ genannte Nonne auf Unzucht und Religionsverhöhnung.

Ein Mitarbeiter des „Peterburgski Listók“ (Petersburger Blättchen) behauptet, von einem Augenzeugen „joannitischen“ Gottesdienstes in Oranienbaum eine Schilderung desselben erhalten zu haben (Referat der „Birschewüja Wédomosti“ vom 20. Dez. 1905: „Unter den Ioanniten“): Der „Erzengel Michael“ (Michail Petrow), gekleidet in eine dem bischöflichen Sakkos ähnliche Kleidung, rief zum Gebete. Zuerst

wurde ein Akafist für die Gottesmutter gelesen, in welchen die Worte eingefügt waren: „Freue dich, Mütterchen Porphirija“. Dann wurde zum Heiligenbilde der Porphirija gebetet, auf welchem sie mit einem Strahlenscheine dargestellt war, und Psalmen zu Ehren des „Kronstädtischen Christus“ und anderer gesungen. Dann baten die Anwesenden den „Archistrategen“ um Erlaubnis, „das Abendmahl der Liebe“ arrangieren zu dürfen und küssten ihm zum Dank für die Erlaubnis die Füße. Es ward ein reichliches Mahl von Fleisch (?) und Fischspeisen, Branntwein (?), Weinen (?), Früchten aufgetragen. Die Äpfel nannte man dabei Paradiesesäpfel. — Nach Erzählung eines andern Augenzeugen wird zuweilen nach dem „Abendmahl der Liebe“ auch das „Paradies“ arrangiert: im halbdunkeln Zimmer findet ein feierlicher Umgang von „Adam und Eva“ (letztere nackt, mit einem Palmenzweig in der Hand, ersterer in einen Mantel aus durchsichtigem Stoff gehüllt, in der Hand ein Räuchergefäß mit wohlriechender Substanz) um die Paradiesesbäume statt, der schliesslich in Radenija übergeht. — Sollte letztere Erzählung nicht auf Verleumdung beruhen, so hätten sich die Ioanniten in ihrem Kultus die „Adamiten“ zum Muster genommen (vergl. oben S. 561 f., auch S. 180 und Anm. 3).

Zu Seite 219, Anm. 4.: Diese Angabe wird bestätigt durch die eines seiner Anhänger: „Auf den Unterhaltungen, wo Radajew seine Lehre erläuterte, geriet er allmählich in eine gewisse Hitze der Unterredung, sodass er schliesslich in eine gewisse Verdunkelung des Verstandes geriet, und, wie er das selbst versicherte, einen besondern Druck in der Brust fühlte, welcher nach seiner Versicherung von der Wirkung des H. Geistes ausgeht, wornach er in eine gewisse Besinnungslosigkeit fiel“. — Ein anderer Chlüst gab an: „Bei der Belehrung geriet Wasili in eine gewisse Verdunkelung des Verstandes und fiel in Besinnungslosigkeit auf die Diele; solche Zufälle aber geschahen auch mit Nikifor Michailowitsch Maidanski“ (dieser gab selbst an: „Bevor der H. Geist herabkommt, fühle ich Verdunkelung im Verstande und Druck in der Brust“; alles Mitgeteilte bei Meln. S. 219 Anm.).

Zu Seite 224, Anm. 1: Melnikow S. 383 Anm.

Zu Seite 231, letzte Z. von unten: Im Artikel „Chlüstentum, Schaloputentum und Prügulentum“, Miss.-Rundsch. 1897 (S. 836) wird der Familienname Iwan Grigorjews angegeben, Kanügin, und er als Bauer des Dorfes Aleksandrow Gai (?) bezeichnet. Seine Sekte wird hier die der Methodisten genannt, es seien aber Chlüsten, die nur ihre Lehre unter dem Anscheine des Molokanentums zu verbergen suchten, von denen sie nur die Organisation der Gemeinde der kaukasischen Prügunen entlehnt: in Profeten, Presbyter, Hände, Füße u. s. w. Von diesen „Methodisten“ Kanügens im Kreise Nowo-ušensk unterscheidet der Artikel mit Recht die „Mormonen“ in den Kreisen Nikolajewsk und Bušulúk des Gouvernements Samara, eine Denomination des Molokanentums. Mit Unrecht hat sie der Priester A. Matjuschinski in einem Vortrage auf dem Kasaner Missionskongress („Die Sekte der Mormonen [in der Samaraer Eparchie]“, ab-

gedruckt in den „Verhandlungen“ etc. S. 109—113, und in der „Miss.-Rundsch.“ 1898, S. 61—66) zusammengeworfen. Auch Kesarew (S. 76) bezeichnet Aleksandrow Gai als Geburtsort von Iwan Grigorjew Kanügin und ihn als Begründer des Nowo-ußensker Mormonentums, doch hat er diese Angaben wohl aus jenem Artikel und den „Verhandlungen“ etc. entlehnt.

Zu Seite 241 Anm.: und P. Slowochótow, Vom „swalnü grech“ in der Gegenwart. Die Gottesleute in der Orenburger Eparchie, Orenb. Ep.-Nachr. 1880, S. 728—734, 764—788, 823—832. Hier wird die Verurteilungsakte im Auszuge wiedergegeben. Danach wurde Balabanow der Verbreitung „einer Häresie, welche nach Vernichtung der Ehe strebt, und der Bekehrung anderer dadurch, dass er sich Sehergabe und Wundertun zuschreibt“, für schuldig erklärt; „die Umstände, welche unzüchtige Verbindung Balabanows mit fremden Frauen und Mädchen betreffen, wurden zur Beurteilung dem Orenburger geistlichen Konsistorium überwiesen“. — Slowochotow beruft sich für seine Mitteilungen z. T. auf die anonyme Schrift „Belehrung für Verirrte und Beichte eines, der sich von der Verirrung bekehrt“, St. Petersburg 1875 (hier erzählt Balabanow seine Bekehrung zur Orthodoxie, vergl. oben S. 442 f., 444).

Zu Seite 242, Anm. 1: Iwanowski bietet seinen Bericht über die Brüder Utizki noch in den Artikeln „Die Orenburger Chlüssen. Aus dem Gerichtssaale“, Miss.-Rundsch. 1797, S. 578—588; und „Gerichtliche Expertise zum Prozess über die Orenburger Chlüssen“, Miss.-Rundsch. 1898, S. 1124—1142. Diese Expertise hatte er dem „Journal des Justiz-Ministeriums“ zum Druck angeboten, doch hatte dieses sie abgelehnt (nach S. 1124 Anm.) — Ueber das bereits Gebotene hinaus finden sich hier noch folgende Mitteilungen:

Nach dem Zeugnis des Eparchial-Missionars Mili Golówkin hatte Iwan Utizki ihm erzählt, dass er sich von seinem liederlichen Leben bekehrt, als er einmal in einen Brunnen fiel und von einem Engel errettet wurde. Für sein seitdem jungfräuliches Leben habe er von seinen Verwandten den Namen „Ioann der Theologe“ erhalten. Auf die Bitte Golowkins sang er in seiner Gegenwart Verse: er schlug dabei den Takt mit den Füßen, zitterte und klatschte in die Hände, weinte, schluchzte, seine Stimme war zuerst mittelstark, wurde aber schliesslich sehr laut, und seine ganze Gestalt brachte Aussersichsein zum Ausdruck. Einmal rief er, nachdem er nach Gesang in Ekstase geraten: „Herr, gib wenn auch nur ein wenig, ein wenig Tau“. — Nach seiner Bekehrung gebärdete er sich wie ein frommer Pilger, setzte alle durch seine Demut, einschmeichelndes Wesen und Redegabe in Erstaunen; er trug Ketten von 32 1/2 Pfund Gewicht, äusserte seine Absicht, sich in einer Höhle bei der Staniza Gorodischschenskaja niederzulassen. Er gewann immer mehr Anhänger, die ihn hoch verehrten, wie folgender Brief eines derselben beweist: „Gottgeliebter Vater Ioann Našárowitsch! . . Aus Eurem Brief ist nur eines ersichtlich: das allerherrlichste und allerliebenswerteste Geheimnis; es wird nur von uns durch denselben h. Geist verstanden.

Ich danke meinem Herrn für seine wunderbaren Werke. Ja es freuen sich die Herzen der Söhne Gottes, in deren Mitte in Wahrheit Grösse und allerherrlichstes Wunder sich vollzieht. Vater Joann! Ihr schlagt mir vor, Teilhaber an dem Weinberge zu sein, welchen der Herr anlegt, aber nicht ein Mensch. . . . Ich danke meinem Gott und Euch, meinem Herzen lieber Gesandter des höchsten Gottes! Ich bin Dir durch den Herrn selbst anvertraut, tuet mit mir, was Dir geheissen hat, der dich gesandt hat. Ich bin nicht mein, sondern gemäss Gott und der Gottesmutter dein. O gottgeliebte Seele! Bemühet Euch, bitte, um mich . . . dafür verspreche ich mit Dir, Gotte zu arbeiten“. — Ueber die Anhänger Ioann Utizkis sagte eine Zeugin folgendes aus: „Das ganze Lebensziel eines jeden besteht darin, einen starken Geist zu erhalten, den Geist der Weissagung, der Prophetie. Die Brüder, die in sich einen solchen Geist haben Fleisch werden lassen, können ihn andern übergeben; dazu versammeln sich Versammlungen, „besédki“, auf welchen die Brüder und Schwestern Geist ansammeln, sich an ihm durch die berufenen Brüder und Schwestern satttrinken, welche in sich den Geist Christi, der Gottesmutter oder der Apostel haben Fleisch werden lassen. Durch den Geist bildet sich eine geistliche Verwandtschaft. Auf den Besedki hört man in der Tat, wie die Brüder schnauben, aus sich heraus blasen. Wann jemand von den Profeten den wahrhaften Geist atmet, so zittert der ganze Leib; der Geist erschüttert den Leib“. — Wann sich Utizki auf den Versammlungen „kreuzigte“, stand er zuweilen mit ausgebreiteten Armen auf den Knien ohne jede Bewegung, nur die Augen bald schliessend, bald öffnend, vom Abend bis zur Mitternacht. Die Weiber zerflossen in Tränen, umringten ihn, unterstützten ihn, die einen an den Armen, die andern an der Seite. Während des Gesanges schluchzen die einen, gehen in die Runde, springen auf, drehen sich auf einem Fusse, andere reissen sich an den Haaren, schlagen sich an der Diele, krümmen sich wie in Krämpfen. Das heisst bei ihnen „der heimliche Abend“ (nach Aussagen derselben Zeugin). — Eine andere Zeugin sagte aus: „Auf den Besedki wird man vom Gesang, von der Hitze, von dem Geiste, mit dem man dich begabt, wie trunken, das Gesicht brennt vor Hitze, in den Armen und im Herzen brennt fühlbar Feuer“. — „Die Besedki“, sagte eine andere, „bewirkten stets das, dass es einem nach ihnen irgendwie leicht, freudig, hell wurde, aber zu gleicher Zeit fühlt man, als ob alles irgendwie stark schmerzt, als ob sie einen durchgebläut hätten, wobei aber in solchen Fällen nur ein mit dem Geiste Begabter heranzutreten und auf einen zu atmen braucht oder mit einem zu sprechen, damit man sich wiederum alsbald leichter fühle, gerade so, als ob man geheilt worden wäre“. — Dass aber auf den Versammlungen „swálnü grech“ stattfand, ergab die Gerichtsverhandlung nicht, ebenso liess sich ein unsittliches Verhältnis zwischen Iwan Utizki und der Stroganowa nicht konstatieren. — Ueber Semjon Utizki aber sagte die verheiratete A. S. aus: „Indem er sich meinen Zustand (des völlig von ihm Bezaubertseins, vergl. oben. S. 242—243 und die vorausgehende Aussage derselben Zeugin) zu Nutze machte, vermischte er sich mit

mir fleischlich und erklärte, dass mit dem Manne zu leben, Sünde sei, dass er mit mir lebe, wie Adam mit Eva. Ebenso wie mit mir, ging er mit der Schwiegertochter der Greisin um, die bei ihm zur Miete wohnte. . . Nicht selten traf ich Semjon Utizki in seiner Hütte auf dem Ofen mit der Greisin und ihrer Schwiegertochter an. Sie glaubten, dass sich in ihn Christus niedergelassen, und Utizki lag zwischen den Weibern und las die heilige Schrift vor“. — „Er pflegte auch zu sagen, dass Jesus Christus selbst zuerst in die Hölle ging und darauf auferstand, die Hölle zerstörte; so zerstöre auch er, wenn er fleischlich lebe, die Hölle“. — Eine andere Zeugin sagte aus, dass man sich nach den „besedki“ gemeinsam schlafen lege oder nach Hause gehe. „Zuweilen aber geschah es, dass wir Schwestern uns mit Semjon Utizki auf den Ofen schlafen legten. Er versammelte uns Schwestern allein und tanzte mit uns allein den Reigentanz. Einmal fühlte ich gegen Morgen im Halbschlummer plötzlich, wie jemand mich an die Brust griff, ich schrie auf, aber darauf sagte Semjon Utizki: „Fürchte dich nicht, ich prüfe dich, ob du dich verführen lässt“. Am Morgen begannen sich Utizki und die S. so zu liebken, dass es mir Gewissensunruhe machte, aber darauf sagte Semjon Utizki, dass in mir noch immer der Satan sitze (vergl. oben S. 243 unten). Bis zu unserem Weggange aus seinem Quartier verfolgte er mich beständig, drängte mich, dass ich mit ihm „auf geistliche Weise“ leben möchte, und dass ich mit dem Manne keine Sünde habe“. — Jene andere Zeugin (die an dritter Stelle auf S. 243 angeführte) sagte: „Zuweilen greift er so stark an die Brust, dass es schmerzt, lässt einen nicht vorübergehen. . . Er erklärte, dass sein Fleisch schwach sei, dass er mit solchen Handlungen sein Fleisch töte“. Ferner gaben Zeugen an, dass zur Sekte nur junge Frauen und Mädchen bekehrt würden, dass man Greise und Greisinnen aber nicht aufnehme.

Auch der Kosak A l e k s e K o š c h é w n i k o w ward zum Christus wiedergeboren. Einmal begann er während der Radenija nach dem Gesang von Liedern unerträglich zu winseln und sich wie besessen zu gebärden; die übrigen in der Stube Anwesenden begannen Osterlieder zu singen, bis er sich beruhigte. Letzteres bedeutete, dass Koščéwnikow zum Christus geworden und gleichsam auferstanden sei. Darauf umschritt er die Anwesenden, weissagte, wählte sich Apostel, die er mit den biblischen Namen benannte, einen aber „Erzengel Michael“. Unterdessen hatten sich viele Sektierer an der Tür der Hütte versammelt, die unter Tränen baten, man solle sie hineinlassen. Aber Koščewnikow wollte niemand „ins Paradies“ hineinlassen, da sie sündig seien und erst Busse tun müssten. Dann wurden drei Jungfrauen hineingelassen, mit denen Koščewnikow in der Hütte umherschritt und sich küsste. Darauf liess man auch die übrige Menge hinein, die den Tropar anstimmte „Die Auferstehung Christi gesehen habend“. „In der Hütte erhob sich ein solcher Lärm, ein solcher Turmbau“ (zu Babel), „dass mich Schrecken ergriff“, erzählt der Zeuge. „Alle in der Hütte Befindlichen sangen irgend etwas, und sprangen während des Gesanges wild in die Höhe, wie Besessene. Einer schlug

sich auf die Brust, riss sich an den Haaren“. — Auch der Priester A. T. und sein Weib M. W. hatten sich der Sekte angeschlossen und standen in naher Beziehung zu Iwan Utizki, wie die Untersuchung ergab. Doch sei, bemerkt Iwanowski, das nur bis zu seiner durch Utizki vermittelten Verheiratung und darauffolgenden Weihe gewesen. Auch habe es sich nicht ergeben, dass sie andere zur Sekte bekehrt und von ihrem unsittlichen Treiben gewusst.

Seite 243, 2. Z. v. unten, Seite 244, 10. Z. ist (Sakrament) zu streichen; das wäre „tá-instwo“, es steht aber im Russischen „taina“, was bloss „Geheimnis“ heisst.

Zu Seite 245: Osip Potapkin. Ueber diesen Chlūsten-christus der neuesten Zeit berichtet ausschliesslich Dr. P. Jakobi (vergl. oben S. 446, Anm. 1 und 613), dessen Darstellung dann Bechterew im Auszuge wiederholt hat (Die Suggestion und ihre Rolle im sozialen Leben S. 103—111; Uebers. S. 105—108). Seine Tätigkeit in Suponewo im Gouv. Orjol wurde durch einen gewissen Wasili D. (den vollen Namen nennt Jakobi nicht) vorbereitet, der seit 1898 eine religiöse Bewegung in diesem ungebildeten (fast alle Bewohner waren Analphabeten; erst die Sektierer begannen, ihre Kinder lesen zu lehren) und lasterhaften Dörfe veranlasste. Jakobi beurteilt diese Bewegung als bloss pietistische, und auch der Priester des Dorfes gab, als die Polizei darauf ihre Aufmerksamkeit richtete, als Meinungsäusserung ab, dass er darin nichts Anstössiges und der Rechtgläubigkeit Widersprechendes sehe. Da Wasili aber lehrte, „nicht Branntwein zu trinken, nicht Tabak zu rauchen, sich nicht mit schlimmen Worten zu schimpfen, nicht an den Feiertagen auf der Strasse zu lärmern, sich nicht der Unzucht zu ergeben, und dass der Mann mit der Frau und die Frau mit dem Manne ehrenhaft lebe, an den Sonntagen in die örtliche Kirche zum Mittagsgottesdienste zu gehen“, so dürfte bereits er ein Chlūst gewesen sein. Da seine Anhänger sich weigerten, ein schriftliches Versprechen abzugeben, dass sie Wasili nicht mehr besuchen würden und sich von seiner Lehre lossagten, so musste der Priester, obgleich er bei seiner Ansicht blieb, auf höheren Befehl nach dreimaliger vergeblicher „Vermahnung“ sie von der Kommunion ausschliessen. Schliesslich überfielen die rechtgläubigen Bauern ihre Häuser, zerschlugen Fenster, Möbel, Geschirr, misshandelten sie, wurden zwar dafür zur gerichtlichen Verantwortung gezogen, aber vom Gemeindegerecht freigesprochen. — Wasili D. ging infolgedessen mit Barken in den Süden und blieb dort den Winter über. Sein bisheriger Anhänger Osip Potápinkin aber, der besonders von dieser Verfolgung betroffen worden, wanderte mit seinem Weibe in den Kaukasus aus und dort erst soll er nach Jakobi von verschickten Chlūsten sich das Chlūstentum angeeignet haben. Da es ihm im Kaukasus nicht gelang, kehrte er nach Suponewo zurück. Eine Vision und profetische Träume hatten ihn überzeugt, dass ihm die Gabe des Verständnisses der h. Schrift gegeben sei, er brach mit Wasili D. und trat nunmehr selbst als Lehrer auf. Seine Lehre bestand nach Jakobi in Folgendem: Der Mensch kann auf sich den h. Geist herabrufen, der in ihn eingeht und ihn

wie eine Maschine lenkt, jeglichen Willen vernichtend; infolgedessen hört der Mensch auf, verantwortlich für seine Taten zu sein, auch sind seine Taten, auch die allerschandbarsten und lasterhaftesten vom Gesichtspunkte der weltlichen Moral aus, heilig und untadlig, infolgedessen die ehelichen Beziehungen als „Abscheulichkeit“ und „Unzucht“ erscheinen (wenn die Frau mit dem Manne lebt, so sei das Unzucht mit dem Teufel), aber die Leute, welche die Wahrheit von oben erkannt, sich unter einander mit neuen geistlichen Banden der Bruderschaft, der Liebe, verbinden, welche Liebe Brüder und Schwestern bindet, dürfen und müssen inkraft dieser Liebe den geschlechtlichen Akt vollziehen. Dieser Akt der Geschlechtsgemeinschaft (der „Liebe Christi“) macht die Glieder der neuen Wahrheit theilhaftig, und darum ist er ein symbolischer, pflichtmässiger Akt. — Die Verfolgung ging weiter und Wasili D. wurde ins Gefängnis gesetzt, in dem er zwei Jahre lang verblieb. Die geistliche Obrigkeit nannte die Bewegung zuerst eine molokanische, der Professor der Universität Charkow Butkévitsch erklärte als Expert sie für Sektunda,; nur der örtliche Expert, der Missionar Georgijewski, erkannte die Sekte als chlüstische, was durch die weitere Untersuchung bestätigt wurde. Die Anklageakte gegen Potapkin und seine Hauptanhänger war bereits aufgesetzt und von der Palate bestätigt; Verteidiger lehnten die Angeklagten ab, da Gott selber erscheinen und sie vor Gericht verteidigen würde. Da entstand der Verdacht, dass Potapkin geisteskrank sei, und er wurde zur Besichtigung durch Jakobi in die psychiatrische Klinik in Orjol geschickt, der Jakobi vorstand. Letzterer forderte auch die übrigen Angeklagten zu demselben Zwecke ein. — Dass Potapkin sich für Christus hielt und die chlüstische Pneumatologie theilte, bewies gleich sein Brief an Jakobi, mit dem er sich bei ihm einführte. Jakobi theilt u. a. folgende besonders charakteristische Stellen mit: „Zum ersten: Christus ist auferstanden. Ich, der Heilige Geist selbst, schreibe dieses vom lebendigen Gott selbst gesandte Schreiben. . . Es ist für dich, Hauptarzt und Vorgesetzter über dieses ganze erbaute steinerne Haus und über alle, die (darin) wohnen und das Ende erwarten. Siehe man hat hierher Jesum gesetzt, an diesem steinernen Ort; und siehe er wird hier ebenfalls vierzig Tage seines Fastens verbringen. Und siehe ich, der Heilige Geist, sage dir jetzt, Hauptarzt, dass du mich, den Heiligen Geist, in diesen steinernen Grabe nicht peinigest. . . Jetzt schreibe ich, der Heilige Geist, dir, dass du hier nicht den lebendigen Gott und Christus festhaltest“. . . — In einem späteren Briefe schrieb er: . . . „höre, wer sich in diesem Hause befindet und wie sein Name ist und wessen Sohn er ist: dies ist der Berg Golgatha, auf welchem man Jesum Christum selbst kreuzigte, und hier trug er auch sein geistliches Kreuz. . . Warum wurde ich, der Heilige Geist im Fleische eines Menschen, durch dich gepeinigt und vergoss mein unschuldiges Blut? Man brachte mich, den Heiligen Geist in menschlicher Gestalt, hierher, zog mir die Kleidung aus und zog mir einen Purpurmantel an, und es begann mich Pilatus auszufragen, den ihr deinen Gehülften nennt“ (der Arzt Ordinator); „ihm wurden vom Heiligen Geiste viele Worte zu seiner Busse, er aber lachte über diese

Worte; aber als der Herr selbst das sah, so verschlimmerte sich auf einmal der Zustand aller, und jetzt wird niemand jemand heilen. Siehe wie der Herr zu gunsten des Heiligen Geistes straft“. — Als einmal das Weib Potapkins Jakobi einen geistlichen Hymnus rezitierte (in dem unter anderem von der „göttlichen Arbeit“ die Rede ist, vergl. oben S. 266, Anm. 2), ging Potapkin im Zimmer umher, indem er mit den Beinen und Schultern rythmische Bewegungen ausführte; er seufzt, lächelt und sagt, dass er nicht ruhig sitzen könne, eine solche Freude fühle er. Während er auf die Frage nach der „Liebe Christi“ keine verständliche Auskunft gab, sagte er, dass auf den Versammlungen, sobald die Lieder angestimmt würden, „der Leib sich zu schütteln anfangen“ durch die Gegenwart des Herrn; und das sei auch mit der Wärterin geschehen, als er ihr einen Hymnus angestimmt: „Siehe aus Phiónija ging der Geist heraus, schlug sich an der Erde und blähte sich auf“. — Als ein Kranker um Tabak bat, erklärte Potapkin und sein Weib bestätigte es, dass er sehr gefährlich sei, da von ihm das Böse ausstrahle, was er sehe; bei näherem Ausfragen erklärte er, dass er den Strahlenschein des Bösen, der von dem Kranken ausgehe, erkenne und fühle, wenn auch ohne Hilfe des Gesichts.

Eine Hauptrolle hatte in der Sekte neben Potapkin seine Schwester Jewdókija G. gespielt. Sie war schon in der Kindheit sehr religiös gewesen. Als sie erwachsen war, hatte sie Visionen. Als sie einmal in der Klosterkirche betete, öffnete sich vor ihr der Himmel und sie sah das himmlische Licht und hörte die Stimme der Gottesmutter. Christus erschien ihr wiederholt im Traume und klagte, dass die Sünder und Wenigglaubenden ihn kreuzigten. Ausserdem hatte sie profetische Träume. Aber einmal erschien ihr der Erzengel Gabriel in militärischer Kleidung („wie ein Offizier“), zog sich nackt aus und begann sie zu versuchen. Ein andern Mal verführten so sieben hübsche Mönche. Sie war als Mädchen sehr hübsch, doch sie mied die jungen Leute und verbrachte die Tage im Gebet in der Klosterkirche; sie gab das aber auf, nachdem sie einmal im Kloster attackiert worden war, und schloss sich Wasili D. an, der sie wegen ihrer Gesichte sehr hoch hielt, ebenso wegen ihrer Träume, „welche auch Gesichte seien, nur wisse sie solches nicht“. Nach seiner Abreise begann sie die Versammlungen ihres Bruders zu besuchen und bekehrte auch ihren Mann. Begeistert, bekannt wegen ihrer Gesichte, sehr hübsch, war Jewdokija G. ein wertvolles Glied der Sekte, hatte einen gewaltigen Einfluss. In einem Falle schreckte sie, die völlig leidenschaftslos war, vor nichts zurück, um einen jungen Menschen zum Chlüstentum zu bekehren, und der Mann war hinter einem Verschlage bei dieser „Bekehrung“ zugegen, welche übrigens zu keinem Resultat führte. Ein Zeuge sagte über sie aus: „Jewdokija G. war die Hauptlehrerin, sie führte die ganze Sache der Sekte in ihrem Hause. Dort redete man gegen die Rechtgläubigkeit, gegen (das kirchliche?) Fasten, wies auf das unzuchtige Leben der geistlichen Personen hin“. Doch dass sie als Gottesmutter galt, gibt Jakobi nicht an. Als „Johann der Täufer“ galt merkwürdiger Weise ein Weib (vergl. dazu unten zu S. 259), Matrjóna Moróśowa, welche eine Soldatenwittwo war und im Dorfe die Re-

putation einer bescheidenen und ehrenhaften Frau hatte. So waren denn alle sehr erstaunt, als sie schwanger wurde. Sie hatte sich den Versammlungen Potapkins angeschlossen. — Auf Bitte Jakobis stimmte sie, nachdem sie den Segen Gottes mit lautem Gemurmel angerufen, mit begeistertem Gesicht einen Hymnus nach einer Tanzweise an, wobei Tränen der Rührung aus ihren Augen liefen. „Wann etwas Göttliches da ist, so freuen sich alle Pulse und die Füße stampfen von selbst den Takt“, sagte sie. Sie erklärte, dass, obgleich sie „in der Welt“ nach wie vor Matrjona Morośowa sei, sie „zu Johann dem Täufer ernannt und in einen Mann verwandelt worden“.

Eine Zeugin leugnete nicht, „Fleisch und Blut“ von Potapkin in Gegenwart seiner Frau angenommen zu haben, welche sehr freimütig davon erzählte; doch ihr ist es schwer und unangenehm, mit ihren Gedanken zu diesem Faktum zurückzukehren. — Eine andere war ebenfalls unter dem Einfluss Osip Potapkins gewesen und „hatte von ihm Fleisch und Blut angenommen“. Sie war gleichfalls nach Wasili D.'s Wegreise zu Potapkin übergegangen und hatte an den Radenija teilgenommen: „Wir freuten uns, dass bei uns Profezeiungen sind, dass der Heilige Geist auf uns herabgekommen. . . Wir glaubten, dass das der h. Geist sei. Küssen war allgemein, aber mit dem Fleische kommunizieren wollte ich nicht. . . Man küsste sich mit Osip, besonders, wenn man im Kreise stand. . . Osip sagte, dass man den weltlichen Mann verlassen, nicht mit ihm leben müsse, und mit dem geistlichen Manne leben müsse. Wir erfüllten alle seine Forderungen, fürchteten uns, ihn zu erzürnen. Das dauerte vier Wochen und endete, als Wasili zurückkehrte. Wenn er nicht zurückgekehrt wäre, wäre es bei uns allen zu Unzucht gekommen. Osip hatte eine solche Kraft, dass alle ihm gehorchten, als aber ein anderer Stärkerer kam (Wasili), so ging seine ganze Kraft verloren. . . Die ganzen vier Wochen, die wir unter der Kraft Osips waren, weinten wir vor Freude. . . Vier Wochen lang hatte ich Profezeiungen, Geist war vorhanden“, aber als Wasili zurückkehrte, „erfuhren wir, dass das nicht der Geist sei und meine Profetie verschwand. Aber sonst, in Osips Gegenwart, beginnt man einherzugehn, zu singen, dort findet man Profetie, alles dieses ging von Osip aus. Küssen geht vor sich (poidjót), der Geist kommt herab (soidjót), man beginnt vor Freude zu weinen. Auf die Männer kam dieses nicht herab“. — Eine Ehefrau lief heimlich vom Mann auf die Versammlungen zu Osip Potapkin und „lockte“ dorthin auch ihre Tochter; beide, Mutter und Tochter, legten sich am Abend schlafen, aber sobald der Mann eingeschlafen war, liefen sie davon und kehrten erst am Morgen wieder. Er schimpfte sie dafür, schlug sie, spottete über sie, aber nichts half, „es zog sie dorthin“ und sie „grämten sich, wenn sie nicht wegkonnten“, es war ihnen „zu Hause übel zu Mute“ (nach den Worten des Mannes). — Eine andere besuchte nur kurze Zeit Haus und Versammlungen Osip Potapkins; nach den Worten vieler Zeugen „vollführte sie mit Osip Unzucht“, „kommunizierte mit Fleisch und Blut“, und nach den Worten der Pelageja Potapkina hatte sie Verbindung mit Osip in Gegenwart anderer Frauen. Wieder eine andere, die ebenfalls der „Annahme von Fleisch und Blut“

verdächtig war, war in der Tat „aus Hunger nach dem Sittlichen“ ihm sehr zugetan gewesen, besonders seitdem sich Verfolgung gegen den Kreis erhoben; als er sie aber einmal, sie von der Vorlesung heimgeleitend, an die Brust griff, so ernüchterte sie das, sie erzählte es Wasili D., und das war die erste Ursache des Bruchs und der Feindschaft zwischen ihm und Potapkin.

Von den Frauen, „die Fleisch und Blut“ von Potapkin angenommen, bekennen das einige, der grösste Teil aber bekennt zwar, dass sie an Radenija teilgenommen, profezeit hätten, aber schweigt von geschlechtlichen Beziehungen. Wann das Weib Potapkins, eine schwachsinnige Frau mit induzierter Geisteszerrüttung, erotische Szenen erzählt, in denen jene die handelnden Personen waren, und ihre Beziehungen zu Potapkin in Gegenwart anderer „Schwestern“, die dem zusahen, so schweigen sie, indem sie böse auf sie blicken, oder sich abwenden, sichtlich bedrückt durch die Erinnerung an diese Periode ihres Lebens. —

Jenes Schweigen und Sichabwenden liesse sich vielleicht anders erklären, als Jakobi es im letzten Satzteile tut. Dass eine derartig charakterisierte Person, wie das Weib Potapkins, die Hauptzeugin jener „Kommunion mit Fleisch und Blut“ ist (aus irrsinniger Eifersucht?), spricht nicht gerade für deren Glaubhaftigkeit (ihr schreibt auch Jakobi die Aeusserung zu [S. 135 f.], dass „der Bruder mit der Schwester einen Leib [tjélo] und eine Sache [djélo] haben könne, nach den Weltbüchern sei das Unzucht, aber nach dem Geistlichen sei das Liebe“; „aber mit dem Weltmenschen wird keine Chlustin in Verbindung treten, wenn du ihr auch ein mit Gold angefülltes Zimmer gibst“). Uebrigens nimmt Jakobi auch sämtliche andere von ihm beobachtete Personen als Psychopathen in Anspruch. In jedem Falle stünde die Auffassung der Geschlechtsgemeinschaft als Kommunion seitens dieser Suponewoer Chlüsten ganz vereinzelt da in der ganzen Geschichte der Chlüstowschtschina. Nirgends wird ihnen sonst solches zugeschrieben, auch nicht, wo ihnen der „Ritus des swalnü grech“ nachgesagt wird (zu S. 243—244 vergl. die Korrektur).

Seite 246, 11. Z. von unten: des achtzehnten Jahrhunderts.

Seite 249, 2. und 3. Z.: Das Buch von Kesarew (vergl. oben S. 662 ff.) beweist, dass dieser Schluss aus dem Schweigen der Literatur seit 1883 (Grekulow, vergl. oben S. 162 Anm.) falsch ist.

Zu Seite 259: Der Priester Je. Kapralow behauptet (Skizzen der Glaubenslehre der nord-kaukasischen Schaloputen S. 1283 und Anm. 1), dass bei den Schaloputen auch ein Mann, ein Profet, Gottesmutter werden könne, indem sie sich dafür auf den chlüstischen Satz (vergl. oben S. 183) berufen: „der Profet erzeugt den Christus“; d. h. seine Seele erzeugt ihn, die aber sei doch weiblichen Geschlechts.

Zu Seite 263: Hierher gehört noch folgendes von Je. Kapralow (a. a. O. S. 1282—83) mitgeteilte Lied der nordkaukasischen Schaloputen:

Das Wort ward Fleisch (woplotílos),
 Die Allweisheit offenbarte sich (otkrúlas)
 In mitleidigen (umiljónnuch) Augen,
 In zerschlagenen (sokruschónnuch) Herzen.
 Der allerfreigebigste Erzeuger,
 Der allmächtige Gott
 Erschien (jawílsja) im Fleische
 Und tat sich allen kund (objawílsja).
 Es fand für sich einen Ort
 Der nicht umfassbare Zar
 Im allerreinstem Fleisch
 Und in jungfräulichem Leibe.

Zu Seite 264, Anm. 2: In einem Liede der kaukasischen Schaloputen wird der h. Geist als der „goldene Adler“ bezeichnet, der über die Vöglein, d. h. die Gläubigen, herrscht (Je. Kapralow a. a. O. S. 1285):

Es floss durchs Gärtchen
 Lebendiges Wasser . . .
 Aber Zar der Vöglein war
 Der goldene Adler.
 Er erzog die Jungen
 Mit geistlicher Speise (jedoí);
 Tränkte seine Jungen
 Mit lebendigem Wasser (wodoí).

Zu Seite 265, Anm. auf S. 266, 23 Z.: W. Warenzów, Sammlung russischer geistlicher Lieder, Ausgabe von D. Koschantschikow, St. P. 1860. S. 199—200.

Seite 267, Z. 14, 15: slesámi, silámi.

Zu Seite 270—271: L. Backman vermutet, dass „Jegá“ „Jewá“ zu sprechen sei und ebenso wie „Jewóje, Jewoi“ nichts anderes sei wie „Jewó“ = ihn („Jegó“ geschrieben), mit bei Bauern gebräuchlicher Abwandlung der Endung: O, über Ihn! (den Geist). — Die Aehnlichkeit mit dem Bakchantenruf ist, wie ich nachträglich sehe, schon andern aufgefallen, z. B. Mereschkowski (siehe Nachtrag zu S. 446).

Zu Seite 273, Anm. 3, Z. 3: ferner vom Archimandriten Leonid herausgegeben, Lesungen etc. 1874, 3. B. V. S. 62—67.

Zu Seite 279 Anm. 14. Z. in der Klammer: bei Leonid S. 65; — 20. Z.: Selenew.

Seite 283, Z. 11, 12: Preobrašenzews Gewährsmann teilte aus seinem etc.

Zu Seite 284, Anm. 1: bei Leonid S. 66.

Zu Seite 285, 5. Z. von unten in der Klammer: und 134.

Zu Seite 290, Anm. 1, am Schluss: nochmals 1873, 3. B. S. 73. — Eine Variante des Liedes, in welcher noch angegeben

wird, wie die Profetin der mangelnden Begeisterung schliesslich doch teilhaftig wird, bietet neuerdings Schewaléjewski (Miss.-Rundsch. 1906 I. S. 193):

Aber gegenwärtig ist bei uns Sichvergnügen (wesélje),
 Ja der helle Tag Sonntag (woskresénje).
 Zu mir werden Gäste zu Gast kommen,
 Zu mir teure Gäste,
 Der Herrscher angestammtes Väterchen,
 Das Licht Erzengel Michael,
 Zu mir das leibliche (rodnája) Mütterchen,
 Zu mir als teurer (dorogája) Gast
 Die Heilige (Swjátája) Gottesgebärerin.
 Zusammen mit uns verweilte sie,
 Sie braute das Bierchen,
 Die heiligen Engel gossen ein (sliwáli),
 Die Erzengel schenkten ein (rašliwáli),
 Die Cherubimen verteilten es (rašnosili),
 Baten (prosili) Gott um Güte,
 Taufte (krestili) die sündige Seele,
 Verziehen (prostili) ihr die Sünden.
 Nun, ja was ist das aber für ein Wunder,
 Dass mein Bier nicht berauschend ist?
 Oder bin ich etwa über die Gäste nicht froh (ráda)
 Oder brauche ich (nádo) etwa die Gäste nicht?
 Aber ich, die schöne Jungfrau,
 Will in das grüne Gärtchen gehen,
 Will mich mit dem Bierchen trunken machen (napjúsja)
 Will durch den Heiligen Geist kapriziös werden (rašblaščúsja),
 Mich mit dem Kreuzeszeichen umschirmen (ograščúsja)!
 Siehe, da ist mein Bier berauschend,
 Siehe, da bin ich über die Gäste froh (ráda)
 Siehe, da brauche ich (nádo) die Gäste!

Zu Seite 294: Irina Lisina (S. 401, vergl. oben S. 29 f.) sagte: „Die Profeten versichern, dass sie wissen, was im Himmel und in der Unterwelt, beim Zaren und in der Welt geschieht“.

Zu Seite 298, Anm. 2: Sowohl die an erster, als an zweiter Stelle mitgeteilten Verse sind aus dem Volksliede „Vom Taubenbuche“ entnommen, von dem Warenzow (Sammlung russischer geistlicher Lieder S. 11—39) fünf z. T. beträchtlich von einander abweichende Redaktionen aus den verschiedensten Gegenden Russlands mitteilt.

Zu Seite 299: N. Kutepow führt folgende Verse aus einem Chlülenliede an (Allgemeine Bemerkungen etc. Miss.-Rundsch. 1901 I. S. 750):

Wer zu lesen versteht
 Und wer dieses Bibelbuch durchlesen wird (protschtjót),
 Der wird den Verstand verlieren (soidjót).
 Der Herr Zebaoth liest nichts,

Die himmlischen Engel lesen nichts,
Alle heiligen, gerechten Profeten und Apostel haben nichts
gelesen und lesen nichts.

Seite 305, Anm. 5, Z. 3 auf S. 307: (Die Tat).

Seite 308, Anm. 3, Z. 4: 1895.

Zu Seite 310, Anm. 1, Z. 2: (N. Rusanow, Aus dem Tage-
buche etc.); Anm. 2, Z. 2: Sélenew.

Zu Seite 311: Vereinzelt steht die Notiz S. Potechins in der
„Chronik“ des Novemberheftes der Miss.-Rundsch. 1898 da (S. 1472),
dass die Chlüsten zu stärkerer Ausmergelung Sand, Kleie und Hobel-
späne verschlingen.

Zu Seite 312, Anm. 1: Je. Kapralow teilt einige Verse die-
ses Liedes als bei den nord-kaukasischen Schaloputen gebräuchlich
mit (S. 1289, mit einigen geringen Varianten und dem Schlussverse:
Macht die Seele der Gabe teilhaftig (pritschaschtschäjet, term. techn.
für „kommunizieren“).

Zu Seite 313, 10. Z.: Je. Kesarew lässt in einer freilich von
ihm komponierten Predigt einen Leiter der Besedniki folgendermassen
das Verbot von Thee begründen (S. 123): „Thee — das ist eben-
falls überflüssiger Aufwand, man kann auch ohne ihn auskommen; es
ist kein Grund vorhanden, zu dem gelben Gotte zu beten (dem Samo-
war); damit nimmt China das russische Land gefangen: es ist gesagt
worden, dass China ganz Russland durchdringen werde, und siehe es
ist durchgedrungen (proschól) und der Samowar ist auf den Athos ge-
kommen (šaschol; vergl. auch das Wort Schtscheglow's oben S. 662).

Zu Seite 315, Z. 11 ff.: In den „Verhandlungen des 3. All-
russ. Missionskongresses in Kaſan“ wird als Chlüstenwort mitgeteilt:
„Wer gebiert, wird 300 Jahre gequält werden“. — Iwanowski (Der
Ritus der Aufnahme etc. Miss.-Rundschau 1896, S. 315) teilt als Chlüsten-
verbot mit: „Sogar wenn deine Tochter gebiert, darfst du sechs
Wochen lang nicht zu ihr gehen“.

Zu Seite 315, 2. und 3. Absatz vergl. S. 483, Anm. 2.

Seite 314, Anm. 3.: ein Priester; G. K-n zu streichen.

Zu Seite 315, letzte Zeile von unten: Während die Mos-
kauer Akten des 18. Jahrhunderts nicht die geringste Andeutung für das
Vorhandensein dieses Instituts enthalten, erscheint es als wahrschein-
lich, dass Seliwanow in seinen „Leiden“ unter „Geschwister“ eine
„geistliche Schwester“ versteht und nicht die kirchlich angetraute
Ehefrau, da er sie von der Familie unterscheidet (die doch nicht nur
als aus Kindern bestehend gedacht sein kann; Die geh. h. Schrift
der Skopzen S. 19 und oben S. 142, Anm. 2). Das Schweigen der
Akten ist entweder zufällig oder erklärt sich daraus, dass man im Pro-
zesse ein weit grösseres Interesse an den Mönchen und Nonnen unter
den Chlüsten nahm, als an den weltlichen. — Die Notwendigkeit die-
ser Korrektur ist mir wiederum Beweis, wie vorsichtig man in der
Annahme von Entwicklung in der Chlüstowschtschina sein muss (vergl.
oben S. 247 f.).

Zu Seite 316 Anm.: Der frühere Samaraer Missionar Matjuschinski teilte auf dem Kasaner Missionskongress mit („Verhandlungen“ etc. S. 100) dass „die Männer unter den Samaraer Chlüssen in einem Hause mit zwei oder drei Jungfrauen leben, die zuweilen aus verschiedenen Gouvernements stammen“. — Danach wäre also auch erlaubt, mehrere „geistliche Schwestern“ ins Haus zu nehmen. So berichtet Je. Kesarew (S. 54—55) von dem Nachfolger der Kerowa Nikitka Potapow (vergl. oben S. 668), dass er in seiner Schneiderwerkstatt drei Jungfrauen als Arbeiterinnen hatte und mit ihnen in seinem grossen, zweistöckigen Hause lebte, wobei er sich als Beschützer ihrer Jungfräulichkeit hinzustellen pflegte. Wenn seine Bekannten zweideutige Bemerkungen über dies Zusammenleben machten, erzählte er, wie ein Asket, der wegen seines Zusammenlebens mit Weibern der Unkeuschheit verdächtigt wurde, mit dem Saume seines Gewandes glühende Kohlen aufnahm und sie ohne Schaden für sich und sein Gewand im Zimmer umhertrug. Früher hätte die Frau N. ruhig sich auf ein Kissen zwischen ihm und ihrem Manne gelegt. Wann er in Jerusalem war, habe er sich zusammen mit Weibern gebadet, ohne fleischliche Begierde zu verspüren: „Es kam vor, dass man sagte, lass uns, Schwesterchen, baden gehn und man ging“. — Das Streben, auch des Schamgefühls als einer Folge des Sündenfalls sich zu entledigen, scheint bei den Chlüssen sehr verbreitet zu sein (vergl. auch oben S. 659).

Zu Seite 320, Anm. 1: Dass den Mädchen die Zöpfe abgeschnitten würden, wird nur als Forderung der Kerowa (von Kesarew, vergl. oben S. 663) berichtet.

Zu Seite 320 Anm. 2: F. Liwanow berichtet dasselbe von dem Woronescher Profeten Nikita Schtscherbakow in der Sloboda Alpherowka unter Berufung auf eine Akte im Archiv des Ministeriums der innern Angelegenheiten vom Jahre 1839 № 131; Raskolniki und Strafgefängene III. B., xxiii. Die Woronescher Wundertäter. — (Der andere ist eben Lomtew, in der Stadt Nowochopersk).

Zu Seite 321, Z. 4 f. L. Backman: „Ich habe bei Diabetikern nicht selten einen aus dem Munde strömenden süsslichen Geruch wahrgenommen. Da ferner Nervosität, bleiche Gesichtsfarbe, Ohnmachten, Zuckungen, Wadenkrämpfe u. s. w. Begleiterscheinungen bei Diabetes sind, so lässt sich vielleicht annehmen, dass so manche Chlüssenchristusse Diabetiker gewesen“. — Doch vergl. dazu auch oben S. 538 f. u. 570.

Zu Seite 326: Denselben Gedankengang bietet unter dem andern, bei den Chlüssen ebenfalls sehr beliebten Gleichnis vom grünen Garten für ihre Gemeinde folgendes Lied, das neuerdings Schewalejewski mitteilt (Geistliche Lieder der Skopzen der Kursker Eparchie, Miss.-Rundsch. 1906 I. S. 197). Es bezieht sich wohl auf dieselbe Begebenheit:

Aber in ferner Gegend,
Da stand ein grüner Garten.
Wie in ihm bei schönem Wetter (pogóda)
Viel Volk (naróda) vorhanden war!

Wie Regen und Hagel (grad) herabkamen,
 Laufen alle in die Häuser zurück (naśád),
 Ja und schmähen Gottes Garten (sad).
 Mit der Göttlichkeit beschäftigten sie sich nicht (nesanjális),
 Grosser Leidenschaft ergeben sie sich (poddalis).
 Aber welche stark im Glauben waren,
 Die übermochten (odoléli) auch die Leidenschaften nicht,
 Helle Kronen setzten sie auf (nadéli).

Hier also bildet der Gedanke an die Gläubigen den Abschluss des Liedes, den man im andern vermisst. „Bóschestwo“, sonst = Gottheit, ist bei den Gottesleuten terminus technicus für ihren „Gottes“glauben und ihr „göttliches“ Leben.

Seite 331, Z. 13 f. L. Backman: „werdet ihr retten, werdet euch sichern.“

Zu Seite 340, Anm. 4: Vielleicht ist hier auch daran zu denken, dass nach der Legende das Kreuz Christi aus Zypressenholz bestand (vergl. das Lied oben S. 350).

Zu Seite 347: Neuerdings teilt Schewalejewski ein Lied mit, in welchem die Welt mit dem ungestümen Meere verglichen wird, über welches man nur in dem „grossen Schiff“ der Gottesleute zu der Kirche fahren kann, d. h. nur wer zu einer chlüstischen Gemeinde gehört, gehört zur Kirche. Es ist zweifellos ein altes Chlūstenlied (Geistliche Lieder der Skopzen der Kursker Ep. Miss.-Rundsch. 1906 I. S. 196):

O über das Meer, über das blaue (sínemu) Meer,
 (Nicht?) über das blaue, das Lebens- (schitéskomu) Meer!
 Wütete (wśbuschewálosja) das blaue Meer nicht?
 Und die grausen Wogen wogten (wśwolnowálisja),
 Und alle Steuerleute erschrakten (perepugálisja),
 Und die Arbeiterchen wurden traurig (perepetschalílisja).
 Nun auf, Brüderchen, lasst uns einen Rat fassen,
 Alle einen einmütigen (jedinuju):
 Wie wir eine Bitte auf ein grosses Blatt (listú) schreiben.
 Lasst uns die Bitte Christo (Christú) selbst überreichen,
 Und ferner auch dem Mütterchen Helferin (Pomóschtschnize),
 Der allen heiligen Gottesgebärerin (Bogoróditze)!
 Unsrer erbarmte sich (umililasja) das Mütterchen,
 Betete (wośmolilasja) zu ihrem Sohne,
 Sie verbeugte sich (poklonilasja) vor ihm
 Bis zum weissen Antlitz, bis zur feuchten Erde:
 „Mein geliebter Sohn,
 Mein süsses Kind,
 Nimm du die Bitte an
 Der gläubigen Gerechten,
 Und nimm, Herrscher, unverzüglich an!“
 Der Sohn nahm die Bitte an (prinjál),
 Besänftigte (unjál) die grausen Wogen,
 Sagte (skaśál) ein Wörtchen,

Wies (ukaśál) den Weg (dim.) :

„Schwimmt ihr, Freunde, im grossen Schiff

Auf dem wahrhaften Wege auf jene Seite,

Auf jene Seite, auf die östliche!“

Doch auf jener Seite da steht die Kirche.

Bei jener Kirche wird die Auswahl stattfinden.

Auswählen wird Herrscher Väterchen,

Er, das Väterchen wird dafür nichts nehmen.

Nur wird Er, der Herrscher, Glauben, Fürsorge (radénije) nehmen

Und ferner Fasten, Beten, eifrige Sorge (popetschénije)

Und ausserdem Liebe zu Gott mit Tugend.

„Radenije“ im drittletzten Verse ist wohl doppelsinnig gemeint. Bemerkt sei noch, dass alle die Lieder, in denen die Gottesleute „gläubige Gerechte“ genannt werden, nach Altertümlichkeit der Sprache und poetischem Schwung zusammengehören.

Zu Seite 350, Anm. 2 L. Backman: „Wassiónski“ ist entschieden ein Schreib- oder ein Druckfehler; es muss „Wes-siónski“ heissen, „durch und durch Sionisch“.

Zu Seite 350, Anm. 3: Gemeint ist jedenfalls der Berg Golgatha.

Zu Seite 351: In dem aufgeführten Liede ist ein Stück aus dem Volksliede „Vom Taubenbuch“ benutzt (bei Warenzow, Sammlung etc. S. 13). Hier wird auf die Frage, warum Jerusalem allen Städten Vater sei, geantwortet:

Deswegen ist Jerusalem allen Städten Vater,

Weil es in der Mitte der hellen Welt steht;

In jener Stadt steht die Kirche,

Steht die allgemeine Kirche;

In jener allgemeinen Kirche

Steht ein weissteinernes Grabmal;

In jenem weissteinernen Grabmal

Ruhen die Gebeine Christi selber,

Christi selber des himmlischen Zaren:

Daher ist diese Kirche allen Kirchen Mutter.

Seite 367, Anm. 1, 2. Z.: S. 26.

Zu Seite 371, Anm. 2: Auf dem Kaśaner Missionskongress teilte der frühere Samaraer Missionar Matjuschinski mit, dass die Chlūsten im Gouv. Samara silberne Kreuze, zwei Werschók gross mit Strahlen in der Mitte und mit der Aufschrift des Gebets „Himmlischer Zar“ etc. auf der Rückseite, tragen. Sie sind im Handel nicht zu haben, sondern werden in Moskau von einem chlūstischen Kaufmann nur für die Chlūsten angefertigt („Verhandlungen“ etc. S. 100). Er berichtet ferner, dass die Männer bei der Aufnahme bunte seidene Gürtel mit grossen Troddeln erhalten, die 3—5 Rbl. kosten.

Seite 373, 3. Absatz: Nach dem Artikel D. Orlovs „Nachrichten“ etc.

Zu Seite 384, Anm. 3: So berichtete auf dem Kaśaner

Missionskongresse der Priester Matjuschinski von den Samaraer Chlöstern, dass während die Männer weisse Hemden und Hosen anhaben, die Frauen blaue Saraphane mit silbernen Knöpfen und weissen Aermeln tragen. Freilich klingt seine Mitteilung so, als ob das ihr gewöhnliches Kostüm sei. Sie darf aber nur von der gottesdienstlichen Bekleidung verstanden werden.

Zu Seite 395: Das Lied „Uebel war mir zu Mute“ etc. bietet bereits Warenzow, Sammlung etc. S. 199 mit unbedeutenden Varianten; so im fünften Verse: Werde ich junge zum Väterchen gehen etc.

Seite 397, 8. Z. u. Seite 402, Anm. 1: Kálnjew.

Zu Seite 402 ff.: Noten finde ich ausser den in der Anm. zu S. 265 erwähnten für die chlöstlichen Lieder sonst nicht angegeben.

Zu Seite 402, Anm. 2, 4. Z. auf S. 403 L. Backman: „palátuschka“ kann auch „Empfangszimmerchen“ heissen. Diese Uebersetzung dürfte vorzuziehen sein, weil im Weiteren im Gegensatz dazu vom „inneren Gemache“ die Rede ist. — Aber im nächsten Satze dürfte die andere Uebersetzung anzuwenden sein.

Zu Seite 406, Anm. 4, auf S. 407, 3. Z. von unten: Zwei (№ 45, S. 233 und № 61, S. 248—249) stehen in der Tat in der „Sammlung von geistlichen Versen für Christen lutherischen Bekenntnisses“ von Awrachow, Moskau 1892 (№ 183, S. 189, № 330, S. 334), die besonders bei Schtundo-Baptisten im Gebrauch ist.

Zu Seite 413 Anm. auf S. 414: In „Die geheimen Sekten“ (S. 29 Anm.) sagt freilich Melnikow, dass in einer in seinem Besitz befindlichen Handschrift über die Kupidonen der Name „Podreschétnik“ lautet. Aber dann müssten seine Anhänger „Podreschétnikowü“ heissen. Hier ist freilich auch sein Vorname genannt: Jefim oder Jephrem (unleserlich geschrieben).

Seite 417, Anm. 3, Z. 2: Šélenew. — Anm. 4 auf S. 418, 3. Z. von unten: Artikel von Wk. Schw.

Seite 433, 9. Z.: Šélenew.

Zu Seite 435, 2. Absatz L. Backman: „Da Wólogda südlich von Kárgopol liegt, so führt der Weg dorthin zum Meere hin, d. h. zum Weissen Meere“. — Bei Dimitri steht „ot mórja“, wörtlich = vom Meere weg. Aber nach der andern Art der Richtungsangabe kann das ja auch mit „zum Meere hin“ übersetzt werden.

Seite 442, 4. Absatz: Šélenew; 5. Absatz: Der Artikel P. Slowochotows „Vom etc.

Seite 444, 2. Abs. 3. Z.: Šélenew.

Zu Seite 446, Anm. 3: Zur Verbreitung dieser Verleumdung in der lesekundigen russischen Gesellschaft tragen nicht wenig historische Romane bei, die diesen Ritus wie die folgenden breit und sinnlich ausmalen, dabei u. a. auch Personen und Situationen der ältesten Akten schildernd; so D. Merešchkowski, Peter der Grosse und der Zarewitsch Alekse, historischer Roman aus Russlands grosser Zeit (Epilog: der kommende Christus) 1895, deutsch von Carl von Gütschow

(Berlin 1905), J. Kondratjew, Raskolniki-Nester (Chlūsten, Skopzen, Begunen), eine historische Roman-Chronik, 1. Teil, Kap. I—XXI (S. 1—112), 3. Aufl. Moskau 1901, u. a. m.

Seite 447, Z. 8 ff.: Eine wichtige Bestätigung dieser Annahme bildet die Erzählung bei Kesarew S. 42, vergl. oben S. 667.

Seite 450, 1. Abs. Z. 3: (№ 67).

Seite 485, 12. Z. L. Backman: „Molélschtschiki“ heisst „Betbrüder“ oder „Betleute“. — In der Tat ist das Wort nicht von molénja = Bethaus, sondern direkt von molitjsja = beten abzuleiten. Bethausleute heisst „molénniki“, von dem andern Wort für Bethaus (molénna) abgeleitet.

Seite 488, 8. Z. von unten: 1900 II.

Zu Seite 508, Anm. 2 hinzuzufügen: W. W., Das Skopzenthum im Luthertum, Kirchlicher Bote 1881 № 49, S. 11—14; über die Skakunen bietet er Folgendes: Der lutherische Bischof Signeus berichtete (nach 1810) in offiziellen Vorstellungen an das Ministerium der innern Angelegenheiten, dass die skakunischen Versammlungen der lutherischen Finnen um 8 Uhr abends begannen und bis Mitternacht dauerten. Geräuschvolle Ausrufe, krampfhaftes Zittern, schamlose Umarmungen und Küsse, verbunden mit wildem Springen und Tanzen bildeten das unumgängliche Zubehör dieser Versammlungen; nach Beendigung der Tänze würden die Lichte ausgelöscht und alle Anwesenden legten sich schlafen, paarweise, jeder mit seiner Auserwählten. Die Männer, die diese Versammlungen besuchten, waren mit wenigen Ausnahmen jung und unverheiratet, die Weiber dagegen meist verheiratet und verliessen zuletzt ihre Männer ganz. Anfangs sagten sie, dass auf diesen Versammlungen zwischen Männern und Weibern keine fleischliche Sünde vorkomme, obgleich sie sich Freiheiten erlaubten, die sie Ausflüsse der christlichen Liebe nannten, aber später wurde ermittelt, dass die fleischlichen Beziehungen gar keinem Zweifel unterlagen. Die Schamlosigkeit ging so weit, dass nach Beendigung des (kirchlichen) Gottesdienstes an Sonn- und Feiertagen die Mitglieder dieser Versammlungen sich hinter der Kirche verschiedene Ungehörigkeiten und Liebesäusserungen zu allgemeinem Aergernis erlaubten. — Die Versammlungen wurden infolgedessen verboten, worüber sich die Sektierer beim Ministerium beschwerten. 1825 baten sie für ihre Versammlungen um Erlaubnis. Es wurde ein Komitee eingesetzt, das aus dem Petersburger Generalgouverneur, dem finnländischen Staatssekretär und Zygneus bestand. Es stellte unter anderem fest, dass die Skakunen die Ehe als der Religion entgegen ansahen, nicht aber freie Liebe. Es stellte sich unter anderem heraus, dass einer in fleischlicher Beziehung zu zwei Frauen, Mutter und Tochter stand. — Aus den späteren Prozessen ging hervor, dass nur sehr wenige Rechtgläubige zu den Skakunen gehörten, und zwar Zöglinge des St. Petersburger Erziehungshauses, die in finnischen Skakunenfamilien erzogen worden, die nur scheinbar rechtgläubig waren.

Seite 524, Anm. 5, 14. Z. u. 8. Z. auf S. 525: Kálnjew.

Zu Seite 532: „Das freie Wort“ (Parole libre, Swobódnoje Slówo), herausgeg. von Wl. Tschertkow, Christchurch, Hants, England, № 17 und 18 (1905), S. 12—14, bietet ein Bruchstück aus einem Briefe einer gewissen Jekaterina vom 11. Mai 1905 unter dem Titel: „Eine Zusammenkunft mit dem Sektierer Maljowanü in dem Kasaner psychiatrischen Krankenhause“. Im Folgenden das Wesentliche daraus. Auf ihre Fragen antwortete ihr einer der Aerzte: „Anfälle hat er nie und wird sie auch wahrscheinlich nicht haben — wir beobachten ihn schon mehr als 12 Jahre. In dieser Hinsicht würde sein Leben in der Freiheit keine Gefahr darbieten. Aber seine moralische Wirkung auf die Masse ist gewaltig und sogar hier bei uns ist ein Beispiel des Einflusses vorhanden, welchen seine Worte ausüben können. In einem Zimmer mit ihm lebt ein anderer Kranker, ein gewisser Tschekmarjow, der sich bis zu seiner Unterredung mit Maljowanü für den Erstling Gottes hielt. Jetzt hat er diese Benennung auf Maljowanü übertragen und sagt, dass er nicht wert sei, den Riemen an seinem Schuhwerk aufzubinden, indem er damit meint, dass er Johann der Täufer sei. Solche Fälle, dass ein Kranker den Wahn des andern verändert hat, sind kaum in der Psychiatrie beobachtet worden. — Maljowanü selbst sagt solches nicht von sich, aber aus seinen Worten kann man schliessen, dass er sich für einen besondern Gesandten des Heilandes hält. — Anfangs kamen zu ihm viele, sowohl Verwandte als auch „geistliche Söhne“ . . . aber jetzt wird dazu jedesmal eine besondere Erlaubnis des Gouverneurs verlangt. — Im Kijewer Gouvernement tauchten Blättchen auf, die von Maljowanü unterschrieben waren. Man gab uns zu wissen, dass er von hier Propaganda treibt . . . Maljowanü selbst ist Analphabet und die Briefe schreibt für ihn Tschekmarjow. — Er spricht sehr gern und sehr bilderreich. So antwortete er z. B. auf meine Frage: „Haben Sie viele Anhänger?“ — „Wie die Flüsse sich im Frühling ergiessen und das Land überschwemmen, so hat sich auch meine Lehre über die ganze Welt ergossen“. Ich fragte weiter: „Wie wirkt Ihre Lehre auf die Leute?“ Er antwortete: „Wie der Blitz, der die Wolken durchschneidet, so ist meine Lehre“. — Zu seinem Leben hier verhält er sich ruhig und spricht nicht von seiner Rückkehr (nach Hause). — Nach dem Ukas vom 17. April (Proklamierung der Glaubensfreiheit in Russland) ist sie, glaube ich, möglich, wenn man sich für ihn bemüht. Eine Anfrage beim Gouverneur ist schon gemacht worden. . . . Er ist eben erst ernannt, war hier . . . sah auf einen Augenblick Maljowanü und sagte, dass er seine Sache durchsehen werde. Wir werden natürlich unsrerseits die Meinungsäusserung abgeben, dass Maljowanü entlassen werden kann“. — In dem zweieinhalbstündigen Gespräche mit der Berichterstatterin sagte Maljowanü unter anderem Folgendes: „Man sagte: „Verbiete, dass man zu dir kommt.“ Ich verbot den einen, aber andere kamen, von allen Seiten kamen sie. Weil ich ihnen das Leben zeigte. In jedem Menschen ist ein Funke Gottes. Wenn er nicht brennt, ist der Mensch wie tot, wenn er aber brennt, so ist das Leben. Ich selbst war bis zum 45. Jahre tot. . . Man muss (nur) verstehen. Was im

Neuen und Alten Testament geschrieben ist, ist alles Gleichnis. Ich überführte die Welt. Und alle stürzten zu mir, beteten, weinten und nannten mich Heiland. Ich verbot ihnen, mich Heiland zu nennen, aber sie schrien: „Du hast uns geheilt, du bist der Heiland!“. Es gibt viele Hebräer, die den Messias erwarteten, und sie glaubten an mich Mir hat man schon früher (vor dem Glaubensmanifest) den Vorschlag gemacht, (aus der Anstalt) zu gehen, nur ein Papier zu unterschreiben, dass ich nicht predigen werde. Ich habe nicht unterschrieben. Ich bin hier arretiert, dennoch wie im Paradiese, weil mein Geist frei ist. Man schlug mir ferner vor, in einem andern Gouvernement zu leben, weil dort nicht meine Anhänger sind, aber ich lehnte gleichfalls ab. . . Predigen kann ich auch von hier. Ich schicke Briefe und die Leiter lesen (sie) dem Volke vor . . . Ich werde dann zurückkehren, wann alle Leute auf meiner Seite sein werden. Ich musste leiden. Durch Leiden wird die Wahrheit bekannt“. . . .

Seite 578, Abs. k. 2. Z., S. 579, 10. u. 11. Z., S. 585, 22. u. 23. Z.: Kálnjew.

Zu Seite 586 f.: In dem Artikel „Handschrift eines chlüstischen Lügenchristus“, Miss.-Rundsch. 1906 II. S. 455—458, teilt D. Grazianski zwei Briefe Lubkows mit, die nichts Charakteristisches enthalten ausser der Unterschrift:

P. (owelítel) M. (íra)
 (d. h. Gebieter der Welt),
 Sohn des Freien Aethers (Ephíra).

Register der benutzten russischen Literatur¹⁾.

B. A., Einige Worte über den Charakter der religiösen Ansichten und die Form der Radénija der Tambower Sektierer, die Chlústen genannt werden (aus dem Gerichtssaal). Tambówer Ep.-Nachr. 1887. Nichtoffizieller Teil S. 1092—1113. — 1888. Nichtoff. T. S. 72—94.

P. A., Bemerkung über die Sektierer im Samáraschen und Stawrópolschen Kreise. Samaraer Eparchial-Nachrichten 1893. Nichtoff. Teil S. 345—349.

A. A-ew, Priester, In Anlass des Artikels über die Bogomólü in den Pénsaer Eparch.-Nachr. 1866, № 20, von O. Studénski. Pénsaer Ep.-Nach. 1868. Nichtoff. Teil S. 221.

J. A-mow, Priester, Bemerkung über die Chlústen (Nach den Worten des reumütigen Chlústen F. W. und anderer). Woronescher Ep.-Nachr. 1887, S. 335—360.

Ja. Abrámow, Die Sekte der Schaloputen. Otétschestwennüja Šapíski (Vaterländische Aufzeichnungen) 1882, Heft 9, S. 35—58; Heft 10, S. 157—193.

— — Unter Sektierern. 1887, 97. S. Separatabdruck aus „Slowo“ (Das Wort) 1882, № 2.

J. Aiwaśow, Die Tambowschen Póstniki (Faster). Missions-Rundschau 1901 I. S. 190—203.

— — Rubrizierung der Sekten nach Religionen. Memorandum an die VI. Abteilung der das Konzil vorbereitenden Sitzung. Miss.-Rundsch. 1906 I. S. 839—847.

Akten, gesammelt in den Bibliotheken und Archiven des russischen Reichs von der archäologischen Expedition der Kaiserlichen Akademie der Wissenschaften III. u. IV. B. St. P. 1836.

1) Von den wichtigeren Büchern ist der Titel auch russisch angegeben (in Fussnoten). Die Titel der Zeitschriften habe ich bei der erstmaligen Nennung auch in Transkription (im Texte) angegeben, wenn sie nicht bereits im Register b) meiner „Geschichte der Dogmatik in russischer Darstellung“ aufgeführt waren.

W. Andréjew, Der Raskol und seine Bedeutung in der Geschichte des russischen Volkes. Ein historischer Abriss. St. Petersburg 1870. 410 S.¹⁾.

Anweisung, wie man recht mit den Raskólniken kämpfen soll, in dem Rjasánschen Seminar auf Vorschrift des verstorbenen hochwürdigen Simon, Rjasánschen und Scházkschen Bischofs verfasst. 7. Ausgabe. Moskau 1855. 299 Seiten²⁾. § 27. Gegen die Kapitónzü S. 231—33. § 32. Gegen die Akulínzü S. 245—247. § 39. Gegen die Chlístówschtschina S. 256—259.

S. Archángelow, Unter den Raskolniken und Sektierern des Wólgagebietes. Kulturhistorische Skizzen über Raskol und Sektentum im Níschni-Nówgoroder Gebiete. St. P. 1899. 176 S. Ueber Chlústén S. 153—169.

Arséni (Minin), Hieromonach, Missionar, Die montano-molokanischen Lügenchristusse Iwán Grigórjew und Grigóri Wereschtschágin. Zur Geschichte der montano-molokanischen Sekte. Moskau 1891. 3. Ausg. 39 S.³⁾.

Zum **Artikel** „In Anlass der Eröffnung der Tätigkeit spezieller Missionare gegen den Raskol und das Sektentum in der Tambówer Eparchie. Tambow. Ep.-Nachr. 1887. Nichtoff. T. S. 711—719.

J. B-w, Daten der vierziger Jahre des XVIII. Jahrhunderts für die Geschichte der „geheimen Unterhaltung der heiligen Väter“. Rechtgläubige Rundschau 1862, Augustheft S. 450—457.

Je. Bárrow, Die neuesten Erforscher des russischen Raskol (Re-utski und Andrejew). Rechtgläubige Rundschau 1873, Januarheft S. 126—162.

N. Bárrow, Der russische volkstümliche Mystizismus. (Mitteilung, vorgetragen in der ethnografischen Abteilung der Kaiserlichen russischen geografischen Gesellschaft) St. Petersburg 1869. 64 S.⁴⁾.

— — Geistliche Verse (Raspéwzü) der Sekte der Gottesleute. St. P. 1870. XV+154 S. (Separatabdruck aus „Aufzeichnungen der Kaiserl. russ. geograf. Gesellschaft in der ethnogr. Abt.“) St. P. 1870⁵⁾.

1) В. В. Андреевъ, Расколъ и его значеніе въ народной русской исторіи. Историческій очеркъ. Петербургъ 1870.

2) Наставленіе правильно состязаться съ раскольниками, сочиненное въ Рязанской Семинаріи по предписанію покойнаго Преосвященнаго Симона, Епископа Рязанскаго и Шацкаго. Изданіе седьмое. Москва. Въ Синодальной Типографіи 1855.

3) Арсеній, миссіонеръ іеромонахъ, Лжехристы монтано-молоканскіе Иванъ Григорьевъ и Григорій Верещагинъ. Къ исторіи монтано-молоканской секты. Изданіе третье Афонскаго русскаго Пантелеймонскаго монастыря. Москва 1891.

4) Н. Барсовъ, Русскій простонародный мистицизмъ. С.-Петербургъ 1869.

5) Н. Барсовъ, Духовные стихи (распѣвцы) секты людей Божіихъ, собранные дѣйствит. членомъ Императорскаго русскаго географическаго общества. С.-Петербургъ. 1870.

W. Bächterew, Die Suggestion und ihre Rolle im sozialen Leben. 1898. 2. bedeutend vermehrte Aufl. St. P. K. Rickers Verlag 1904. 144 S. Die 1. Aufl. wurde von Privatdozent R. Weinberg (Dorpat) ins Deutsche übersetzt, Leipzig 1899, die 2. erschien mit Erweiterungen (des Autors) gegenüber dem Original deutsch 1905 als Heft XXXIX der „Grenzfragen des Nerven- und Seelenlebens“, Wiesbaden (derselbe Uebersetzer).

Die **Beichte** eines Schaloputen (des G. K-n). Kaukas. Ep.-Nachr. 1881, S. 353—362, 390—401, 418—423, 455—460. Fortsetzung: Nochmals die Beichte eines Schaloputen. S. 499—513. Schluss: Die Lehre und die Riten der Chlüsten oder Schaloputen nach vor Gericht gemachten Angaben. S. 867—875.

J. Beljájew, Ikótniki (Schnuckende) und Klikuschi. Rússkaja Stariná (Russisches Altertum) 1905, Aprilheft S. 144—164.

P. Birjuków, Die Maljówanzü. Die Geschichte einer Sekte. 9. Lief. der Materialien zur Geschichte des russischen Sektentums. Christchurch, Hants, England 1905. 29 S. ¹⁾.

Brief über die Chlüstowschtschina. Orenburger Ep.-Nach. 1881, S. 734—738.

N. Bulgákow, Zur Frage nach den Ursachen der Vergötterung der Frauen bei den Chlüsten. Missions-Rundschau 1901 I. S. 52—57.

F. Buslájew, Akademiker, Volkspoesie. St. P. 1887. S. 434—501: Ueber russische geistliche Verse (1861).

T. Butkéwitsch, Die Sekte der Chlüsten (Aus einer Expertise bei einem Prozess der Chlüsten der Orjóler Eparchie). Miss.-Rundsch. 1901 I. S. 565—573.

Zur **Charakteristik** der chlüstischen Sekte. Kalúgaer Ep.-Nachr. 1869. Beilagen S. 667—674.

Die **charakteristischen** Züge der Sekte der Schaloputen. Hirten-Gesellsch. 1890, S. 281—283.

Die **Chlüsten** im Tambówschen Gouvernement, die sich „Bogomolü“ oder „Póstniki“ nennen. Tambower Ep.-Nachr. 1862. Nichtoff. T. S. 203—214.

Chlüstentum, Schaloputentum und Prügulentum. Miss.-Rundsch. 1897, S. 841—843.

Die **chlüstische Sekte** in Petersburg. Prawosláwnoje Obošrénije (Rechtgläubige Rundschau) 1881 III. S. 408—411.

Auf einer **chlüstisch-schaloputischen Versammlung** (nach den Worten eines Augenzeugen). Missions-Rundsch. 1899 I. S. 468—472.

1) П. Бирюковъ, Matériaux pour servir à l'histoire des sectes russes. Livraison 9. Les Malewantzi. Histoire d'une secte. Материалы къ исторіи русскаго сектанства. Выпускъ 9-й. Малеванцы. Исторія одной секты. Изданіе „Свободного Слова“, подъ редакціей В. Черткова. № 95. А. Тschertkoff. Christchurch, Hants, England 1905. Jena, Eugen Diederichs Verlag.

Die Chlüstowschtschina. Taurische Ep.-Nachr. 1885. Nichtoff. T. S. 451—459, 495—519 556—573. — 1886. Nichtoff. T. S. 284—297, 424—430, 538—560. (S. 560 nennt sich der Verfasser: D. Jakimówitsch.)

Die **Chlüstowschtschina.** Ihr Ursprung, ihre Lehre, „Radenija“, Versammlungen und Geheimnisse, Kultus. Kijewer Ep.-Nachr. 1892. Nichtoff. T. S. 307—317.

Die „**Chroniken**“ der Missions-Rundschau (meist anonym).

P. Danilow, Priester, Nachrichten über die Sektierer der Staniza (Kosakendorf) Kalnibolótskaja im Kubán-Gebiet, gesammelt und vorgestellt vom Kreis-Missionar. Stawróppler Ep.-Nachr. 1891. Nichtoff. T. S. 111—124, 141—147.

[**Dimitri** Rostówski, d. h. Bischof von Rostow], Nachforschung über den Raskolniken-Brünschen Glauben, über ihre Lehre, über ihre Werke, und Erläuterung, wie ihr Glaube unwahr, ihre Lehre seelengefährlich und ihre Werke nicht gottwohlgefällig sind. 1745 zuerst gedruckt. 5. Aufl. Moskau 1855. 643 S. ¹⁾

F. Dmitrijéwsky, Der Skopze Andre Seliwanow und die Grundlagen seiner Lehre. Tschernigower Ep.-Nachr. 1869: über den Ursprung der Chlüstowschtschina S. 312—333, 384—392, 418—423, 432—438, 505—507.

P. Dobromúslow, Einige Worte über die gegenwärtige Chlüstowschtschina (in Anlass des Tarússaschen Chlústenprozesses). Missions-Sammlung 1895, S. 149—157, 293—316, 487—507.

— — Die Sekte der Panijáschkowzü. Missions-Sammlung 1896, S. 13—24.

J. Dobrotwórski, Prof., Die Gottesleute. Die russische Sekte der sogenannten geistlichen Christen. Eine Untersuchung. Kasán 1869 (zuvor in kürzerer Form und ohne die Lieder anonym im „Rechtgläubigen Gesellschafter“ von 1858 I. „Nachrichten über die Sekte der im russischen Raskol sogenannten „Gottesleute“, S. 333—364; 1858 II. „Die Gesellschaft der Gottesleute etc.“, S. 360—407; 1860 III. „Die Lehre der Sekte der „Gottesleute“ von dem geheimnisvollen Tode und der geheimnisvollen Auferstehung“. S. 391 ff.), 200 S. ²⁾ — S. 4—24 (mit Auslassungen), S. 106—152, 164—183 (ebenfalls mit Auslass.) ins Deutsche übersetzt von Fr. Pfitzmaier, Die Gottesmenschen und Skopzen in Russland. Denkschriften der kaiserl. Akad. der Wiss. Philos.-hist. Klasse. 34. B. Wien 1884, S. 143—238. —

1) Розыскъ о Раскольнической Брынской Вѣрѣ, о Ученіи ихъ, о Дѣлахъ ихъ и Изъявленіе, яко Вѣра ихъ неправа, Ученіе ихъ душевредно и Дѣла ихъ не Богоугодна. Изданіе пятое. Москва. Въ Синодальной Типографіи 1855.

2) И. Добротворскій, э. профессоръ церковной исторіи въ Императорскомъ Казанскомъ Университетѣ, Люди божіи. Русская секта такъ называемыхъ духовныхъ христіанъ. Изслѣдованіе. Казань 1869.

S. 32—93 (mit Ausl.), S. 152—168 (mit Ausl.) in „Die neuere Lehre der russischen Gottesmenschen“. Sitzungsberichte der philos.-hist. Klasse der Akad. der Wiss. 104. B. Wien 1883. S. 89—168. — S. 183—200 (mit Ausl.) in „Die Gefühlsdichtungen der Chlūsten“. Denkschr. der Kais. Akad. d. Wiss. Philos.-hist. Kl. 35. B. Wien 1885. S. 194—219.

— — Zur Frage nach den Gottesleuten. Rechtgl. Gesellsch. 1870 I. S. 15—30.

A. Doródnizūn, Die Sekte der Schaloputen. Lesungen in der Gesellschaft von Freunden geistlicher Aufklärung 1889. I. Abteilung, S. 275—301, 640—712.

— — Die Schaloputische Gemeinde. Les. in d. Gesellsch. v. Freunden geistl. Aufkl. 1891 März II. Abt. S. 84—118. Mai — Juni II. Abt. S. 191—231.

— — Die Grundformen der sektiererischen Verirrungen. Miss.-Rundsch. 1902 I. S. 225—234.

N. Dubrówin, Unsere sektiererischen Mystiker. Je. Tatarinowa und A. Dubowizki. Das russische Altertum 1895, Okt. S. 33—64. Nov. S. 1—43. Dez. S. 51—93. 1896, Jan. S. 5—51. Febr. S. 223—263.

Einer von den chlūstischen lebendigen Göttern. Kawkásskija Jeparchiálnūja. Wédomosti (Kaukasische Ep.-Nachr.) 1893, S. 169—171.

Einige Worte über das Skopzentrum und Schaloputentum. Kursker Ep.-Nachr. 1893. Nichtoff. T. S. 427—433, 452—548.

Von einer **entdeckten neuen Sekte** und von dem Erscheinen ihrer Lehrer und Anhänger vor den geistlichen Gewalten zur Bezeugung von Gehorsam. Vollständige Sammlung von Gesetzen des Russländischen Reiches seit dem Jahre 1649. Band IX (1733—36), № 6613. S. 390—395. St. P. 1830.

Eine **Episode** aus der Geschichte des Raskols der letzten Zeit. Der Wanderer 1878 III. S. 401—411.

Ergänzungen zu den historischen Akten, gesammelt und herausgegeben von der archäologischen Kommission I. B. St. P. 1846. V. B. 1853.

A. Fedótow, Priester, Aufrichtiges Bekenntnis eines Skakunen darüber, wann und wie er zur Sekte der Skakunen bekehrt wurde (Zur Frage der Erziehungshäuser). Kirchlicher Bote 1890 S. 274—275.

W. Fuks, Aus der Geschichte des Mystizismus. Tatarinowa und Golowin. Russischer Bote 1892, B. 218, S. 3—31.

Die **Geheimnisse** der Lehre der Chlūsten der Anisjaschen Denomination (im Tambowschen Gouv.) mit einer kurzen Skizze des Ursprungs dieser Denomination. Tambower Ep.-Nachr. 1889. Nichtoff. T. S. 549—563.

A. Geórgijewski, Die Chlūstowschtschina im Jelezschken Kreise des Orjóler Gouv. Miss.-Rundsch. 1904 II. S. 1366—1376.

Gerichtliche Anklage gegen Chlūsten. Die Donischen Chlūsten. Miss.-Rundsch. 1905 II. S. 391—393.

Zur **Geschichte** der Glaubensmeinungen und Sitten unserer Sektierer I. Die Gottesleute. Samarar Ep.-Nachr. 1867. Nichtoff. Teil S. 266—280.

Die **Gesellschaft** der Gottesleute, ihr Bestand und gottesdienstlichen Versammlungen. Der rechtgläubige Gesellschafter 1858, II. T. S. 360—407 (von J. Dobrotworski).

P. Gildebrandt, Die chlüstische Sekte. Dréwnjaja i Nówaja Rossija (Das Alte und Neue Russland) 1877, III. B. S. 95.

D. Graziński, Was ist „Sekte“ im Allgemeinen und die rationalistischen und mystischen im Besondern? Miss.-Rundsch. 1904 I. S. 971—980.

— — Die Chlüsten am Don und Missionsgespräche mit ihnen. Miss.-Rundsch. 1905 I. S. 101—110.

— — Der Brief einer Chlustin. Miss.-Rundsch. 1905 II. S. 406—410.

— — Unterhaltung mit Chlüsten (die sich jetzt „Gemeinde Neues Israel“ nennen) über die Fleischwerdung des Herrn Jesus Christus. Miss.-Rundsch. 1906 I. S. 75—82. Ueber die christliche Ehe II. S. 296—301.

— — Widerlegung der Lügenlehre der chlüstischen Sekte. Miss.-Rundsch. 1906 I. S. 158—171, 362—367, 530—538.

— — Handschrift eines chlüstischen Lügenchristus. Miss.-Rundsch. 1906 II. S. 455—458.

M. Grebnjów, Der Zustand des Raskol und Sektentums in der Samaraer Eparchie im Jahre 1893. Samaraer Ep.-Nachr. 1894. S. 1025—1038.

Grékulow, Vom neuen Auftreten der sogenannten Montanischen Häresie. Samaraer Ep.-Nachr. 1883. Nichtoff. T. S. 25—32.

— — Priester, Etwas von den Chlüsten des Dorfes K. P. Sam. Ep.-Nachr. 1895, S. 159—165.

W. Gúrjew, Der Weihe beraubte Quäkerinnen. Russischer Bote 1881. B. 154, S. 424—458.

Historische Akten, gesammelt von der archäologischen Kommission III. B. St. P. 1841. IV. u. V. B. 1842.

E. Ja., Chronik des Märzheftes der Miss.-Rundsch. 1900: S. 461—462 über die Maljówannüje.

— — Chronik des Septemberheftes der Miss.-Rundsch. 1900: S. 288—290, Das Anwachsen der Maljowanschtschina und der Psychopathie in der Sektunda.

P. Jakobi, Dr., Religiös - psychische Epidemien. Aus einer psychiatrischen Expertise. Wéstnik Jewrópü (Der Bote Europas) 1903, V. Band S. 732—758. VI. B. S. 117—167.

W. Jaséwitsch-Borodájewskaja, Das Sektentum im Gouvernement Kijew (mit Bildern). Schiwája Stariná (Das lebendige Altertum) 1902, 1. Lief. S. 33—74: über die Maljowanzü S. 45—73, ins Deutsche

übersetzt von St. „Die Maljowantzi (Eine russische Sekte), Hefte zum christl. Orient № 5.

Jemeljanow, Der Rationalismus im Süden Russlands. Vaterländische Aufzeichnungen 1878, 238. B. S. 199—230: über die Schaloputen in den Gouv. Poltawa, Jekaterinoslaw und Cherson S. 199—203.

G. Jéšipow, Raskolniken-Prozesse des XVIII. Jahrhunderts. Ausgezogen aus den Akten des Preobraščenski Prikás (Amt) und der geheimen Kanzelei für Untersuchungsprozesse. B. II. Ausgabe von D. Koščantschikow. St. P. 1863. 551 S.; besonders S. 187—203: Die Klikúshi.

Iglizki, Die Gottesleute in der Orenburger Eparchie. Orenburger Ep.-Nachr. 1880, S. 728—734, 764—778, 823—832; 1881, S. 734—738, 782—792, 836—857, 906—918.

Interessante Nachrichten von der bekannten Sektiererinnen Je. Tatarinowa. Russki Mir (Die russische Welt) 1872, S. 196.

Ioánnow, Staatsrat, Ergänzende Nachrichten von der Tatarinowa und den Gliedern ihres geistlichen Bundes. Rússki Archiw (Russisches Archiv) 1872, S. 2334—2354.

Juskowski, Von den Schaloputen des Konstantinograder Kreises. Kirchlich-gesellschaftlicher Bote 1874, № 35.

J. Júsow, Russische Dissidenten. Die Altgläubigen und die geistlichen Christen. St. P. 1881. 180 S. S. 172—180: Der Sektundismus und die Chlústowschtschina (zuerst in „Der Bote Europas“ erschienen).

N. Iwanowski, Prof., Gerichtliche Expertise über die Sekte der Chlústen. Šurnal Ministérstwa Justizii (Journal des Justiz-Ministeriums) 1896. I. Januarheft S. 79—108.

— — Womit und wie soll man die Erforschung des Sektentums beginnen? Ein offener Brief. Miss.-Rundsch. 1896, Febr. — April: über die Chlústen 1. Märzheft S. 9—12.

— — Der Ritus der Aufnahme bei den gegenwärtigen Chlústen und einige Züge ihrer Lebensweise. Miss.-Rundsch. 1896. 1. Novemberheft S. 314—318; Nachwort dazu von W. Skworzow (als Redakteur) S. 318—320.

— — Die Orenburger Chlústen. Aus dem Gerichtssaal. Miss.-Rundsch. 1897, S. 578—588.

— — Die Sekte der Chlústen in ihrer Geschichte und gegenwärtigem Zustande. Miss.-Rundsch. 1898, S. 20—38, 213—224, 387—403.

— — Handleitung zur Geschichte und Polemik gegen den Raskol der Staroobryáden mit Beifügung von Nachrichten über die rationalistischen und mystischen Sekten. 5. Aufl. Kašan 1899. 3 Teile: über die Chlústen 3. Teil. S. 221—225, 232—237.

P. K., Die Maljowánschtschina (eine mystisch-pietistische Sekte). Tambow. Ep.-Nachr. 1893. Nichtoff. T. S. 944—949.

Die **Kalínowzü**. Der Rechtgläubige Gesellsch. 1872, II. T. S. 216—225.

M. Kálnjew, Die Neuchlūsten des Kubán-Gebiets (eine neue Sekte). Miss.-Rundsch. 1896, 1. Februarheft S. 23—31. 1. Aprilheft S. 24—34.

— — Ein rechthgläubiger Missionar auf der Radénije bei den Chlūsten. Miss.-Rundsch. 1899 II. S. 193—204, 327—336, 482—493.

— — Chronik des Aprilheftes der Miss.-Rundsch. 1900: über Chlūsten und Schtundochlūsten S. 598—600.

— — Chronik des Juniheftes der Miss.-Rundsch. 1901, Das Sektentum des Gouvernements Cherson: Chlūsten und Schtundochlūsten S. 854—855.

— — Die Sekte der Maljówanzü im Gouv. Chersón, ihre Glaubenslehre und Kultus. Miss.-Rundsch. 1903 II., S. 988—1008.

A. Kanínski, Priester, Der Bund der Bogomólü. Tambow. Ep.-Nachr. 1875, Nichtoff. T. S. 525—530.

— — Zum Artikel „Von der Eröffnung der Tätigkeit von speziellen Missionaren gegen den Raskol und das Sektentum in der Tambower Eparchie“ (von A. W-jew). Tamb. Ep.-Nachr. 1887, S. 711—719.

Je. Kaprálow, Skizzen der Glaubenslehre der nord-kaukasischen Schaloputen. Miss.-Rundsch. 1897, S. 347—354, 428—437; 1898, S. 1278—1289.

W. Kélsijew, Sammlung von Regierungsnachrichten über die Raskolniken. 4 Lieferungen. London 1860—62¹⁾; Ueber die Chlūsten II. S. 17—18, 77—84. III. S. 110—122; Beilagen S. 29—86; Ueber die Montanen II. S. 125—139; Ueber die Skakunen S. 85—90.

— — Kritik des Buches F. Liwanows, Raskolniken und Strafgefangene. Šarjá (Die Morgenröte) 1867, Juni: über die Chlūsten S. 132—139.

— — Die Doppelgläubigen des heiligen Russland I. Die Göttin Awdótja. II. Die Gottesleute. Die Morgenröte 1869, Okt. S. 1—30, Nov. S. 1—36.

Je. Késarew, Priester, Das Besednikentum als Sekte I. Die Besédšchiki der Samaraer Eparchie. Samara 1905. 327 S.²⁾.

J. Kormilín, Wladikawkaŝer Eparchial-Missionar, Die Besonderheiten einer neuen Fraktion des Chlūstentums, die sich „Das Neue Israel“ nennt. Miss.-Rundsch. 1905 II. S. 553—556.

J. Kornéjenko, Zur Frage nach dem Ursprunge der Sekte der „Gottesleute“ (Chlūsten). Glaube und Vernunft 1896. Kirchh. Abteil., S. 643—661.

K. Korolków, Einer der hervorragenden Vertreter des Sektentums (Schaloputentums) in der Jekaterinoslāwschen Eparchie — der verab-

1) В. Кельсіевъ, Сборникъ правительственныхъ свѣдѣній о раскольникахъ. Выпускъ I—IV. Лондонъ, Trübner & Co., Paternoster Row 1860—62.

2) Е. Кесаревъ, священникъ, Бесѣдничество какъ секта I. Бесѣдчики Самарской Епархіи. Самара 1905.

schiedete Soldat Grigóri Schewtschenko. Jekaterinoslawer Ep.-Nachr. 1891. Nichtoff. T. S. 205—216.

J. Krasnopérow, Die gegenwärtigen Strömungen in dem geistlichen Leben des russischen Volks I. Wilde Heiden II. Die Taufe der Wilden. Nabljudátel (Der Beobachter) 1891, 11. Heft, S. 41—49.

M. Kritski, Priester, Materialien zur Erlernung der Sekte der Schaloputen. Nachrichten über die Schaloputische Sekte im Dorfe Ládowskaja Báłka des Medwéschensker Kreises des Gouv. Stawrópol. Kaukas. Ep.-Nachr. 1875, S. 75—100, 168—175, 523—526.

D. Kulikowski, Die Sekte der „Gottesleute“. Slówo (Das Wort) 1880, Sept.-Heft S. 44—86.

K. Kutépow, Die Sekten der Chlústen und Skopzen. Kaśan 1882. 575 S. Auch als Beilage zum „Rechtgläubigen Gesellschafter“, März — Juni 1883 erschienen. 2. (unveränderte) Auflage Stawrópol 1900¹⁾.

— — Aus der Geschichte des Schaloputentums im nördlichen Kaukasus. Hirtengesellsch. 1887 № 22, S. 5—9 (nach den Kaukas. Ep.-Nachr.).

N. Kutépow, Aus dem gegenwärtigen Leben der Chlústen oder Schaloputen. Rechtgläub. Gesellsch. 1883, 7—8 Heft, S. 266—308.

— — Die Chlústen in den Stanizen Metschétsinskaja und Starotscherkásskaja und in der Sloboda Alekséjewka. Donische Ep.-Nachr. 1886, S. 22—27, 110—115.

— — Aus dem Leben des örtlichen Sektentums. Donische Ep.-Nachr. 1886, S. 854—855, 952—956.

— — Zur Frage nach dem örtlichen Sektentum. Donische Ep.-Nachr. 1888, S. 23—27, S. 70— (fehlte in dem mir vorliegenden Exemplar), 110—113.

— — Kurze Geschichte und Glaubenslehre der russischen rationalistischen und mystischen Sekten. Moskau 1891. 103 S.

— — Allgemeine Bemerkungen über Unterhaltungen eines rechtgläubigen Missionars mit Chlústen. Miss.-Rundsch. 1901 I. S. 747—759.

— — Protoiere, Prüfung der chlústischen Lehre von dem fleischgewordenen Sohne Gottes Jesus Christus (Die chlústische Lehre von Jesus Christus). Miss.-Rundsch. 1902 II. S. 321—341, 532—541.

Die **Kwásniki** (ausgezogen aus einem unbeeendigten Briefwechsel). Orenburger Ep.-Nachr. 1880, S. 596—601.

N. Lébedew, Priester, Von den Chlústen der Staniza Kuśchórskaja. Hirten-Gesellsch. 1895, S. 371—374. (Aus den Stawropoler Ep.-Nach.).

Aus dem **Leben** der Chlústen. Samáraer Ep.-Nachr. 1894, S. 409—411.

Die **Lehre** der Anhänger Wasíli Schtscheglows, der sogenannten „Montanen“. Samaraer Ep.-Nachr. 1895, S. 569—581, 657—669, 702—712.

1) Константинъ Кутеповъ, Секты Хлыстовъ и Скопцовъ. Казань 1882. Второе изданіе Ставрополь 1900.

Die **Lehre** und die Riten der Chlūsten oder Schaloputen nach vor dem Gericht gemachten Aussagen. Kaukas. Ep.-Nachr. 1881, S. 867—873.

Leoníd, Archimandrit, Erläuterung des Raskol, genannt Christowschtschina oder Chlūstowschtschina, verfasst vom Priester Joann Sergéjew, der Augenzeuge aller Geheimnisse dieses Raskol gewesen ist; ausgezogen aus einer Handschrift des Neu-Jerusalemers Woskresénski- (Auferstehungs-) Klosters. Tschénija w Imperátorskom óbšchtschestwe istórii i dréwnoste rossiskich pri moskówskom Uniwersitète (Lesungen in der Kaiserl. Gesellsch. für russl. Gesch. u. Altertümer bei der Moskauer Univ.) 1874 3. Buch V. Vermischtes S. 62—67.

O. Lewizki, Die Schaloputen auf der Grenze der Gouvernements Poltawa und Jekaterinoslaw. Kijewski Telegraf (Kijewer T.) 1875 № 41.

N. Liprándi, Von der Sekte der Tatarinowa. Lesungen in der Kais. Gesellsch. für russl. Gesch. u. Altert. b. d. Mosk. Univ. 1868 4. B. V. Vermischtes S. 20—51.

— — Kurze Uebersicht der russischen Raskol, Häresien und Sekten. Bei Kelsijew, Sammlung von Regierungsnachrichten über die Raskolniki II. S. 125—135; und in Les. in d. Mosk. Gesellsch. f. russl. Gesch. u. Altert. 1870 2. B. V. Vermischtes: Chlūstowschtschina oder Gottesleute S. 95—107.

M. Lisizūn, Priester, Ein abscheulicher Sammelplatz des Chlūstentums und religiöser Charlatanerie in Kronstadt. Eine neue Seite der Geschichte der chlūstischen Sekte. Miss.-Rundsch. 1904 I. (Chronik) S. 232—239.

F. Liwánow, Raskolniki und Strafgefangene. Skizzen und Erzählungen ¹⁾.

I. B. 4. Aufl. St. P. 1872. Die Chlūsten des Michael-Palais S. 54—65. Die Skakunen S. 91—103.

II. B. 2. Aufl. St. P. 1872. Moskauer Chlūsten S. 117—135. Die chlūstische Gottesmutter Akulina Timoféjowna S. 81—87.

III. B. 1. Aufl. St. P. 1871. Die Kostromáer Gottesmutter Uljana Wasiljewna S. 374—379.

IV. B. 1. Aufl. St. P. 1873. Die Opferschlachtung von Kindern durch die Chlūsten und die Kommunion mit Menschenblut S. 357—64. Die Bekehrung Ihrer Durchlaucht der Prinzessin D. Chowánskaja zur chlūstischen Sekte S. 383—88. Die chlūstische Gottesmutter mit dem Titel der Grossfürstin Jeléna Páwlowna S. 410—415.

F. Lopatinski, Widerlegung der Unwahrheit der Raskolniki, offenbart in den Antworten der Wügozschen leeren Heiligen auf die Fragen eines ehrwürdigen Neophyten-Hieromonachs, zu ihrer Erleuchtung und Vereinigung mit der Heiligsten Kirche vom Heiligsten Re-

1) Фeдopъ Bасил. Ливановъ, Раскольники и острожники. Очерки и рассказы. Томъ I—IV. Санктпетербургъ 1872—1873.

gierenden Sinod zu ihnen geschickt, verfasst auf Befehl unserer Allerfrömmsten Grossen Herrscherin der Kaiserin Jelisaweta Petrowna etc., im Jahre 7253 seit Schöpfung der Welt, seit der Geburt aber des Wortes Gottes im Fleisch im Jahre 1745 ¹⁾).

G. M., Die Schaloputen Antóscha und Aljóscha. Kaukas. Ep.-Nachr. 1882, S. 748—749.

M. M-i, Priester, Chronik des Sektentums im Dorfe Tjágloje Ósero des Nikolájewskischen Kreises. Samaraer Ep.-Nachr. 1894, S. 886—896.

W. M., Lebensweise und Dogmatik der Anhänger der Christowtschchina. Die Woche 1870, S. 163—169, 208—213.

A. Maikow, Meldung des Susdaler sémski ispráwnik (Chef der Landpolizei) vom 1. Januar 1858 unter № 6 über eine neue Sekte im Dorfe Mordüsch des Gouvernements Wladimir, Kreises Südogda, die sogenannten pokoriteli ploti duchu. Les. d. Mosk. Gesellsch. für russl. Gesch. u. Altert. 1872. 3. B. V. S. 327—328.

S. Maksimow, Hinter dem Kaukasus (Aus Reisenotizen). Vaterländische Aufzeichnungen 1867, 172. B. S. 509—511, III. Die Chlүsten.

— — Volkstümliche Verbrechen und Unglücksfälle. Vaterländische Aufzeichnungen 1869, 183. B.: über die Chlүsten S. 336—338.

— — Die **Maljowannische Bewegung** in der süd-russischen Sehtunda. Miss.-Rundsch. 1896, 1. Märzheft S. 33—43.

Eine **Maljowannische** Versammlung. Miss.-Rundsch. 1903, Chronik des 1. Märzheftes, S. 683—686.

P. Manizki, Einige Worte über die Chlүsten. Tambow. Ep.-Nachr. 1883, S. 942—963.

S. Margarítow, Mag. theol., Geschichte der russischen rationalistischen und mystischen Sekten. 2. Aufl. Kischinew 1902. 191 S. Ueber die Chlүsten S. 94, 98, 123—153, 168—191 ¹⁾).

1) Обличеніе неправды раскольниковскія, показанныя во отвѣтахъ выгоцкихъ пустосвятовъ, на вопросы почтеннаго іеромонаха неофита, ко увѣщанію и примыканію ихъ къ Святейшей церкви отъ Святейшаго Правительствующаго Синода къ нимъ посланнаго, сочиненное повелѣніемъ же Благочестивейшія Великія Государыни нашей императрицы Елисаветы Петровны и Самодержицы Всероссійскія: При Наслѣдникъ ея императорскаго величества внукъ государя Императора Петра Великаго его императорскомъ высочествѣ благовѣрномъ государѣ великомъ князѣ Петрѣ Θεодоровичъ и при обрученной невѣстѣ его ея императорскомъ высочествѣ Благовѣрной Государынѣ великой княжнѣ Екатеринѣ Алексіевнѣ и благословеніемъ Святейшаго Правительствующаго Синода напечатанное въ лѣто отъ сотворенія міра 7253, отъ рождества же по плоти Бога Слова 1745 (die Jahreszahlen sind mit slavischen Buchstaben angegeben).

2) Сергѣй Маргаритовъ, бывший преподаватель духовной семинаріи и нынѣ инспекторъ народныхъ училищъ Кишинев-

Der **Marjánasche** Glaube, die Sekte, welche noch unter der Bezeichnung „Apostolisches Leben, Apostolische Vereinigung, Apostolische Arbeit“ bekannt ist. Taurische Ep.-Nachr. 1876. Nichtoff. Teil S. 281—293, 327—331, 344—358, 395—412.

Materialien zur Erlernung der Sekte der Schaloputen. Kaukas. Ep.-Nachr. 1873, S. 752—764. 1875. Nichtoff. T. S. 75—100., 168—175, 523—526.

P. Mélnikow (A. Petscherski), Briefe über den Raskol I—V. Einführung. St. P. 1862. 95 S.

— — Die geheimen Sekten. Russ. Bote 1868, 75. B. S. 5—70.

— — Die weissen Tauben. Russ. Bote 1869, 80. B. S. 311—416 (u. 81. Band): über die Chlүsten S. 311—387.

— — Aus den Aufzeichnungen des Jүrjewschen Archimandriten Fօti über die Skopzen, Chlүsten und andere geheime Sekten in Petersburg im Jahre 1819. Russ. Archiv 1872, 2. B. S. 1434—1453.

— — Materialien zur Geschichte der chlүstischen und skopzischen Sekte. Les. in d. Mosk. Ges. f. russl. Gesch. u. Altert. 1872, 1—4 B. (über die Skopzen, hie und da auch etwas über die Chlүsten); 1873, 1. B. V. S. 1—262.

P. Miljukօw, Skizzen der Geschichte der russischen Kultur II. B. 2. Aufl. Kijew 1899. Ins Deutsche übersetzt von E. Davidson. Leipzig 1901.

Die **Montanen**. Tulasche Ep.-Nachr. 1865. Beilagen 8. B. S. 12—29.

D. Mordօwzew, Wánjka Ká-in. Das Alte und das Neue Russland 1876, 3. B. S. 19—38, 233—245.

Vom **Mystizismus** im russischen Volk und Gesellschaft. Séwernү Westnik (Nordischer Bote) 1886, № 3, S. 194—215: über die Chlүsten S. 205—206, 208—211.

G. N-ski, Materialien zur Geschichte der religiօsen Gáhrung unter den Bauern des Worօnescher Gouv. I. Ein Raskolniken-Prozess. Hirten-Gesellsch. 1885, № 14, S. 10—14. II. Der Prozess Nikita Lomtews und der übrigen für Abwendigmachung von der Rechtgláubigkeit zur Molokanischen Sekte Angeklagten (in den Dօrfern in der Umgebung von Nowochօpersk). № 15, S. 9—14.

Nachrichten über die Sekte der im russischen Raskol sogenannten „Gottesleute“. Rechtgl. Gesellsch. 1858 I. T. S. 333—364 (von I. Dobrotworski).

N. Nadéschdin, Untersuchung über die skopzische Sekte (1845), S. 110—122 und Beilagen S. 29—86 (enthalten auch chlүstische Lieder), Sammlung etc. Kelsijews III. Lief.

скаго уѣзда Бессарабской губерніи, магистръ богословія, Исторія русскихъ рационалистическихъ и мистическихъ сектъ. Изданіе второе, совершенно переработанное. Кишиневъ 1902.

W. Netschájew, Akten der Untersuchungskommissionen für Ras-kolniki im XVIII. Jahrh. Beschreibung von Dokumenten und Papieren, die im Moskauer Archive des Justiz-Ministeriums aufbewahrt werden. VI. B. Moskau 1899, S. 77—199.

Eine **neue** Sekte. Glaube und Vernunft 1889. Beilage: Blättchen für die Chárkower Eparchie, S. 417—419.

Das **neueste** Sektentum. Nedélja (Die Woche) 1875: über die Schaloputen S. 774—776.

Die **Nowochóperskschen** Sektierer. Chlústen. Worónescher Ep.-Nachr. 1881, S. 726—734.

Aus **Orenburg** (Eine Episode aus dem Leben der Sektierer [der Gottesleute]). Kirchl.-gesellsch. Bote 1885, № 3.

D. Orlów, Protoieré, Nachrichten über die Montanische Sekte im Dorfe Dubówü Umjót des Samaraschen Kreises. Sam. Ep.-Nachr. 1870. Nichtoff. T. S. 376—381, 416—425, 446—452, 486—496, 524—535.

A. P., Die Schaloputen. Christiánskoje Tschténije (Christliche Lektüre) 1873. III. T. S. 331—332.

P., Etwas von den Chlústen des Dorfes K. Sam. Ep.-Nachr. 1895. Nichtoff. T. S. 159—165.

J. Panórmow, Priest., Eine Bekehrung auf den Weg der Wahr-heit. Sam. Ep.-Nachr. 1894, S. 878—886.

G. Panów, Protoieré, Verschiedene Ansichten über die gegenwärtigen religiösen Sekten in Russland. Tulaer Ep.-Nachr. 1877. Bei-lagen B. 31, S. 6—15, 38—45.

— — Sektiererische Bewegungen. Tulaer Eparchial-Nachr. 1877. Beilagen 31. B. S. 127—138, 226—240. 32. B. S. 6—18, 33—44.

— — Materialien zur Geschichte des Sektentums im Tulaer Gouv. Die Molokanische Sekte. Tulaer Ep.-Nachr. 1883. Beilagen I. S. 183—188.

— — Die gegenwärtige Bewegung im russischen Sektierertum. Tulaer Ep.-Nachr. 1883. Beilagen II. S. 317—318.

— — Die Sektierer im Dorfe Monaséki des Beljówschen Kreises. Tulaer Ep.-Nachr. 1883. Beilagen II. S. 208—216.

— — Materialien für die Geschichte des Sektentums in der Tulaer Ep. Tulaer Ep.-Nachr. 1885. Beil. I.: über Chlústen S. 39—43.

— — Die Sektierer des Dorfes T-nja des Beljowschen Kreises, ihre religiösen Riten und Glaubensmeinungen. Tul. Ep.-Nachr. 1886. Beil. I. S. 39—43.

— — Von den Chlústen und Skopzen und ihrer Lügenlehre. 15 S. (Separatabdruck aus „Erbauliche Lektüre“ 1889, № 7, S. 317—331).

— — Zur Geschichte der Chlústowschtschina und des Skopzen-tums im Tulaer Gouv. Ihre Propaganda im Beljowschen und andern Kreisen von 1841—1846. Tula 1890. 21 S.

— — Zur Geschichte der Chlústowschtschina und des Skopzen-tums in der Tulaer Eparchie. Die Zellen, die Zellenfrauen und ihre

Propaganda. Tul. Ep.-Nachr. 1890. Beil. I. (57. B.) S. 341—412. II. (58. B.) S. 37—47, 139—150.

Je. Pelikan, Direktor des medizinischen Departements, Gerichtlich-medizinische Untersuchungen über das Skopzentum und historische Nachrichten über dasselbe (mit chromo-litografischen Bildern, Karten und Politipagen). Zwei Teile. St. P. 1872. Ins Deutsche übersetzt von Dr. N. Iwanow, Giessen 1876 (J. Ricker).

W. Péretz, Zur Frage nach der Zeit des Auftauchens der Chlüstowschtschina. Etnographitscheskoje Obošrénije (Ethnogr. Rundsch.) 1898, № 2, S. 117—120.

Philarét, Mitropolit, Brief an den Oberprokureur des Heiligsten Sinod Grafen N. Protásow über die Entdeckung der Sekte der Chlūsten in Moskau (7. Okt. 1837). Konfidentiell. Sammlung von Meinungen und Aeusserungen Philarets, Moskowschen und Kolomnaschen Mitropolit, herausgegeben unter Redaktion von Sawwa, Twerschen und Kaschinschen Erzbischof. St. P. 1885. № 229. S. 396—402.

W. Phrolów, Priest., Das aufrichtige Eingeständnis der leiblichen Schwester der Begründerin der Marjánaschen Denomination der chlūstischen Sekte. Miss.-Rundsch. 1900 II. S. 404—414.

Plūschár, Encyklopädisches Lexikon. St. P. 1835 ff. Artikel „Bitschewánije“ (Das Geisseln).

K. Pobedonószew, Oberprokureur des h. Sinod, Alleruntertänigster Bericht über das Jahr 1898. Miss.-Rundsch. 1901 I. S. 603—607.

N. Poljánski, Die Sektierer des Skópinschen Kreises des Rjaśanschen Gouv. Miss.-Rundsch. 1900 II. S. 146—152.

W. Polikárpow, Von der Sekte der „Bogomólū“ (Im Worónescher Gouv.). Miss.-Rundsch. 1897, S. 520—527.

Die **Poltawaschen** Schaloputen. Ein Brief aus dem Konstantinograder Kreise des Poltawaschen Gouv. Die Woche 1875, S. 1151—1154.

S. Ponomarjów. Die „Durmanowzü“ und „Balabanowzü“ (Gottesleute im Orenburger Gouv.). Nordischer Bote 1886, № 3, 2. Abteil. S. 61—76. № 5, S. 27—48.

K. Popów, Priest., Tagebuch eines Eparchial-Missionars. Stawrópolder Ep.-Nachr. 1891. Nichtoff. T. S. 185—189.

— — Die Abenteuer des Aljóscha Schtschetínin, eines chlūstischen Lügenchristus. Miss.-Rundsch. 1898, S. 308—321, 639—654, 920—937.

S. Potéchin, Die mystische Schtunda, Maljówannū und Maljowannūje. Miss.-Rundsch. 1900 II. S. 334—349, 502—514.

N. P(reobrašchén)zew, Die Beichte eines bekehrten Raskolniks (aus der Sekte der Gottesleute), beschafft vom Priester J. D. Tulaer Ep.-Nachr. 1867. Beilagen 11. B. S. 202—210, 239—243, 265—268.

— — Ergänzende Nachrichten zur Beichte eines bekehrten Raskolniks aus der Sekte der Gottesleute. Tulaer Ep.-Nachr. 1867. Beil. 12. B. S. 91—98, 117—123.

— — Ergänzende Nachrichten über die Sekte der Gottesleute.

Tul. Ep.-Nachr. 1868. Beil. 13. B. S. 195—202, 227—235, 283—290. 1869. 15. B. S. 337—344, 381—385, 409—410, 438—441. 16. B. S. 242—249, 308—316.

Gr. Protopópow, Versuch einer geschichtlichen Uebersicht über die mystischen Sekten in Russland. Trudü Kijewskoi Duchównoi Akademii (Arbeiten der Kijewer geistlichen Akademie) 1867, Oktoberheft S. 89—119, Novemberheft S. 333—365.

A. Prugáwin, Von der Notwendigkeit und den Methoden der allseitigen Erforschung des Sektentums. Iswéstija rússkawo Geographítscheskawo Obschtschestwa (Nachrichten der russ. geogr. Gesellsch.) 1880 II. Abt. S. 274—319.

— — Die Klostergefängnisse. St. P. 1904 (zuerst im „Slowo“). Ins Deutsche übersetzt von Prof. M. v. Reussner: Die Inquisition der russisch-orthodoxen Kirche. Die Klostergefängnisse. Berlin-Charlottenburg 1905.

A. R-kow, Aus dörflicher Abgelegenheit. Denj (Der Tag) 1864, № 24, S. 7—10.

Raskol und Sekte, Chlústen und chlústische „Radénija“. Der Wanderer 1894 I. S. 803—885.

W. Rémorow, Priest., Unterredungen des Athos-Hieromonach Vaters Arseri mit den Chlústen im Dorfe Berjósowka des Borisoglébsker Kreises am 3. Okt. 1888. Tambow. Ep. Nachr. 1889. Nichtoff. T. S. 945—961.

— — Glaubens- und Sittenlehre und der Charakter der „Radénija“ der Chlústen des zentralen Russland. Miss.-Rundsch. 1900 I. S. 542—549, 817—832. II. S. 72—78.

N. Re-útski, Die Gottesleute und Skopzen. Eine geschichtliche Untersuchung. Moskau 1871. 227 S.¹⁾ 1. Teil Die Gottesleute S. 1—90.

A. Rošhdéstwenski, Priest., Chlústowschtschina und Skopzentrum in Russland. Eine Untersuchung. Les. in der Mosk. Gesellsch. f. russl. Gesch. u. Altert. 1882, 1. B. IV. S. 1—112. 2. B. IV. S. 113—184. 3. B. IV. S. 185—242. Auch separat²⁾ 1883.

W. Rudnéno, Priest., Aus der Geschichte des Schaloputenums im nördlichen Kaukasus. Hirtengesellsch. 1887, № 22, S. 5—9.

— — Die Bezeichnungen „Chlúst“, „Kaduschnik“, „Schaloput“. Hirtengesellsch. 1887, № 27—28 (aus den Stawropoler Ep.-Nachr. 1887, № 2).

N. Rúdnew, Stud. der Moskauer geistl. Akad., Erörterung über Häresien und Sekten, die in der russischen Kirche seit der Zeit Wladimirs des Grossen bis Joann dem Schrecklichen gewesen. Moskau 1838. 369 S.

1) Н. В. Реутскій, Люди Божьи и Скопцы. Историческое изслѣдованіе (Изъ достовѣрныхъ источниковъ и подлинныхъ бумагъ). Москва 1872.

2) Арсеній Рождественскій, священникъ, Хлыстовщина и Скопчество въ Россіи. Изслѣдованіе. Москва 1883.

P. Rumjanzew, Das neue Jerusalem des Molokanentums. Der Wanderer 1878 I. S. 93—105. II. S. 182—194.

P. Ruphinski, Priest., Aus dem Leben der Chlūsten des Dorfes Buldūr. Išwéstija po Kašánskoj Jepárchii (Nachrichten aus der Kašanschen Eparchie) 1891, S. 48—53, 275—278, 404—409, 552—554, 733—736.

N. Rusánow, Protoiere, Aus dem Tagebuche des Jekaterinoslawer Eparchial-Missionars J. S. Wasilków. Jekaterinosl. Ep.-Nachr. 1889. Nichtoff. Teil S. 87—96, 158—178, 182—189, 216—229.

J. S., Die Maljowannische feurige Propaganda. Miss.-Rundsch. 1904 II. S. 93—95.

J. S-in, Auf einer chlūstischen Versammlung (nach den Worten eines Augenzeugen). Miss.-Rundsch. 1894 I. S. 468—82.

F. Sácharow, Lehrer am Wladimirschen Geistlichen Seminar, Literatur der Geschichte und Widerlegung des russischen Raskol. Systematischer Anzeiger von Büchern, Broschüren und Artikeln über den Raskol und das Sektentum, welche (letztere) sich in den geistlichen und weltlichen periodischen Veröffentlichungen befinden. 1. Lief. Tambow 1887. 188 S. 2. Lief. St. P. 1892. 220 S. 3. Lief. St. P. 1900. 335 S.

A. Sadówski, Priest., Die Chlūsten des Chútor (Gehöft) Kisházün. Hirtengesellsch. 1894, S. 499—501.

— — Von den Chlūsten. Hirtengesellsch. 1895, S. 424—427.

— — Ein merkwürdiger Vorfall aus dem Leben der Chlūsten. Hirtengesellsch. 1890, S. 91—92.

J. Šamjátin, Anikúsha (Eine Episode aus der Geschichte des örtlichen Raskol). Tambow. Ep.-Nachr. 1878. Nichtoff. T. № 10. Beilagen I. S. 1—11.

K. Šatónski, Das Schaloputentum in der Ansiedlung Sónnikowo des Nowogrigórjewskojeschen Kreises. Stawropoler Ep.-Nachr. 1890. Nichtoff. T. S. 175—178. 1891. Nichtoff. T. S. 111—124, 613—619.

A. Šchakmón, Die Sektierer in Orenburg. Skizzen und Bemerkungen. Das russ. Altertum 1886, 52. B. S. 690—698.

Die **Schaloputen** im Astrachanschen Gouv. D. christl. Lektüre 1874, II. T. S. 926—927.

Die **Schaloputen** im Kaukasus. Häusl. Unterhaltung 1875, S. 433—439.

Von den **Schaloputen** des Dorfes Wasilkówka des Pawlogradschen Kreises des Jekaterinoslawschen Gouv. Hirten-Gesellsch. 1886, № 5, S. 9—11.

3) **Θ. Сахаровъ**, преподаватель Владимірской Духовной Семинаріи, Литература исторіи и обличенія русскаго раскола. Систематическій указатель о расколѣ и сектанствѣ книгъ, брошюръ и статей, находящихся въ духовныхъ и свѣтскихъ періодическихъ изданіяхъ. Выпускъ первый, Тамбовъ 1887. Вып. втор. С.-Петербургъ 1892. Вып. трет. С.-П. 1900.

Von den **Schaloputen** (im Jekaterinoslawischen Gouv.). Kirchh. Bote 1875, S. 15.

Von den **Schaloputen** in der Sch-ski Gemeinde des Nowomoskówski- (Neumoskowischen) Kreises. Hirten-Gesellsch. 1885. № 9, S. 9—10.

Das **Schaloputentum** im südlichen Grenzgebiet I. Kirchh. Bote 1891, S. 261—264.

Schaloputische Ansichten. Kirchh. Bote 1889, S. 407.

W. Schewaléjewski. Priest., Kursker Eparchial-Missionar, Das Kursker Sektentum. Skizzen des gegenwärtigen Zustandes des Sektentums in der Eparchie. Kursk 1905. 75 S.: über die Chlūsten S. 36 ff., 55 ff., 63 ff., 69—73.

— — Geistliche Lieder der Skopzen der Kursker Eparchie. Miss.-Rundsch. 1906 I. S. 187—197, 368—375 (enthält auch chlūstische Lieder).

N. Śchiwótow, Der kirchliche Raskol Petersburgs in seinem Zusammenhang mit dem allgemein russländischen Raskol. St. P. 1891. 159 S. (aus dem Denj): über Skakunū S. 129—134.

A. Schtschápow, Die Geistesrichtungen des russischen Raskol. Djélo (Die Tat) 1867, № 10, S. 319—348. № 11, S. 138—168. № 12, S. 170—200.

Wk. Schw., Die Sekte der Schaloputen. Häusliche Unterhaltung 1874, S. 271—276, 295—299, 464—466, 490—494, 608—613.

Die **Sekte** der Adventisten „des siebenten Tages“ und die Maljowannische Bewegung in der Schtunda. Miss.-Rundsch. 1896, 1. Januarheft S. 50—56. Forts.: Die Maljowannische Bewegung in der süd-russischen Schtunda. 1. Märzheft S. 33—43.

Die **Sekte** der Chlūsten. Sün Otétschestwa (Der Sohn des Vaterlandes) 1893, № 47, S. 4.

Die **Sekte** der Chlūsten. Miss.-Rundsch. 1901 II. S. 565—573, 771—794.

Die **Sekte** der Chlūsten in ihrer Geschichte und gegenwärtigem Zustande. Miss.-Rundsch. 1898, S. 20—38, 212—224, 387—403.

Die **Sekte** der Schaloputen. Charkower Ep.-Nachr. 1882. Nichtoff. T. S. 106—108.

Das **Sektentum** im Kaukasus. Kirchh. Bote 1892, S. 485—490.

Unter **Sektierern** etc. (ohne Angabe von Druckort und -zeit) 192 S.: über die Schaloputen S. 1—57, 165—171 (von Ja. Abramow).

Von den **Sektierern** in den Ansiedlungen Jelisawétowka und Aleksándrowka des Rostówer Kreises des Jekaterinoslawischen Gouv. Hirten-Gesellsch. 1886, № 28—29, S. 20—21.

M. Śélenew. Priest., Die Chlūsten des Dorfes Werchozénja des Tambower Kreises. Tambow. Ep.-Nachr. 1875. Nichtoff. T. S. 123—139. 1877. Nichtoff. T. S. 610—614, 625—627.

J. Sikórski, Prof., Die psychopathische Epidemie des Jahres 1892 im Kijewer Gouv. Kijewskija Universitétskija Íswéstija (Kijewer Universitäts-Nachrichten) 1893. Nichtoff. T. III. S. 1—46.

W. Skworzów, Verhandlungen des 3. Allrussischen Missionskongresses in Kasan mit Beilage der Beschlüsse des 2. Missionskongresses in Moskau etc. 2. Aufl. Kijew 1898. 370 S.: über die Chlūsten. S. 97—113, 342—345.

— — Rechtgläubiger Missions-Kalender. Ausgabe der Miss.-Rundsch. St. P. 1902. 472+82 S.

— — Reisebegleiter für Missionare, Hand-Nachschlagebüchlein zur Raskol- und Sektenkunde und Mission. Zweite neudurchgesehene und bedeutend vermehrte Ausgabe des Missions-Kalenders von 1902. St. P. 1903. 738+86 S.

Śnámenski, Die Sekte der Skakunen. Kirchliche Nachrichten 1893, № 6, S. 1277.

J. Snegirjów, Die Begründer der Sekte der Gottesleute, die Lügenchristusse Iwán Súsłow und Prokópi Lúpkín. Rechtgl. Rundsch. 1862, Juli S. 324—328. Separat Moskau 1862. 7 S.

— — Von den sogenannten Deschowkischen Molokanen. Kálugaer Ep.-Nachr. 1872. Beil. № 12, S. 282—286.

P. Slowochótow, Priest., Vom „swálnü grech“ in der Gegenwart. Die Gottesleute in der Orenburger Eparchie. Orenb. Ep.-Nachr. 1880, S. 728—741, 823—832, 864—888, 920—928, 980—1001.

W. Slowtschka. Ohne Titel und falsches Glück. Erzählungen mit Beifügung von Raskolniken-Versen. St. P. 1872. 207 S.

J. Smólin, Die gegenwärtige Chlústowschtschina an der Wolga (mit einem Porträt lebendiger Götter). Miss.-Rundsch. 1899 I. S. 535—553.

— — Aus dem aufrichtigen Eingeständnis eines bussfertigen Chlūsten. Miss.-Rundsch. 1899 II. S. 111—113.

Je. Sokolów, Priest. d. Staniza Chánskaja, Materialien zur Geschichte des Raskol und Sektentums. Nachrichten über die Raskolniken und Sektierer der Staniza Chanskaja im Kuban-Gebiet: über die Chlūsten S. 296—300. Stawrop. Ep.-Nachr. 1890. Nichtoff. T.

J. Sokolów. Der Einfluss des Protestantismus auf die Bildung der chlústischen, duchoborzischen und molokanischen Sekte. D. Wanderer 1880 I. S. 46—112.

P. Sokolow, Eine Unterredung mit einem chlústischen Prediger. Miss.-Rundsch. 1899 I. S. 372—380.

S. Solowjów, Geschichte Russlands seit den ältesten Zeiten. 5. Buch. B. XXI—XXV. 2. Ausg. St. P. 4 Kap. Das Jahr 1744, Die Chlústowschtschina S. 262—264.

M. Sopózko. Auf einer Versammlung bei den sehtundistischen Prügungen des Dorfes Djeschki im Gouv. Kijew. Miss.-Rundsch. 1901 I. S. 660—667.

D. Speránski, Priest., Die Chlústowschtschina, eine von den mystischen russischen Sekten. D. Wanderer 1895 I. S. 518—535, 721—739. II. S. 63—88.

N. Stellézki, Die bulgarische Häresie der Bogomilen und ihr

Einfluss auf die Entstehung der russischen religiösen Sekten. Miss.-Rundsch. 1901 I. S. 493—506. 771—794.

Stoglów. (Das Hundertkapitelbuch). Ausgabe von D. Koščantschikow. St. P. 1863, 312 S.

S. Studénski. Priest., Die Bogomólü des Dorfes Tjápłja des Tschembarschen Kreises des Pénáschen Gouv. Pénsaer Ep.-Nachr. 1865. Nichtoff. T. S. 670—703.

— — Zum Artikel über die Bogomólü (Aus meinen Aufzeichnungen). Pens. Ep.-Nachr. 1866. Nichtoff. T. S. 250—252.

Die **Tambowschen** Chlústen, die sich Póstniki oder Bogomólü nennen, und ihre Verirrungen. Tambow. Ep.-Nachr. 1888. Nichtoff. T. S. 439—455, 552—569, 622—637.

Die **Tatarinowa** im Káschinschen Frauen-Kloster (nach archivalischen Dokumenten des Twerschen geistlichen Konsistoriums). Twer-sche Ep.-Nachr. 1891. Nichtoff. T. S. 284—300.

Die **Täubchen.** Šchiwopísnoje Obošrénije (Malerische Rundschau) 1855, S. 314—315.

N. Tichonráwow, Jahrbücher der russischen Literatur und Altertums. IV. B. St. P. 1862. S. 3—111. Russische Volkslieder, gesammelt im Saratowschen Gouv. von A. Mordózwewa und N. Kostomárow.

— — Kwirin Kulmann. Russ. Bote 1867, 72. B. S. 182—222, 560—594. Ins Deutsche übersetzt und mit Anmerkungen versehen von A. W. Fechner (Pastor in Moskau), Quirinus Kuhlmann. Riga 1873. 80 S.

M. Tiplów. Die Zárewschen Chlústen. Astrachaner Ep.-Nachr. 1890, S. 247—254, 293—298, 366—372.

— — Zur Charakteristik der gegenwärtigen Chlústowschtschina. Miss.-Rundsch. 1902 I. S. 123—128, 309—313. II. S. 647—656.

Ju. Tolstoi. Vom geistlichen Bunde der Je. Tatarinowa. Dewjat-nádzatí Wek (Das Neunzehnte Jahrhundert) 1872, S. 220—234.

F. Tsch., Die geheime Sekte der Schaloputen I. Ein liederlicher Schaloput. Zerkówno-obschtschéstwenñú Wéstnik (Kirchlich-gesellschaftlicher Bote) 1885, № 44 u. 45.

Tsch-n, Die Sekte „der Bogomólü“. Kirchl. Bote 1887, S. 588—589.

M. Tschelzów, Von der Teilung der russischen Sekten in rationalistische und mystische. Miss.-Rundsch. S. 421—431.

F. Tschistówitsch, Akte über die gottwidrigen Versammlungen und Handlungen. Lesungen in d. Mosk. Gesellschaft für russl. Gesch. u. Altertümer. 1887, 2. B. I. S. 1—89.

A. Urbánski. Meine erste Bekanntschaft mit den Besédniki. Miss.-Rundsch. 1900 II. S. 256—262.

— — Gespräch mit einem Lügenchristus, einem Besednik. Miss.-Rundsch. 1904 II. S. 1563—1569.

Die **Verehrung** des Mittwochs und Freitags im alten russischen Volk. Rechtgl. Rundschau 1859 I. S. 181—198.

Die **Vergötterung** der Frauen in der russischen mystischen Sekte der Chlüsten (chlüstische Gottesmütter). Geistlicher Bote des Grusinischen Exarchats 1893, № 6, Beilage S. 13—30.

Vollständige Sammlung der Gesetze des Russischen Reiches seit dem Jahre 1649. IX. B. St. P. 1839: S. 390—391, Synodalbericht (in der Folgezeit Allerhöchst bestätigt) № 6613 v. 7. August 1734. Ueber eine entdeckte neue Häresie und über das Erscheinen ihrer Lehrer und Anhänger vor den geistlichen Machthabern zur Ablegung eines Eingeständnisses.

Vollständige Sammlung von russischen Jahrbüchern. auf Allerhöchsten Befehl von der archäologischen Kommission herausgegeben. St. P. 1843: S. 364—365, Die Gustünskaja Létopis (Gustünsches Jahrbuch) über das Jahr 1507.

W. W. Das Skopzentum im Luthertum. Kirchlicher Bote 1881, № 49, S. 11—14.

A. W-jew. In Anlase der Eröffnung der Tätigkeit von speziellen Missionaren gegen den Raskol und das Sektentum in der Tambowschen Eparchie, infolge der Initiative des Hochwürdigen Witáli, Tambowschen und Schazkschen Bischofs. (Mit einer kurzen historischen Auskunft). Tamb. Ep.-Nachr. 1887. Nichtoff. T. S. 425—478.

N. Waradinow. Geschichte des Ministeriums der innern Angelegenheiten. VIII. ergänzendes Buch. Die Geschichte der Verordnungen über den Raskol. St. P. 1863. 656 S.

W. Warenzów. Sammlung russischer geistlicher Verse. Ausgabe von D. Košchantschikow St. P. 1860. 248 S.

N. Wolotschúgin. Offener Brief an die Schaloputen der Stadt St. Petersburg. Miss.-Rundsch. 1902 I. S. 914—929; separat St. P. 1902. 16 S.

S. Worónin. Die Profetin Soloméja. Eine historische Erzählung. St. P. 1898. 136 S. VI. Büchlein des „Illustrierten Journals“ „Der russische Pilger“.

A. Wrátski. Priest., Von der Montanischen Sekte in dem Fleken Jerüklinsk im Stawropoler Kreise. Samaraer Ep.-Nachr. 1875. Nichtoff. T. S. 327—335.

N. Wüsózki. Kritische Uebersicht über die Meinungen in der Frage nach der Entstehung der Chlüstowschtschina. Miss.-Rundsch. 1903 II. S. 311—325, 438—454, 703—714.

— — Zur Frage nach dem selbständigen Ursprung der Chlüstowschtschina. Miss.-Rundsch. 1905 I. S. 1293—1300.

Inhaltsverzeichnis.

	Seite.
Vorwort.	III—X
§ 1. Die Legende der Gottesleute	1— 39
§ 2. Die historische Glaubwürdigkeit der Legende . . .	39—101
Andrejan Petrow	39— 46
Prokofi Lupkin, Akulina Iwanowna, Spiridon Lupkin und Agafja Karpowna (Anastasija)	47— 74
Danila Philipow und Iwan Suslow	74— 95
Jemeljan und Awerjan	95—101
§ 3. Die Geschichte der Sekte. a) Im 18. Jahrhundert .	101—145
b) Im 19. Jahrhundert und bis zur Gegenwart .	145—252
Uljana Wasiljewna. Der Gutsbesitzer B-w. Anna Skatschkowa. Sawizki und Domna. Duple. Mar- jana. Rudja. Wasili Nikiforow Schtscheglow. Die Gottesmutter K. (erowa). Die Silantjewna. —	146—175
Awwakum Kopülow und Tatjana Tschernoswistowa. Philipp Kopülow, Anisja, Perphil Katasonow. Li- chatschow, Lorduchin und Schewtschenko. Sidel- nikow. Poseljanenko. Semjon Iwanowitsch und Sinklitikija. Kolobichin (Kušmin) und die Borod- kina. Wasil Fedorowitsch. Uwar Jermolenko. Fedor Kirillowitsch. —	175—206
A. Puschkin. Ein anderer Petersburger Christus. Kalina. Akulina Timofejewna. Die Tarussaschen Christusse und Gottesmütter. Joann von Kron- stadt als Chlūstenchristus. —	206—211
Arina Lašarewna, Stepan Iljin und Wasili Radajew. Iwan Grigorjew und Grigori Wereschtschagin. Balabanow, Durmanow und die beiden Utizki. Strischak. —	211—245
Resumé	245—252
§ 4. Die Lehre der Gottesleute	252—366
Einleitung: Die Christologie.	252—264
1. Die Ekstase	264—304
2. Die Askese	304—334
3. Die Arkandisziplin	334—356
Schluss: Die Eschatologie	357—366

	Seite.
§ 5. Der Kultus	366—484
1. Die gewöhnlichen Unterhaltungen	367—369
2. Der Priwod	369—381
3. Die Radenija	381—402
4. Die Lieder	402—410
5. Sakramente und andere Riten	411—434
Anhang: Strittige sexuelle und Blutriten	434—484
a. Swalnü grech	434—447
b. Abendmahl mit Kinderfleisch und -blut.	447—480
c. Abendmahl mit der Brust der Gottesmutter	480—484
§ 6. Die Organisation	484—508
1. Die Namen	484—491
2. Die Verfassung	491—498
3. Das gemeinsame Leben	498—505
4. Statistik	505—508
§ 7. Denominationen	508—588
1. Die Skakunen und Leimbergianer	508—524
a. Die ingermannländischen Skakunen	508—517
b. Die estländischen Leimbergianer	517—520
2. Die Prügunen	521—524
3. Die Schtundo-Chlūsten und Maljowanzü	524—561
a) Maljowannü	526—532
b) Die Ausbreitung der Maljowanschtschina	532—537
c) Ekstatische Zustände bei den Maljowanzü	538—552
d) Die Lehre der Maljowanzü	552—561
4. Kleinere Denominationen	561—588
a. Die Adamiten	561—562
b. Die Napoleonowü (Anbeter Napoleons)	562—563
c. Iskateli Christa (Sucher Christi)	563—565
d. Pokoriteli ploti duchu (die das Fleisch dem Geiste Unterwerfenden)	565—566
e. Bosonogi (Barfüßer)	566
f. Truchowerü	566—567
g. Golubtschiki (Täubchen)	567
h. Die Sekte Panijaschkas	567—575
i. Die Sekte Podgornüs	576—578
k. Die Sekte Košins	578—586
l. Die Sekte Lubkows	586—588
m. Die Joanniten	588
§ 8. Der Ursprung der Sekte	588—648
1. Die Ableitung von abendländischer Sektiererei	590—601
2. Die Ableitung vom slavisch-finnischen Heidentum	601—619
3. Die Ableitung von russischem Christentum	619—626
4. Die Ableitung vom Bogomilentum	626—636
Schlussurteile	636—648
Nachträge und Berichtigungen	648—694
Register der benutzten russischen Literatur	694—714

Сочетанія *рѣ, рѣ, лѣ, лѣ* между двумя согласными получаются, какъ предполагають, въ др.-ц.-сл. языкѣ путемъ двоякаго образованія.

Для того, чтобы лучше выяснить сказанное, я буду исходить изъ данныхъ русскаго языка. Такимъ рус. написаніямъ, какъ кровь, плоть, крестъ, скрежетъ — съ одной стороны, и долгъ, гордъ, сердце, смерть — съ другой, въ древн.-ц.-сл. соотвѣтствуютъ написанія *крѣвъ* (кры), *плѣтъ*, *крѣстъ* . . . *длѣтъ*, *грѣтъ* . . . и пр., т. е. глухой гласный стоитъ послѣ плавныхъ. Въ послѣднихъ случаяхъ, т. е. въ написаніяхъ *грѣтъ*, *длѣтъ* и пр., большинство ученыхъ видятъ въ настоящее время попытку изобразить слоогообразующіе *р* и *л* (изображаются *g* и *l*), т. е. какъ бы *grd* и *dlg*. Доказательствомъ, что была разница въ произношеніи *крѣвъ* и *грѣтъ*, является то, что когда конечные *ѣ* и *ь* начали исчезать въ произношеніи, то получилось въ разныхъ мѣстахъ усиленіе срединныхъ *ѣ* и *ь*. Опираются также и на то, что въ Зограф. Ев. наиболѣе смѣшеній *ѣ* и *ь* именно въ случаяхъ предполагаемыхъ слоогообразующихъ, когда писецъ не могъ такъ ясно различать качество гласности *р* и *л*. Так. обр., въ сущности предполагается существованіе слоогообразующихъ *р* и *л* двухъ оттѣнковъ — въ сторону мягкости и твердости.

Не отрицая возможности существованія въ др.-ц.-сл. языкѣ слоогообразующихъ, я тѣмъ не менѣе долженъ сказать, что приведенная теорія не можетъ претендовать на полную убѣдительность. На сомнѣніе въ полной убѣдительности данной теоріи, мнѣ кажется, могутъ наводить какъ многочисленныя правильныя написанія Зограф. Еванг., примѣры изъ К. Л. — вполне послѣдовательно проведенные въ написаніи (скврѣности, крѣви, оутврѣди, срьдѣцѣ и пр.), наконецъ данныя современныхъ болгарскихъ нарѣчій. Въ болгарскихъ говорахъ глухой слышится передъ или послѣ плавнаго, причемъ точно въ настоящее время еще не разграничено, въ какихъ послѣ, а въ какихъ передъ и въ графикѣ мы находимъ полную непослѣдовательность. Спрашивается, почему же и въ основу древне-церковно-славянскаго языка не могъ лечь какой-ли болгарскій говоръ, въ которомъ было чръвъ, а не чръвъ?

Не отрицая возможности, повторяю, слоогообразующихъ *р* и *л* въ др.-ц.-сл. языкѣ, можно говорить и о существованіи слоогообразующихъ въ общеславянскомъ языкѣ.

Вопросъ о ѣ и ѥ затрогивался и даже изучался спеціально уже многими изслѣдователями, но звуки эти остаются и остаются въ полномъ смыслѣ „ирраціональными“, т. е. неподдающимися опредѣленію. На основаніи тщательнаго изученія данныхъ древнѣйшихъ памятниковъ и памятниковъ дальнѣйшаго времени, изученія поставленнаго на широкую сравнительную почву, создавались и создаются различныя гипотезы, стремятся иногда опредѣлить даже тончайшіе оттѣнки произношенія этихъ ѣ и ѥ въ разныхъ положеніяхъ, но, въ то же время, часто чувствуется вся шаткость почвы.

VIII.

Носовые гласные звуки Ж и А.

Вмѣсто нашихъ написаній: рука, веду и многихъ другихъ, гдѣ выступаетъ у, въ др.-ц.-сл. языкѣ находимъ: рѣка, ведѣ и пр., т. е. особый знакъ ѣ; въ то время, какъ въ древн.-ц.-сл. графикѣ есть начертаніе ou, соотвѣтствующее русскому у: оумыти, доухъ и пр.

Равнымъ образомъ вмѣсто русск. написаній: пять, племя и др., мы видимъ пѣть, племѣ, хотя опять-таки въ др.-ц.-сл. языкѣ есть начертаніе и для нашего я (ia).

Долгое время звуковое значеніе ж и ѣ опредѣлялось совершенно невѣрно: эти буквы считались равнозначащими съ указанными соотвѣтствіями въ русскомъ языкѣ, т. е. съ у и я. Только русскому ученому Востокову удалось пролить свѣтъ на эти загадочныя начертанія. Онъ первый обратилъ вниманіе на то, что ж и ѣ въ польскомъ языкѣ соотвѣтствуютъ такъ называемые носовые гласные звуки (произносимые какъ о и е съ призвуками н и м — онъ, оѣ, еѣ, еѣ; изображаются на письмѣ аѣ, еѣ, іаѣ, іеѣ), такъ рѣка — геѣка (реѣка), пѣть — ріеѣ и пр.

Но доказательства приведенныя Востоковымъ не всѣхъ удовлетворили. Въ числѣ противниковъ его гипотезы выступилъ въ свое время Копитаръ. Въ изданіи Клоцова Сборника онъ указывалъ на то, что двойной ринезмъ польскаго языка — недавняго времени, что въ другихъ славянск. языкахъ этого ринезма нѣтъ, а если есть въ отдѣльныхъ словахъ, какъ, напр., въ чешскомъ (Wenzel и др.), то это испорченныя

отъ нѣм. вліянія слова. Доказательства Копитара вполне опровергнуты научной критикой и въ настоящее время можно считать несомнѣнно доказаннымъ существованіе въ др.-ц.-слав. языкѣ носовыхъ звуковъ. Доказывается это на основаніи сличенія словъ др.-ц.-слав. языка и другихъ родственныхъ языковъ и данныхъ современныхъ славянскихъ нарѣчій. Если мы обратимся къ родственнымъ языкамъ, то увидимъ, что а соотвѣтствуютъ въ санскр. яз. an, напр., слав. вѣзати = bandh; десять = daśan; и ма = mama. Въ литовскомъ яз. а соотвѣтствуетъ: en, in, такъ зѣти = žentis; память = atmintis. Въ латинск. яз. а = en, em, напр. десять = decem, память = mens, сѣма = semen; въ готскомъ вмѣсто а мы находимъ: an, in, un. Юсу большому въ др. языкахъ соотвѣтствуютъ: санскритск. an, am, литовск. an, am, греч., лат. on, an, ov, готск. an. Напр. сѣ = санск. sam, лат. cum; гѣсь = санск. hansa, лат. anser, готск. gans; ѣгль = греч. ἄγκυλος, лат. angulus; рѣка, лит. ranka (ср. лит. renkù = собираю). Къ этому нужно еще присоединить: нѣкоторыя славянскія слова переданныя въ др. языкахъ, напр., въ греческомъ. При сравненіи этихъ словъ мы замѣчаемъ, что юсы въ другихъ языкахъ передаются чрезъ носовые звуки, такъ свѣтополкъ = σφεντοπλῆκος; свѣтославъ = σφεντοσλαβος и т. д. Тоже самое видимъ и въ славянской передачѣ словъ другихъ языковъ, напр., греч. „σεντεμβριος, δεκεμβριος“, въ слав. языкѣ передаются такъ: сентабрь, декабрь и т. д. Но главное доказательство существованія носовыхъ въ др.-ц.-слав. языкѣ — это данныя современныхъ славянскихъ языковъ.

Въ современномъ литературномъ польскомъ языкѣ мы имѣемъ, повидимому, тѣ же носовые „е“, „о“ (на письмѣ е, o), что и въ др.-ц.-слав., но въ употребленіи юсовъ въ др.-ц.-слав. и польскомъ нѣтъ соотвѣтствія: на мѣстѣ др.-ц.-слав. ѣ находимъ въ польскомъ u, e и a (lęk = лѣкъ, męka = мѣка, obręcz = обрѣчь, kląb = клѣбъ, krąg = крѣгъ и т. д.) или даже въ одномъ и томъ же словѣ колебаніе между a и e, напр., sąd и sędzia и т. д. На мѣстѣ др.-ц.-слав. а находимъ въ польск. тѣ же e, a, только іотированныя (sięciwa = тѣтива, mięso = мѣсо, ciąg = тѣти и т. д.). Так. обр. изъ сравненія современного литературнаго польскаго языка и др.-ц.-слав. нельзя установить послѣдовательной связи между носовыми гласными. А потому естественнo, конечно, было обратиться къ

древне-польскимъ памятникамъ и посмотрѣть, существуютъ-ли тамъ носовые гласные? если да, то въ какомъ видѣ? Существованіе носовыхъ гласныхъ въ др.-польскомъ языкѣ — несомнѣнно, такъ какъ опирается на историческія показанія, но затрудненіе заключается лишь въ томъ, сколько было носовыхъ гласныхъ, какъ они произносились? Затрудненіе это обусловливается тѣмъ обстоятельствомъ, что въ древне-польскихъ памятникахъ не вездѣ одинаковые графическіе знаки для выраженія носовыхъ гласныхъ звуковъ. Общимъ положеніемъ изъ противорѣчивыхъ иногда заключеній, къ которымъ приходили изслѣдователи даннаго вопроса (Миклошичъ, Потебня, Калина, Лецѣвскій, Ягичъ, Лоренцъ и др.) можно въ настоящее время признать, что въ древне-польскомъ не было качественной разницы между носовыми гласными, а только разница количественная, т. е. въ отношеніи долготы и краткости.

Носовые гласные звуки сохраняются и теперь въ нѣкоторыхъ болгарскихъ мѣстностяхъ, главн. обр. въ южно-македонскихъ говорахъ, въ частности особенно въ Костурскомъ и Солунскомъ округахъ (говоръ бандовцевъ, отъ слова: бѣдѣ). Въ другихъ мѣстностяхъ носовые всрѣчаются болѣе спорадически, и въ отдѣльныхъ словахъ ихъ можно встрѣчать на протяженіи всей территоріи болгарскаго языка.

Примѣры (изъ Кост. и Сол. окр.): бѣнда (= бѣдѣ), гѣмба (гѣба),
дѣмбъ (дѣбѣ), трѣмба,
гѣлѣмбъ . . .
свѣнтъ (свѣтѣ), чендо, месенцъ . . .

Носовые гласные сохраняются и въ отдѣльныхъ говорахъ словенскаго языка. Въ этомъ отношеніи замѣчательно особенно такъ называемое хорутанское нарѣчіе.

Всѣ приведенныя данныя указываютъ, что въ праславянскомъ языкѣ были носовые гласные звуки, исчезнувшіе затѣмъ въ нѣкоторыхъ славянскихъ нарѣчіяхъ.

Мнѣ кажется, что въ начертаніяхъ юсовъ глаголицы можетъ раскрыться предъ нами характеръ произношенія этихъ буквенныхъ знаковъ.

Между догадками Тейлора и Ягича о происхожденіи этихъ загадочныхъ начертаній, догадки послѣдняго заслуживаютъ большаго довѣрія. Глаголич. **Ѣ** вполне можетъ быть

объяснено какъ лигатура $o + n$, при чемъ послѣднее начертаніе въ виду своего уменьшенія какъ 2-й части одного знака, измѣнилось, конечно, въ формѣ; то же $ia = e + n$ и первоначально этотъ знакъ обозначалъ *a* и *ia*. Затѣмъ уже, когда была внесена извѣстная разница между знаками іотированными и неіотированными — эпоха, какъ извѣстно, позднѣйшая — стали употреблять первоначальный знакъ для іотированнаго, а вторую часть его писавшуюся иногда уже равнобѣрно съ первой, для неіотированнаго. Подобнаго не случилось съ **ж** и **ѣ** потому что разница между ними была рельефнѣе и для этихъ звуковъ съ самаго начала были установлены различныя начертанія.

Важнымъ доказательствомъ у Ягича является и приводимый примѣръ слова анѣлъ (Син. Пс.), гдѣ вмѣсто *n* является 2-я часть начертанія *ia* или позднѣйшее *a*. Характерныя наблюденія, отчасти подтверждающія данное мнѣніе, приводятся у Вондрака — Клоц. Сб. Во 2-й части *a* даннаго памятника наблюдается начертаніе особенно похожее на глаг. *n* (1 сним., 7 строка, 15 стр. и пр., Вондракъ, 29). Противъ этихъ данныхъ, какъ и противъ отраженія во второй части данныхъ начертаній глагол. *n* возражалъ Облакъ. Такъ относительно закругленій наверху въ указыв. Вондракомъ примѣрахъ Облакъ выражается какъ о происшедшихъ случайно, т. к. закругленія не были свойственны 2-й части начертанія (Arch. 15, рец. на изд. Клоц. Сб.). Конечно, отраженіе Облака существенно, но не надо забывать, что *n* здѣсь являлось какъ добавочная часть, что она т. обр. могла измѣнить нѣсколько свой характеръ, какъ измѣнялась 2-я часть въ *ou*. Кроме того, можетъ быть, здѣсь отразилось болѣе первичное начертаніе, взятое изъ греч. графики, гдѣ въ *υ* также не было вверху округленія. Для подтвержденія мнѣнія ак. Ягича мы могли бы привести съ своей стороны еще слѣдующее. Въ Клоц. Сб. мы наблюдаемъ, что *n* пишется съ предыдущей буквой нѣсколько сливаясь. Это мы замѣчаемъ даже тогда, когда *n* начинается другое слово,

напр.: свѣшта ношах**ж** (1 сн. 9 стрк.)

и того не можах**ж** (1 сн. 5 стрк.)

и тако его не обрѣтах**ж** (ibid., 9 стрк.)

Во 2-хъ послѣднихъ случаяхъ $o + n$ является какъ бы первой стадіей въ образованіи **ж**. На это соединеніе очень

похоже **ж** въ Маріинскомъ Ев. — бждеть (2 стр., 8 стрк. литогр. изд.), гдѣ *о* и *н* соединены двумя продольными чертами, какъ и въ указанныхъ сочет. Клоц. Сб. Правда, начертанія эти сравнительно уже позднія, они носятъ характеръ извѣстной случайности, но существованіе ихъ можетъ наталкивать на мысль о подобномъ же въ графич. отношеніи происхожденіи начертаній носовыхъ гласныхъ.

Такимъ образомъ есть нѣкоторыя данныя, на основаніи которыхъ можно придерживаться мнѣнія ак. Ягича о составѣ этихъ начертаній *о* + *у* или, можетъ, глагол. *о* + начертаніе глаголич. *н*¹).

Іотирован. **ж** возбуждалъ и возбуждаетъ своимъ начертаніемъ недоумѣнія ученыхъ. Шафарикъ обращалъ вниманіе на сходство 1-ой части начертанія этой буквы съ глаголич. *с*, но, конечно, подобная аналогія ничего не объясняла. Гейтлеръ въ 1-й части начертанія **ж** видѣлъ албанское *н*, противъ чего совершенно справедливо возражалъ ак. Ягичъ. Самъ Ягичъ въ прилож. къ изд. Маріинск. Ев. замѣчалъ, что эта 1-я часть для него неясна, въ цитированной уже нами статьѣ выразился, что „желательно бы видѣть въ немъ выраженіе звука *іо* или *јо*“. „Хотя я, замѣчаетъ дальше Яг., не умѣю

1) Отмѣтимъ здѣсь любопытные взгляды, высказанные относительно возникновенія начертаній кирилловскихъ носовыхъ гласныхъ изъ глаголическихъ. Такъ, напр., совершенно независимо другъ отъ друга Гаферкорнъ (Arch. V), Ходзько (въ своей грам. ц.-сл. яз.) и Миллеръ Фр. (Arch. 96, 19 стр.) говорятъ, что кирилл. носов. представляютъ перевернутыя начертанія глаголическія. Дѣйствительно, если мы возьмемъ кирилловское начертаніе такое, напр., какое попадаетъ въ надписи Самуила **ж** и измѣнимъ его направленіе, то получится начертаніе, похожее на глаголич. начертаніе носового гласнаго, но только *ѣ*. Для того же, чтобы изъ глаголич. **ж** получить кирилловское, нужно 1-ю фигуру перевернуть и затѣмъ все же довольно сильно измѣнить. Для насъ важно отмѣтить при сравненіи глагол. и кирилл. носов. гласныхъ, что параллельно одному глаголическому начертанію малаго юса (а позже двумъ начертаніямъ, вышедшимъ изъ одного), въ кирилловскихъ памятникахъ мы видимъ употребленіе разныхъ начертаній и при томъ употребленіе неодинаковое. Здѣсь чувствуется какая то на первыхъ порахъ неустановленность. Стоить сравнить въ этомъ случаѣ Хилендарскіе Листки и Супрасльскую рукопись, затѣмъ оба памятника эти съ Македонскимъ Листкомъ. Здѣсь, намъ кажется, отчасти происходитъ то же, что и съ іотированнымъ *е*, при употребленіи котораго въ кирилловскихъ памятникахъ иногда въ одномъ и томъ же памятникѣ, мы замѣчаемъ несходство.

Переходя къ даннымъ древнѣйшихъ ц.-слав. памятниковъ, я подробнѣе остановлюсь на двухъ глаголическихъ — Кіевск. Листкахъ и Зографскомъ Ев. и двухъ кирилловскихъ — Саввиной книгѣ и Листкахъ Ундольскаго, какъ наиболѣе послѣдовательно употребляющихъ начертанія носовыхъ гласныхъ.

Въ Кіевскихъ Глаг. Листкахъ носовые гласные звуки употребляются вполнѣ правильно — замѣны ихъ другими гласными или смѣшенія мы не отмѣчаемъ. Только два случая возбуждаютъ нѣкоторое недоумѣніе:

- 2) рованіа гі прінесенъіа і об. ю.

Уже Срезневскій, отмѣчая первый случай, говоритъ, что въ словѣ небесьскоу **ѡ** вмѣсто **ѡ** стоитъ оу, т. обр. отмѣчена была замѣна носового гласнаго такая же, какая наблюдается и въ другихъ древне-ц.-сл. памятникахъ. Подобное же объясненіе окончанія этого слова приводили и другіе ученые. Въ позднѣйшее время мы находимъ его, напр. у Б. М. Ляпунова, объяснявшаго замѣну здѣсь слабостью носового призвука въ суффиксальныхъ слогахъ (Др. В. Облакъ, СПб. 96, стр. 14), или у Вондрака (Altk. Gram., стр. 19). Здѣсь скорѣе можно говорить не о замѣнѣ **ѡ**—оу, а о смѣшеніи о—оу, т. е. небесьскоу **ѡ** стоитъ вмѣсто небесьско **ѡ**. А это смѣшеніе вполне естественно могло произойти, если мы будемъ помнить близость начертаній этихъ звуковъ. Въ Клоц. Сб., Синайск. Тр. встрѣчаемъ же мы соугобітї, соугобѣ наряду съ соугоубїшї, соугоубѣ. И въ послѣднихъ случаяхъ скорѣе всего смѣшеніе начертаній, а не вліяніе болгарское, какъ то думаетъ Вондракъ (относит. Клоц. Сб.). Такимъ обр. форма небесьскоу **ѡ** является замѣной здѣсь случайной формы небесьско **ѡ**, какъ встрѣчающаяся на 5₁₇₋₁₈ форма того же твор. п. — вѣчно **ѡ**.

Во 2-мъ случаѣ — рованіа принесенъа также нельзя говорить о постановкѣ а в. ѣ, в. слѣд. рованіѣ при-

несенаѣ, производя рованіѣ отъ слова дарованіѣ соотвѣтственно латинскому *munera*. Нельзя — потому что слово это было исковеркано, и приурочено къ женскому роду, на что ясно указываетъ окончаніе прилагательнаго ѣиѣ. Въ множест. числѣ отъ им. существ. на ие въ К. Л. вин. п. имѣеть ѣ, напр. обѣщѣніѣ, издрѣшеніѣ 2₁₀: прилагат. того же падежа имѣють аѣ: милостиваѣ 2₈, рѣснотівѣнаѣ 2₉ и проч. Что носовой призвукъ въ суффиксальныхъ слогахъ въ К. Л. не ослабѣвалъ, могутъ указать многочисленные примѣры памятника съ конечными вполне правильными окончаніями іа, ѣ и ѣѣ, напр.: въкоупнѣѣѣ 2₁₅, прѣдрагѣиѣ 2₆, всѣа 2 об. в 7₁₅, твоѣиѣ 2₁₄, б₄₋₅ и пр.

Т. обр. по правильности употребленія носовыхъ гласныхъ К. Л. могутъ считаться первымъ памятникомъ въ сравненіи съ другими др.-ц.-сл. п.

Носовые гласные въ Зогр. Ев. въ нѣсколькихъ случаяхъ замѣняются ѣ—оу, а—е, ѣ, есть нѣсколько примѣровъ смѣшенія носовыхъ.

У Ягича приведены случаи замѣнъ и смѣшенія, но не всѣ. Затѣмъ, такіе случаи, какъ чисти вѣ. чѣсти, вѣда — вѣда, ми — ма и нѣск. др. я затруднился бы объяснять, какъ замѣна и изъ е, а вижу здѣсь описки, объясняемые часто вліяніемъ послѣдующаго слога (какъ и въ случаяхъ замѣны и—е въ словахъ: хвалите вѣ. —ти, оу сѣце — ци и пр.: вліяніе предыдущаго слога).

Къ замѣченнымъ Яг. примѣрамъ замѣны: оужасише вѣ. — ша Л. 24₂₂, етъ вѣ. атъ І. 8₂₀; (или замѣны е—а) отамліѣштааго Л. 6₃₀, бѣштьдѣнъ Л. 20₂₉, вѣма своа Л. 1₂₀, глаша І. 10₆, крѣшташта, оучѣшта Мѣ. 28_{19, 20}, бѣивъша І. 6₁₉; (ѣ—оу) градоушту Л. 9₄₂, іноудоу І. 10₁, отътоудоу Мр. 7₂₄, ан'дрѣоу Л. 6₁₄,

прибавлю еще слѣдующіе: приаше І. 4₄₅ (вѣ. ша)

і обѣ. мѣ е... възлагаѣ рѣѣ на ѣ Мр. 10₁₆ (къ дѣти) въ лѣже кльнѣши Мѣ. 5₃₃

моудитъ Мѣ. 24₄₈, 25₅, Л. 12₄₅, І. 12 — мѣдѣнаа Л. 24₂₅

сѣди Мр. 12₃₆, Л. 20₄₂ — сади Л. 14_{8, 10}, Мѣ. 22₄₄ (позднѣйш. ч)

(здѣсь очевидно не путемъ фонетическихъ, а подъ вліяніемъ формъ неопредѣл. накл.).

Можно бы привести помѣнхти (Мѹ. 5₂₃, 26₇₅, 27₆₃, Мр.
11₂₁, Л. 1_{54, 72}, 16₂₅, 22₆₁,
І. 2₁₇, 12₁₆),

поманхти (Л. 23₄₂, 24₈, І. 2₂₇, 14₂₆),

можетъ быть, впрочемъ, что это были дублиеты; характерно, что въ Ев. отъ Л. и І. уже почти поровну то и другое слово.

Такіе примѣры, какъ невѣстх Л. 12₅₃ (вм. — а), литостратх І. 19₁₉ (вм. — а) мнѣ кажутся описками; первый примѣръ подъ вліяніемъ предыдущей такой же формы.

Интересны такіе случаи употребленія носовыхъ:

пхн'тськоумоу Мѹ. 27₂, Мр. 3₁, Л. 3₁ (въ Мар.
Ев.: понтьскоумоу).

Думать, что данный примѣръ свидѣтельствуетъ о потерѣ носового отгѣнка х съ увѣренностью нельзя. Можетъ быть форма Мар. Ев. древнѣйшая и въ Зогр. х получилось въ послѣдствіи подъ вліяніемъ пхть. Хотя съ другой стороны, написаніе З. Ев. пхнт' съ кавычкой замѣнившей первоначальное ѣ какъ бы говорить, что данная форма имѣетъ также черты древности. Интересно, что въ Мар. Ев. мы имѣемъ ф. алексадровоу Мр. 15₂₁, въ Зогр. — ѡлек'сан'дровоу — послѣдняя, конечно, болѣе древняя.

Формы слова схмънѣніе (—емъ Л. 17₂₀), оусхмънѣ Мѹ. 28₁₈ и пр. въ Зогр. Ев. всегда съ х, въ Мар. Ев. чередованіе х и оу.

Къ случаямъ смѣшенія іа — іх, отмѣченнымъ у Яг.:

водѣи въслѣплхштхіх І. 4₁₄, въземліх Л. 19₂₂
(прич.), іюдеіх І. 11₃₃ (род. п.).

прибавлю: лежхштх Мѹ. 8₁₄, иди въ іюдеіа І. 7₃, гліх
Л. 18₂ (прич.), галилеіа Л. 23₅.

[у Щепкина, Разсужд. 82, невѣрно указано: юношх: х вм. а Мр. 14₅₁, форма эта правильная, т. к. здѣсь вин. п. единств.; въ Мар. Ев. — а, такимъ обр. а вм. х; слѣдов., можно бы привести изъ послѣдняго памятника, только съ мѣной а—х].

Прежде чѣмъ дѣлать общее заключеніе относительно носовыхъ въ Зогр. Ев., я долженъ остановиться подробно еще на одномъ знакѣ, графически начертаніи а съ добавочной черточкой. Знакъ этотъ принято изображать . Знакъ этотъ я вывожу не изъ іа или а, а считаю измѣненіемъ х, въ чемъ подтверждаетъ примѣръ варававх, гдѣ х также съ до-

бавочной черточкой, являющейся характерной въ начертаніи передаваемомъ кирил. **А**.

Начертаніе это употребляется только въ окончаніяхъ причастій настоящаго времени отъ нѣкоторыхъ глаголовъ, при чемъ наряду съ этимъ въ тѣхъ же формахъ употребляется и окончаніе ѣи:

град А и — градъи	с А и — съи
жив А и — живъи	ѣд А и — ѣдъи

і разъ нес**А** — несъи.

Замѣна лишь въ извѣстныхъ случаяхъ показывается, мнѣ кажется, что новое начертаніе входило только въ употребленіе, что ф. градъи и пр. являлись уже традиціонными и не удовлетворяли слухового ощущенія.

Ягичъ, отличая данный знакъ отъ **д**, говоритъ, что **А** обозначалъ звукъ, который обозначался въ болгарскихъ памятникахъ позднѣйшихъ черезъ **х**, т. е. глухой. Но если это такъ, если можно сблизить съ позднѣйшимъ употребленіемъ **х**, тогда почему неправъ былъ бѣи и тотъ, который началъ въ древнѣйшихъ ц.-слав. памятникахъ искать иногда подъ **х** — глухой? Да и какимъ образомъ мы могли бы объяснить, что писецъ, употреблявшій **х** въ значеніи носового, могъ воспользоваться этимъ знакомъ для обозначенія глухого, для выраженія котораго онъ имѣлъ болѣе близкія начертанія. Мнѣ кажется, въ этомъ случаѣ Ягича ввело въ заблужденіе внѣшнее сходство.

Рѣшеніе занимающаго насъ вопроса удобнѣе поставить на почву лишь древнѣйшихъ ц.-сл. памятниковъ и разсмотрѣніе этихъ послѣднихъ въ отношеніи даннаго вопроса приводитъ къ слѣдующему.

Въ Мар. Ев. также встрѣчается **А**, при чемъ отмѣчаются случаи совпаденія съ Зогр. Ев. Случаевъ употребленія, впрочемъ, меньше.

Въ двухъ мѣстахъ, гдѣ въ Зогр. **А**, въ Мар. **х**, і разъ **д**:

живѣи Іоан. 6₅₇, сѣи І. 6₄₆, градѣи І. 12₁₃.

Съ другой стороны въ Мар. есть примѣръ: гор**А** І. 5₃₅, въ Зогр. — **д**.

Для болѣе точнаго сравненія употребленія **А** въ Зогр. и Мар. Ев. приведу данныя:

Зогр. Ев.	Мар. Ев.
град ^д и ю разъ (Мѡ. 11 ₃ , Мр. 11 ₉ , Л. 6 ₄₇ , 7 _{19, 20} , 19 ₃₈ , І. 6 _{14, 35} , 11 ₂₇ , 12 ₁₃)	вездѣ градъи и только і — град ^д и
градъи 4 раза (І. 1 _{15, 27} , Л. 10 ₃₃ , Мр. 2 ₁₄) [добав. ч. Мѡ. 21 ₉ , 23 ₃₈]	І. 12 ₁₃
жив ^д и	— хи
живъи	І. 11 ₂₆ , —ы Л. 15 ₁₃
с ^д и, с ^д и	Зр.-Мр. 13 ₁₆ , І. 1 ₁₈ , 6 ₄₆ при чемъ Мр. 13 ₁₆ І. 1 ₁₈ І. 6 ₄₆
съи около 17 р.	съи
ѣд ^д и	с ^д и
ѣдъи	схи
нес ^д	то же
несъи	І. 6 ₅₈ — ^д и
	—ы
	нос ^д
	—ы.

Въ Ассем. Ев., какъ извѣстно (ср. Uvod къ изд. Рачк. XXII) находятся случаи схи, градъи, а также —^ди; ^ди наход. и въ Син. Требн., Сборн. Кл. Въ Охрид. Ев. схи, градъи.

Сравненіе всѣхъ этихъ данныхъ указываетъ на слѣдующее. Въ ближайшихъ оригиналахъ или лучше — въ первоначальномъ общемъ оригиналѣ Зогр. и Мар. Ев. (близость этихъ памятниковъ даетъ полную возможность предположить объ общности ихъ первоначального оригинала, копіи съ котораго можетъ быть служили непосредственными уже оригиналами для Зогр. и Мар. Ев.) былъ значекъ, передаваем. ^д. Онъ былъ вызванъ необходимостью: въ нѣкоторыхъ причастіяхъ, въ окончаніяхъ, вмѣсто прежняго ѣи, ѣи началъ слышаться, подѣ вліяніемъ окончаній другихъ причастій, носовой звукъ, изображенный первоначально подѣ вліяніемъ косвенныхъ падежей этихъ причастій черезъ х, и иногда лишь черезъ д (т. е. изъ формъ вліявшихъ причастій). Сознательной реформой этого окончанія и было установленіе разсматриваемаго начертанія, приблизившагося по своей формѣ къ ^д, къ изображ. звуку котораго онъ былъ также близокъ.

Так. обр. я несогласенъ и съ высказаннымъ мнѣніемъ Ягича въ примѣч. къ тексту Мар. Ев. (стр. 222), что „^д пе-

редаетъ глагол. букву «Є, передѣланную въ кирилл. х, такъ что первоначально было града, потомъ же исправлено въ градѣи“. Если бы было первоначально града, то оно бы такъ и осталось, какъ показываютъ другіе памятники, какъ показываетъ и Мар. Ев., очевидно былъ другой знакъ, который нужно было приблизить къ этому а. Ненужно упускать изъ виду, что данный знакъ употреблялся только въ 2-хъ памятникахъ и то далеко не приведенъ послѣдовательно, так. обр. явствуетъ, что нужды особенной въ немъ не было.

Проф. Ульяновъ (Основы наст., 21—24) высказывалъ ту мысль, что града, сѣи, живѣи болѣе древни чѣмъ градѣи, живѣи, что это остатки причастій, передававшихъ даже древнѣйшія чередованія ont: ant. Съ этимъ, конечно, невозможно согласиться: въ данномъ мы видимъ явленіе начинающееся, какъ показываетъ исторія изученія памятниковъ, а не остатки. Да и почвы для подтвержденія мысли Ульян. не даетъ ни слав. языки, ни литовскій. Возраженіе Уль., что града не возникло подъ вліяніемъ пишѣ, т. к. тогда было и въ косвенныхъ падежахъ было бы градѣишти и пр., говоритъ именно въ нашу пользу: въ косв. падежахъ былъ носовой, слѣдовательно вліяніе не могло уже такъ коснуться, какъ въ именительномъ.

Начертаніемъ **А** мы передаемъ своеобразное, недописанное начертаніе глаголическое носового. Нужно при этомъ помнить, что въ кирилловскихъ памятникахъ — Супрасльской рукописи и Саввиной книгѣ употребляется данное начертаніе въ качествѣ неіотированнаго юса малаго.

Къ чему же приводитъ разсмотрѣніе употребленія носовыхъ гласныхъ въ Зогра. Ев.? На этотъ вопросъ можно отвѣтить такъ: больше данныхъ зато, что х и а имѣли носовое произношеніе. Слишкомъ мало замѣнъ х—оу, а—е для того, чтобы говорить о дѣйствительной замѣнѣ чистыми гласными; нужно имѣть при томъ въ виду графическую близость глагол. х и оу, фонетическую близость а и е, чтобы иной разъ смѣшеніе не оправдать этимъ. Слишкомъ мало также данныхъ для того, чтобы говорить о смѣшеніи іх и іа (малочисленность примѣровъ въ данномъ случаѣ не позволяетъ говорить о сходствѣ, напр., съ средне-болгар. памятникомъ Болонской Псалтирю, въ которой послѣ ж, ш, жд и нѣк. др. а замѣняется х, при чемъ въ этомъ послѣднемъ памятникѣ послѣ л и нѣк. др., х замѣняется а).

Говорю: „больше данных“, такъ какъ, съ другой стороны возможно было бы и предположеніе о строгомъ соблюденіи писцомъ Зогра. Ев. прежней графической системы, тогда отступленія отъ этой послѣдней пріобрѣли бы значеніе отраженія его говора.

Собственно послѣ анализа данныхъ Кіевск. глаг. листковъ мнѣ должно было бы перейти къ даннымъ Саввиной книги, такъ какъ этотъ памятникъ считается по правильности употребленія носовыхъ гласныхъ превосходящимъ остальные евангельскіе тексты. Не сдѣлалъ этого я потому, что не считаю употребленіе носовыхъ здѣсь „чрезвычайно правильнымъ“ (См. спеціальное о Сав. кн. изслѣдованіе Щепкина, 72 и др.): по моему, и здѣсь есть случаи замѣнъ носовыхъ — неносовыми гласными. Спрашивается, напр., почему не-премѣнно нхждх — ноудитъ, противх — противоу — независимые фонетическіе варианты, а не замѣна? плюноувше — плюнхвъ — разница основъ? вельбхдх (см. оу, дат. п.) — описка? и пр. Этимъ самымъ я не хочу, конечно, сказать, что подобные и нѣкоторые другіе случаи могли бы дать несомнѣнное указаніе на утрату носового характера юсовъ въ этомъ памятникѣ. Необходимо здѣсь лишь большая осторожность въ выводахъ и вмѣстѣ съ тѣмъ, можетъ быть, досадная неопредѣленность.

Г. Щепкинъ отмѣчаетъ два случая смѣшенія носовыхъ съ фонетическимъ значеніемъ: сто^ащ^а вм. сто^ащх и іх^а вм. а.

Но слѣдуя методу объясненія г. Щепкина (замѣна вельбхдх, х вм. оу — подъ вліяніемъ предыдущаго х) можно было бы и въ этихъ случаяхъ видѣть описки (и передъ іх^а находится слово: въ врьгхтъ).

Само разнообразіе буквенныхъ начертаній въ Савв. кн. для обозначенія юса малаго указываетъ на сравнительно болѣе поздній періодъ, чѣмъ, напр., даютъ въ этомъ отношеніи Листки Ундольскаго. Для обозначенія неіотирован. малаго юса въ Савв. кн. употребляются начертанія **▲**, **△** (разъ **△**) и іотированнаго — **а**. Листки Ундольскаго знаютъ только послѣднее начертаніе, т. е. **а**, въ качествѣ іотированнаго и неіотированнаго. Видѣть въ употребленіи двухъ первыхъ начертаній для неіотир. малаго юса желаніе писавшаго выразить оттѣнки произношенія, какъ дѣлаетъ то Щепкинъ, совсѣмъ не приходится: второе начертаніе — упрощеніе перваго, недаромъ

это упрощенное начертаніе получаетъ распространеніе и въ дальнѣйшемъ (такъ въ Супрасльской рукописи послѣдовательно пишется послѣ согласныхъ).

Въ Листкахъ Ундольскаго мы видимъ правильное употребленіе носовыхъ. Правда, поражаетъ здѣсь отсутствіе *ix* (напр. *сиx*, *моx* и пр.). Затѣмъ — памятникъ этотъ небольшой, онъ меньше Кіевскихъ Листковъ. Но, съ другой стороны, правильность употребленія носовыхъ какъ бы подчеркивается (принимая именно во вниманіе небольшой размѣръ памятника) почти отсутствіемъ *ь* (вмѣсто него *ъ*).

Въ Мар. Ев. часты замѣны *х*—*оу*, и наоборотъ, рѣже *х*—*о*. Последнее часто въ Син. Псалтыри (потъ — *пхтъ* и др.), рѣже въ Синайск. Требникѣ. Изрѣдка *х*—*оу* въ Супрасльской рукописи (единичны замѣны черезъ *о*), Клоцовомъ Сборникѣ. Случаи замѣны *ѧ*—*е* мы находимъ почти во всѣхъ перечисленныхъ памятникахъ въ небольшомъ числѣ. Попадаетъ также смѣшеніе юсовъ. Последняя черта характеризуетъ особенно Ассеманово Ев.

При объясненіи этихъ замѣнъ нужно быть, повторяю, очень осторожнымъ. Укажу для примѣра: случаи замѣнъ *х*—*о* въ Мар. Ев. Ягичъ объяснялъ просто описками, Милетичъ видѣлъ въ нихъ отраженіе живыхъ говоровъ.

На первый взглядъ можетъ показаться страннымъ, зачѣмъ гласный + носовой звукъ выражался особыми начертаніями, а не прямо: он, ом, ен... На это можно сказать, что въ *ж* и *ѧ* носовой звукъ былъ болѣе слабый; это былъ лишь призвукъ, благодаря чему получалась возможность его полного исчезновенія, при чемъ гласный оставался или подвергался нѣкоторымъ измѣненіямъ. Такъ какъ и здѣсь мы съ полной увѣренностью не можемъ сказать, что — за гласный звукъ былъ въ *ж* и *ѧ* (могъ звучать, напр., *ж* не только какъ он, ом, но и какъ *ъм*, *ън*, *ѧ* — какъ *ьм*, *ьн* и пр.).

Отъ глаголовъ *жѧ-тн* (жать), *дѧ-тн* (дуть) 1 л. ед. ч. наст. врем. *жьи-ж*, *дъм-ж*; такимъ образомъ здѣсь видимъ чередованіе двухъ формъ корней *жѧ-жьн*, *дѧ-дъм*, при чемъ послѣднія передъ гласными. Если видѣть въ послѣднихъ формахъ первоначальныя, то формы *жѧ*, *дѧ* явятся ослабленіемъ благодаря послѣдующей согласной. Такимъ же образомъ *ѧ* въ *плеѧ* явится ослабленіемъ *племен* (намъ

понятно станетъ теперь появленіе *и* и въ нашемъ склоненіи подобныхъ словъ).

Итакъ, носовые гласные образовались изъ гласной *+и* въ извѣстномъ положеніи. Нужно, однако, имѣть въ виду, что во многихъ случаяхъ тамъ, гдѣ мы ожидали бы тотъ или иной носовой гласный, нѣтъ этого носового. Случилось это въ силу различныхъ измѣненій. Прежде всего это нужно сказать о концѣ словъ: вин. п. ед. ч. отъ сынъ мы ожидали бы сынън, ношън и пр. (ср. литов. *sūnų* = *sunun*, *paiktį* = *in*), аор. везън и пр. Въ древне-церк.-слав. нарѣчій мы наблюдаемъ тотъ законъ, что слово могло оканчиваться только на гласные звуки. Слѣдовательно, на концѣ словъ особенно могла бы быть возможность перехода въ носовые гласные и если этого не случилось, то, вѣроятно, въ силу ослабленія и затѣмъ исчезновенія носового элемента.

IX.

О звукѣ *ѣ*.

Древне-ц.-слав. *ѣ* является звукомъ нѣсколько загадочнымъ по своей физиологической основѣ. Для раскрытія его прежде всего, конечно, приходится обращаться къ даннымъ другихъ языковъ. Сравнивая слова съ *ѣ* въ словахъ съ сохранившимися родственными корнями другихъ языковъ, неславянскихъ, мы видимъ, что *ѣ* соотвѣтствуетъ съ одной стороны монофтонгамъ, съ другой — дифтонгамъ. Затѣмъ, въ данныхъ современныхъ славянскихъ нарѣчій мы находимъ опять таки монофтонги и дифтонги.

Такимъ образомъ:

ѣ изъ долгаго *е*: дѣти — лит. *dėti* — гр. *τιθημι* — гот. *gadēts*; сѣмѣ — лит. *sėju* — гр. *ἔημι* (изъ *σσημι*) — лат. *sēmen*;

изъ дифтонг. *oi*, *ei*, *ai*, *āi*: бѣсъ — лит. *baisus*; цѣна — лит. *kaina* — гр. *ποινή* — лат. *poena*; лѣвъ — гр. *λαῖος* — лат. *laevus*.

Мы унаслѣдовали *ѣ*, но произношеніе нашего литературнаго языка *ѣ* не отличается отъ *е*; въ народныхъ же русскихъ говорахъ, вмѣсто *ѣ*, мы видимъ звуки *е*, *и*, *я*, *ѣе*, *ие* (напр., бель, сямяной, гняздо, хлѣбъ, хлѣбъ и пр.).

Въ говорахъ болгарскаго языка мы видимъ вмѣсто *ъ*—*е*, *я* и звукъ какъ бы *а*; въ сербо-хорват.: *ије, је, е, и*; въ словенск.: *е, еј, је, і*; чешск.: *іе, ё, і, ё, е*; польск. *іа, іе*.

Оказывается, так. обр., что разнообразіе рефлексовъ *ъ* въ славянскихъ нарѣчіяхъ и данныя другихъ родственныхъ языковъ не могутъ вполне раскрыть намъ фізіологическую основу древн.-ц.-слав. *ъ*. Даже въ вопросѣ о томъ, что за звукъ былъ *ъ* въ праславянскую эпоху, это разнообразіе приводитъ къ двумъ противорѣчивымъ взглядамъ: о монофтонгичности или дифтонгичности этого звука (подробнѣе ср. въ статьѣ проф. Ляпунова: Лингвистическія замѣтки. Варш. 1906 г. 6—12).

Если обратимся къ др.-ц.-слав. памятникамъ, то увидимъ, что въ глаголическихъ и кирилловскихъ памятникахъ этотъ звукъ, очевидно, не всегда могъ быть признанъ тождественнымъ. Во всѣхъ глаголическихъ и нѣкоторыхъ кирилловскихъ мы не имѣемъ особаго начертанія для *и* (іотиров. *а*), а для обозначенія этого звука, какъ и для обозначенія звука, передаваемого *ъ*, употреблялось одно лишь начертаніе **А**. Это можетъ говорить о томъ, что *ъ* — глаголическое произносилось, какъ *іа* или очень близко къ послѣднему звуку.

Въ нѣкоторыхъ болгарскихъ памятникахъ позднѣйшихъ мы видимъ безразличное употребленіе *ъ* и *и* (Паремейникъ Григоровича XII—XIII в.). Въ древнѣйшихъ кирил. памятникахъ мы видимъ различіе *ъ* и *и*, особенно это въ Супрасльской рукописи, хотя и въ послѣдней, какъ и въ Саввиной книгѣ находятся случаи употребленія *ъ*, гдѣ мы ожидали бы *и* (волѣ, кораблѣ, огнѣ и пр.).

Довольно убѣдительныя данныя за произношеніе буквы *ъ*, какъ *а̋* (ѣ̋), приводитъ, напр., Милетичъ въ своей рецензіи на изслѣдованіе Маріинск. Ев. Ягича (Пер. Сп. XIX—XX, 248). Облакъ въ своихъ Macedon. Studien приводитъ образцы подобнаго произношенія этого звука въ Сухо и сѣверо-вост. отъ Солоникъ деревняхъ. По наблюденіямъ Облака въ сочетаніяхъ *ча, жа, ша, ла* вмѣсто *а* слышится звукъ *а̋*, т. е. произн. *ъ*. Такимъ образомъ можно провести аналогію между современными болгарскими говорами и данными древн.-ц.-слав. памятниковъ. Предполагаютъ, что эта черта была прежде свойственна болѣе широкому району болгарскихъ говоровъ (Милетичъ, Arch. XVII, 581—2, П. Сп. XIX—XX, 248). На дифтонгическое произношеніе данного начертанія указываетъ

извѣстный грамматикъ Константинъ Констанцскій. Онъ сравнивалъ произношеніе этого звука въ такихъ словахъ, какъ *хрѣс*, передавая его черезъ *крѣс*ъ и пр. (ак. Ягичъ Разсужд. ц.-сл. стар., 403, прим. 2, 3, 4; 493—4). По Ягичу (*Die Umlauterscheinungen . . . Arch. VI, 75*) данное начертаніе, первоначально обозначая одинъ звукъ (а не два — е, я), произносилось, какъ *ѣ*. Ягичъ не согласенъ съ Миклошичемъ, стоявшимъ за произношеніе *ь* какъ *я*. Ак. Ягичъ замѣчаетъ, что послѣдній звукъ скорѣе всего выразили бы черезъ *а*, какъ *је*, *ји* передавали черезъ *е*, *и*. Нельзя не согласиться съ Миклошичемъ и Ягичемъ въ томъ, что данное начертаніе должно было обозначать одинъ звукъ, а не два. Вопросъ только, каковъ былъ этотъ звукъ. Нельзя согласиться съ доказательствами Ягича, что если бы это былъ звукъ *я*, то его передавали ли бы черезъ *а*: вѣдь и такіе близкіе звуки, какъ *у* и *ю*, имѣли, вѣдь, различныя начертанія. Это, можетъ быть, былъ звукъ и не *я*, но все же близкій къ *а*.

Если обратимся къ палеографическому анализу начертаній глаголическаго и кирилловскаго *ь*, то этотъ анализъ пока въ сущности ничего не можетъ дать. Относительно начертанія глаголическаго *ь* ак. Ягичъ замѣчаетъ: „мнѣ хотѣлось бы скорѣе и въ этомъ загадочномъ треугольникѣ найти монографическое начертаніе какого-ниб. сочетанія двухъ знаковъ, напр. *еа*, но — *non liquet*“ (164). Какъ бы отвѣчая на это пожеланіе, проф. Бѣляевъ выводитъ это начертаніе именно изъ соединенія *еа*, но приемы его въ этомъ случаѣ не убѣдительны. Вондракъ выводитъ изъ *aleph* самаритянскаго, но и форма послѣдняго не подходитъ къ глаголическому.

Х.

О различныхъ начертаніяхъ для **И** и **Ы**.

Для *и* употреблялось двоякое (*и*, *і*) и троякое (особенно въ глаголицѣ) начертаніе. Трудно вывести орфографическія правила употребленія различныхъ начертаній *и*, можно лишь сказать, что употребленіе это было не таково, какъ теперь у насъ (у насъ искусственно установлены правила извѣстнымъ грамматикомъ XVII ст. Мелетіемъ Смотрицкимъ). Въ др.-ц.-сл. рукописяхъ сидомь и рядомъ такія соединенія: — *пѣ*, *пѣ*,

и а, и і и пр., только избѣгали ставить два одинаковыхъ начертанія, какъ ии, іі.

Нѣкоторый свѣтъ на первоначальныя причины созданія различныхъ начертаній для звука и, мнѣ кажется, могутъ отчасти пролить древнѣйшіе глаголическіе памятники.

Такъ въ Кіевскихъ листкахъ мы находимъ:

1) Союзъ постоянно пишется і (одно исключеніе 5 об. 4 — і).

2) То же начертаніе господствуетъ въ і же (8 р.; і р. — і) и въ косвенныхъ падежахъ этого мѣстоименія и мѣст. и (7 разъ; і р. і).

Подъ вліяніемъ этихъ косвенныхъ падежей можетъ быть объясняются и написанія: нашихъ, твоихъ и пр.

3) Въ началѣ другихъ словъ господство и (8 разъ и: і разъ — і; 2 раза і).

4) Сочетаніе двухъ и выражается черезъ иі, иі, іі.

5) Послѣ гласныхъ не пишется и.

6) Преобладаетъ употребленіе і.

7) Очень рѣдкое употребл. на концѣ слова начертанія — и.

Что указанныя наблюденія имѣютъ значеніе, на это намъ указываютъ другіе древн. глаголическіе памятники.

Въ Зографскомъ Ев. союзъ, какъ и въ К. Л., изображается і; съ і начинаются въ этомъ памятникѣ слова (начин. этой буквой) и затѣмъ это начертаніе употребляется послѣ гласныхъ въ срединѣ слова. Любопытно, что если послѣ союза і слѣдуетъ слово начинающееся съ зв. и, то послѣднее уже не пишется і, а и: і исцѣлѣ (Матѣ. 13₁₅) і избѣдетъ іbid. 12. Это отражается и на мѣстоименіи і же е, которое писалось т. обр. не всегда послѣдовательно. Сочетаніе двухъ и выражается черезъ иі: людні (Матѣ. 14, 13₁₅ каменіихъ, іbid. 13₅, Ср. іbid. 12₁₂, 8₃₀, 7₁₅ и др.).

Въ Маріинскомъ Ев. союзъ въ большинствѣ также выражается і, но очень часто замѣняется и. То же можно сказать о и: начинающемся слово. Какъ замѣтилъ уже ак. Ягичъ, і „пишется главнымъ образомъ въ тѣхъ случаяхъ, когда онъ (т. е. союзъ) соединяетъ цѣлыя предложенія или части ихъ“ (Мар. Ев. 420). Дѣйствительно, при чтеніи памятника можно вынести такое заключеніе. При томъ, мнѣ кажется, что постановка этого начертанія и замѣна его другимъ вовсе не зависѣла отъ желанія писца провести какую либо разницу въ смыслѣ, способствовать синтаксическимъ цѣлямъ. Происходило это совершенно въ силу неразличенія

этихъ знаковъ. Подлинникъ, находившійся передъ писцомъ могъ имѣть въ употребленіи и еще большее сходство съ Зогр. Ев., чѣмъ то теперь находимъ въ Маріин. Ев. Переписывавшій его писецъ, естественно, послѣ точки скорѣе могъ удерживать правописаніе подлинника, чѣмъ ида вглубь.

Всѣ эти данныя приводятъ прежде всего къ заключенію, что въ первоначальной графикѣ для союза *и* и мѣстоименія *и*, въ мѣстоименіи *и* же — употреблялось начертаніе *и*. Подтверждаетъ это та послѣдовательность въ употребленіи означеннаго начертанія въ этихъ случаяхъ во всѣхъ почти упомянутыхъ памятникахъ. Нельзя того же сказать объ употребленіи даннаго начертанія въ словахъ, начинающихся съ *и*. Здѣсь памятники уже болѣе расходятся. Можно предположить, что въ первоначальной графикѣ данное начертаніе и было только установлено для союза и мѣстоименія *и*. Затѣмъ, было естественно, что начертаніе это примѣнялось такъ же послѣдовательно при мѣстоименіи *и* же. При *scriptio continua* разграниченіе подобнаго *и*-союза и мѣстоименія отъ другихъ словъ являлось особенной необходимостью, и т. обр. начертаніе иное вызывалось чисто практическими нуждами (напр., чтобы отличить въ подобн. написаніяхъ: рабъ *и*, будетъ ли рабъ *и* т. е. имен. пад. и союзъ или одна форма рабъ *и* съ *и*). И потому мы видимъ такое послѣдовательное употребленіе этого знака въ Кіевск. Листк. Если въ другихъ памятникахъ мы видимъ поступательное движеніе этого начертанія — обозначенія имъ начального *и* въ словахъ, то это также обуславливалось отчасти практическими удобствами, вызванными измѣненіями въ орѳографіи: когда исчезали знаки придыханія, трудно было отличить иногда слово начинавшееся съ гласной. Трудно его было отличить и тогда, когда обозначалась знаками придыханія гласная послѣ гласной, а затѣмъ въ написаніи этого начертанія могла сыграть особенную роль, конечно, и аналогія. При выставленномъ нами предположеніи легко объяснить и графическое происхожденіе этого начертанія, какъ измѣненіе болѣе первоначальнаго *і*. Твердо заложенное въ основѣ правило и было причиной того, что впоследствии иногда смѣшивались не эти столь близкіе по происхожденію начертанія, а напр. *і* и *и*.

Въ древнѣйшихъ кирилл. памятникахъ наблюдается употребленіе также троякаго начертанія *и*, но такого отзвука сознательнаго отношенія къ употребленію различныхъ начерта

ній и, какъ въ нѣк. глагол., мы открыть не можемъ: здѣсь особенно чувствуется совершенное излишество этихъ начертаній.

Говоря о различныхъ начертаніяхъ и и высказывая догадку о причинахъ ихъ употребленія, мы приблизились и къ вопросу о ѣі (ср. ранѣ приведенный примѣръ ра б ѣі).

Для выраженія нашего монофтонга въ Кіевск. Листк. мы видимъ начертаніе ѣи, напр. нѣи, тѣи, слоужбѣи, бѣити, и пр. Для выраженія нашего дифтонгического ѣі употреблено ѣі, напр. вѣсеомѣі, вѣчѣи, принесенѣі. Оба написанія проведены съ замѣчательной послѣдовательностью, такъ что изъ многочисленныхъ примѣровъ употребленія того и другого знака можно привести лишь одну ошибку на л. 7 — принесенѣи и на 2-мъ л. вѣсеомѣі, отмѣтимъ, однако, что это слово въ другихъ мѣстахъ пишется съ ѣі.

Какъ произносилось окончаніе въ вѣчѣи и пр. можетъ указывать, по нашему мнѣнію, такой характерный примѣръ уклоняющагося написанія отъ приведенныхъ — вѣсеомѣіі. Здѣсь писецъ по ошибкѣ поставилъ начертаніе ѣи и замѣтивъ свою ошибку поправилъ ее прибавкой лишняго і.

Такой послѣдовательности въ употребленіи данныхъ соединенныхъ знаковъ въ другихъ древнѣйшихъ глаголическихъ памятникахъ мы не находимъ. Нѣтъ также полного сходства въ соединеніи ѣ съ разными начертаніями звука и.

Въ Зографскомъ Ев. въ знач. ѣи К. Л. употребляется ѣі, а въ значеніи ѣі — К. Л. — ѣі, замѣняемое, впрочемъ и ѣи. Начертаніе ѣи отмѣчается и въ косвенныхъ падежахъ прил., напр., малыхъ, мрътвыхъ и пр. Съ Зографск. не совсѣмъ сходится Маріинское Ев.: въ немъ не употребляется ѣі, а ѣі (изрѣдка вм. послѣд. ѣи). Въ Ассеманов. Ев. ѣі и ѣи употребляются смѣшанно. Въ Син. Тр. и Син. Пс. для обозначенія монофтонга ѣі иногда, если не ошибки у Гейтлера, ѣи, ѣі. Въ Псалтыри для выраженія дифтонгического звука отмѣчаемъ иногда ѣи. Въ Клоц. Сб. за немногими исключеніями для монофт. звука — ѣі (і съ точкой и безъ точки я употребляю, въ соотвѣтствіи съ приведеннымъ ранѣ, на стр. 11, обозначеніемъ)¹⁾.

1) Безъ точки і соотвѣтствуетъ тому особому начертанію и, которое установлено ак. Ягичемъ. Этого ненужно забывать, когда мы переходимъ къ сравненію съ кирилл. текстами: тамъ і соотвѣтствуетъ обыкновенному і, писавшемуся безъ точки начертаніе же это писавшееся съ точками — ї — явленіе позднѣйшее.

Въ Хиландарск. Л. для нашего монофтонга — ѣі, дифтонга — ѣи. Въ Листк. Ундольскаго отмѣчается лишь ѣі, при чемъ разъ даже ы. Въ Савв. кн. почти всегда ѣі.

Вопросъ въ томъ, какъ произносились разныя эти начертанія? Одни изъ нихъ соответствующія нашему дифтонгическому звуку несомнѣнно обозначали двойной звукъ. Повидимому и начертанія, соответствующія нашему монофтонгу, должны были бы быть не монофтонгами (если, именно, судить по начертаніямъ, такъ какъ ѣі — двойная буква). Если и въ произношеніи нашего ѣі открываютъ въ настоящее время дифтонгическій характеръ (Проф. Томсонъ, Рус. Ф. В. 1904 г., № 2), то весьма вѣроятно этотъ характеръ былъ болѣе силенъ въ произношеніи древн.-ц.-слав. ѣі. Во всякомъ случаѣ, конечно, трудно думать о тождествѣ нашего и др.-ц.-слав. звука въ данномъ случаѣ. Нужно помнить также, что звукъ ѣі не существуетъ теперь въ южно-славянскихъ нарѣчіяхъ, а имѣется лишь въ русскомъ и польскомъ.

XI.

Начертанія о; йотація; о соответствіи гласныхъ и согласныхъ звуковъ др.-ц.-сл. языка гласн. и согл. другихъ индо-евр. языковъ.

Для о имѣлись два начертанія: о и ѿ, при чемъ второе, совершенно ненужное и употреблявшееся лишь изъ подражанія греческому алфавиту.

Употребленіе этого начертанія развивалось особенно въ позднѣйшее время, въ древнѣйшихъ рукописяхъ омега встрѣчается сравнительно рѣдко. Такъ, напр., въ Маріинск. Ев. омега ставится особенно при восклицаніяхъ (Ср. Ягичъ, 422), при чемъ употребленіе этого начертанія рѣдко въ первонач. текстѣ памятника (Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ о (омикронъ) исправленъ на омегу въ позднѣйшее время, ср. Ягичъ, (Приложеніе, *ibid.*).

По образцу греческаго ѿѿ составлено въ глаголицѣ и кириллицѣ ѿу. Въ нѣкоторыхъ глаг. памятникахъ мы видимъ, что начертаніе ѿу состоитъ какъ бы изъ двухъ о, но данныя большинства древнѣйшихъ глаголическихъ памятниковъ указываютъ, что двѣ составныя части начертанія гла-

голическаго оу были неодинаковы, что они были довольно близки по начертанію и потому возможна была ихъ ассимиляція. Считать двойное о первоначальнымъ изображеніемъ для оу и опираться въ этомъ случаѣ особенно лишь на нѣкоторые данныхъ нельзя.

Вторая часть начертанія оу так. обр. и въ глаголицѣ и въ кириллицѣ составляла передѣлку ѹ. Но наряду съ этимъ особенно въ кириллицѣ послѣдняя буква дала основу и для буквы въ сущности совершенно ненужной, так. назыв. нжицѣ, замѣнявшей иногда и, иногда оу и в.

Хотя мы теперь и пишемъ: его, ему, моего, есть и пр., но произносимъ: ѳего, ѳему . . . , т. е. съ призвукомъ йота. Собственно, для йота (или іота) мы не имѣемъ особаго начертанія (какъ въ латинск. азбукѣ j), ѳ — употреблено нами только условно, такъ какъ ѳ и звукъ j различны: ѳ возникаетъ изъ и, сдѣлавшагося краткимъ по произношенію (изъ краи — край), а j звукъ согласный.

Въ кириллицѣ для обозначенія такъ называемыхъ йотированныхъ гласныхъ употреблялись: ѡ, ѣ, ѣ, ѡ, такимъ образомъ: ѣсмь, ѡзыкъ, ѡсти (= рус. ѣсть). Въ глаголицѣ не было подобныхъ сочетаній.

Йотация дѣло несомнѣнно не первоначальнаго періода др.-ц.-слав. письменности. На это указываетъ не только отсутствіе ея въ глаголицѣ, но и непоследовательность въ проведеніи йотации въ древнѣйшихъ кирилловскихъ памятникахъ, при чемъ и въ нѣкоторыхъ изъ кирилл. памятниковъ йотации нѣтъ. Такъ, напр., Листки Ундольскаго не знаютъ йотиров. гласныхъ, йотир. е сравнительно рѣдко въ кирилл. памятникахъ (довольно последовательно она употребляется въ Супрасльск. рук., Остром. Ев., хотя и здѣсь употребл. не йотир. е). Эта йотация проводится не всегда последовательно и въ серединѣ словъ при стеченіи гласныхъ.

Трудно сказать здѣсь съ опредѣленностью, соотвѣтствовало ли вполнѣ отсутствіе йотации первоначально даннымъ языка или это было, какъ и у насъ, несовершенство графики, исправленное позже. Во всякомъ случаѣ я не рѣшился бы, вслѣдъ за проф. Лескинымъ и др., повторить (см. § 18 его грамматики), что е въ др.-ц.-сл. не могло стоять въ началѣ безъ йота. Можно только замѣтить, что вообще въ др.-ц.-слав. памятникахъ мы замѣчаемъ какое-то колебаніе въ нѣкоторыхъ случаяхъ по отношенію къ йотации, даже въ такихъ

случаяхъ, какъ напр. оутро — ютро, оуже — юже, авити — мвити — ѣвити, агньць — ѣгньць — мгньць (ср. лат. *agnus*).

Мнѣ приходилось уже отчасти касаться соотвѣтствій нѣкоторыхъ гласныхъ звуковъ др.-ц.-сл. языка гласнымъ индо-европейскихъ языковъ. Я уже говорилъ также, что на основаніи сличенія сохранившихся родственныхъ корней строятъ общепарійскія формы, звуки. Здѣсь въ сущности дѣйствуетъ отвлеченіе и чѣмъ болѣе фактовъ, наблюдений, тѣмъ это отвлеченіе можетъ болѣе претендовать на нѣкоторую хотя убѣдительность.

Ранѣе исходя главн. обр. изъ данныхъ санскрита, ученые говорили о первоначальности лишь гласныхъ *a, u, y*, изъ этихъ гласныхъ выводили остальные; теперь же не только *o* и *e* считаютъ также первоначальными, но выдвигаютъ существованіе и иныхъ еще гласныхъ: слогообразующихъ *ṛ* и *ḷ*, звука нѣсколько неяснаго (ирраціональный), обозначаемого перевернутымъ *e*: *ə*, особаго рода *ā̃*, *ā̌*, кромѣ того устанавливаются извѣстнаго рода комбинаціи дифтонгическихъ сочетаній съ *i*, *ī*, *ū*, *ū̃*.

Вотъ краткая схема соотвѣтствій гласныхъ др.-ц.-сл. языка съ гласными другихъ индо-европ. языковъ и предполагаемыми первоначальными гласными обще-индо-европейскаго языка.

Др.-ц.-слав. *a* изъ первонач. **ā*, *ō*, *ā̃*: матер — лат. *mater*, гр. *μήτηρ* (= *μάτηρ*), санскр. *mātā*, лит. *mōte*; дати, лит. *dāti*, лат. *donum*, гр. *δῶρον*.

Др.-ц.-слав. *o* изъ **o*, *a*, *ā̃*: домъ — лат. *domus*, гр. *δῶμος*; осьмь — лат. *octo*, гр. *ὄκτω*; овьца — лит. *avis*, лат. *ovis*, гр. *οἷς*, санскр. *avis*.

Др.-ц.-сл. *e* изъ **e*: берѣхъ — *φέρω* — *fero*; небесъ — *νεφесος*.

„ и, і „ **i*: живѣхъ — лат. *vivus*, лит. *gyvas*, санскр. *jīvas*.

„ ы „ **u*: бѣити — лит. *buti*; дымъ — скр. *dhūmas*, гр. *θυμός*, лат. *fumus*.

„ оу „ **au*, *eu*, *ou*: соухъ — лит. *sausas*, оухо лит. *ausis*, латинск. *auris*; плоти — *πλέρω*; лочь ср. *λευχός*; строум — ср. *ρεῦμα*.

О соответствіяхъ другихъ гласныхъ я уже упоминалъ ранѣе. Какъ и въ другихъ индо-европ. языкахъ въ родственныхъ словахъ мы видимъ чередованіе гласныхъ (напр., λέγω — λόγος; tego — toga и пр.), то же наблюдаемъ и въ древн.-ц.-сл. (а также и другихъ слав. язык.). Вотъ также краткая схема измѣненій гласныхъ въ корняхъ: *е* — *о*: нести — носить, ведхъ — водити; *ь* — *е*: пьрати — перхъ; *а* — *х*: трасхъ — трхсь; *ъ* — *ы*: дьмхъ — надымати; *ъ* — *у*: бьдѣти — боудити; *ь* — *и* — *ой*: пыхъ — пити — напои. Трудно опредѣлить причины чередованія гласныхъ или, какъ раньше выражались, усиленія или удлинненія гласныхъ. Можетъ быть здѣсь играли роль ударяемость или неударяемость даннаго или послѣдующаго слога, количество слоговъ. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ съ измѣненіемъ корня дается новый оттѣнокъ значенію: братьи — бирати, зъвати — зывати.

Согласные звуки др.-ц.-сл., какъ и вообще слав. языковъ, находятъ себѣ болѣе соответствій въ подобныхъ же согласныхъ другихъ индо европ. языковъ. Такъ:

пlouти — лит. plauti — гр. πλέω

даръ — лат. donum — гр. δῶρον

ты — лат. tu — санскр. tvam — лит. tavas

матеръ — лат. mater — гр. μητήρ и пр.

Правда и здѣсь это соответствіе далеко не во всѣхъ случаяхъ, не говоря уже о такихъ случаяхъ, какъ: берхъ — санскр. bharami, гр. φέρω, лат. fero и пр., слав. *с* соответствуетъ не только *с* другихъ языковъ (напр., седмъ — санскр. sapta, лат. septem и пр.), но и *к*: десять — δέκα, санскр. *ç* — daśam, слав. *з* соответствуетъ звукамъ *g* или *h*, напр.: знать: γινώσκω, gnosko, зима — χειμών, hiems и пр.

Я не касаюсь подробнѣе данныхъ вопросовъ, такъ какъ считаю, что подробный анализъ подобныхъ переходовъ и установленіе обще-славянскихъ и обще-индо-европейскихъ звуковъ не дѣло даннаго курса.

ХII.

Звуки **з, дз, ѣ, ѣ, ѣ, ѣ, ѣ**; о произношеніи вообще звуковъ др.-ц.-сл. азбукъ.

Кромѣ *з*, было еще особое начертаніе для звука близкаго къ *з*, но звучавшаго, какъ *дз* (такъ наз. зѣло). Этотъ

звукъ являлся тамъ, гдѣ первоначально было *z* (напр., *мънози* изъ *мъногъ* —, *кънасъ* изъ *кънагъ* — и пр.). И теперь въ нѣкоторыхъ болгарскихъ говорахъ слышно произношеніе *дзвѣзда* = рус. *звѣзда* и пр.

Въ древнѣйшихъ ц.-сл. памятникахъ мы не находимъ уже послѣдовательнаго употребленія *зѣла*, онъ или смѣшивается съ *з* или исчезаетъ даже въ значеніи выраженія звука, оставаясь лишь какъ выраженіе числа (для обозначенія въ глаголицѣ: 8, въ кирил.: 6).

Остановлюсь на двухъ памятникахъ, гдѣ особенно проявляется употребленіе *зѣла*, на Зогр. и Мар. Евангеліяхъ.

Зѣло употребляется въ Зогр. гораздо рѣже, чѣмъ въ Мар. Замѣчательной послѣдовательностью въ употребленіи *зѣла* отличается позднѣйшая часть Зогр. Ев. Здѣсь сохраняется древнѣйшая черта оригиналовъ, находившая, вѣроятно, соотвѣтствіе въ говорѣ писца. Что до говора писца Зогр. Ев. и также Мар., то можно думать, что *зѣло* являлось уже традиціей. Правда, Мар. Ев. очень часто употребляетъ *зѣло*, но замѣна его въ нѣкоторыхъ случаяхъ *з* можетъ говорить, что въ употребленіи *зѣла* удержалась традиція, какъ и во многихъ другихъ случаяхъ. Т. обр. я расхожусь здѣсь съ мнѣніемъ Ягича (Мар., 420) видящимъ здѣсь отраженіе говора писца, а позднѣйшая часть Зогр. Ев. заставляетъ меня придерживаться мнѣнія противоположнаго высказаннаго Облакомъ объ исключительно графическомъ употребленіи *зѣла* (Arch. XVIII).

Для иллюстраціи выведенныхъ наблюденій возьмемъ примѣры:

	Зо гр. Ев.	Мар. Ев.
м(ъ)нози	Мѹ. 7 ₁₃ , 8 ₁ , 9 ₁₀ , 13 _{2, 17} , Мр. 2 ₂ , 5 ₉ , 6 ₃₁ , 9 ₂₆ , 10 ₄₈ , 11 ₈ , Л. 1 ₁ , 8 ₃₀ и т. д.	— си
— си	Мѹ. 8 ₁₁ , Мр. 10 ₃₁ , 12 ₃₇ , Л. 1 ₁₄ , 6 ₆₀	си
си — позднѣйш. ч.	Мѹ. 19 _{2, 30} , 20 ₁₆ , 22 ₁₄ , 24 _{5, 11} , 24 ₁₀	24 ₁₀ си
— си	Мѹ. 15 ₃₀ , Л. 5 ₁₅ , І. 11 ₁₉	— си
— си	Мр. 9 ₂₀ , 6 ₂ , 13 ₆ , Л. 7 ₄₇ , І. 10 ₂₀	— си

то же въ другихъ формахъ, напр. *з* въ мнѹзѣхъ Мѹ. 25₁₉, 10₃₁ въ Зогр. и Мар. Ев., —ѣ Мѹ. 26₉, хотя наряду съ этимъ въ Мар. часто Зогр.: Л. 12₇, 23₆, 10₄₁, 16₁₀ и пр.

Очень характерно мѣсто въ Л. 16₁₀, гдѣ въ Зогр. и Мар. мы видимъ слѣд.:

Зогр. Ев.	Мар. Ев.
вѣры въ малѣ. ꙗ въ мноѣ	мноѣ
вѣрынъ ёсмъ. ꙗ невѣрыны въ малѣ.	
ꙗ въ мноѣ	мноѣ.

Затѣмъ:

польза — а	Мр. 8 ₃₆ , І. 12 ₁₉ , Л. 9 ₂₅ , І. 6 ₆₃	— s
польза	Мр. 5 ₂₅	— z
— sa	МѠ. 16 ₂₆ (поздн.)	— s
пользевалъ	Мр. 7 ₁₁ , МѠ. 15 ₅	— s
кѣназъ	Л. 18 ₈ , 8 ₄₁ , 24 ₂₀ , І. 3, 12 ₁₃ , 16 ₁₁ , 7 ₂₆ , МѠ. 9 ₃₄ , 12 ₂₄ , Мр. 6 ₂₁	— s
кѣнасъ	І. 14 ₃₀	— s
„	МѠ. 20 ₂₅ (поздн. ч.)	— z
кѣназъ	Л. 8 ₄₁ , 15 ₂₈ , 11 ₁₅ , 23 ₁₃ , І. 12 ₄₂ , Мр. 3 ₂₂	— z.

3 раза употребл. слово свѣзда имѣеть въ Зогр. Ев. s Л. 21₂₅, Мр. 13₂₅, МѠ. 24₂₉, между тѣмъ какъ въ Мар. въ двухъ послѣднихъ случаяхъ z. Зато само слово зѣло въ Зогр. 4 раза съ z МѠ. 27₁₄, 26₃₂, 23₈, Л. 18₃₈ (въ остальныхъ случаяхъ s МѠ. 7₂₇, 4₈, 8₂₈, Мр. 1₃₅, 6₅₁, 9₃, 16_{2,4}, Л. 23₈ и въ поздн. часто МѠ. 19₂₅, 18₃₁, 17₂₃), въ Мар. вездѣ s. Съ тѣхъ сати только въ поздн. ч. МѠ. 18₂₃ имѣеть s, во всѣхъ остальныхъ случаяхъ (12 р.) z (въ Маріинск. 5 разъ z — Мр. 8₁₁, 9₁₀, 9₁₄, МѠ. 25₁₉, Л. 4₃₀; остальн. s).

Зогр. Ев.	Мар. Ев.
растръза МѠ. 26 ₆₅ , Л. 8 ₂₉	— s
„ Мр. 14 ₆₃	— z
пѣназъ Мр. 6 ₃₇ , 14 ₅ , І. 6 ₇ , 12 ₅	— s
Л. 10 ₃₅ , 20 ₂₄ , 12 ₆ , І. 2 ₁₅	— s
пѣнасъ МѠ. 22 ₁₉ (добав.)	— z
пѣназъ Мр. 12 ₁₅	— z

Въ глаголическихъ памятникахъ мы имѣемъ особую букву, соотвѣтствія которой нѣтъ въ кирилловскихъ, это такъ назыв. дервь (см. на таблицѣ начертаніе перед. д/; начертаніе это должно быть нѣсколько не такъ закруглено, особенно въ нижней половинѣ; съ теченіемъ времени начер-

таніе дѣрвѣя сильно измѣняется и дѣлается похожимъ на букву *л* только съ закругленнымъ верхомъ въ заканчивающей части).

Начертаніе это ак. Ягичъ выводитъ изъ сочетанія греч. нач. $\gamma + \iota$.

Вондракъ стремится вывести изъ самаритянскаго $\text{jud}'a$. Самаритянское начертаніе $\text{jud}'a$ представляетъ нѣсколько измѣненное финикійское начертаніе $\text{jod}'a$, а на сходство съ послѣднимъ глаголическаго дѣрвѣя указывалъ еще Шафарикъ. Вондракъ стремится доказать, что знакъ этотъ первоначально звучалъ тоже, какъ jod . Но имѣя въ виду тѣ данныя, которыя мы извлекаемъ изъ древнѣйш. глагол. памятниковъ, мы, конечно, никогда не скажемъ, что начертаніе дѣрвѣя обозначало звуки j . На это обращаетъ вниманіе самъ Вондракъ, пользуясь примѣрами изъ Зогра. Ев.

Если ι въ греческомъ γ передъ ϵ , ι , какъ стремится доказать Вондракъ, звучало, какъ j , тогда для объясненія возникновенія этого глаголическаго начертанія можно воспользоваться и мнѣніемъ ак. Ягича. Доказательства, что начертаніе это звучало, какъ j , основываетъ Вондракъ главнымъ образомъ на попавшемся въ Дечанскомъ Ев. словѣ и гета (передав. греч. слово iota) и на мѣстѣ данной буквы въ азбукѣ. Но слово и гета врядъ ли можетъ повести къ такимъ заключеніямъ: зачѣмъ было славянину, если онъ вѣрно передавалъ слово это писать вмѣсто и гета . Да если въ этомъ случаѣ и согласиться, что $г = j$, то трудно основываться на одномъ примѣрѣ. Порядокъ буквъ ничего не говоритъ: могъ ли сознать составитель близкую, родственную связь между и и $\text{jot}'omъ$, а если уже сознавалъ, то почему онъ и не поставилъ послѣ с , которыя также близки. Сравнивая же данныя, которыя мы находимъ въ памятникахъ относительно употребленія начертанія, мы видимъ, что оно употребляется главн. образомъ въ пзвѣстныхъ словахъ и при томъ греческаго происхожденія. Къ послѣднимъ, напр., прежде всего нужно отнести такіе какъ: анѣлъ , еванѣліе . Первый примѣръ мы находимъ и въ К. Л. Сличая эти написанія съ греческими, мы видимъ, что $\text{нѣ} = \gamma\gamma$, т. е. двумъ греческимъ γ . На основаніи близости начертаній ж-хъ γ съ глагол. начертаніемъ, мы можемъ сказать, что и начертаніе такъ наз. дѣрвѣя возникло изъ греческаго начертанія двухъ γ . Что могли подражать въ этомъ случаѣ греч. графикѣ указываютъ такіе примѣры, какъ Савв.

Кн. — аггль, аггла; Ассем. Ев. — еваггелне и т. п. Можно возразить противъ высказаннаго мнѣнія, что лишнимъ явится тогда начертаніе *н* (если видѣть графич. подражаніе греческ. образцамъ), которое мы находимъ передъ **ѣ** въ упомянутыхъ словахъ. Но относительно этого можно бы даже замѣтить, что первоначально этого *н* иногда, и не бывало. Доказательствомъ въ этомъ случаѣ можетъ служить Зографское Ев. Въ заголовкѣ Евангелія отъ Луки (см. снимокъ 1 въ изд. Ягича) б о л ь ш и м и буквами написано (безъ титла): еваѣеліе. Правда, приведенные примѣры не могутъ быть вполне убѣдительны: ихъ такъ мало. Противорѣчать этому также написанія такихъ словъ, какъ левъ **ѣ**и, параскевъ**ѣ**и, въ виду того, что въ греческихъ написаніяхъ этихъ словъ не только не можетъ быть рѣчи объ *н*, но нѣтъ и *г* (λευίς, παρασκευή). Но съ другой стороны и постановка **ѣ** въ этихъ словахъ или *г* въ попадающихся подобныхъ примѣрахъ въ нѣкоторыхъ кирилловскихъ памятникахъ (параскевѣи, левѣи, особенно характерно параскевѣи въ Терн. Ев.) показываетъ, что здѣсь это случилось благодаря произношенію этихъ словъ. Слѣдовательно, сюда написаніе **ѣ** было внесено какъ графическое уже изъ другого источника. Такимъ источникомъ и могли послужить начертанія *γγ* въ словахъ ἄγγελος, εὐαγγέλιον, гдѣ второе *γ* произносилось очень мягко. По всей вѣроятности и звукомъ глаголическаго дзвѣя было это очень мягкое *г*, граничащее съ очень мягкимъ *д*.

Въ кириллицѣ изъ подражанія греческому алфавиту были внесены буквы **ѣ** (кси) и **џ** (пси).

Различіе въ греческомъ между звуками — *φ* и *θ* заставило ввести два начертанія **ѣ** и **џ**.

Начертаніе **ѣ**, какъ думаютъ, образовалось нѣсколько позже другихъ начертаній (Ср. Миклошичъ въ Ersch. und Grub. All. Enc., 404, Hattala Cäs. 5. M. 58 г. I, 122—3). Числовое значеніе этой буквы первоначально, какъ предполагаютъ нѣкоторые, несла буква *ль* (Berčić Bronja vriednost slava *ль*, Rad 2, 185—191). Буквы **ѣ** нѣтъ, напр., въ Сборникѣ Клоца. Загадочно происхожденіе этого послѣдняго начертанія и трудно сказать, что это начертаніе составилось изъ соединенія начертаній *м* + *м*. Здѣсь возникаетъ вопросъ, не было ли составлено это начертаніе по подобію коптскаго *scei* — *sc*, имѣющаго форму близкую къ глаголическому **ѣ**. Правда, въ Охрид. Ев. начертаніе **ѣ** имѣетъ форму какъ бы лигатуры *м* + *м*.

Трудно сказать, вообще, съ увѣренностью, какъ произносились многіе звуки др.-п.-слав. языка. Мы можемъ судить только по даннымъ болгарскихъ нарѣчій и другихъ славянскихъ языковъ, но исполнѣ реальнаго представленія все же быть не можетъ.

Можно сказать только, что произношеніе звуковъ въ др.-п.-сл. яз. и передача ихъ на письмѣ были гораздо болѣе тѣсно связаны между собою, чѣмъ, напр., у насъ. Алфавитъ создавался для извѣстнаго нарѣчія и немудрено, что составители стремились передать на письмѣ всѣ звуки, а иной разъ и отгѣнки звуковъ. Мы, въ большинствѣ случаевъ, смѣшиваемъ буквы со звуками, не отдаемъ себѣ отчета подъ вліяніемъ письменной рѣчи о звукахъ рѣчи произносимой. Интересно въ этомъ случаѣ сдѣлать нѣкоторые сопоставленія данныхъ др.-п.-сл. и русской графики: звукъ е въ формахъ краемъ и село у насъ произносится разнo, но обозначеніе одно, въ др.-п.-сл.: село, но кратемъ. Наше я изображалось въ кириллицѣ: ѡ. Относительно ю думаютъ, что оно составлено изъ ю у (съ отпаденіемъ у), но здѣсь трудно исполнѣ согласиться; можетъ быть, звукъ казался одинарнымъ.

Какъ въ греческомъ алфавитѣ каждая буква имѣла свое названіе, такъ и буквы др.-п.-сл. азбуки: азъ, буки... Каждое изъ этихъ названій имѣло (отчасти и теперь сохраняетъ (какой-либо смыслъ, обозначаетъ извѣстнаго рода понятіе. Можно думать, что первоначально, напр., въ еврейской азбукѣ, послужившей въ этомъ случаѣ образцомъ для греческой, названія были придуманы съ цѣлью скорѣйшаго изученія азбуки: каждой буквѣ давалась названіе, начинавшееся съ этой буквы, при чемъ названія соединялись по смыслу въ одну картину, въ одинъ рассказъ.

Названія буквъ др.-п.-сл. азбуки, нужно думать, съ теченіемъ времени видоизмѣнились, исказились нѣсколько, и теперь трудно возстановить ихъ.

По первымъ буквамъ получили и названія алфавитъ (алфа-вита), азбука (азъ-буки).

Буквы служили также для выраженія чиселъ, ставились только поверху буквъ черточки.

А азъ, Б боукы, В вѣдѣ, Г глаголи, Д добро, Е есть, Ж живѣте, С сѣло, З земли, И иже, І, Іі, К како, Л людие, М мыслите, Н нашъ, О онъ, П покой, Р рѣци, С слово, Т тврѣдо, Оу, Ѡ оукъ,

Ф фрьтъ, Х хѣръ, Ѡ ѡтъ, Ц цн, Ч чрьвь, Ш ша,
Щ шта, Ъ ьеръ, Ы ьеры, Ь ьерь, Ы ьтъ, ~~Ѧ~~, ~~ѧ~~, ~~Ѩ~~,
ІА юсы, ~~Ѫ~~ кси, ~~ѫ~~ пси, ~~Ѭ~~ ѡнта, ~~ѭ~~ ижница.

XIII.

Объ измѣненіяхъ губныхъ и гортанныхъ
согласныхъ.

Какъ въ русскомъ яз. отъ люб-ить — люблю, такъ и въ др.-н.-сл.: люблѣхъ, затѣмъ: коуплѣхъ, ловлѣхъ, ломлѣхъ, т. е. если *б, п, в, м* (такъ наз. губные согласные) встрѣчаются съ йотомъ или йотированной гласной, то образуется новый звукъ *л* между этими согласными и йотомъ или йотированной гласной.

Впрочемъ, въ древнѣйшихъ и-сл. памятникахъ мы видимъ какое-то здѣсь колебаніе: наряду съ корабль встрѣчается корабъ, земля — зема и пр.; также въ русскомъ: рубль — рупь, на-земь и пр.; очевидно, здѣсь было уже отверднѣіе и хотя писался ъ, но въ произношеніи было ѣ, такъ, напр., отъ клеймить у насъ благодаря отверднѣію — клеймю, а не клеймлю.

Этотъ *л* такъ называемый *l-penttheticum*.

Въ Кіевск. Листк. употребляются формы исключительно съ I-erentheticum:

избавленіѣ, възлюбленн, —нѣиа, приємлемъ, приємль,
приємльце, земельскаѣ, —ѣихъ, прѣставленіѣ.

Въ другихъ древне-ц.-слав. памятникахъ мы встрѣчаемъ случаи пропуска I-epentheticum, особенно часто въ Супрасль-ской рукописи и Савв. книгѣ, т. е. памятникахъ кирилловскихъ. Вопросъ объ I-epent. въ др.-ц.-сл. памятникахъ (и е с т и — Зографск., Glag. Cloz., Маріинск., Ассем., Супрасльск., Савв.) довольно подробно разобранъ Вондракомъ въ статьѣ „Zur Kritik der altslov. Denkmäler“ (Sitzungsberichte d. Wien. Ak., т. 112).

Наиболѣе правильнымъ изъ 6 разобран. памятниковъ является Клоцовъ Сб. Зографское же и Ассем. Ев. являются какъ бы переходными ступенями. Сравнивая данныя Клоцова Сб. со выбранными примѣрами изъ К. Л., мы нахо-

димъ въ первомъ: земьскаѣ. Въ Маріинскомъ Ев. мы находимъ земьскъ наряду съ земьскъ, въ другихъ памятникахъ чередуются земьскъ и земьнъ. Ассеман. наряду приемлѣтъ — емите, въ Савв., Зогр. емлете, въ Зографск. избавение и пр.

Вондракъ неудачно связалъ употребленіе І-ер. въ памятникахъ съ теоріей о паннонизмѣ др.-ц.-сл. яз. Въ чистомъ „паннонскомъ языкѣ“ эта черта, по Вондраку, послѣдовательно сохранялась, а затѣмъ въ позднѣйшихъ спискахъ, сдѣланныхъ уже не въ Панноніи, упрочивалась мало-по-малу. Неудачность этой теоріи доказана Ягичемъ, Облакомъ и Щепкинымъ и самъ Вондракъ, какъ показываетъ его позднѣйшій трудъ — др.-ц.-слав. грамматика, повидимому, отказался отъ своихъ выводовъ.

Въ др.-ц.-сл. языкѣ не находимъ сочетаній: ки, ги, хи, напр., русскія формы: кинуть, гибнуть, хищникъ, должны были передавать: кѣинѣти, гѣибнѣти, хѣищѣникъ. Отсюда ясно, что произношеніе въ др.-ц.-сл. языкѣ к, г, х было иное, чѣмъ въ русскомъ. Произношеніе было тверже и образованіе этихъ звуковъ происходило въ заднемъ нѣбѣ, помощью задней части языка (отсюда названіе этихъ звуковъ: задне-нѣбные или задне-язычные).

Звукъ ѣ образуется также въ задней части нѣба, а звукъ и въ средней или передней. Поэтому звуки г, к и х не могли соединяться съ и, а должны были или измѣнить мѣсто своего произношенія (какъ произошло это отчасти въ русскомъ) или перейти въ другіе звуки, родственные себѣ, и болѣе близкіе по мѣсту образованія съ и.

Вотъ мы и видимъ, въ зависимости оттого, какое и — средне-нѣбное или передне-нѣбное, двоякій переходъ прежде бывшихъ задне-язычными:

1. г—ж: богъ — божіи
- к—ч: пророкъ — пророци
- х—ш: оухо — оуши.

То же самое бываетъ и передъ е, а (напр., боже, пророче, доуше) и йотированными гласными.

2. г—s: богъ — боси (множ. ч. имен. п.)
- к—ц: пророкъ — пророци „
- х—с: доухъ — доуси „

S, ц, с — уже передне-нёбные (передне-язычные) и нужно предполагать, что *и* въ этомъ случаѣ отличалось по произношенію отъ предыдущ. *и*.

Передъ *и* двоякое измѣненіе, смотря по тому, какого происхожденія *и*, если изъ *ѣ*, то шипящіе (напр. изъ *messa* — мышѣ — мыша), изъ *оі* — свистящіе (напр., таѣми и пр.).

Эти измѣненія происходятъ и въ началѣ словъ, напр.: жена, кор. *gen* (ср. прус. *genna*), живѣ (лит. *gīvas*), чистѣ (лит. *kistas*), чадѣ (нѣм. *Kind*), чесати (ср. коса), цѣна (лит. *kaina*, гр. *ποιμή*).

То же измѣненіе мы находимъ и въ такихъ случаяхъ, какъ звѣзда, цвѣтъ, цвѣлити. Здѣсь не всѣ слав. нарѣчія сходятся и въ западн. мы находимъ остатки болѣе первоначальныхъ звуковъ: польск. *gwiazda*, *kwiat*, чешск. *hwězda*, *květ*, *kviliti*. Подобное измѣненіе происходитъ и въ окончаніяхъ: влѣсви (им. п. мн. ч. отъ влѣхвъ), влѣшве (зват. п. ед. ч.).

Изъ попытокъ объяснить переходы задне-небныхъ упомяну о двухъ — Миклошича и Потебни. По первому главную роль въ измѣненіи игралъ *j*, т. е. изъ *ки* — образовалось *кѣи*, затѣмъ *тси*, *ци*, *ги* — *гѣи*, *дѣи* — *дзи*, *зи*. По Потебнѣ, въ то время какъ первоначальное *аі* (или скажемъ теперь *оі*) приближалось къ выговору *е* и *и*, должна была постепенно измѣнять свой характеръ и стоявшая передъ этимъ звукомъ задне-небная, дѣлаясь переднебной. Мнѣніе Миклошича опровергалось Потебней, но въ сущности, если всмотрѣться въ тѣ данныя, которыя находимъ у Миклошича, то и у него можно замѣтить ту же попытку объяснить рассматриваемый переходъ измѣненіемъ мѣста произношенія.

Звуки *к* и *г* въ сочетаніяхъ *ск* и *зг* даютъ переходы нѣсколько иные, чѣмъ мы ожидали бы. Такъ *ск* вм. ожидаем. *сч* даетъ *шт*: искати — иштѣ, дѣска — дѣштица: *зг*—*жд* вм. *зж*: розга — рождѣ (собирательн.). Наряду съ передомъ *ск*—*сч*: дѣска — дѣсчѣ имѣемъ *ст*: дѣстѣ; вм. *зг*—*зж* имѣемъ *зд*: дразга — драздѣ.

Подобные же случаи переходовъ мы отмѣчаемъ при сложеніи словъ съ предлогами *из*, *воз*, *раз*, *без*, если слово начинается съ *ж*, *ч*, *ц*, напр. вм. *изженѣ* мы находимъ *ижденѣ* (т. е. вм. *зж*—*жд*), наряду съ *исцѣлити* употребляется *истѣлити* (дѣсчѣ — дѣстѣ), вм. *безчисльнѣ* — *бешчисльнѣ* (*иштѣ*): наряду съ этимъ мы видимъ и исчез-

новеніе одной изъ согласныхъ: ичрѣва, ичезнѣти, ицѣлити.

Объяснить подобныя явленія можно разложеніемъ звуковъ *и, ж, ч*, какъ звуковъ по основѣ своей сложныхъ: *и*—*тс*, *ж*—*дж*, *ч*—*тш*. Получались такія сочетанія: *и*—*тс*, *ж*—*дж*, *ч*—*тш*, въ послѣднихъ случаяхъ происходило уподобленіе однородныхъ согласныхъ, т. е. *з* перешло въ *ж*, *с*—*ш*, а затѣмъ выпаденіе послѣднихъ согласныхъ.

XIV.

Объ измѣненіи зубныхъ; особенное положеніе Кіевскихъ глаголическихъ листковъ.

Отъ корня вид (видѣ-ти) — рус. вижу, въ др.-ц.-сл. языкѣ видѣѣ (собств. окончаніе здѣсь **ѣ**), отъ кор. — свѣт — въ рус. свѣча въ др.-ц.-сл. свѣшта (собств. оконч. **и**).

Слѣдовательно, здѣсь мы видимъ также переходы согласныхъ, вызванные передвиженіемъ произношенія въ силу извѣстнаго соединенія звуковъ. Только здѣсь переходъ вызванъ йотированностью гласной.

Мы и теперь говоримъ свѣча и въ написаніи свѣшта мягкость произношенія *шт* не нуждалась уже въ лишнемъ обозначеніи **и** (йотированности).

Зубные не переходили въ другіе звуки, какъ задне-нёбные, передъ *е, ѣ, и, а*: текѣѣ, дѣти, дивьнѣ, тагота.

На приведенныхъ примѣрахъ мы могли уже видѣть разницу въ переходахъ *д* и *т* передъ йотированными гласными въ др.-ц.-сл. и русскомъ языкахъ: въ др.-ц.-сл. *д* + *ј* = *жд*, въ рус. *ж*; *т* + *ј* = *шт*, въ рус. *ч*. Но есть въ русскомъ языкѣ случаи заимствованія изъ др.-ц.-сл. яз.: рожденѣ, рождѣніе, рождество, хожденіе, вождь, освобожденіе, возбуждать. Иногда др.-ц.-слав. форма не вполне вытѣснила русскую, тогда эти двѣ формы начинаютъ употребляться съ различными отбѣнками значенія: прич. наст. врем. на — щій (*ш* изъ *шт*): ходящій, лежащій, текущій, могущій — формы др.-ц.-слав., рус. ф.: ходячій, лежачій, текучій, могучій уже имѣютъ значеніе прилагательныхъ.

Зубные въ К. Л. смягчаясь переходятъ *д*—*з*, *т*—*ц*: дазьѣ,

отъдазь, подазь, тъзе, тоіаѣзе, томъзе, такозе, тоузімъ 4 об. _{ю—п}, огриадѣиѣ 1 об. _х, обидѣиѣ, ходатаіаю, чьстіае, просіае, приємлѣе, противіацїхъ, помощь, —ѣ, пица, обѣцѣниѣ, —ие, обѣцѣлъ, насъицени.

Эта черта языка сближаетъ этотъ памятникъ, какъ указывалось уже много разъ изслѣдователями, съ памятникомъ несомнѣнно чешской редакціи — такъ называемыми Пражскими Отрывками. Въ послѣднихъ мы находимъ: розъсо, розъство, оутвръзение, п(р)ис(н)от(ек)оуцъ), просв(ѣ)ць, хваліацїмъ, обидіац, таіацаго, насъицшаго.

Считая эти данныя „моравизмами“, указываютъ также на слабые слѣды послѣднихъ въ другихъ древне-ц.-сл. памятникахъ. Такъ, въ Маріинскомъ Ев. — розъство (Мат. 14, 6 наряду съ обыкнов. рождство, рождъство), визжь (Іоан. 20, 27, наряду съ обыкнов. виждъ, виждъ), въ Псалт. Синаиск. оспае вм. освіае; невѣзства (стр. 57 _{п—п2}); Сборникъ Клоца розъство 877, —оу 879: порозъствоу 878 (наряду съ 4 раза рождство, 1 р. — рождъство и 3 раза порождение); Супрасльскаго рукописи — заштицаіа (308,9). Хотя въ послѣднее время, напр., ак. Ягичъ уже не упоминаетъ объ этихъ случаяхъ, какъ о моравизмахъ.

Желаніе объяснять послѣдніе случаи, какъ „моравизмы“, заставляетъ прибѣгать изслѣдователей къ разнообразнымъ теоріямъ о родинѣ памятниковъ. Такъ, напр., упомянутая форма Супрасльск. рукоп. — заштицаіа заставляетъ Вондрака (Gl. Cloz., 13. Ср. Облакъ. Нѣколко . . . Сборникъ отъ нар. умотв., 17, и Arch. XIII, 246) признать, что перепись была сдѣлана на востокѣ, тамъ, гдѣ словацкіе элементы сближались съ русскими. Не возражая, въ частности, противъ этого мнѣнія, я долженъ замѣтить, что называть вообще приведенные примѣры „моравизмами“ нельзя потому, что ихъ слишкомъ мало — слѣдовательно, допустимы ошибки писцовъ, они односторонни — такъ какъ не встрѣчаемъ другихъ фонетическихъ данныхъ въ памятникахъ, объясняемыхъ также какъ „моравизмы“. Что описки или уподобленія въ иныхъ случаяхъ могли быть, это объясняетъ намъ послѣдующіе слогі: розъство, з передъ дальнѣйшимъ с и т. д. Въ этомъ случаѣ характеренъ 12 л. Клоц. Сб. (стр. 92 изд. Вондрака), гдѣ нѣсколько разъ розъство (наряду съ рождъство, рождъство, и ни разу не измѣняется *жѡ* въ рождаеѣ).

Такимъ образомъ, нельзя установить въ этомъ случаѣ несомнѣнную связь между данными К. Л., Пр. Отр. и др. древне-ц.-слав. памятниками.

При разборѣ данныхъ случаевъ все же должны быть также приняты во вниманіе случаи, правда, единичные переходовъ *д* въ *з* въ болгарскихъ говорахъ. Въ Сухо, напр., наблюдается *ч* у з вм. *ч* у ж д, въ Софійскомъ округѣ *в* из вм. *ви* ж д (Ср. Облакъ. Нѣколко . . . , 7).

Разница въ смягченіи зубныхъ, которая такъ рельефно выдѣляетъ одинъ изъ древнѣйшихъ памятниковъ изъ ряда другихъ, заставляетъ насъ здѣсь подробнѣе остановиться на вопросѣ вообще объ отношеніи этого памятника къ другимъ.

Ни одинъ древнѣйшій церковно-славянскій памятникъ не вызывалъ и не вызываетъ столько разногласій, столько совершенно противорѣчивыхъ мнѣній о своемъ происхожденіи, какъ Кіевскіе глаголическіе листки. И ни одинъ изъ этихъ памятниковъ, въ то же время, не представляетъ такъ много любопытнаго, какъ тѣ же небольшіе Кіевскіе листки. Ученые, выдвигавшіе разнообразныя гипотезы о родинѣ этого памятника, иногда судили главнымъ образомъ по одной указанной фонетической чертѣ, не принимая во вниманіе совокупности остальныхъ.

Этотъ небольшой отрывокъ латинскаго миссала въ славянскомъ переводѣ, представляющій въ общемъ нѣчто цѣльное, законченное, носитъ несомнѣнные слѣды глубокой древности своего происхожденія. Прежде всего, данная палеографическія, о которыхъ намъ приходилось говорить, убѣждаютъ въ томъ, что этотъ памятникъ не только не позже Зографскаго, Маріинскаго Ев. и др., но древнѣе ихъ. Система надстрочныхъ значковъ — придыханій и значка, копирующаго греческое облеченное удареніе, по формѣ является типическою для греческихъ рукописей 8—9 вѣковъ, въ то время какъ кое-гдѣ попадающіеся въ другихъ древн.-ц.-слав. памятникахъ значки придыханія являются по формѣ сродными типическимъ придыханіямъ греческихъ рукописей уже 10—11 вѣковъ и дальнѣйшаго времени. Это говоритъ о самостоятельномъ примѣненіи законовъ греческой графики на славянскую почву, свидѣтельствуетъ о глубокой вдумчивости, оригинальности того, кто задался подобными цѣлями своеобразнаго измѣненія уже существовавшей графической системы. Въ К. Л. нѣтъ той механичности приѣмовъ, которая господствуетъ

въ постановкѣ немногочисленныхъ значковъ въ Зограф. Ев., Маріинск. Ев. и др. памятникахъ древнѣйшей церковно-славянской письменности, свидѣтельствующей, въ большинствѣ, о слѣпомъ подражаніи, копировкѣ греческихъ образцовъ. Мнѣ приходилось уже отчасти обращать вниманіе на постановку удареній въ К. Л. И здѣсь господствуетъ замѣчательная своеобразность, желаніе воспользоваться пріемами греческой графики для нуждъ славянской письменности. Здѣсь выразилось также желаніе обозначить извѣстнымъ греческимъ значкомъ славянское долгое удареніе, при чемъ отмѣчалась часто больше долгота.

Первый обратившій вниманіе на К. Л., издавшій ихъ и изслѣдовавшій главн. обр. со стороны языка и содержанія ак. Срезневскій (Свѣдѣнія и замѣтки . . . СПб. 71 г., LXXIII, 490—3, затѣмъ въ Трудахъ 3-го археологич. съѣзда. К. 78 г. 269—76 и приложение 185—197) опредѣлялъ уже слѣды чешскаго языка въ извѣстной фонетической чертѣ *ц* и *з* вмѣсто *шт* и *жд* другихъ ц.-слав. памятниковъ. Срезневскій не входилъ также въ разборъ вопроса о времени происхожденія памятника, хотя по даннымъ его „указателя“ къ „свѣдѣніямъ“ относилъ его къ 10—12 вѣкамъ. Срезневскій первый т. обр. намѣтилъ ту теорію о моравской редакціи памятника, которая является господствующей и въ настоящее время.

Разсматривая труды Срезневскаго, Макушевъ бѣгло высказалъ свой взглядъ относительно времени происхожденія К. Л. Онъ считалъ ихъ почему-то памятникомъ позднимъ, 14 столѣтія; Мак. ставилъ ихъ параллельно съ Пражскими Листками, которые онъ также, вопреки Шафарику и Срезневскому, относилъ къ 14 столѣтію (Рус. Фил. В. 79 № 3, 90).

Во 2-мъ изданіи своей *Vergl. Grammatik* (Lautlehre, 219), Миклошичъ выступилъ съ иной теоріей относительно К. Л. Онъ относилъ памятникъ этотъ къ „паннонскимъ“, считалъ его выраженіемъ одного нарѣчія, т. обр. цѣльнымъ по языку. Микл. думалъ, что въ языкѣ „паннонскихъ“ славянъ могла быть двойная форма для выраженія смягченныхъ *д* и *т* — *жд*, *шт* и *зиц*. Т. обр. языкъ К. Л., по Миклошичу, также *altslovenisch*. Взглядъ Миклошича положилъ начало другой теоріи о К. Л., теоріи цѣльности языка К. Л., при чемъ ученые расходились лишь въ вопросѣ о родинѣ памятника, о томъ нарѣчій, которое легло въ основаніи его.

Однимъ изъ первыхъ послѣдователей этой теоріи можно

считать Гейтлера. Въ его изслѣдованіи *Die albanesischen und slavischen Schriften* (1883 г.) о К. Л. мы находимъ нѣсколько небольшихъ брошенныхъ замѣчаній, также общихъ, немотивированныхъ, какъ и много есть у Гейтлера относительно другихъ вопросовъ. Листки, по Гейтлеру, могли попасть въ Іерусалимъ только изъ Македоніи (*dahin kamen glagolitische Handschriften nur aus Macedonien*, 153). Повидимому, т. обр. родиной К. Л., по Гейтлеру, была Македонія. Затѣмъ относительно времени возникновенія памятника Гейтлеръ высказывался за древность Ассем., Зограф., Мар. Ев. и др. передъ К. Л., которые онъ относилъ къ XI вѣку¹⁾.

На несобоснованность заключенія Гейтлера о македонскомъ происхожденіи К. Л. указалъ въ своемъ предисловіи къ новому изданію К. Л. (вмѣстѣ съ Вѣнскими, памятникъ древнѣйшей хорватской глаголицы), уже въ фототипіяхъ, ак. Ягичъ (Wien, 1890. *Glagolitica. Würdigung neuentdeckter Fragmente*). Послѣ Срезневскаго ни одинъ ученый не удѣлялъ столько вниманія К. Л., какъ Ягичъ. Его предисловіе къ изданнымъ Вѣнскимъ Л. и Кіевск. — небольшое изслѣдованіе, затрагивающее основные вопросы. Временемъ возникновенія К. Л. Ягичъ считаетъ XI вѣкъ²⁾. Памятникъ этотъ онъ считаетъ древнѣе Синайскихъ Требника и Псалтири, а также Охридскаго Ев. Изъ этого слѣдуетъ, что такіе памятники, какъ Зографское, Маріинское Ев. древнѣе, по Ягичу, Кіевск. Л. Какъ и Срезневскій, Ягичъ считаетъ К. Л. чешско-моравской (или, точнѣе, „моравской“ въ смыслѣ чехо-словацко-моравской) редакціи. „Моравизмы“ — *з* и *ц* (дазь, огриаджѣ), *шч* (зашчити, очищение), мягкость *ц*, *ч*, *ш*, *ж* (мышь . .). Въ остальномъ памятникъ *altslovenisch*, конечно, не въ томъ смыслѣ, какъ понималъ Миклошичъ.

Предположенія Ягича не удовлетворили многихъ. Вскорѣ проф. Будиловичемъ была выставлена догадка о происхожденіи К. Л. на югѣ, въ одной изъ областей приадриатическихъ,

1) Гейтл. относилъ Ассем., Зогр. Ев. (древнюю часть), Син. Тр., Мар. Ев. ко времени до XI ст. (*vor das Jahr 1000*), считая древнѣйшимъ Асс. Ев., а затѣмъ уже другіе эти памятники въ порядкѣ перечисленія. Кіевск. Л. Гейтлеръ ставилъ передъ добавочной частью Зогр. Ев., которую находилъ возможнымъ отнести не выше переходн. времени отъ XI къ XII ст.

2) Раньше въ „Образцахъ яз. церковно-сл.“ СПб. 1882 г., стр. 33, Ягичъ высказывался за X в.

при чемъ писавшій былъ чехъ или словакъ. Какимъ образомъ чехъ или словакъ, жившій среди юго-славянъ, могъ, въ такомъ совершенствѣ изучивъ ихъ нарѣчіе, оставить нетронутой въ своей работѣ только одну черту своего языка (ц и з)? При томъ, вѣдь, и языкъ этихъ юго-славянъ не могъ же претендовать на многія другія формы, которыми отличаются К. Л.

Опровергнутое ак. Ягичемъ соображеніе Гейтлера о македонскомъ происхожденіи К. Л. нашло себѣ отчасти защитника въ лицѣ проф. Калины. Говорю „отчасти“ потому, что проф. Калина не являлся собственно всецѣло проводникомъ мнѣнія о македонскомъ происхожденіи памятника, какъ то принято выставять, а, вѣрнѣе, проводилъ теорію о македонскомъ діалектѣ, легшемъ въ основу памятника, происхожденіе же самого памятника, какъ то ни странно, онъ отнесъ къ Панноніи XI ст. Въ К. Л., онъ не видѣлъ также списка съ написаннаго ранѣе въ Македоніи оригинала. Возникновеніе послѣдняго въ Македоніи въ раннія времена, по Калинѣ, было бы возможно, въ виду попытокъ папъ ввести римское богослуженіе, чѣмъ и объясняется западный ритуалъ памятника, но проведенію подобнаго мнѣнія, которое требуетъ еще дальнѣйшихъ историческ. доказательствъ, мѣшають, по Калинѣ, Вѣнскіе Листки, проливающіе новый свѣтъ на отношенія хорватской глаголицы къ паннонскимъ памятникамъ. На македонскій обликъ памятника указываютъ и характеръ глаголицы и цѣльность языка съ нѣкоторыми типическими особенностями. Этихъ особенностей приводитъ Калина слишкомъ мало, напр. (непонятно почему) подась, гдѣ с вмѣсто з, цѣркѣнаѣ вм. цѣркѣвнаѣ, *въж*люб. вм. въз. Не удается ему объяснить и существованіе ц и з въ македон. нарѣчіи.

Мнѣнія проф. Калины были подвергнуты разбору Облакомъ (Zur Würdigung des Altslovenischen, въ Arch. f. sl. Ph. XV и въ ст. „Нѣколко бѣлѣжки върху старословѣнскитѣ паметници“ въ болг. Сборн. за нар. умотв. и кн. 93 г. т. IX), который опровергалъ въ своихъ статьяхъ мнѣнія также Миклошича и Гейтлера. Признаки чехо-словацкаго нарѣчія Обл., кромѣ *ц, з, шч* (мягкость ш, ч, ц, ж не выставляется уже „моравизмомъ“, какъ то дѣлалъ Ягичъ, потому что эта черта свойственна и южнымъ говорамъ), затѣмъ замѣна одинъ разъ *ж*—*оу* (небесскоу*ж*), *цѣркѣнаѣ*, *цѣркѣве*. Въ общемъ возраженія противъ Калины сводятся къ слѣдующему. Ц и з,

указан. Калиной, какъ прежде существовавшія черты македонскихъ нарѣчій, не могутъ быть признаны таковыми, т. к. въ извѣстныхъ намъ болгар. нарѣчійхъ появленія *и* и *з* изъ *т + j* и *д + j* — нѣтъ. И если можно было бы изъ различныхъ говоровъ подобрать единичные примѣры, то эти примѣры ничего не говорили бы для К. Л., гдѣ эта черта проводится послѣдовательно. Такимъ же образомъ нѣтъ опредѣленнаго указанія на появленіе *з*. Указываемые Калиной примѣры замѣны *ч—и*, *ш—с*, *ж—з* не могутъ ничего доказывать, т. к. нельзя предполагать въ болгарскихъ говорахъ переходъ *д + j*, *т + j* сначала въ *ж* и *ч*, а затѣмъ уже въ *з* и *ц*. Мѣна *ж—з*, *ч—ц* въ этихъ именно случаяхъ наблюдается въ очень рѣдкихъ примѣрахъ. Тѣ же болгарскіе говоры, въ которыхъ изъ *т + j* развилось *ч*, такъ и остаются при послѣднемъ звуковомъ рефлексѣ, не замѣняя его *ц*. Мѣна *ч—ц* явленіе не столь распространенное въ македонскихъ и болгарскихъ говорахъ, какъ то стремится выставить Калина. Замѣна *ч—ц* въ сочетаніяхъ *чр*, *цр* непримѣнима для доказательства мнѣнія К. т. к. здѣсь уже группа согласныхъ, а затѣмъ это явленіе позднѣйшаго времени. *Шч* сильно распространено въ говорахъ зап. Македоніи, но не ограничивается здѣсь въ качествѣ *ст + j*, но является также рефлексомъ *т + j* (свѣшча и пр.), т. обр. и въ К. Л. мы ожидали бы этотъ комплексъ звуковъ вм. *ц*. Т. обр., заключаетъ Облакъ, и изъ различныхъ македонскихъ діалектовъ мы не можемъ указать черту языка К. Л., если бы даже пожелали сгруппировать ихъ изъ различныхъ діалектовъ. Изъ этихъ опроверженій Облака особенно слабымъ является — относительно *шч* и желаніе его въ этомъ случаѣ видѣть наряду съ этимъ рефлексомъ *шч* и изъ *т + j* — вѣдь то, что даютъ современные говоры нельзя всецѣло примѣнять къ тому, что было чуть ли не то вѣковъ тому назадъ. Затѣмъ нельзя согласиться и съ нѣкоторыми собственными положеніями Облака. Противъ мнѣнія Калины, что въ Македоніи могла существовать литургія и по римскому обряду Облакъ говоритъ, что попытки сближенія съ Римомъ относились ко времени царей Петра и Самуила и имѣли совсѣмъ другой характеръ, чѣмъ думалъ Калина — литургія оставалась совершенно нетронутой, дѣло шло лишь о церковномъ первенствѣ Рима и что нѣтъ памятниковъ, показывающихъ существованіе римскаго обряда въ болгарской церкви. Данное опроверженіе также, конечно,

не имѣетъ подѣ собою почвы, т. к. вопросъ этотъ является до сихъ поръ не разслѣдованнымъ. Онъ требуетъ разысканій историческихъ, т. к. все же имѣются указанія на раннія попытки папъ подчинить Болгарію своей власти, а слѣдовательно и ритуалу.

То же обстоятельство, что мы не имѣемъ памятниковъ западнаго ритуала, пока еще ничего не доказываетъ — вѣдь, долгое время мы не имѣли никакихъ также древн.-ц.-слав. памятниковъ, указывающихъ на существованіе обрядности по зап. ритуалу. И открытіе одного только памятника главн. обр., какъ К. Л. заставило нѣкоторыхъ ученыхъ уже прійти къ заключенію и о дѣятельности Меѳодія въ духѣ западн. церкви.

А затѣмъ, непризнаніе существованія въ Болгаріи западнаго ритуала не является, въ сущности, прямымъ возраженіемъ противъ мнѣнія Калины — вѣдь и онъ самъ говоритъ, что основныя предположенія Гейтлера нуждаются въ историческихъ доказательствахъ.

Противъ мнѣнія Миклошича о цѣльности языка Облакъ выставлялъ указанныя положенія какъ отличія чешско-словацкія — так. обр., по его мнѣнію, языкъ К. Л. не можетъ считаться цѣльнымъ, отражающимъ одно какое-ли нарѣчіе.

Въ Časop. Ćesk. M. за 94 г., LXVIII, была помѣщена небольшая статья проф. Пастернка *Starobylé dz ve slovenských nářečích a hlaholské zlomky Kijevské a Pražské*. Пр. Пастернекъ, беря за основу отсутствіе зѣла въ К. Л., приходитъ къ тому заключенію, что родиной отрывковъ могла быть Чехія и часть Моравіи (въ большей части послѣдней и Словачинѣ $d + j$ даетъ dz). Въ чисто чешскомъ происхожденіи листковъ его еще убѣждаетъ мягкость *ш, ч, џ*, о чемъ говорилъ и Ягичъ. Пастернекъ рѣшается даже еще болѣе опредѣленнѣе указать на мѣсто, откуда ведутъ свое начало К. Л. — на Сазавскій монастырь.

Статья Пастернка вызвала опроверженія со стороны Облака (*Zur Provenienz der Kijewer und Prager Fragmente. Arch. für sl. Phil. XVIII*). Облакъ замѣчаетъ, что еще вопросъ, относится ли употребленіе зѣла въ извѣстныхъ намъ древнѣйшихъ церковно-славянскихъ памятникахъ вполне къ языку или можно видѣть здѣсь и вліяніе графическихъ приѣмовъ, традиціи. Самъ Облакъ приходитъ къ послѣднему заключе-

нію ¹⁾. Относительно мягкости *и, ш, ч* Облакъ, какъ и раньше, считалъ это явленіе свойственнымъ и другимъ славянскимъ нарѣчіямъ, а также словацкому нарѣчію и указывалъ примѣры въ древн.-ц.-сл. памятникахъ. Фактъ противъ словачины, по Облаку, можно бы видѣть въ словѣ подасъ и то лишь въ томъ случаѣ, если не считать окончаніе этого слова опиской или вліяніемъ 2-го лица ед. ч.

Въ Вѣстникѣ Археологіи и Исторіи 1898 г. была помѣщена небольшая статья ак. Соболевскаго „Гдѣ написаны Кіевскіе отрывки“? Одна изъ особенностей памятника — наряду съ сохраненіемъ и правильнымъ употребленіемъ носовыхъ гласныхъ одинъ случай смѣшенія, по Соболевскому, въ словѣ ходатаіацію вм. ходатажщю заставляетъ говорить о писцѣ полякѣ, „въ языкѣ котораго уже въ древнюю пору его исторіи въ извѣстныхъ случаяхъ (между прочимъ, въ причастіяхъ) могло быть сліяніе въ одномъ носовомъ звукѣ древнихъ ж и а. Но, на самомъ дѣлѣ, форма ходатаіацію не представляетъ никакого смѣшенія: это вполне правильная форма отъ ходатаити. На это раньше указывалъ и Ягичъ въ своемъ изданіи (примѣч. 2-е къ тексту, на стр. 55), такъ что строить на этомъ предположенія о писцѣ-полякѣ невозможно. Затѣмъ, по мнѣнію ак. Соболевскаго, какъ подтвержденіе его мысли служить форма подасъ, легко будто бы объясняемая изъ польскаго языка (?), а также различіе глухихъ, правильное ихъ употребленіе, т. к. поляку легче было передавать правильность въ употребленіи твердыхъ и мягкихъ глухихъ. Къ чешскимъ особенностямъ, кромѣ з и ц, присоединяетъ Соболевскій слогообраз. плавн. рь, ль. Относительно отсутствія зѣла, которое должно было быть у поляка, С. говоритъ, что учитель-чехъ не употреблялъ этой буквы или употреблялъ въ значеніи з. Что у поляковъ было

1) Мнѣ кажется, что нельзя дѣлать сравненій употребленія зѣла въ др.-ц.-сл. памятн. съ тѣмъ, о чемъ, говоритъ Паст. — о необходимости появленія въ извѣстномъ случаѣ этого звука, но уже какъ выразителя смягченнаго *д*. Раньше Ягичъ (Мар. Ев., 420) указывалъ на то, что К. Л. „не соблюдаютъ разницы“ между *з* и *зѣломъ*. Затѣмъ Вондракъ (Glag. Cloz.) на основаніи этого неразличенія соглашался вполне съ мнѣніемъ Яг. о македонскомъ происхожденіи буквы зѣла. Но, вѣдь, въ К. Л. нѣтъ ни одного слова, въ кот., собственно, должна была быть употреблена эта буква. Слѣдовательно, нельзя и дѣлать никакихъ заключеній.

богослуженіе на ихъ языкѣ доказательствомъ, по С., могутъ служить данныя изъ паннонскихъ житій (о крещеніи Мсѡдіемъ князя на Вислѣхъ), затѣмъ письма принцессы Матильды къ Мешку II (*in propria et latina Deum digne venerari posses*), сказанія о Войтехѣ, что онъ уничтожилъ въ Моравіи, Чехіи и Ляхахъ правую вѣру и отвергнулъ русскую грамоту. Но на этихъ данныхъ, особенно на послѣднемъ трудно строить какія либо предположенія.

Ак. Соболевскій снова возвращается къ К. Л. въ своей статьѣ „Церковно-славянск. тексты моравскаго происхожденія (Рус. Фил. Вѣстникъ 1900 г. № 1—2, а въ послѣднее время въ Изв. Ак. Н. по отд. р. яз. 1906 г.). Въ этой статьѣ подвергается анализу цѣлый рядъ памятниковъ. Соболевскій находитъ сходство по языку между К. Л. и „Бесѣдами“ Григорія Вел. и въ виду этого, въ виду также неудовлетворительности перевода обоихъ памятниковъ заключаетъ объ единствѣ ихъ переводчика. Соображенія ак. Соболевскаго кажутся намъ далеко не убѣдительными. Признавъ „Бесѣды“ на основаніи только лексическаго матеріала памятниковъ моравскаго происхожденія, Соболев. пошелъ по ошибочному пути, сравнивая по лексическимъ даннымъ съ „Бесѣдами“ другіе памятники, въ томъ числѣ и К. Л. Выдвигая исключительно лексическій составъ памятника, С. впадаетъ въ крайность. Затѣмъ, въ частности, между „Бесѣдами“ и К. Л. нѣтъ вовсе такого сходства, о которомъ говоритъ Соб., дѣлая заключеніе объ общности переводчика.

Вопроса объ языкѣ К. Л. коснулся мимоходомъ проф. Ляпуновъ въ своей статьѣ, посвященной обзору жизни и трудовъ Облака (Извѣстія отд. рус. яз. и слов. Имп. Ак. Н. 96 г., а также Труды Харьк. Историко-ф. общ. 96 г.), гдѣ явился защитникомъ теоріи цѣльности языка. Проф. Ляпуновъ отрицалъ только возможность признанія мысли Гейтлера о македонскомъ происхожденіи памятника. По его мнѣнію, родиной могла быть область граничащая съ одной стороны съ чешско-моравскими говорами, съ другой — съ южными. Мнѣніе это, какъ увидимъ дальше, нашло себѣ опроверженіе въ лицѣ Ягича.

Защитникомъ мнѣнія Гейтлера выступилъ В. Щепкинъ. Въ своемъ „Разсужденіи о языкѣ Саввиной книги“ онъ коснулся (особенно примѣч. 1-ое на стр. XVII—XX) вопроса о К. Л. Послѣдовательное сохраненіе ѣ и ѣ Щепкинъ считаетъ не остаткомъ древнѣйшаго періода, а лишь діалектической

чертой архаического нарѣчія. Родины г. Щепкинъ не опредѣляетъ, говоритъ о возможности мнѣнія Ляпунова и равно (особенно даже) Гейтлера и Калины. Какъ на подтвержденіе послѣдняго онъ указываетъ на примѣры виз (Софійск.), безнадезен (тырновскій архаизмъ). О возможности возникновенія подобнаго памятника въ Македоніи можетъ, по Щепкину, свидѣтельствовать и первая страница К. Л., которая по языку и графикѣ относится къ XI ст. и представляетъ собой отрывокъ католической богослужебной книги и мѣсто изъ апостола, переведенное съ греческаго. Так. обр., заключаетъ Щ., если „въ какой-то части обще-болгарской территоріи на склонѣ XI в. еще было возможно употребленіе богослужебныхъ книгъ подобнаго латино-греческаго состава, то тѣмъ возможнѣе было оно въ той же области ранѣе: въ IX в.“

Мнѣнія Ляпунова и Щепкина вызвали опроверженія со стороны Ягича. Предположеніе Ляпунова, по Ягичу (*Archiv XX т. Einige Streitfragen*), противорѣчитъ тѣмъ даннымъ, которыя мы знаемъ о расселеніи славянъ. При томъ трудно вообразить возможность существованія такого промежуточнаго говора, который бы только упомянутыми чертами сходилъ съ чехо-моравскими говорами, а въ остальномъ съ болгарскими, если бы даже допустить возможность соприкосновенія ихъ. Теорія Ляпунова могла бы, какъ замѣчаетъ Ягичъ, имѣть силу еще при Копитаровской и Миклош. теоріи о паннонизмѣ: тогда легче представить себѣ существованіе такого говора. Особенно рѣзко выражается Ягичъ относительно предположеній Щепкина. Его замѣчаніе (*Zur Entstehungsgeschichte der kirch. Sprache, I, 58*) напоминаетъ болѣе раннія слова относительно теоріи Калины (*Starine 35*). Разъясняя свою теорію о морав. происх. К. Л., Ягичъ нѣсколько видоизмѣняетъ ее сравнительно съ прежнимъ и нельзя сказать, чтобы вполне удачно. По его мнѣнію теперь оказывается, что и и з внесены составителемъ или переписчикомъ сознательно (*willkürlich, d. h. bewusst. Arch. 20-й т., 4*) вмѣсто шт и жд. Замѣна эта сдѣлана, по Ягичу, чтобы подобной уступкой чехо-моравскому языку пріобрѣсть большую симпатію къ памятникамъ, писаннымъ все же на чуждомъ языкѣ. Относительно времени возникновенія К. Л. ак. Ягичъ считаетъ возможнымъ уже высказаться за большую древность, чѣмъ думалъ раньше, относя ихъ ко времени дѣятельности Меѳодія

или вскорѣ послѣ его смерти (Zur Entst. II, 34), но данныхъ для доказательства новаго своего мнѣнія не приводитъ. Поэтому правъ совершенно проф. Флоринскій, упрекая ак. Ягича за произвольное передвиженіе памятниковъ изъ одного столѣтія въ другое (Кіевск. Унив. Изв. 91 г. № 4, 4). Мы не можемъ не признать искусственнымъ предположеніе ак. Ягича о сознательной замѣнѣ нѣкоторыхъ чертъ языка памятника и удержаніе многихъ другихъ, не бывшихъ въ языкѣ переводчика или переписчика. Если въ памятникахъ сербо-хорватскихъ мы встрѣчаемъ замѣну ѣ черезъ и, наряду съ удержаніемъ *жд*, затѣмъ въ рус. Острог. Еванг. *ж* часто вмѣсто *жд* и отсутствіе *ч*, то вѣдь эти черты проводятся не такъ послѣдовательно, какъ указанныя въ К. Л., а кромѣ того нужно имѣть въ виду и графическую близость ѣ и и, *ж* и *жд*, чего нѣтъ въ ц — шт, з — ж. При переписи, напр., рождество, переписчикъ подъ вліяніемъ своего произношенія легко могъ написать — рожество и пр. Противъ мнѣнія Ягича, кажется намъ, можетъ говорить и одно наше наблюденіе, сдѣланное надъ памятникомъ, это существованіе въ немъ двухъ различныхъ почерковъ. Если предположить, что К. Л. — копія съ болѣе древняго оригинала, то слѣдовательно измѣненная сознательно первоначально черта языка оставляется въ такомъ же видѣ и дальнѣйшими переписчиками, безъ измѣненія и безъ измѣненія другихъ данныхъ памятника, несмотря на то, что нѣкоторое различіе въ переписи допускалось писцами. Если же мы предположимъ, что К. Л. сами оригиналь, а не копія, тогда это измѣненіе сознательное станетъ еще непонятнѣе.

Къ числу особенностей чехо-словацкихъ въ К. Л. Вондракъ въ своей грамматикѣ присоединяетъ окончаніе творительнаго падежа отъ основъ на — о, напр., образъ мѣ и пр. Дѣйствительно, это окончаніе послѣдовательно проведено въ К. Л., но присутствіе его въ другихъ древнѣйшихъ церковно-слав. памятникахъ исключаетъ возможность догадки Вондрака (Die altkirchenslavische Grammatik, 154).

Въ статьѣ *altslovenische Wenzelslegende und Legende v. heil. Prokop* (Sitzungsber. d. Wien. Ak. W. ph.-h. cl., 1894) Вондракъ, рѣшительно называя К. Л. памятникомъ XI в., считаетъ мѣстомъ происхожденія К. Л. Карпаты, какой-л. карпатскій монастырь. Здѣсь, по его мнѣнію, должно предположить существованіе древней церковно-слав. письменности

въ чистомъ ея видѣ. Вондракъ не представилъ въ этой статьѣ никакихъ положительныхъ доказательствъ своимъ всколзь высказаннымъ мнѣніямъ.

Въ послѣднее время вышли спеціальныя изслѣдованія, посвященныя Кіевск. Л., мое и Вондрака. Послѣ детального анализа памятника, я пришелъ къ слѣдующимъ общимъ заключеніямъ:

I. Кіевскіе глаг. листки нужно считать самымъ древнимъ памятникомъ изъ извѣстныхъ намъ древн. церк.-слав. памятниковъ.

II. Разностороннее изслѣдованіе даннаго памятника говоритъ о невозможности опредѣленія его родины, но даетъ, въ то же время, указанія на большее значеніе теоріи цѣльности языка п—а.

III. Исторія научной разработки Кіевск. листк. даетъ не мало чересчуръ поспѣшныхъ и часто совершенно ошибочныхъ заключеній.

Моя осторожность въ данномъ случаѣ (II-й пунктъ) нашла себѣ полное одобреніе въ лицѣ проф. Ляпунова (ср. его отзывъ), она не была понята, къ сожалѣнію, другимъ критикомъ — проф. Кульбакинымъ. Слишкомъ ужъ у насъ много создается разнообразныхъ гипотезъ безъ достаточныхъ для того данныхъ и иногда достоинствомъ изслѣдованія можетъ явиться проведеніе черты, за которую нельзя переступить. Насколько бездоказательны гипотезы тамъ, гдѣ нѣтъ достаточныхъ данныхъ и указываетъ трудъ проф. Вондрака (*O původu kijevských listů . . . Pr. 1904 г.*) съ его фантастическими теоріями о путешествіи памятника по разнымъ странамъ, чѣмъ и объясняются образовавшіяся наслоенія.

Видя въ К. Л. именно памятникъ, стоящій ближе другихъ къ Кир.-М. порѣ, мы отказываемся отъ опредѣленія его родины. Страннымъ можетъ показаться это послѣ предпринятаго детального изслѣдованія. Между тѣмъ такъ требуетъ желаніе остаться на фактической почвѣ, не представляющей въ этомъ случаѣ возможности дать удовлетворительное опредѣленіе и не переходить въ область догадокъ, уже достаточно наводнившихъ собой исторію времени первоначальн. ц.-слав. письменности. Достаточно вспомнить тѣ разнообразныя теоріи, которыя высказаны относительно К. Л. и другихъ др.-ц.-сл. пам., чтобы убѣдиться въ томъ, насколько мало еще у насъ фактовъ для созданія болѣе достовѣрныхъ обобщеній. Въ

настоящее время господствующимъ убѣжденіемъ является то, что К. Л. носятъ на себѣ слѣды чехо-мор. редакціи. Представителямъ этого убѣжденія нныя теоріи о К. Л. кажутся какой-то научной ересью. Между тѣмъ, если внимательнѣй всмотрѣться во всѣ данныя открываемыя при изученіи К. Л. и при сравненіи этого памятника съ другими памятниками, ясна будетъ и шаткость этой теоріи, имѣющей повидимому такъ много за себя шансовъ. Склоняясь болѣе къ теоріи о цѣльности языка памятника, мы сознаемъ слабость этой теоріи только въ недостаткѣ возможности указать подобное нарѣчіе въ современномъ, хотя здѣсь можно сказать: чего нѣтъ теперь, то могло быть раньше. Мы сознаемъ также, что, склоняясь къ этой теоріи, мы создаемъ себѣ мучительную загадку, т. к. разрушаемъ тѣмъ самымъ ту стройную систему предположеній, которыя могутъ быть выведены благодаря первой теоріи. Что же дѣлать? — факты должны быть прежде всего, а затѣмъ наши догадки. Мы думаемъ также, что слабыя стороны теоріи о чехо-морав. редакціи К. Л. сказались уже въ ходѣ доказательствъ приверженцевъ этой теоріи, въ частности въ трудахъ ак. Ягича, перешедшаго въ концѣ концовъ къ мысли о сознательной замѣнѣ извѣстныхъ чертъ языка въ силу желанія „націонализировать“. Мы бы могли еще говорить о сознательномъ измѣненіи но только не въ томъ смыслѣ, какъ ак. Ягичъ. Мы могли бы допустить то, принимая во вниманіе всѣ вышеуказанныя данныя, лишь при признаніи, что въ К. Л. имѣется своего рода искусственный литературный языкъ, созданный не для одного только памятника, но для такого предположенія нѣтъ, конечно, достаточныхъ данныхъ.

XV.

Объ измѣненіи другихъ согласныхъ; о сочетаніяхъ **рѣ, лѣ, ра, ла** между согласными.

Передвиженіемъ звуковъ объясняются переходы въ др.-ц.-сл. и русскомъ языкѣ:

вазати — ва ж **ж**, отьць — отьчъ, пьсати — пи ш **ш**
вязати — вяжу, отецъ — отеческій, писати — пишу.

Изрѣдка бываютъ такіе переходы: мыслити — мышлѣ (ср. рус. мышленіе).

Мы пишемъ: *нашѣ, ножѣ, мечѣ*, т. е. послѣ *ш, ж, ч* ставимъ *ѣ*, иногда дѣлаемъ искусственное разграниченіе, напр. *мечѣ*, но *ночѣ*: идя вслѣдъ за произношеніемъ, мы должны были бы написать: *мечѣ*, такъ какъ *ч* произносится у насъ мягко.

Въ др.-ц.-сл. языкѣ мы находимъ обыкновенно написанія: — *шѣ, жѣ, чѣ, шѣ, чѣ* и пр., иногда мы видимъ и соединенія *ча, ша*, но здѣсь было, вѣроятно, мягкое произношеніе.

Мягкость выражается *ш* и *ц* и въ написаніяхъ Кіевск. Л.: *мѣшѣ, обѣцѣлѣ, огрѣдѣлѣ, обѣдѣлѣ*. Подобные случаи мягкости отмѣчаются, какъ единичные, впрочемъ, примѣры въ другихъ древнѣйшихъ ц.-слав. памятн., такъ: *блисѣнѣ, въсклицѣнѣмъ* (Пс. Син.), *скончѣнѣ* (Листки Унд.), *чѣша* (Син. Тр.).

Мы говоримъ: *сладкій*, но пишемъ: *сладкій*; въ правописаніи стремимся здѣсь выдержать начало слова, въ произношеніи же характеръ одного изъ согласныхъ измѣняется благодаря сосѣдству другого согласнаго. *Л* и *к* отличаются въ произношеніи тѣмъ, что *д* произносится звучно, *к* — глухо; первый будетъ звучнымъ, второй незвучнымъ, глухимъ. И вотъ звучный передъ глухимъ переходитъ въ родственный себѣ глухой *т* (родственный *к* — звучный *г*).

Иногда, впрочемъ, и на письмѣ мы отмѣчаемъ подобные переходы, именно въ приставкахъ: *воз, из, низ, раз*. Подобнымъ образомъ объясняются и въ др.-ц.-сл. языкѣ написанія: *расточити, въсхотѣти, въсходити, бесконѣчнѣ, бестого* (безъ того), *исѣлѣити*.

Обратное явленіе, т. е. переходъ глухого передъ звучнымъ въ звучный, мы замѣчаемъ въ рус. языкѣ, напр., въ такихъ случаяхъ: *гдѣ* (др.-ц.-сл. *къде*), *здравѣ* (др.-ц.-сл. *сѣдравѣ*), *здѣсь* (*сѣде*).

Въ такихъ случаяхъ, какъ *палѣ* при *корнѣ* *пад*, *плелѣ* при *корнѣ* *плет*, мы видимъ выпаденіе согласныхъ. Обратное явленіе — вставка согласныхъ, опять таки вызванная удобствомъ произношенія. Особенно часто между двумя гласными появлялись звуки: *йотъ* или *ѵ*: *по-да-ати*; *подаити, подавати*; *рѣкоѣтъ, рѣковѣтъ* (*рѣка + ати* — брать). Болѣе рѣдки такіе примѣры, какъ *раз-д-рѣшити* (ср. рус. народ. *страмѣ*).

Въ такихъ сочетаніяхъ, какъ рус. и др.-ц.-сл. *къ нему*,

до него (къ нему, до него) находится вставочное *н*. Нѣкоторые ученые объясняютъ это *н* вліяніемъ такихъ случаевъ, какъ съ нимъ, въ немъ (при чемъ послѣднія сочетанія разлагаютъ такъ съ-н-имъ, въ-н-емъ, съ-н и въ-н соотвѣтствуютъ греч. συν, εν, лат. cum, in, т. е. здѣсь какъ бы возстановляется первоначальная форма), но при такомъ объясненіи многое остается неяснымъ: въ русскихъ же нарѣчіяхъ мы находимъ непосредственные переходы йота въ *н*, напр. въ малор. мнясо (а также мъясо) изъ мясо, отсюда могло бы быть объяснено и *н* въ приведенныхъ случаяхъ.

Я упомяну здѣсь также о сочетаніяхъ *ръ, лъ, ра, ла* въ словахъ между двумя согласными: въ др.-ц.-сл. эти сочетанія иногда не одинаковы по своему происхожденію:

1. Русскимъ словамъ борода, солома, берегъ, пелена въ др.-ц.-сл. яз. соотвѣтствуютъ: брада, слама, брѣгъ, плѣна. И вообще тамъ, гдѣ въ русск. мы видимъ сочетание *оро, оло, ере, еле* между двумя согласными (б-оро-да), въ др.-ц.-сл. будетъ *ра, ла, рь, ль*. Въ другихъ слав. языкахъ мы находимъ болѣе сходство съ др.-ц.-слав.: передъ *р* и *л* въ нихъ также нѣтъ гласной (серб. бријег, блато, болг. брег, блато, чешск. břeh, blato, польск. brzeg, błoto). Русскія формы принято называть полногласными.

Рѣдко указанныхъ соотвѣтствій нѣтъ, напр.: рус. молоко, др.-ц.-сл. млѣко.

Въ русскомъ языкѣ попадаютъ слова несомнѣнно др.-ц.-сл. происхожденія: время (только правописаніе не выдержано: въ др.-ц.-сл. врѣмѣ), среда (др.-ц.-сл. срѣда), лавка, стражъ, здравіе, согласіе и пр.

Иногда наряду съ русскими формами подобныхъ словъ существуютъ и заимствованныя: страна — сторона, гражданинъ — горожанинъ, власть — волюсть, вредъ — вередъ, нравъ — норовъ. Значеніе же этихъ словъ нѣсколько разное, при чемъ первыя слова съ болѣе общимъ значеніемъ, вторыя съ болѣе частнымъ. Такимъ образомъ мы видимъ, какъ заимствование можетъ вести къ обогащенію русскаго языка.

Первоначальными предполагаемыми корнями приведенныхъ словъ являются *word, solm, berg* и пр., изъ которыхъ и выводятъ позднѣйшія измѣненія.

2. Такія слова, какъ братъ, стрѣла, имѣющія подобныя же соотвѣтствія (съ измѣненіемъ только *ль*) въ другихъ

слав. языкахъ предполагаются возникшими изъ первоначальн. ср. *bratr, *strēla.

Изъ начальныхъ сочетаній *al* получались иногда двоякія: лакати и алькати (ср. литовск. alkti), ладии — алдии (лодка).

XVI.

Склоненіе именъ существительныхъ съ основой на **о** и **у**.

Если сравнимъ склоненія въ др.-ц.-сл. и русскомъ языкахъ, то увидимъ, что у насъ склоненій меньше, меньше т. обр. и падежныхъ окончаній. У насъ, напр., слова сынъ, домъ склоняются, какъ рабъ: сын-а, раб-а, а въ др.-ц.-сл. было особое здѣсь склоненіе: род. п. сын-оу, дат. сынови и т. д. Нашимъ словамъ: кровь, церковь, свекровь имѣлись соотвѣтствія: крѣѣ, црѣѣ, свекрѣѣ, род. п. бѣѣ: крѣѣ, црѣѣ, свекрѣѣ и пр.

Въ др.-ц.-сл. яз. насчитываютъ пять или шесть склоненій именъ существительныхъ, у насъ — три. Уменьшеніе склоненій зависѣло оттого, что такихъ словъ, какъ сынъ, домъ, крѣѣ и пр. было сравнительно гораздо меньше, чѣмъ словъ, имѣвшихъ другія склоненія, и подобныя слова переходили въ другія склоненія. Въ языкѣ происходила борьба: болѣе сильныя формы побѣждали, слабыя исчезали. Такъ называемыя „разносклоняемыя“ — ничто иное, какъ остатки прежде существовавшихъ формъ.

Можетъ показаться страннымъ, на первый взглядъ, что съ теченіемъ времени языкъ идетъ впередъ, развивается и вмѣстѣ съ тѣмъ теряетъ многія свои бывшія формы. Но нужно имѣть въ виду: чѣмъ древнѣе языкъ, тѣмъ болѣе у него грамматическихъ формъ. Было время даже, когда окончанія говорили болѣе, чѣмъ они говорятъ намъ теперь. Когда мы произносимъ слово: вода и затѣмъ соединяемъ съ прилагательнымъ хорошая, то соединеніе это мы дѣлаемъ безсознательно; мы не обдумываемъ при этомъ, что вода женскаго рода, потому и прилагательное нужно поставить въ женскомъ родѣ. Соединеніе происходитъ механически, въ силу привычки, усвояемой съ дѣтства. Но если мы будемъ изучать какой-либо иностранный языкъ, то намъ придется

постоянно задавать себѣ вопросы при согласованіи, какого рода имя существительное. И мысль наша на первых порахъ будетъ затруднена. Это сравненіе приведено для того, чтобы пояснить нѣсколько, что и языкъ того чловѣка, въ которомъ грамматическія формы требовали извѣстнаго напряженія мысли, гдѣ эти формы не имѣли только служебнаго значенія, былъ гораздо менѣе совершененъ, чѣмъ нашъ. При словѣ вода думали первоначально не только о томъ, что обозначаетъ это слово, но что обозначаемое принадлежитъ къ предметамъ женскаго рода.

Если мы сравнимъ данныя относительно склоненій въ др.-п.-слав. и русскомъ языкѣ съ данными другихъ родственныхъ намъ языковъ, то увидимъ, что и въ исторіи склоненій романскихъ и германскихъ языковъ происходило то же самое. Въ латинскомъ, напр., языкѣ было пять склоненій, въ итальянскомъ теперь три, падежныхъ окончаній въ нѣмецкомъ пять — шесть, а въ др. готскомъ — нѣсколько десятковъ.

Въ склоненіи различались въ др.-п.-слав. языкѣ, какъ и русскомъ, семь падежей, три рода (для такъ называемаго „средняго“ рода въ греческихъ грамматикахъ существовало болѣе удачное названіе: *οὐδέτερον*, т. е. никакой — ни мужескій, ни женскій)¹⁾ и три числа: кромѣ единственнаго и множественнаго, было еще двойственное. Двойственное число образовалось отъ названій парныхъ предметовъ: оуши, очи и пр. и затѣмъ уже начало употребляться для обозначенія вообще двухъ предметовъ. Такъ, отъ рабъ им. пад. двойств. ч. раба — т. е. два раба, но отъ село — селѣ — два селѣ, двѣ рыбѣ, ношѣ. Въ русскомъ языкѣ не только два раба, но три, четыре раба. Думаютъ, что здѣсь остатки прежняго двойственного числа (хотя онъ и совпалъ здѣсь и особенно въ села, рыбы, ноги съ род. пад. ед. ч.), на что указываютъ отчасти сочетанія съ прилагательными: двѣ горы (или — ыхъ) двѣ вы.

Уже сказано, что такія слова, какъ рабъ и сынъ, въ

1) Раздѣленіе словъ по родамъ находится въ связи съ древнимъ міровозрѣніемъ. Неодушевленные предметы представлялись такими же, какъ одушевленные, и имъ придавались свойства послѣднихъ. Въ настоящее время почти невозможно опредѣлить, почему въ одномъ языкѣ приписывался извѣстному предмету одинъ родъ, въ другомъ другой. Особенно странны такіе примѣры, какъ мужчина (по оконч. женск. рода), *das Weib, Mädchen* (средн. рода).

др.-ц.-слав. языкѣ склонялись разнo. Хотя въ именит. пад. окончанія этихъ словъ одинаковы, но основы ихъ различны¹⁾, почему и получалась разница въ склоненіи:

Единств. число.

Им. п.	рабѣ	сынѣ
Род.	раба	сыноу
Дат.	— оу	— ови
Вин.	— ѣ	— ѣ
Твор.	— омь	— ѣмь
Мѣстный	— ѣ	— оу
(рус. предложный)		
Зват.	— е	— оу

Въ склоненіи образца рабѣ мы замѣчаемъ мало отличій сравнительно съ русскимъ. Поражаетъ только винит. падежъ, по окончанію сходный съ именительнымъ, но то же и у насъ, если возьмемъ обозначеніе неодушевленнаго предмета, напр. столъ. Наше окончаніе въ вин. а, представляющее совпаденіе съ родит. пад. — явленіе болѣе позднее, но и теперь существуютъ такіа выраженія: выйти замужъ (изъ за мужъ).

Уже въ Зогр. Ев. (то же Мар. Ев.) мы видимъ такой примѣръ: видѣ двѣ брата симона нарицаѣша тааго сѣ петра і ан'дрѣѣ брата его. Здѣсь мы видимъ ф. род. брата вм. братъ, но ан'дрѣѣ поставлено въ вин. пад. (отъ ан'дрѣа, по оконч. къ склоненію на — а).

Какъ объяснить эту постепенно образовавшуюся въ слав.

1) Основой, или темой, называется обыкновенно корень + особая связочная часть, къ которой приставляется (невсегда, впрочемъ) окончаніе. Такъ отъ рабѣ дат. пад. мн. ч. рабомъ, при чемъ нужно раздѣлить слово такъ: рабо-мъ. Окончаніе ѣ въ рабѣ восходитъ къ первоначальному о, а ѣ въ сынѣ къ оу.

При опредѣленіи основъ и корня (корнемъ, какъ извѣстно, называется та часть, въ которой заключается словарное значеніе; эта часть образуетъ цѣлую семью другихъ словъ, подобныхъ по значенію) должно быть очень осторожнымъ; корни многихъ словъ сдѣлались уже неясными, первоначальная основа, так. обр., сама производная, съ теченіемъ времени дѣлается для насъ непронзводной, т. е. корнемъ (т. к. корень именно и есть непронзводная основа).

языкахъ замѣну? Здѣсь уже высказано нѣсколько догадокъ. Раньше (Добровскій, затѣмъ Миклошичъ, Лескинъ) думали, что здѣсь желаніе отличить отъ род. пад. множ. числа, имѣвш. то же окончаніе. Затѣмъ (Дельбрюкъ) объясняли это тѣмъ, что форма род. пад., обозначая меньшую пассивность, начала употребляться сначала въ именахъ собственныхъ, дабы так. обр. обозначить именно меньшую подчиненность глаголу, что распространилось и на другія имена одушевленные (но тогда спрашивается, почему это не распространялось и на имена женскаго рода?). Наконецъ въ послѣднее время (Meillet. *Recherches sur l'emploi du genitif-accus. en vieux-slav.* P. 1897 г., Мюлленбахъ. Объ употр. род. п. Изв. отд. р. яз. 99, IV) начали усматривать здѣсь вліяніе формъ личныхъ мѣстоименій, именно: ф. мене, тебе, себе, которыя считаютъ ф. не только родительн., но и винит. пад. По Мелле, эти формы сначала повліяли на замѣну формою род. падежа формы винительнаго въ указат. мѣстоименіяхъ и сложномъ склоненіи, а затѣмъ на существительныя. По Мюлленбаху, это вліяніе сказалось непосредственно. Теорія эта не особенно убѣдительна и, кажется, нужно вернуться къ болѣе простымъ объясненіямъ, высказанными еще Добровскимъ, затѣмъ принятыми Миклошичемъ и Лескинымъ.

Въ нашемъ литературномъ языкѣ уже нѣтъ образцовъ, склоняемыхъ какъ сынъ, но зато находятся остатки этого склоненія. Мы говоримъ: много сахара, песку и болѣе сахара... Слѣдовательно, здѣсь языкъ воспользовался имѣвшимся окончаніемъ для показанія отглагольнаго значенія (въ количественномъ отношеніи — у, качеств. — а). Примѣры употребленія въ род. п. *а* и *у* мы находимъ и въ другихъ славянскихъ языкахъ.

Въ др.-ц.-сл. яз. дательн. п. отъ такихъ образцовъ, какъ рабъ, имѣлъ иногда вм. *оу—ови*. Въ древне-рус. памятникахъ мы видимъ такія формы: Богови, Давидови и пр. То же наблюдаемъ въ малорусскомъ, а также другихъ славянскихъ языкахъ.

Окончаніе *ьмь* въ творит. п. ед. ч. отъ основъ — *о* встрѣчается въ древнѣйшихъ ц.-слав. памятникахъ лишь въ Кіевск. Л., въ другихъ же какъ исключеніе. Такъ въ Маріинскомъ Ев., Ассемановомъ Ев., Glagolita Cloz. и Сав. кн. мы видимъ *омь*, *омь*; *ьмь* попадаетъ очень рѣдко (единичные случаи) въ Зограф. Ев., Псалтыри и Требникѣ Синайскихъ и особенно

Супрасльской рукописи (по Лескину 10 р. въ Супр. См. грамматику ц.-сл. яз. 70; по Шольвину 13 разъ въ 11 словахъ см. Beiträge). Миклошичъ въ своемъ Formenlehre относительно этихъ окончаній высказывался за древность *ѣмь* передъ *омь*, какъ и въ дательномъ множ. *ѣмъ* передъ *омъ*. Противъ этого возражалъ Шольвинъ въ упомянутыхъ Beiträge..., замѣчая, что *омь*, *омъ* — окончанія болѣе употребительныя, чѣмъ *ѣмь*, *ѣмъ* для сущ. основы *о*, что изъ послѣднихъ окончаній нельзя вывести окончанія существительныхъ мягкихъ оконч. — *емь*, *емъ*, выводимыхъ легко при признаніи первоначальности *омь*, *омъ*. Окончанія же *ѣмь*, *ѣмъ*, по Шольвину, возникали подъ влияніемъ склоненія укового (Archiv für sl. Ph. II, 486—9). О влияніи укового склоненія говоритъ и Лескинъ (Граммат. ц.-сл. яз. 70).

Въ силу сходства оконч. имен. пад. отъць — пѣть, мы видимъ въ склоненіи иногда отъцьмъ (вм. емь), дат. мн. отъцьмъ (вм. емъ).

Въ русскомъ языкѣ предложный надежъ имѣеть не только *ь* но и *у* (напр., въ лѣсу, но о лѣсѣ).

Множеств. число.

Им. п.	раби	сынове
Род.	рабъ	—овъ
Дат.	—омъ	—ѣмъ
Впн.	—ѣи	—ѣи
Твор.	—ѣи	—ѣми
Мѣстн.	—ѣхъ	—ѣхъ
Зват.	—и	—ове

Здѣсь уже болѣе отличій и въ склоненіи перваго образца сравнительно съ нашимъ литературнымъ языкомъ. У насъ въ им. п. окончанія *ѣи* — рабы, которое является какъ бы заимствованнымъ изъ винит. падежа. Род. пад. заимствуетъ окончаніе *овъ*: рабовъ. Для насъ теперь было бы очень страннымъ выраженіе: мѣного рабъ и совсѣмъ непонятнымъ такое: народъ (въ смыслѣ толпа) оученикъ. Въ то же время и у насъ имѣются род. пад.: челоѣкъ, солдаты. Въ твор. и предл. въ рус. языкѣ слова какъ рабъ измѣняются по склоненію образца жена.

Вм. сынове — сыновья и въ дальнѣйшемъ склоненіи иначе, чѣмъ въ др.-ц.-сл.; сохраняется, впрочемъ, показатель

прежней основы (*ов* передъ согласной, какъ коупоу-а-ти: коупов-а-ти).

Уже на приведенныхъ примѣрахъ можно представить себѣ исторію образованія различныхъ падежныхъ формъ и ихъ исчезновенія. Такъ какъ такихъ основъ, какъ въ образцѣ сынъ, было мало, то при склоненіи они перешли въ другой разрядъ (это было тѣмъ болѣе легко, что именительные падежи совпадали по окончаніямъ); но, вмѣстѣ съ тѣмъ, такъ какъ нѣкоторыя формы ихъ склоненія были, очевидно, удобны для произношенія или необходимы для показанія извѣстной разницы, то мы видимъ, что эти формы сохранились, а иной разъ даже вытѣснили соотвѣтствующія формы склоненія примѣра рабъ.

Въ двойственномъ числѣ существовали только три формы для различныхъ падежей:

Имен., вин., зват.:	раба	сынѣ
род., мѣстн.:	— оу	— овоу
дат., твор.:	— ома	— ѡма.

Если склоненіе образца рабъ будемъ считать первымъ, то къ нему мы отнесемъ также и нѣкоторыя другія существительныя, прежде всего имена средняго рода на *о*, напр., село, иго и пр. Разница въ склоненіи только въ имен., вин. и зват. пад. всѣхъ чиселъ: единств. село, множ. села, двойств. селѣ.

Примѣры рабъ, село, образуютъ такъ называемое твердое склоненіе, а такія слова, какъ край, конь, поле такъ называемое мягкое. Въ сущности, окончанія послѣднихъ образцовъ въ различныхъ падежахъ будутъ тѣ же, что у предыдущихъ, только съ присоединеніемъ йота или измѣненіемъ подъ вліяніемъ послѣдняго конечной гласной¹⁾.

	Единств. ч.	Мн. ч.
Им. п. край, конь		— и
Род.	— а	— и
Дат.	— ю (т. е. крају, кон'у)	— іемъ
Вин.	— и, — ѡ	— іа
Твор.	— іемъ (изъ юмъ)	— и
Мѣстн.	— и (изъ гѣ)	— ихъ
Зват.	— ю	— и.

1) Подъ вліяніемъ йота *о* переходитъ въ *е* (село — поле, полѣ), ѡ—ѡ (рабъ — конь), ѡ—и (рабъ — край), іѡ—и (о рабѣ, о кони).

Особеннымъ отличіемъ отъ русскихъ формъ является форма вин. п. мн. ч. на — *іа*.

Двойств. ч. Им., вин., зв. краи
род., мѣстн. — ю
дат., твор. — іема.

Въ среднемъ родѣ имен., зв. единств. ч. — *е*, множ.: *и*, двойств.: *и* ¹⁾.

Если возьмемъ такія слова, какъ наши: врачъ, отецъ, то въ др.-ц.-сл. будетъ врачъ, отьць, так. обр. по мягкому, хотя въ род. пад. врача, отьца, дат. — оу, но твор. отьцемъ, врачомъ, род. мн. врачъ, отьць, дат. врачемъ, отьцемъ, вин. врачѣ, и пр. Подъ ф. врача, отьца, — оу нельзя еще видѣть отвердѣнія *ч* и *ц*.

Заимствованныя изъ греческаго языка слова на *и*, *ни* имѣли въ сущности смѣшанное склоненіе, большинство падежей принимало окончаніе твердаго склоненія. Эта разносклоняемость, напр. архиерей: — *еіа*, — *еовъ*, — *еомъ*, объясняется, какъ кажется мнѣ, съ одной стороны удержаніемъ болѣе правильнаго — греческаго произношенія слова, съ другой забвеніемъ этого произношенія и отвердѣнія конечнаго слога, какъ и кесарѣ и кесарь, — *овъ*, — *евъ*, — *ови*, — *еви* и пр.

Имена существ. съ оконч.: *арь* и *тель*: мытарь, ждатель измѣнялись по разнымъ склоненіямъ: въ единств. какъ конь, въ нѣкот. падеж. мн. какъ основы на согласные: им. мн. мытаре и мытари, но род. мытарь, дат. мытаремъ, вин. мытарѣ, твор. — *и*, *и*.

Въ словахъ средн. р. на *и*е въ твор. ед. встрѣчается — *нимъ* въ силу уподобленія изъ *и*емъ, рѣже тоже въ дат. мн. *нимъ* вм. *и*емъ.

Всѣ перечисленные образцы отнесемъ къ первому склоненію, а образецъ сынъ ко второму. При этомъ замѣтимъ, что ко второму относятся имена существительныя только мужескаго рода, въ количествѣ менѣе десяти (волъ, врѣхъ, долъ, домъ, кратъ, медъ, полъ, чинъ).

1) Въ рус. яз. очі, плечи, колѣни — суть остатки двойств. числа. Интересно въ этомъ случаѣ различіе: колѣни и колѣна (последнее множ. число). Далѣе: во-очію, двѣсти (изъ двѣхъ — сѣхъ) — также формы двойств. числа.

Многія окончанія др.-ц.-сл. склоненій съ точки зрѣнія сравнительнаго языкознанія остаются неясными по своему происхожденію. Такъ въ им. пад. вмѣсто рабъ мы ожидали бы рабо, такъ какъ въ другихъ индо-евр. языкахъ находимъ такія соотвѣтствія: δουλος, servus (us изъ os). Потому и выводили и обыкновенно и теперь выводятъ изъ формы винительнаго, въ которой *om, переходя въ im, in (такіе переходы констатируются), дало въ слав. ѡ. Впрочемъ, теперь снова выдвигаютъ прежде высказанную гипотезу о возможности выводить изъ ф. именит. падежа: если въ латинскомъ яз. первоначальное o переходило въ закрытыхъ словахъ въ ѡ, слѣдовательно подобные же звуки могли послужить прототипомъ для ѡ. (См. Б. М. Ляпуновъ. Формы склоненія въ старослав. языкѣ. Одесса 1905).

Съ другой стороны въ ср. р., какъ село и пр. мы ожидали бы окончаніе ѡ изъ *om, o — же объясняется вліяніемъ мѣстоименнаго склоненія, или объясняли вліяніемъ такихъ словъ, какъ небо, чудо и пр. (только словъ даннаго склоненія какъ мы видѣли слишкомъ мало, чтобы придавать имъ такое значеніе).

Форма род. п. ед. ч. раба, села представляетъ еще больше затрудненій. Выводятъ окончаніе этого падежа и изъ родительнаго пад. другихъ и изъ особаго падежа — аблятива (удалительнаго). Так. обр. въ качествѣ болѣе первоначальныхъ формъ здѣсь фигурируютъ или латин. equo или предполагаемыя измѣненія формъ род. п.: санскр. vṛkasya — греч. λυκοῦ — изъ λυκοῖο — λυκοστῖο. Предполагается первоначальное окончаніе так. обр. οῖο — при выпаденіи средняго звука oo—ō, слав. а.

Какая то неувѣренность проскальзываетъ во всѣхъ этихъ предположеніяхъ или, во всякомъ случаѣ, чрезмѣрная гипотетичность, что значительно ослабѣваетъ общее значеніе этихъ сравненій и заключеній. Много затрудненій здѣсь приходится испытывать въ недостаткѣ связующихъ фонетическихъ переходовъ.

Я приведу Вамъ выдержку изъ статьи проф. Ляпунова, къ каковой и рекомендую обратиться заинтересовавшихся данными вопросами (Формы склоненія...), выдержку, которая рельефно можетъ, по моему, обрисовать и характеръ разработки данныхъ вопросовъ.

„Много труда доставило изслѣдователямъ объясненіе формъ

дат. ед. основъ на $\overset{\circ}{a}$. Лескинъ (Declin. 57—58) написалъ нѣсколько страницъ, стараясь выяснитъ происхожденіе нашего — *ou* (*y*) въ ст. слов. ф. вльк*ou*, село*u* = рус. волк*у*, сел*у*, но всетаки объясненіе имъ этихъ формъ, какъ формъ мѣстнаго ед. основъ на $\overset{\circ}{y}$, насъ не удовлетворяетъ и страдаетъ большими натяжками. Также нельзя одобрить и позднѣйшихъ мнѣній Бартоломе, Гирта и Штрейтберга, что здѣсь мы имѣемъ какое-то особое образованіе мѣстн. п. съ суффиксомъ — *u*, которое они видятъ въ греч. нарѣчіяхъ *οὔ*, *ποῦ*, *ὅπου* и т. п. и ст. слов. врьх*ou*, доло*u* и т. п., такъ какъ и это представляетъ натяжку, если не въ фонетическомъ, то въ семасіологическомъ отношеніи; то же слѣдуетъ сказать и о попыткѣ сблизить нашу форму съ др. в. нѣм. творит. *wolfu*, выводя ее изъ — *ou*. Съ другой стороны можно пожалѣть, что изслѣдователи такъ рано отказались отъ естественнаго сближенія съ соотвѣтствующими формами дат. ед. основъ на — $\overset{\circ}{a}$ въ греческомъ, др. индійскомъ и латинскомъ яз. Такое сближеніе и привело Фортунатова къ единственно вѣрному на мой взглядъ объясненію, теперь принимаемому и нѣкоторыми изъ западныхъ лингвистовъ. А именно въ ст. слав. — *ou*, рус. — *у*, праслав. — \bar{u} формы дат. ед. разбираемыхъ основъ нужно видѣть правильное фонетическое развитіе индо-европ. дифтонга — $\bar{a}i$, въ которомъ является сліяніе конечнаго гласнаго основы — \bar{a} съ суффиксомъ дат. ед. — a_i или \bar{e}_i , который, какъ увидимъ, ясно обнаруживается въ склоненіи основъ на согласные звуки, при чемъ сліяніе должно быть отнесено ко времени индо-европ. праязыка, какъ это видно изъ формъ др. инд. — $\bar{a}i$ (только въ мѣстоименіяхъ — *tasmāi* = *томуу*, а въ именахъ новообразованіе — $\bar{a}ya$), греч. — ϕ , лат. \bar{o} , литовск. — ui (*lúxφ*, *lurō*, *viĩkui*). Древностью сліянія объясняется прерывистое качество долготы („schleifender Ton“, по выраженію западныхъ лингвистовъ). Между тѣмъ какъ въ латинскомъ, а позднѣе и въ греческомъ яз. въ данномъ дифтонгѣ — $\bar{o}i$ (изъ индо-евр. — $\bar{a}i$) совершилось полное преобладаніе первой слоговой части и исчезновеніе второй неслоговой, въ балтійско-славянской вѣтви произошло частію измѣненіе первой части при сохраненіи второй, частію измѣненіе дифтонга путемъ ассимиляціи втораго элемента первому. Изъ балтійско-славянскаго — $\bar{o}i$ съ прерыв. долготой въ литовскомъ получилось — $\bar{u}i$ и далѣе по сокращеніи въ конечномъ слогѣ \bar{u} — дифтонгъ — ui съ восходящимъ тономъ,

что ясно изъ ударяемаго — *ui* въ нарѣчїи *pa skuī* „послѣ“ (I. F. I, 262). Но тѣ же лингвисты, которые соглашаются видѣть въ литовской формѣ наслѣдіе индо-европейской на *āi*, все еще затрудняются (Гиртъ, Штрейтбергъ) признать таковое въ формѣ словянской, что однако напрашивается само собою. Ходъ измѣненія — *ōi* на словянской почвѣ могъ быть таковъ: — *ōi* —> *ōj* —> *ōu* —> *ōc*, откуда *ū*, старослов. *ou*, какъ изъ всякаго дифтонга *ōc* (Фортунатовъ, Сравн. фонетика, изд. 1901/2 г., с. 171—172), или, какъ предполагаетъ Петерсенъ (K. Z. XXXVIII, 325), —> *ūj* —> *ūc*, откуда *yi* черезъ посредство или *ōc* (дессимиляція до сокращенія), или *ūc* (сокращеніе до диссимиляціи), а изъ *ōc*, какъ сказано, праслов. *ū*, *u*, ст. сл. *ou*.“

Изъ этого Вы вполне ясно можете убѣдиться, насколько трудно провести связующія линїи между различными морфологическими формами.

Возьмемъ еще для примѣра: изъ предполаг. первоначальн. **oi* въ слав. возникаютъ формы *рабѣ*, (мѣстн. пад.; ср. греч. *οἶκοι*, лат. *domi*) и ф. повел. *накл. бери* (но *берѣте*, у насъ — *берите* подъ вліяніемъ *бери*; ср. греческ. желат., напр. *φέρω* и пр.). И вотъ прибѣгають къ предположенію о разницѣ долготѣ этихъ дифтонговъ или даже разницѣ тоновъ. Ак. Фортунатовъ предполагаетъ въ первомъ случаѣ длительную долготу, во второмъ — прерывистую, но какъ указываетъ проф. Ляпуновъ и въ послѣднемъ случаѣ должна была бы быть длительная долгота.

Въ имен. пад. мн. ч. отъ *рабѣ* — *раби*, и изъ *ь* (ср. гр. *δοῦλοι*). Ак. Ягичъ остроумно сравниваетъ эту форму и форму мѣстн. падежа на *ь* съ данными греч. языка: им. п. мн. ч. *θεοί, οἶκοι, δῆμοι* и мѣстн. п. *οἶκοι, τοῦτοι* (Arch. 28-й, 121). Так. обр. дѣйствительно въ подобныхъ случаяхъ могло оказывать вліяніе качество ударенія.

XVII.

Склоненія именъ существительныхъ съ основой на **а, и** и согласные звуки.

Къ третьему склоненію отнесемъ такія слова, какъ
ж е н а.

	Ед. ч.	Мн. ч.	Дв. ч.
Им. п.	жена	— ѓі	— њ, — оу, — ама
Род.	— ѓі	— ѓ	
Дат.	— њ	— амѓ	
Вин.	— ж	— ѓі	
Твор.	— оѣ	— ами	
Мѣстн.	— њ	— ахѓ	
Зв.	— о	— ѓі	

Изрѣдка въ твор. п. ед. ч. вм. оѣ — ж, ѣѣ. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ, правда, могла быть описка, особенно въ глаг. памятникахъ.

Здѣсь мы видимъ большое сходство съ нашимъ склоненіемъ, особенно если замѣнимъ ж — у.

Если передъ окончаніемъ будетъ йоть, то образуется опять такъ называемое мягкое склоненіе: здѣсь замѣчаемъ болѣе разницы съ русскимъ языкомъ.

	Ед. ч.	Мн. ч.	Дв. ч.
И.	змиа	змиа	Им., В., З. змии
Р.	— іа	— и	Р., М. — ю
Д.	— и	— іамъ	Д., Т. — іами
В.	— ѣ	— іа	
Тв.	— еѣ	— іами	
М.	— и	— іахъ	
З.	— іе	— іа	

Въ рус. яз. род. един. змиі, дат. — њ (изъ твердаго скл.), звательный пад. кое-гдѣ сохранился въ народномъ языкѣ, напр., въ малорус.: сестрице (или тверд.: жонко, матко). Въ имен., вин. мн. у насъ — и.

Интересно сравнить ф. винит. пад. мн. числа: женѣ, рабѣ — доушѣ, конѣ. Первые формы, какъ думаютъ, образовались такъ: первоначальное окончаніе *ons* съ отпаденіемъ *s* и въ силу этого протяженіемъ гласной переходило въ *in*, откуда послѣ потери *n* (такъ какъ въ др.-п.-сл. всякое слово оканчивалось на гласную) въ *и*. Въ мягкихъ же различіяхъ было окончаніе *jons*, при чемъ подъ воздѣйствіемъ *j* переходитъ *o* — *e* получается форма на *jens*, изъ которой по отпаденіи *s* — *en* — *ѣ*.

Къ этому склоненію относятся и имена мужескаго рода съ окончаніемъ *а*: владыка, слоуга, собират.: господа, брати (такимъ образомъ отъ господа род. п. господы и пр.).

И такія слова, какъ молнія и пр., должны принадлежать къ этому склоненію. Нужно замѣтить, что въ подобныхъ словахъ др.-ц.-сл. яз. имѣлъ окончаніе *и*: млѣнии, рабыни, благостыни. Такихъ словъ, впрочемъ, было немного и они подвергались вліянію им. п. на *и* (сюда относился даже муж. р., напр. бални — врачъ). Съ этими словами сходятся по оконч. ж. р. причаст. и прилаг. въ сравн. и прев. ст.; а также мѣст. *си*.

Къ четвертому склоненію отнесемъ такіе образцы какъ *пѣть* и *кость*, т. е. оканчивающіеся на *ь* муж. и женск. рода (на *ь* оканчиваются и существительныя перваго склоненія, но разница въ основахъ, *пѣть* основа на *и*; напр. слову *огънь* соответствуетъ лат. *ignis*, санскр. *agnis* и пр.).

Склоненіе это особенно въ единств. числѣ мало чѣмъ отличается отъ склоненія подобныхъ же словъ въ русскомъ языкѣ:

Единств. ч.			Множ. ч.	
И.	<i>пѣть</i> ,	<i>кость</i>	<i>пѣтые, нѣ</i> ,	<i>кости</i>
Р.	—и	—и	—ни, ѣи	—ни, ѣи
Д.	—и	—и	—ьмъ	—ьмъ
В.	—ь	—ь	—и	—и
Т.	—ьмь	—ьѣ, иѣ	—ьми	—ьми
М.	—и	—и	—ьхъ	—ьхъ
З.	—и	—и	—и	—и

Дв. ч.	И., в., зв.	<i>пѣти</i>	<i>кости</i>
		—ью, ию	—ьѣ, иѣ
		—ьма	—ьма.

Въ др.-ц.-сл. яз. къ этому же склоненію принадлежали имена муж. р., какъ: гость, господь, голѣбъ и нѣк. др., переходившія постепенно въ первое склоненіе; такъ въ др.-ц.-сл. памятникахъ мы уже отмѣчаемъ род. п.: гѣи и гѣа, дат. гѣи и гѣѣ (т. е. господи, господа, господѣ) и пр. Въ русскомъ языкѣ изъ этихъ словъ теперь только одно слово *путь* сохраняетъ древнія окончанія.

О колебаніи между *и* и *ь* въ формахъ твор. п. мило-

сти **ѡ** — милость **ѡ** и другими форм. на **иѡ** и **ѡѡ** мы говорили въ отдѣлѣ фонетики. То же род. п. множ. скверности и заповѣды. Форма зли отъ сущ. зѣль, или имен. множ. отъ пѣть. Подъ вліяніемъ отчасти такихъ примѣровъ, какъ отьць и др., отчасти въ силу замѣны **ь**—**е** получаютъ формы: пѣтемъ, — еи, — емъ, — ехъ.

Къ пятому склоненію отнесемъ такіа существительныя, какъ тѣло, род. п. тѣлесе, мати — матере, камъ (рус. камень) — камене, црькы (р. церковь) — црькъве, жрѣба (р. жеребенокъ) — жрѣбате. Тѣлесе, камен, црькъв будутъ основами и такъ какъ основы здѣсь оканчиваются на согласныя, то и называется это склоненіе — склоненіемъ на согласныя (иногда, впрочемъ, выдѣляютъ изъ этого склоненія црькы, крьи и пр., считая, что **ѡ** есть разложеніе **ѡ** передъ гласными: црькы + **е** — црькъве, какъ забы-ти — забѣвень).

Въ склоненіи приведенныхъ образцовъ и въ др.-п.-сл. яз. не выдержаны формы, и являются онѣ въ смѣшеніи съ окончаніями, заимствованными изъ другихъ склоненій:

Единств. ч.		Множ. ч.	
И.	камъ ¹⁾ брѣма	камене	брѣмена
Р.	— ене, и	— ѣ	
Д.	— ени	— ѡмъ	
В.	камень брѣма	камени	брѣмена
Т.	— ѡмъ	каменьми	брѣмены
М.	— е, и	— ѡхъ	
З.	камъ брѣма	какъ имен.	
Двойств. ч. камени, брѣменѣ			
— оу			
— ѡма.			

Въ русскомъ языкѣ согласная основа удерживается въ нѣкоторыхъ только существительныхъ, напр., чудо, небо — во мн. ч. чудеса, небеса . . . , дитя въ ед. числѣ: дитяти . . . , мать, дочь: матери, дочери . . . (хотя падежныя окончанія во всѣхъ этихъ словахъ изъ другихъ склоненій).

1) камъ изъ *kamans, *kamuns — *kamūn.

Примѣры согласныхъ основъ:

на *н*: а) пламѣи, наряду съ этимъ уже въ др.-ц.-сл. яз.:
пламень, послѣднее окончаніе постоянно
въ словахъ ремень, корень и др.

б) писма, има, сѣма и др.;

на *р*: мати, дѣшти

„ *с*: дѣло, чрѣво, слово, диво, оухо и др.

„ *т*: отроча, осьла, жрѣба (названія молодыхъ животныхъ, у насъ: енокъ)

„ *в*: свекръи, смокъи, хорѣгыи, любъи (любовь).

Склоненіе основъ на *ѣв*: род. ед. крѣве, црѣкѣве; дат. п. любѣви; вин. п. любѣвь; предл. п. любѣви, —е. Въ Зогра. Ев. вин. п. любовь 3 раза (См. Шольв. Arch. f. sl. Ph. II, 524—27. Ср. 542).

По подсчету Шольвина въ древнѣйшихъ ц.-слав. памятникахъ форма тѣла (род. п.) употребительнѣе, чѣмъ тѣлесе (Arch. II, 539). Впрочемъ, въ Зографскомъ Ев. мы встрѣчаемъ 3 раза тѣлесе и 3 раза: тѣла (Ср. стр. 543). Въ Супрасльской же рукописи первая ф. 3 раза, 2-я — 21 разъ. Вообще нѣкоторыя слова на — *с* — смѣшиваются въ склоненіяхъ съ осн. на *о*, какъ село и пр., такъ что наряду съ ф. словесе ф. — слова, словеси — словоу.

Къ склон. на согл. относится склоненіе слова днь, при чемъ въ род. п. мн. наряду съ днь — дньи, дньи, твор. дньими — дньи, въ двойств. днюу — дньюу.

Изъ склоненія мати отмѣчу — матеръ ѡ, и ѡ, вин. ед. матеръ, —е; им. мн. —и; род. мн. матеръ, дѣштеръ (но одинъ разъ —еи); црѣкѣе — во мн. црѣкамъ, —ахъ, крѣе, вин. крѣвь, р. мн. крѣви, крѣви.

Въ нѣкоторыхъ словахъ, не имѣвшихъ согласной основы, отдѣльные падежи заимствовали окончанія изъ склоненія именъ съ основой на согласную, такъ гражданинъ, християнинъ во множ. числѣ склонялись, какъ камъи.

Миклошичъ въ Vergl. Grammatik считаетъ въ др.-ц.-сл. 6 склоненій: 1) на ѣ (изъ о): рабъ, конь, край; 2) — о: село, поле; 3) — а: рыба, доуша; 4) ѣ (изъ у): сынъ; 5) — ѣ пѣть и 6) на согласн.: матер, крѣв...

Лескинъ въ своемъ руководствѣ то же 6, такимъ образомъ: на ѣ: пѣть, кость; согласн.; ѣ (ѣ): прѣкы; ѣ (ѣ): сынъ; а: жена; о: рабъ.

Разница так. обр. въ томъ, что изъ основъ на согласные выдѣляется разрядъ причисляемый къ гласнымъ на *у* и съ другой стороны такіа слова, какъ *рабъ*, село подгоняются подъ одно склоненіе.

Такого же дѣленія, какое находимъ у Лескина, придерживается въ своей грамматикѣ Вондракъ только съ инымъ размѣщеніемъ: сначала идетъ склоненіе на *о* и пр.

Я дѣлю на 5 склоненій, потому что во *1-хъ*: примѣр. *рабъ* и *село* можно отнести къ одному склоненію, какъ дѣлаетъ это Лескинъ, но и *кръ* въ отношеніи къ склон. на согласные, какъ дѣлаетъ то Миклошичъ. Если придерживаться въ этомъ случаѣ точки зрѣнія Лескина, то и въ рус. языкѣ теперь мы должны находить склоненій гораздо болѣе, чѣмъ теперь существуетъ, исходя изъ первоначальныхъ основъ. Въдѣ даже въ имен. пад. основа эта (за един. исключ.) перешла уже въ склон. на согласные, слѣдовательно лучше и не говорить о существованіи отдѣльнаго разряда склоненій въ этомъ случаѣ.

Если бы дѣлить склоненія придерживаясь историческаго принципа, то въ главѣ склоненій можно было бы поставить — склоненіе на согласные. Это своего рода архаическое склоненіе, уцѣлѣвшее въ небольшихъ остаткахъ.

XVIII.

Склоненія мѣстоименій, прилагательныхъ, причастій и числительныхъ.

Склоненія мѣстоименій личныхъ въ др.-ц.-сл. и рус. языкахъ во многомъ сходятся (при чемъ большинство пад. окончаній относятся къ третьему склоненію).

Единств. ч.			Множ. ч.	
И. азъ	ты		мы	вы
Р. мене	тебе	себе	насъ	васъ
Д. мнѣ, ми	тебѣ, ти	себѣ, си	намъ	вамъ
В. ма, мене	та, тебе	са, себе	ны, насъ	вы, васъ
Т. мноѹ	тобоѹ	собоѹ	нами	вами
М. мнѣ	тебѣ	себѣ	насъ	васъ

Двойств. ч.	И.	вѣ	ва
	В.	на	ва
	Р., М.	наю	ваю
	Д., Тв.	нама	вама

Наша форма *я* образовалась, надо думать, путемъ азъ — *язъ* — *я*. Формы мене, тебе, себе существуютъ и теперь въ малорусскомъ нарѣчїи. У насъ форма ма, та, са — нѣтъ; послѣдняя форма сохраняется въ такомъ соединенїи: трудиться, возвращаться.

Ранѣе упомянуты попытки объяснить фор. вин. п. раба вм. рабъ вліяніемъ мѣстоим. формъ мене — ма, тебе — та, себе — са, которыя теперь разсматриваются нѣкоторыми изслѣдователями какъ одинаковыя первоначально формы. Мене — лит. мене, авест. тапа разлагаются на двѣ части: ме + не, при чемъ это не, не, разсматривается какъ суффиксъ или даже частица для усиленія (какъ латинск.: *egone*, *tibine* . . .), а ме собств. форма вин.-род. пад. Послѣдній первоначально предполагается имѣвшимъ двѣ формы: **mem*, **tem*, **sem* (отсюда санскр. *mām*, *tvām*, др.-прусс. *mien*, *tien*, *sien*, др.-ц.-сл. ма, та, са), **eme*, **me*, **tue*, **te*, **sue*, **se* (гр. *εμέ*, *μέ*). Въ склоненїи личныхъ мѣстоименій мы отмѣчаемъ также употребленіе въ винит. пад. множ. числа нѣи и насъ. Слѣдовательно здѣсь проникновеніе одного падежа въ область другого. При чемъ въ этихъ примѣрахъ съ насъ вм. нѣи мы не отмѣчаемъ какой-либо особой выразительности, каковой объясняютъ причины подобныхъ замѣнъ (Ср. Мюлленбахъ объ употребленїи родит. п. вмѣсто винительн. Изв. Отд. р. яз. и сл. 99 г., IV т., 1195).

Обращаемъ вниманіе особенно на нѣи имен. п. мн. ч.: въ Кіевскск. Л. нѣтъ мѣи, какъ въ др. памятникахъ, а нѣи. Въ Сборн. Клоца мы отмѣчаемъ только разъ нѣи I, 58—59 (ни сокрошите раскопаваемъ), наряду съ 3 раза употр. мѣи I 26—27, 49, 53. Если принять во вниманіе, что въ нѣкот. случаяхъ въ Кл. Сб. смѣшивается ты и і, напр. не съ мыслѣни вм. — нѣи (зват. п., I, 18), то можно думать, что и мѣст. нѣи вм. нѣи. 2 раза нѣи встрѣчается въ Доброміровомъ Ев. (См. изд. Ягича *Ev. Dobr. Sitzungsber. W. Ak.*, т. 138, 9). Так. обр. говорить о вліянїи на ф. нѣи К. Л. латинскаго мѣстоименія *nos*, какъ дѣлалъ это Коляръжъ (*Cas. M. Kr. S.*, 78, III), конечно, невозможно. Форма эта была отзвукомъ существовавшей въ рѣчи, какъ, напр., современное болг. ни, ние

Прилагательныя неопредѣленныя склоняются также, какъ имена существительныя: муж. и средн. род.: добръ — о по первому склоненію, женскаго — добра по третьему. Разница только въ звательномъ падежѣ, который въ прилагательныхъ, за рѣдкими исключеніями, сходенъ съ именительнымъ.

Прилагательныя неопредѣленныя въ сравнительной и превосходной степеняхъ склонялись также, какъ имена существительныя.

Сравнительная степень въ русскомъ языкѣ не измѣняется ни по падежамъ, ни по родамъ: добръѣе. Въ др.-ц.-сл. же мы видимъ измѣненія и по падежамъ и по родамъ, при чемъ окончанія двухъ видовъ: болѣе употребительное — ѣи, ж. р. ѣиши ср. ѣіе: добръѣи, добръѣиши, добръѣіе, менѣе употребительное: ии, ьши, е: дражиі (отъ драгъ), дражьши, драже. Таковы же окончанія и въ превосходной степени, только къ началу слова прибавляется наи —: наидобръѣи. У насъ, вмѣсто склоняемыхъ и измѣняемыхъ по родамъ прилагательныхъ въ сравнительной степени, имѣются обороты: болѣе добрый, -ая, ое.

Единств. ч.

Р. ¹⁾	добрѣиша	добрѣиша	
Д.	— оу	— и	
В.	добрѣишь	— ѣ	— е
Т.	— емь	— емѣ	
М.	— и	— и	

Множ. ч.

И.	добрѣише	— а	— а
Р.	— ь	— ь	
Д.	— емъ	— амъ	
В.	— ша	— ша	— а
Т.	— и	— ами	
М.	— ихъ	— ахъ	

Двойств. ч.	И. В.	добрѣиша	— и	— и
		— оу	— оу	
		— ема	— ама	

1) Средній родъ, если не указаны окончанія, какъ въ мужескомъ

Еще примѣры:

Муж. р.		Ср. р.		Ж. р.
драгъ	— дражи	— драже	—	дражьши
высокъ	— вышии	— — е	—	— ъши
крѣпокъ	— крѣплии	— крѣплие	—	крѣпльши
многоъ	— множай	— множае	—	множайши

Основа, какъ видимъ напр. по род. пад. двоякая: ъ ш и ѣ и ш. Предполагается, что эти сочетанія возникаютъ изъ jъs, ёjъs (въ лит. gerėšuis, сравн. ст. отъ geras, прус. muis-ies).

Так. обр. основы сравн. степени показываютъ, что по формамъ склоненія они должны были бы относиться къ основамъ на согласные. Но мы видимъ, что по склоненію на согл. измѣняются лишь нѣкоторые падежи: вин. п. м. р., им. п. мн. ч. м. р.

При образованіи сравн. степени, какъ видимъ, согласныя основы измѣняются подъ вліяніемъ j. Измѣненія бываютъ даже въ томъ, что мы не находимъ въ сравнительной степени цѣлаго суффикса, отмѣчаемаго въ положительной степени. Можно предполагать, что сравн. степень въ подобныхъ случаяхъ стоитъ на болѣе древней ступени образованія. Литов. saldūs говоритъ о первоначальности формы сладъ, так. обр. выполнѣ правильной формой является слажди; то же крѣплии и пр.

Так. обр. наши формы: крѣпчайшій и пр. являются уже новообразованіями сравнительно съ крѣплии, подъ вліяніемъ формы крѣпъкъ.

Наряду съ чаще употреблявшимся окончаніемъ им. п. м. р. ии встрѣчается болѣе первоначальное ѣи, а затѣмъ также и еи: мьнѣи, мьнии, мьнеи, соулии — соулеи (лучше). Приведенныя слова принадлежатъ къ такъ называемымъ недостаточнымъ (къ нимъ не имѣется положит. степ.), въ такомъ же родѣ: вѣштии (большій), лоучии, оунии (лучшій), рачии, болии, горни (худшій).

Какъ неопредѣленныя прилагательныя въ сравнительной и превосходной степеняхъ, измѣнялись и неопредѣленныя причастія.

Формы причастій др.-ц.-сл. языка также отличаются отъ соотвѣствующихъ формъ русскихъ.

Причастіе настоящаго времени имѣетъ для именительнаго падежа такія окончанія:

отъ глаг. ведѣ — м. и ср. род. веды, ж. ведѣшти
 „ „ люблѣ — „ любѣ „ любѣшти

такимъ образомъ вторая форма напоминаетъ наше дѣепричастіе (въ др.-ц.-сл. дѣепричастія не было, это уже позднѣйшее образованіе).

Р. ведѣшти, ведѣшта и т. д.

Причастіе прошедшаго времени имѣло слѣдующія формы:

М. и ср. р. ведѣ, ж. ведѣши
 знавѣ, „ знавѣши
 хвалѣ, „ хвалѣши

Род. п. ведѣши и т. д.

(Было еще 2-е причастіе, несклоняемое, измѣнявшееся только по родамъ и числамъ, на лѣ: велѣ, — а, — о, мн. ч. вели, — ѣ, — а, дв. ч. вела, — ѣ, — ѣ).

Разница въ окончаніяхъ причастій наст. времени отъ не-ти и знати объясняется также, какъ разница въ рабѣ, конѣ: неси изъ неs-оп черезъ переходъ оп — ѣп: знаѣ изъ знаѣп — еп — а; затѣмъ видѣ, ходѣ изъ — ints, при чемъ а удерживается подъ вліяніемъ косвенныхъ падежей.

Причастія прошедш. вр. образуются присоединеніемъ 2 кого рода суффиксовъ ѣс и вѣс (последній — если глагольная тема оканчивается на гласную); эти ѣс и вѣс мы видимъ уже въ измѣненномъ видѣ — въ именит. пад. муж. р., въ силу извѣстнаго закона въ ѣ и вѣ (изъ неsѣс — неsѣ; изъ давѣс — давѣ), въ другихъ падежахъ въ ѣш, вѣш, въ силу вліянія йотированнаго окончанія (неsѣс + ѣ — неsѣша; давѣс + ѣ — давѣша и пр.). Глаголы на *ити*, какъ хвалити имѣютъ наряду съ хваливѣ — хвалѣ.

Можно предполагать существованіе двухъ первоначальныхъ окончаній, одно съ *ѣ*, другое безъ *ѣ*. Что это *ѣ* — *ѣ* не было какимъ то вставнымъ въ славянскомъ, какъ думали Миклошичъ (V. Gr. I², 187, II², 328) и Брикнеръ (Arch. III, 269), указываютъ совершенно справедливо приводимые примѣры Шмидтомъ (Zeitschrift f. v. Sp., XXVI, 365 и слѣд.): отъ забыти — забывѣ, но забывѣнѣ, бити — биенѣ — бивѣ (т. е. если бы дѣйствительно послѣ бѣ, би слѣдовалъ гласный звукъ, то мы видѣли бы нѣчто подобное: забывѣ, разложеніе ѣ—ѣв).

По склоненію именъ существительныхъ измѣняются числительныя количественныя, только единъ и два измѣняются по образцу склоненія мѣстоименія *тъ* (ср. дальше). Неопредѣленныя порядковыя числительныя, всѣ безъ исключенія, измѣняются по первому и третьему склоненіямъ.

Числительныя количественныя отъ 11—19 образуются такъ: единъ¹⁾ на десате, два на десате... отъ 20—90 двадесате, тридесате, но пѣтьдесатъ. Форма десате въ первыхъ случаяхъ мѣстный падежъ, во второмъ родительный.

Если мы возьмемъ любой изъ приведенныхъ примѣровъ склоненій и сравнимъ его съ склоненіемъ мѣстоименій (личныхъ), то увидимъ въ падежныхъ окончаніяхъ большую разницу. Поэтому и установлено предыдущія склоненія называть именными, а слѣдующее мѣстоименнымъ:

Единств. ч.			Множ. ч.		
М. р.	Ж. р.	Ср. р.			
И. тъ (рус. тотъ)	та	то	ти,	ты,	та
Р. того	тоѿ			тѣхъ	
Д. томоу	тои			тѣмъ	
В. тъ	тѣ	то	ты,	ты,	та
Т. тѣмъ	тоѣмъ			тѣми	
М. томъ	тои			тѣхъ	

Двойств. ч.		И. В.	та	тѣ	тѣ
		Р. М.		тою	
		Д. Т.		тѣма	

Какъ *тъ*, склонялись мѣстоименія: овъ, —а, —о, онъ, кѣто, коликъ, толикъ и нѣк. др., числительная единъ, оба, два (послѣднія только въ двойств.).

Мѣстоименія же: мои, твои, вашъ, нашъ, всѣ и нѣкот. др. образовали такъ называемое мягкое мѣстоименное склоненіе. Образцомъ здѣсь можетъ быть приведено мѣстоименіе *и*, котораго нѣтъ уже у насъ.

1) Начальному рус. о обыкновенно въ др.-ц.-сл. яз. соответствуетъ *іе*: олень — іелень, озеро — іезеро.

Единств. ч.

И.	и,	и,	іе
Р.	іего	іеіа	
Д.	іемоу	іеи	
В.	и,	и	іе
Т.	имь	еи	
М.	іемь	іеи	

Множ. ч.

и,	іа,	и
	ихъ	
	имъ	
іа,	іа,	и
	ими	
	ихъ	

Двойств. ч. и, и, и
іею
има.

Интересно употребленіе съ: оно имѣтъ въ Кіевск. Л. форму съ, сы. Мѣстоименіе это употребляется здѣсь так. обр. въ опредѣленной и неопредѣленной формѣ, при чемъ въ неопредѣленной ф. съ стоитъ послѣ того слова, къ которому относится (даръ съ 2 об. 23, 720), а въ опредѣленномъ — передъ (сы даръ 62, сы принось 3 об. 1). Если мы обратимся къ другимъ ц.-слав. памятникамъ, напр., Зограф., Мар. Ев., то здѣсь увидимъ такіе примѣры — въ съ вѣкъ (Мат., XII, 32), образъ съ (Марка 12—16 въ Маріин.), образось (Зограф.) и пр. Слѣдовательно, такого разграниченія, какъ въ К. Л., не найдемъ.

Съ другой стороны данныя Зогр. Ев. даютъ намъ возможность пролить нѣкоторый свѣтъ на происхожденіе разныхъ ф. им. п. мн. ч. Такъ для муж. рода: сии и си, для ср. си. Первая форма собственно не отъ съ, а отъ сы или съи, ей начали отдавать преимущество при употребленіи для отличія отъ ф. среднего рода.

Мѣстоименіе и замѣняется у насъ онъ. Такимъ образомъ въложи и въ гробъ: и здѣсь = его. Иже = нашему который. Отъ мѣстоименія чьто род. п. чесо, дат. п. чьсомоу и чесомоу.

Отмѣчаемъ ничьсоже (ничьсоже сътворити) въ Кіевск. Л. Въ Зограф. Ев. чесо чаще, чѣмъ чьсо, ничесоже чаще, чѣмъ ничьсоже; въ Ассем. и Сав. исключительно чесо и ничесоже; въ Супр. чьсо чередуется съ чесо, чсо, ч'сого, ничьсоже, нич'соже, ничьсоже, ничесоже, ничсоже (Ср. примѣры, выбр. у Шольвина, Beiträge въ Arch. II, 559—660). Отъ мѣст. кѣи: коего, кѣимъ, коемъ; мн. ч.: ции — кѣіа — кам.

Мѣстоименіе — и въ разныхъ своихъ формахъ присоеди-
нялось къ формамъ склоненія прилагательныхъ, напр. добръ-и,
добра-и, добро-іе и получались такимъ образомъ прилагатель-
ныя опредѣленныя. Изъ формы добръ-и постепенно, благо-
даря уподобленію ъ—и, выработалась форма добрыи. Склоняя
первую и вторую части слова, мы должны бы получать
такія формы:

Р. п. добра-іего, добръ-іеѧ,
но добраіего еще встрѣчается, добръ-іеѧ уже нѣтъ,
а только добръѧ, вм. добраіего чаще добрааго,
добраго, т. е. формы, образовавшіяся путемъ уподобленія
и стяженія. Слѣдовательно, уже въ древнѣйшихъ ц.-слав.
памятникахъ отмѣчаются колебанія въ формахъ, показыва-
ющія, можетъ быть, путь постепеннаго ихъ образованія (нѣ-
которые ученые, впрочемъ, считаютъ форму добраіего не
первоначальной, а возникшей позже путемъ подражанія мѣ-
стоименной).

Д.	доброуемоу, —оуоумоу, —оумоу	ѣи
В.	какъ имен.	ѣѧ
Тв.	—ѣимъ	оѧ и ѣѧ
М.	—ѣемъ	ѣи

Въ твор. п. мы ожидали бы добромъ-имъ, а приве-
денная форма: добръѧимъ показываетъ, что въ склоненіи
этомъ непоследовательно проводится законъ — склонять обѣ
части соотвѣтственно именному и мѣстоименному склоненіямъ.
То же мы видимъ въ множ. и двойств. числахъ.

Множ. ч.			
М. р.	Ср. р.		Ж. р.
И. добрии	—аѧ		—ѣѧѧ
Р.		—ѣихъ	
Д.		—ѣимъ	
В. —ѣѧѧ	—аѧ		—ѣѧѧ
Т.		—ѣими	
М.		—ѣихъ	
Двойств. ч.			
И. В.	добраѧ,	—ѣи, —ѣи	
Р. М.	—оую		
Д. Т.	—ѣима.		

Мы ожидали бы въ твор. множ. ж. р. добрами-ими, въ двойств. добрама-има и пр. Очевидно, здѣсь измѣненіе формъ вызвано было неудобствомъ произношенія.

Склоненіе прилагательныхъ опредѣленныхъ въ нашемъ литературномъ языкѣ уже во многомъ отличается отъ приведенныхъ образцовъ. Мы пишемъ, правда, также: добраго, но произносимъ добраво, доброво, доброго, а аго заимствовано изъ др.-ц.-слав. яз. Такое же заимствование — окончаніе множ. числа, ж. и ср. р., такъ какъ въ языкѣ нашемъ нѣтъ подобнаго различія. Въ нашихъ народныхъ говорахъ имѣются такія окончанія, какъ: глубокихъ, торговымъ.

Въ мягкомъ склоненіи мы видимъ соотвѣтствующія измѣненія: искренни (ии), — *и-и*, — *и-е* и т. д.; въ мѣстн. пад. вм. искренни-емъ, искренниимъ.

По примѣру прилагательныхъ опредѣленныхъ измѣняются опредѣленные прилагательныя въ сравнительной и превосходной степеняхъ, опредѣл. причастія, опред. порядковыя числительныя (и даже нѣкоторыя мѣстоименія, напр. отъ кѣ — кѣи):

дражи — дражши, добръ — добръши,
несѣи — несѣшти, любѣи — любѣшти,
прѣвѣи

По употребленію формъ прилагательныхъ („стяженныхъ“ или „нестяженныхъ“) памятники расходятся.

Въ Кіевск. Л. мы видимъ стяженные формы въ склоненіи прилагательныхъ. Въ этомъ отношеніи К. Л. особенно сходятся съ Клоцовымъ Сборникомъ. Въ Клоцовомъ Сбор. лишь изрѣдка попадаются формы съ ааго, аего (1 разъ), ымъ (2 р.). Но съ другой стороны, мы можемъ провести нѣкоторую аналогію здѣсь и съ другими памятниками, имѣющими формы ааго, оуоумоу, или употребляющими эти формы наряду съ аго, оумоу, омоу. Дѣло въ томъ, что надъ стяженными формами прилагательныхъ въ К. Л. иногда поставлены значки, въ которыхъ мы видимъ обозначеніе долготы. Слѣдовательно, въ ф. чѣстнаго мы видимъ отчасти то же своего рода чѣстнааго, въ ф. блаженоумоу — блаженоуоумоу и пр. Интересенъ въ этомъ случаѣ примѣръ въ всемогъи: писецъ поставилъ здѣсь по ошибкѣ ѣи и потому сейчасъ же дополнилъ еще і. Этотъ

примѣръ можетъ исполнѣ освѣщать произношеніе такихъ ф., какъ милостивѣи и пр.

Въ Зогр. и М. Ев. формы стяженные и нестяженные, при чемъ здѣсь извѣстное разнообразіе въ употребленіи этихъ формъ. Такъ, напр., въ Мар. Ев. род. пад. обыкнов. ааго, но дат. оумоу (рѣдко оуоумоу). То же въ Ассем., въ кот. нестяженные формы употребляются очень послѣдовательно. Въ Савв. кн. — стяженные формы, въ Супрасл. — стяж. и нестяж.

Особенно трудно разобраться въ вопросѣ, какъ произносилось окончаніе им. п. м. р. ед. ч., имѣвшее въ разныхъ памятникахъ видъ: ѣи, ѣі, ѣі, ѣи.

Сохранялось ли еще первоначальное произношеніе въ ф. добръі — добръ + і или уже подъ форм. ѣі слышъ и рядомъ нужно понимать лишь неточное обозначеніе дальнѣйшей ступени, выразившейся болѣе точно въ передачѣ ѣи? Повидимому, здѣсь могли быть и колебанія, могло быть отраженіе посредствующихъ ступеней. О чемъ могутъ свидѣтельствовать изрѣдка попадающіяся замѣны, напр., лѣкавои, грѣшьнои (Син. Пс.) и пр.

Въ ф. твор. п. ед. ч. ж. р. мы встрѣчаемъ изрѣдка — ~~лѣж~~ вм. ~~оѣж~~. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ здѣсь могли быть описки, но что не всегда можно видѣть описки указываетъ Супрасл. рук., гдѣ эта форма является наряду съ изрѣдка употребл. также формой тв. пад. отъ существительныхъ женск. род. на а.

Если подъ окончаніями ѣі, ѣи, ѣі могли въ сущности скрываться иногда звуки ѣи, то слѣдовательно возможно иногда соотвѣтствіе въ звуковыхъ переходахъ въ изображаемыхъ графически не одинаково формахъ падежей множ. числа: добръихъ и мягк. вышьнихъ. Весьма возможно, что на графикѣ отразилось вліяніе написанія им. пад. ед. ч. Формы же на ѣи встрѣчаются очень рѣдко.

XIX.

Спряженіе глаголовъ.

Спряженіе др.-ц.-сл. глаголовъ во многомъ отличается отъ спряженія глаголовъ въ русскомъ языкѣ. Въ др.-ц.-сл. яз. есть такія формы, которыхъ совершенно не знаетъ рус-

скій языкъ, разница есть и въ существующихъ тамъ и тамъ формахъ.

Прежде всего обращаетъ вниманіе разница въ выраженіи прошедшаго времени. Мы имѣемъ только одно прошедшее время: я пѣлъ, ты пѣлъ..., при чемъ измѣненіе формъ этого времени отличается отъ измѣненія въ формахъ настоящаго времени, къ которымъ даже можно не прибавлять я, ты...: несу, несешь...

Въ др.-ц.-сл. яз. цѣлый рядъ прошедшихъ временъ: здѣсь есть нѣсколько видовъ т. н. аористовъ, преходящее (imperfect.), прошедшее, давнопрошедшее.

Соотвѣтственная форма нашему прошедшему выражается такъ: азъ іесмь пѣлъ, ты іеси пѣлъ... Такимъ образомъ въ русскомъ языкѣ отсутствуетъ вспомогательный глаголъ: іесмь, іеси, іестъ, іесмъ, іесте, сѣтъ (въ др.-ц.-сл. были, конечно, и здѣсь формы двойств. числа: іесвѣ, т. е. мы оба, іеста (вы оба) іесте — іеста, они оба). Сама же форма пѣлъ — 2-е причастіе прошедшаго времени. Выходитъ такимъ образомъ, что сказанная фраза значила первоначально какъ бы: я есмь пѣвшій. Теперь мы ей не придаемъ такого значенія и причастныя формы пѣлъ уравниваются у насъ по значенію съ другими глагольными формами.

Если вмѣсто іесмь... возьмемъ прошедшее отъ глагола бѣти — бѣахъ или бѣхъ, то въ соединеніи съ указаннымъ причастіемъ получается такъ называемое давнопрошедшее (plusquamperfectum). Это прошедшее показывало, что дѣйствіе или состояніе было ранѣе другого дѣйствія или состоянія, уже прошедшихъ.

Формы прошедшаго: пришълъ іесмь сводятся, въ сущности къ настоящему времени: я пришелъ, слѣдовательно: я нахожусь здѣсь. Такое значеніе настоящаго времени имѣли эти прежнія прошедшія.

Если точка зрѣнія переносится на прошедшее, то получаютъ такія соединенія пришълъ бѣахъ (бѣхъ), такъ называемое давнопрошедшее время, по значенію, въ сущности, прошедшее (какъ аористъ).

Подъ вліяніемъ этихъ сложныхъ формъ образуется и 2-я форма будущаго: наряду бѣдѣ, начьнѣ, имамъ, хоштѣ — видѣти, — видѣлъ (по значенію не различающіяся).

Насъ можетъ съ перваго взгляда поражать эта способность различать оттѣнки, способность, которой не наблю-

дается теперь у насъ. Разнообразныя формы аориста, имперфектъ, перфектъ и плюсквамперфектъ, 2-я форма будущаго (какъ бы будущее совершенное и несовершенное) — все это обнаруживаетъ въ древн.-ц.-слав. глаголѣ стремленіе къ выраженію наибольшей точности.

Эта точность создавалась постепенно, здѣсь нельзя искать сознательнаго желанія говорящаго отмѣчать различные пункты въ прошедшемъ и будущемъ.

Формы эти слагались постепенно. Не въ ихъ числѣ заключается богатство языка. Если въ дальнѣйшемъ языкъ развивается, то число этихъ формъ уменьшается потому, что ихъ разнообразіе мѣшаетъ внутренней работѣ языка.

Есть данныя, что въ древнѣйшихъ памятникахъ ц.-слав. языка уже нѣтъ чутъ къ различенію прошедшаго сложнаго отъ аориста: въ Супр. рук.: *васъ не земля покрыла ни небо приидтъ* (*приидтъ* = *приидъ*; *при* покрыла даже есть пропущено) 72, II. Затѣмъ — вмѣсто греческаго аориста попадаетъ въ переводѣ прошедшее сложное.

Будущее, кромѣ упомянутыхъ сочетаній, образовалось, какъ и у насъ, отъ такъ наз. перфективныхъ глаголовъ формой настоящаго времени: *въ зъмѣ, дамъ* и пр.

Трудно подыскать правила, которыми руководились, ставя прошедшее время или тотъ или другой аористъ. Такъ какъ древнѣйшіе памятники переводные, то много зависѣло отъ греческаго текста, греческаго языка, въ которомъ, впрочемъ, употребленіе различныхъ формъ аористовъ также трудно поддается опредѣленію.

Если языкъ различалъ оттѣнки въ прошедшемъ (прошедшее и давнопрош.), то, очевидно, стремился къ выраженію большей точности. То же, напр., есть въ другихъ родственныхъ языкахъ, но также постепенно начинаетъ исчезать давнопрошедшее. Выраженіе дѣлается болѣе неопредѣленнымъ, но отъ этой неопредѣленности выигрываетъ наше мышленіе. Здѣсь происходитъ то же, что при образованіи понятія изъ представленій. Чѣмъ отвлеченнѣе понятіе, тѣмъ скорѣе орудуетъ имъ наше мышленіе.

Формы прошедшаго и давнопрошедшаго употреблялись сравнительно рѣдко, несравненно чаще были употребляемы аористы и преходящее.

Напр., отъ гл. *несѣ*: такъ называем. простой аористъ:

Единств. ч.	Множ. ч.	Дв. ч.
1 л. несѣ	несомѣ	несовѣ
2 л. несе	несете	несета
3 л. несе	несѣ	несете (та)

И у насъ есть ф. нѣсѣ въ качествѣ прошедшаго, но эта форма образовалась изъ причастной.

Аористъ простой образовывался отъ глаголовъ типа вес-ти, миг-нѣ-ти (при чемъ если передъ нѣ — согласная; так. обр.: мигѣ, двигѣ и пр.; послѣднія формы указываютъ на первонач. ф. неопредѣл. наклоненія: миг-ти). Этотъ аористъ считается древнѣйшимъ. Большее число употребленія формъ этого аориста находится въ Мар. Ев. (222), затѣмъ въ Ассем. (142), а затѣмъ уже въ Зогр. Ев. (123), Син. Пс. (86), Савв. кн. (66).

Отъ тѣхъ же глаголовъ образуется аористъ на хѣ съ соединяющимъ суффиксомъ о: несохѣ, двигохѣ. Формъ этого аориста въ Мар. Ев., Син. Пс. и Клоц. Сборн. мы совсѣмъ не находимъ. Въ Супрасл. наоборотъ: этотъ аористъ почти исключительно употребляется, преобладаетъ въ Саввиной кн., въ Зограф. Ев. почти въ одинаковомъ числѣ съ аористомъ простымъ.

Сложный аористъ.

1 несохѣ	несохоми	несоховѣ
2 несе	несосте	несоста
3 несе	несоша	несосте (та)

Былъ второй видъ этого сложнаго аориста: нѣсѣ, несе, несе (т. е. замѣна аор. простымъ), нѣсомѣ, нѣсте, нѣса, нѣсоховѣ, —сте, —сте.

Не отъ всѣхъ глаголовъ образовались троякія формы аориста. Главнымъ образомъ употреблялся аористъ на хѣ, при чемъ если глагольная основа оканчивалась на гласную, то хѣ приставлялись къ этой гласной: глаголахѣ, вивидѣхѣ, хвалихѣ.

Въ памятникахъ колеблются формы аор.: поидѣхѣ — поидѣсѣ, възидѣхѣ — приидѣсомѣ, възидѣша — възидѣса, проидѣша — расидѣса и пр., т. е. въ глаголахѣ на носовую гласную колеблется форма съ с и съ х. Весьма вѣро-

ятно, что форма съ *х* здѣсь болѣе поздняя и образовалась, какъ предполагаетъ Видеманъ подѣ влияніемъ ф. *дахъ*, *бихъ* и пр., хотя здѣсь неустраненными являются противорѣчивыя данныя въ примѣрахъ исключительно аориста на *х* отъ глагол. мин *ж*-ти, до ун *ж*-ти и пр.

Въ 3 л. ед. ч. аориста, если корень глагола оканчивается на гласную, прибавляется *тъ* (здѣсь сказывается влияніе настоящего времени): *начатъ*, *оумьрѣтъ*, *питъ*, *сдѣлатъ* и пр. Гораздо рѣже отмѣчается приставка *тъ* къ 3-му л. имперфекта: *можаашетъ* и др.

Преходящее (прошедшее несовершенное) образовывалось посредствомъ окончанія *ѣахъ* или *ѣхъ*:

1 неѣахъ, неѣхъ, неѣахомъ, —ѣхомъ, неѣаховѣ —ѣховѣ
2 неѣаше, неѣше, неѣашете, —ѣшете, —ашете —ѣшете
3 неѣаше, —ѣше, неѣахѣ, —ѣхѣ, —ашете —ѣшете

Преходящее или имперфектъ древне-церк.-слав. памятниковъ уже не разѣ останавливалъ на себѣ вниманіе изслѣдователей и все же до сихъ поръ происхожденіе этой формы остается неразрѣшенной загадкой. Создался лишь цѣлый рядъ теорій, иногда совершенно исключаящихъ другъ друга. Приходится поэтому, приступая къ изученію слав. имперфекта, начинать съ исторіи разработки даннаго вопроса и установить, что остается болѣе или менѣе цѣннымъ въ создавшихся научныхъ теоріяхъ.

Но излагать здѣсь разнообразныя мнѣнія я не буду, сошлюсь на свою статью объ „имперфектѣ“. Главные вопросы въ томъ, какая изъ формъ древнѣйшая — стяженная или нестяженная, представляетъ ли слав. имперфектъ новообразование, форму развившуюся на слав. почвѣ или можно провести параллели и съ формами другихъ языковъ, найти тамъ нѣчто аналогичное?

При разрѣшеніи этихъ вопросовъ работа должна прежде всего быть посвящена разсмотрѣнію того матеріала, который даютъ древнѣйшіе ц.-слав. памятники относительно имперфекта. Но подобный подсчетъ не могъ бы привести къ рѣшающимъ доказательствамъ древности той или другой формы, т. к. въ др.-церк.-слав. памятникахъ мы имѣемъ дѣло уже съ различными нарѣчіями и формы болѣе позднія по своему происхожденію могли попасть въ первоначальную литературу-

ную обработку. Общія же наблюденія надъ др.-ц.-слав. памятниками говорятъ лишь о томъ, что ф. *ѣахъ* и *аахъ* многочисленнѣе формъ *ѣхъ* и *ахъ*. Затѣмъ, подобныя наблюденія, какъ ак. Ягича, что ф. *дѣлахъ* чѣмъ несѣхъ могутъ указывать на возникновеніе *дѣлахъ* изъ *дѣлаахъ*. Занимаясь специально Зогр. Ев. и сравнивая данныя относительно имперф. съ данными Мар. Ев., я пришелъ къ тому заключенію, что въ оригиналахъ этихъ памятниковъ были формы нестяженныя (какъ и относительно прилагательныхъ), и что стяженныя вносились позднѣйшими переписчиками. Совокупность разныхъ данныхъ, какъ-то: преобладаніе, или, лучше, господство полныхъ формъ въ большинствѣ древнѣйшихъ ц.-слав. памятниковъ, естественность перехода болѣе полныхъ въ стяженныя, исторія этихъ формъ въ слав. нарѣчіяхъ заставляютъ насъ склониться вполне къ признанію ф. *несѣахъ*, *горѣахъ* и пр. болѣе древними и болѣе первоначальными, чѣмъ *несѣхъ*, *горѣхъ*.

Устанавливая за формами *несѣахъ*, *горѣахъ* и пр. древность сравнительно съ ф. *несѣхъ* и пр., мы затѣмъ встрѣчаемся съ вопросомъ образованія этого времени: отъ темы ли настоящаго времени, какъ думалъ Миклошичъ, или отъ темы настоящаго и неопредѣленнаго наклоненія, какъ думали нѣкоторые другіе изслѣдователи. Для рѣшенія этого вопроса, кромѣ установленія древности ф., какъ *коуповаше* или *коупоуаше*, необходимо прежде всего опредѣлить, что такое представляется въ формахъ имперфекта окончаніемъ, нужно ли дѣлить: *несѣ-ахъ* или *нес-ѣахъ* и пр.? То обстоятельство, что формы имперф. имѣютъ окончанія *ѣахъ* и *аахъ*, заставляетъ видѣть здѣсь чисто имперфектное окончаніе *ахъ*, а *ѣ* и *а* относить къ данной темѣ глагола. Говорить, что это *ѣ* въ *несѣ* есть удлиненіе *е*, мы не имѣемъ никакого права, такъ какъ въ другихъ глаголахъ мы не видимъ при образованіи имперф. формы никакого удлиненія, слѣдовательно вѣрнѣе гораздо предположить, что *ѣ* въ данномъ случаѣ перенесено откуда-то извнѣ. Беря такіе примѣры, какъ *одѣти* — *одѣхъ* и *одѣати* — *одѣахъ*, мы послѣднія формы можемъ приравнять къ нашимъ *одѣлъ* и *одѣвалъ*. Зная также, что *одѣати* форма позднѣйшая сравнительно съ *одѣти*, мы можемъ думать, что и аористная форма отъ этого глагола, уже плодъ так. обр. славянскаго новообразованія, обозначавшая длительность соотвѣт-

ственно своему виду, могла въ образованіи своихъ окончаній пойти особымъ своеобразнымъ путемъ, подвергаясь, конечно, и извѣстнымъ вліяніямъ. Именно здѣсь прежде всего эта форма пріобрѣла имперфектность, т. к. въ другихъ глаголахъ, можно думать, имперфектность заключалась въ одной изъ формъ аориста, который не имѣли глаголы, подобные одѣти, оумѣти и пр.; я думаю, что таковой формой была — вѣсъ, басъ и пр., т. е. съ измѣненіемъ корневой гласной. Что первоначальность въ образованіи новой формы являлась именно въ глаголахъ типа одѣти и пр., даже передъ глаголами на ати, показывать можетъ и то, что глаголамъ летати и пр. есть соответств. еще лѣтати и пр., что облегчало возможность обходиться существующими формами. Разъ новая форма возникла прежде всего отъ глаголовъ на ѣати, нѣтъ ничего удивительнаго, что окончаніе ѣахъ переходило и къ другимъ глаголамъ, когда съ одной стороны забывалось значеніе вѣсъ сравнительно съ весъ и пріобрѣталась все большая и большая выразительность новой формой. Кромѣ того распространенію формы ѣахъ, а не аахъ (образовавшагося отъ глаг. продаати и пр.) способствовало несомнѣнно и существованіе *e* въ настоящемъ времени. Последнее повліяло и на образованіе двоякихъ формъ отъ глаг. коуповати.

Можетъ показаться страннымъ, почему глаголы съ основой на *ь* первые дали начало имперфекту своей новой уже болѣе распространенной формѣ, именно съ *ѣа*, страннымъ потому что сама основа на *ь* уже обозначала извѣстнаго рода длительность. Можетъ, приходитъ вопросъ, не получила ли ф. одѣати начало отъ имперфекта, а не наоборотъ. Для подтвержденія своихъ мыслей я долженъ коснуться исторіи постепеннаго развитія глагольныхъ основъ въ старо-славянскомъ языкѣ. Извѣстны дѣленія глаголовъ на классы Миклошича по темѣ неопредѣл. наклоненія, Лескина — по темѣ настоящаго времени, но въ дѣленіяхъ этихъ мы не видимъ, чтобы проведенъ былъ строго принципъ историческій. Нѣкоторое улучшеніе въ дѣленіе этого вноситъ попытка В. Добровскаго, но и она имѣетъ свои недостатки, также и по отношенію общаго упомянутаго принципа. Правда, въ нѣкоторыхъ случаяхъ трудно провести этотъ принципъ въ тѣхъ спутавшихся различныхъ формѣ. Слѣдуя принципу, что чѣмъ проще глагольная основа, тѣмъ она древнѣе, къ числу наи-

болѣ древнихъ формъ мы отнесемъ глаголы, какъ вѣмъ, дамъ, іесмъ, имъ. И въ области этихъ древнѣйшихъ глаголовъ произошли коренныя измѣненія, какъ отъ вѣмъ неопр. нак. вѣдѣти, очевидно, подъ вліяніемъ глаголовъ позднѣйшаго образованія. Къ числу древнѣйшихъ глаголовъ мы должны отнести затѣмъ всѣ безсуффиксные. Но и тутъ опять таки мы находимъ измѣненія по пути заимствованія суффиксовъ, особенно *a*, напр., бѣжати вм. бѣгти (ср. лит. *begti*) и пр., отчасти нхъ (при чемъ присоединяя суф. *n* въ настоящ. врем. нѣкоторые глаголы сохраняютъ и первоначальныя формы неопр. наклоненія, напр., станешь — стати, но сохнхъти, зато засохъ). Глаголы на ѣти являются также уже производными, на это ясно указываютъ параллели изъ литовскаго языка: въ послѣднемъ наряду съ *kalėti, birėti* существ. еще *kálti, beĩti*. Разъ въ слав. были утеряны въ этомъ случаѣ формы безсуффиксныя и удержались лишь производныя, то нѣтъ ничего удивительнаго, что терялся отгѣнокъ разницы имени длительности, для возстановленія этой длительности, имперфектности и послужилъ суффиксъ *a*, который и въ другихъ случаяхъ обслуживалъ эту роль.

Окончанія ѣаше и проч. возникли несомнѣнно изъ ѣахъ, какъ изъ исходной точки, подъ вліяніемъ окончаній аориста I, потому и сравнивать непосредственно ихъ съ какими либо окончаніями другихъ индо-европейскихъ языковъ не представляется возможнымъ.

Въ соединеніи съ аористомъ отъ глагола бѣти — бѣхъ образуется условное наклоненіе, при чемъ измѣняется такимъ образомъ:

Ед. ч.		Мн. ч.	
1	бѣхъ	вѣзѣлъ, -а, -о	бѣхомъ
2	бѣи		бѣисте
3	бѣи		бѣиша
вѣзѣли, -ѣи, -а			

Дв. ч.	
1	бѣиховѣ
2	бѣиста
3	бѣисте (а)
вѣзѣла, -ѣ, -ѣ	

У насъ остатокъ въ частицѣ бѣ. Кромѣ бѣхъ упо-

треблялась еще другая форма, считаемая даже болѣе древней — бимъ, би, би, бимъ, бисте.

Само быхъ . . . изъявительное наклоненіе. Этотъ переходъ изъявит. прош. времени для обозначенія условности, можетъ быть, коренится, какъ предполагалъ Потебня, въ томъ, что прошедшее и условное имѣютъ нѣчто сходное, а именно обозначеніе существующаго только въ мысли, а не въ дѣйствительности.

Какъ приходилось намъ уже видѣть, неопредѣленное наклоненіе оканчивалось на ти. И у насъ сохраняется эта форма, если на ти находится удареніе: нестѣ, вестѣ. Тоже въ повелительномъ наклоненіи: въ др.-ц.-сл. — *и* и рус. (при удареніи) неси, веді (но встань, др.-ц.-сл. вѣстани). Въ повелительномъ наклоненіи мы видимъ такія формы:

1	несѣмъ	несѣвъ
2	неси	несѣте
3	неси	несѣта

Если не принимать во вниманіе несуществующихъ въ русскомъ языкѣ формъ, то окажется, что разница между др.-ц.-сл. и рус. неси — несите, рус. *и* позднѣйшаго происхожденія подъ вліяніемъ неси, какъ встанѣте подъ вліяніемъ встань (а ѣ изъ *и*). Отъ такихъ глаголовъ, какъ пекѣ, могѣ повел. пеци, мози (а въ рус. уже пеки).

Въ неопредѣленномъ наклоненіи благодаря стеченію согласныхъ образуются измѣненія въ корнѣ: губные *б, п, в* обыкновенно выпадаютъ: жив, жи-ти; грѣб, грѣ-ти; тѣп, тѣ-ти (бить). Вѣроятно, благодаря аналогіи образовались такіе случаи, какъ тѣп-сти; съ другой стороны подъ вліяніемъ тѣ-ти и тѣп-сти могла образоваться ф. тѣсти. Если у насъ гребти, то это благодаря измѣнившимся законамъ сочетанія и благодаря вліянію формъ съ темой настоящаго времени. *Н* исчезаетъ передъ *т, д, н, б*: тонѣти (топить), възбѣнѣти (пробуждать, бѣдѣти — бодрствовать) и пр. *Д* и *т* передъ *т* переходятъ въ *с*: плести.

Въ глаголахъ, въ которыхъ тема настоящаго *иѣ, і* и *2 л.* повелит. наклоненія наряду съ вполнѣ послѣдовательно образованными окончаніями *имъ, ите* (изъ *іѣмъ, іѣте*; ср. рабѣхъ — конѣхъ), имѣются и формы съ *ѣмъ* и *имъ, ѣте* ате: пиите, иштите, глѣите и др., пиите, иштате, глѣте, емлѣте и др.

Въ др.-ц.-сл. яз. существовала еще форма, близкая къ неопредѣленному наклоненію, оканчивавшаяся на тѣ: датѣ, ловитѣ и пр., это такъ называемое наклоненіе достигательное.

Употреблялась эта форма послѣ глаголовъ движенія: идѣ рѣбѣ ловитѣ (называлась она еще — супинъ по образцу соотвѣтствующей латинской формы).

Спряжение настоящаго времени представляетъ меньше отличій сравнительно съ русскимъ:

	Ед.	Мн.	Дв.
1	несѣ	несемъ	— евъ
2	несеши	несете	— ета
3	несетѣ	несѣтъ	— ете

Кромѣ этихъ окончаній, въ др.-ц.-сл. яз. сохранились другія, считаемыя болѣе древними, но лишь въ нѣсколькихъ глаголахъ: упомянутое уже іесмъ, дамъ, имъ (рус. ѣмъ), вѣмъ. И въ русскомъ литературномъ языкѣ имѣются дамъ, ѣмъ, но спряженіе уже иное. Въ малорусскомъ языкѣ имѣется форма 2-го лица дасі. Въ выраженіи: Богъ вѣсть сохраняется 3-лицо, только окончаніе русское ѣ (а въ др.-ц.-сл. ѣ).

Въ спряженіи древнѣйшихъ („архаическихъ“) глаголовъ окончанія присоединяются прямо къ корню, при чемъ послѣдній иногда измѣняется. Такъ, отъ глг. вѣмъ: наст. вр. ед. ч.: вѣмъ, вѣси, вѣстѣ, дв. ч.: вѣвѣ, вѣста, вѣсте, мн. ч.: вѣмъ, вѣсте, вѣдѣтъ; повел. накл.: ед. ч. 2 л. вѣждѣ, дв. ч. 1 л. вѣдивѣ, 2—3 вѣдита, мн. ч. вѣдимъ, вѣдите; переходящ. вѣдѣахъ, аор.: вѣдѣхъ. Наряду съ вѣмъ употребляется другая форма вѣдѣ = гр. οἶδα, т. е. остатокъ perfect'a съ его прежнимъ значеніемъ настоящаго (вѣдѣ: я узналъ и слѣд. въ наст. минутоу я знаю). Неопр. наклоненіе вѣдѣти, но здѣсь можно задаться вопросомъ, не будетъ ли это новообразованіе: по нѣкоторымъ остаткамъ языка можно думать, что первоначальной формой могло быть вѣсти (напр.: из-вѣст-но).

Наст. вр. глг. дамъ: дамъ, даси, дасть, давѣ, даста, дасте, дамъ, дасте, дадѣтъ. Наши формы: дашъ, какъ ѣшь, ведешь; дадимъ, какъ ѣдимъ или могло сказаться вліяніе повелит. наклоненія, наше: дадутъ какъ ведутъ. Повел.

наклон.: 2. даждь, 3. даждь, дв. ч. 1. дадивѣ, 2. дадита, мн. ч. 1. дадимъ, 2. дадите. Преход.: дадѣахъ. Аор.: дахъ, да (дасть), да (дасть), даховѣ, даста, дасте, дахомъ, дасте, даша. Прич. дады, давъ, далъ, данъ.

Отъ іесмь, наст. вр.: іесмь, іеси, іестъ, іесвѣ, іеста, іесте, іесмъ, іесте, сѣтъ. Повел. накл. отъ другого корня 2. 3. бѣди, 1. бѣдѣвѣ, 2. бѣдѣта, 1. бѣдѣмъ, 2. бѣдѣте. То же аор.: бѣхъ, бѣхъ (послѣдн. форма можетъ быть отнесена къ преходящему), преход. бѣахъ: прич. бывъ, быть.

Отъ гл. *имь*: *иси*, *истъ* и пр. У насъ *ѣмъ*, при чемъ *ь*, очевидно, позднѣйшаго происхожденія, т. к. корень *яд* сохраняется въ словѣ *яденіе*. Наше *ѣшь* подъ вліяніемъ формъ другихъ глаголовъ; наши *ѣдимъ* (*имъ*), *ѣдите* (*исте*), можетъ быть, подъ вліяніемъ 3-го лица. Повелит.: *иждь* . . . Аор. *исъ*, *истъ*, *истъ* . . . *иса* и *ихъ* . . . *иша*. Прич. *иды* . . .

Къ архаическимъ относится и недостающій глаголь *сати*, въ значеніи *inquit*.

Вмѣсто *мь* 1 л. архаич. глаголовъ встрѣчается окончаніе *мъ* (въ нѣкот. памятникахъ даже преобладаетъ это окончаніе: въ Ассем. Ев. на 15 — *мъ* 138 — *мъ*, въ Супрасл. рук. на 6 — *мъ* 143 — *мъ*, въ Мар. Ев. на 46 — *мъ* 119 — *мъ*). Наряду съ этимъ изрѣдка въ 1 л. мн. ч. всѣхъ глаголовъ вмѣсто *мъ* — *мъ*, иногда *мы* (послѣднее очевидно подъ вліяніемъ мѣстоименія *мы*).

Въ архаич. глаголахъ 2 л. ед. ч. на *си*, въ остальныхъ глаголахъ на *ши*. Предполагается, что *ш* возникло изъ *с* находившемся между двумя гласными. Впрочемъ, здѣсь далеко не все представляется яснымъ: не только этотъ переходъ *с* въ *ш* между двумя гласными (такъ какъ *с* могло быть въ славянск. между двумя гласными, напр.: доуси и пр.), но и само возникновеніе окончанія *ш*, такъ какъ по даннымъ сравненія съ другими языками окончаніе должно было бы быть *ь*.

Въ 3 лицѣ ед. числа изрѣдка *тъ*, иногда отпаденіе *тъ*, напр. *достои* (Зогр. Ев. Марк. 34), *е* (вмѣсто *естъ*. З. Ев. I. 21^{22, 23}, Кл. Сб. 82, 87, 128, тоже въ Мар. Ев., Псалт. и пр.), *нѣ*, *бѣде* и пр. (См. подроб. перечисленіе у Видемана *Beiträge zur altbulg. Conjugation*. Petersb. 1880). Эти примѣры съ отпаденіемъ *тъ* заставляютъ ак. Ягича (Мар. Ев., 444), а затѣмъ проф. Вондрака (*Zur Kritik* . . ., 777) видѣть въ та-

кихъ примѣрахъ Мар. Ев., какъ подобаать, съ кончаать и пр. ассимиляцію въ силу уже не произносившагося окончанія (слѣдовательно, произносилось уже какъ бы: подоба и пр.). Съ этимъ трудно согласиться, такъ какъ этому противорѣчатъ прежде всего такіе примѣры, какъ 2 л. мн. ч. помышлѣате, гдѣ также произошло уподобленіе (е—ѣ), но не можетъ быть и рѣчи объ отпаденіи въ произношеніи *те*.

Постановка въ нѣкоторыхъ случаяхъ о вм. ѡ несомнѣнныя описки. Въ 3 л. мн. ч. мы встрѣчаемъ очень рѣдкіе примѣры замѣны ѣ—ъ.

Трудно поддается объясненію возникновеніе слав. *тъ*, которое предполагаетъ первоначальное *tu*. Было ужъ нѣсколько попытокъ объясненія (См. 24—25 стр. Beiträge zur altb. С. Видемана, затѣмъ укажу еще проф. Брандта О личныхъ наставкахъ слав. гл. Рус. Ф. Вѣстн. т. V, 1881 г., проф. Соболевскаго. Изслѣдованія въ области рус. грамматики. Р. Ф. Вѣстн. VI, 81 г., Ягича Arch. VI, VIII). Можетъ быть, дѣйствительно вѣрнѣе говорить здѣсь объ отвердѣннй первоначальнаго *тъ*, чѣмъ строить различныя теоріи о формѣ неправильнаго конъюктива съ частицей *и* и пр. (отсюда, конечно, не слѣдуетъ, что попадающіяся написанія съ ѡ — остатки древности).

Въ двойств. числѣ окончанія *та* и *те* въ памятникахъ иногда смѣшиваются. Въ Зогр. Ев., напр., 11 случаевъ замѣнъ окончанія 3-го лица — 2-мъ (противъ 87 правильн.), въ Ассеман. 10 подобн. замѣнъ (на 75 правильн.), въ Савв. книгѣ преобладаетъ *та*. Считается строго правильнымъ въ этомъ случаѣ Мар. Ев. (Ср. послѣсл. Ягича къ изданію М. Е., 447 стр.; вѣроятно замѣчаніе Ягича повліяло въ этомъ случаѣ и замѣч. Белича „Къ двойств. числу въ старо-сл. яз.“ Изв. Отд. р. яз. и сл. 99 г.), но на самомъ дѣлѣ и здѣсь имѣются случаи замѣнъ, такъ, напр., для 2-го л. — *те* Л. 23¹⁴, I. 7⁴⁵.

Нѣкоторыя формы архаическихъ глаголовъ находятъ для себя полное соотвѣтствіе въ данныхъ другихъ языковъ:

іесмь — санскр. *asmi* — греч. *εἰμι* — гот. *im* — лит. *esmi*.

Особенно обращаетъ на себя сходство въ 3-мъ л. мн. ч. с. ж. ть, прич. съ і съ форм. санскр. *santi*, *sat*, лат. *sunt* — въ этихъ формахъ „слабый“ видъ (безъ *e*), хотя въ санскр. этотъ видъ распространяется и на 3 л. двойств. ч. Въ литовск. яз. въ этомъ случаѣ слабый видъ поглощенъ сильнымъ. Тотъ

же „слабый“ видъ сказывается и въ нѣмецкомъ *sind*, въ древн. верх. нѣмцк. соотв. съ *i* — *sand*, въ древн.-литовск. *sant* (теперь *ésas*).

Страдательный залогъ образовывался прибавленіемъ мѣстоименія *сѧ*: наречетъ *сѧ* (при чемъ *сѧ* ставилось и передъ глаголами, часто раздѣлялось однимъ или нѣсколькими словами) или соединеніемъ причастій страдательнаго залога съ вспомогательнымъ глаголомъ: гонимъ *іесмь*, съпасень *бждетъ*.

Такъ называемые *iterativa* (глаголы многократнаго вида) образуются прежде всего измѣненіемъ глагольнаго корня: плетѣ — плѣтати, клѣнѣ — клѣтати — клѣнати, мѣрѣ — мѣрѣти — мѣрати, берѣ — бѣрати — бѣрати. Иногда многократность придавалъ и одинъ суффиксъ *а*: боду — бости — бодати.

Обыкновенно различаютъ въ глаголѣ 2 темы: одна — неопредѣленнаго наклоненія, другая — настоящаго времени. Принято, что отъ этихъ темъ образуются другія глагольныя формы: отъ темы настоящаго — повелительное накл., причастія настоящ. всѣхъ залоговъ, напр.: бесѣдоуѣ; бесѣдоуи; бесѣдоуиѧ; бесѣдоуемъ; отъ темы неопредѣленнаго: аористъ, супинъ, причастія прошед. вр. I и II, прич. прош. страд. зал.: бесѣдовахъ; бесѣдовать; бесѣдовавъ; бесѣдовалъ, бесѣдованъ. Преходящее или имперфектъ образуется то отъ темы настоящаго вр., то отъ темы неопредѣленнаго накл.: бесѣдоваахъ и коупоуахъ. Для примѣра я взялъ нарочно такой глаголъ. Въ другихъ случаяхъ эти наблюденія не такъ ясно проявляются, такъ, если возьмемъ глг. несѣ, то, въ сущности, всѣ формы образуются отъ нес, а не отъ предполагаемой темы настоящаго времени несе. И потому правильнѣе не безусловно принимать указанное разграниченіе. Почему, напр., повелит. наклоненіе отъ вести — веди образовано отъ темы настоящаго, а не прямо отъ корня вед? Затѣмъ, можемъ ли мы говорить объ образованіи въ этомъ глаголѣ другихъ формъ отъ темы неопредѣленнаго наклоненія, когда эта тема представляется уже въ измѣненномъ видѣ.

Въ научной грамматикѣ принято дѣлить глаголы по темѣ настоящаго времени и неопредѣленнаго наклоненія. Здѣсь уже было сдѣлано нѣсколько попытокъ установить группировку по классамъ. Такъ Миклошпчъ въ основу дѣленія

бралъ неопред. наклоненіе: 1) корень + ти: нести; 2) кор. + суф. **нѣ** + ти; 3) кор. + суф. **ѣ** + ти; 4) кор. + суф. **и** + ти; 5) кор. + суф. **а** + ти; 6) кор. + суф. ова (изъ оуа) + ти. Лескинъ въ основу дѣленія бралъ тему настоящ. вр. (подраздѣленія по неопред. наклон.): 1) **е**: несеши; 2) **не**: двиг-не-ши; 3) **іе**: а) знаеши, пишеши, б) дѣлаеши; 4) **и**: а) неопр. накл. также **и**: хвалити, б) неопр. **и**: видѣти; 5) на согласн.: дамъ. Въ послѣднее время Ягичъ даетъ такое дѣленіе: 1) тема настоящ. **е**, **о**: а) вторая тема (неопр. накл.) безсуффикс.: ведѣ, плетѣ; несѣ, везѣ; гребѣ, тепѣ; живѣ, пловѣ; дѣмѣ, пьнѣ; вьрѣ, мьрѣ; б) вторая тема имѣетъ тематич. удлиненіе **а**: берѣ — бѣрати; женѣ — гѣнати; жидѣ — жѣдати . . . 2) тема наст. **не**, **но**: двигнеши, станеши; 3) тема наст. на **іе**: а) тема безсуф. — на гласн.: знаѣ — знати . . . — на согл. мелѣ — млѣти (* melti), колѣ — клати (* kolti) . . . б) вторая тема усил. суф. **а** — на гласн.: каѣ — каіати, — согл.: альчѣ — алькати; 4) тема на **и**: а) вторая основа на **и**: бѣдиши — бѣдѣти; б) вторая основа на **и**: боудиши — боудити; 5) тем. наст. на **іе**, кот. присоединяется ко 2-й основѣ, имѣющей **и** или **и**: а) 2-я осн. на **а**: дѣлаѣ, —ати; б) 2-я осн. на **и**: оумѣ, —ѣти; 6) тема наст. на оуіе (юіе), вторая основа — овати: коупоуѣ, —овати (См. Arch. т. 28; 1906 г.).

Какъ видимъ, данныя дѣленія отличаются формальнымъ характеромъ. Была попытка создать дѣленіе на 9 разрядовъ для русскаго глагола Вас. Добровскимъ, но система послѣдняго не отличается цѣльностью. Мнѣ кажется, что при раздѣленіи глаголовъ на разряды мы должны стать на историческую точку зрѣнія и отъ нея, по мѣрѣ возможности, не удаляться. Руководствуясь этой точкой зрѣнія, мы можемъ сказать, что чѣмъ проще глаголъ, тѣмъ онъ древнѣе. Первымъ классомъ, так. обр., будутъ такъ называемые архаическіе глаголы: дамъ, вѣмъ, ѣмъ, іесмъ. Къ 2-му классу относятся всѣ остальные глаголы, какъ образующіе уже тему настоящаго посредствомъ извѣстнаго суффикса. Во этомъ классѣ можно выдѣлить также болѣе древніе глаголы по времени образованія, это такъ называемые теперь безсуффиксные въ темѣ неопредѣл. наклоненія: ведѣ — ведеши — вести, даѣ — даеши — дати и пр. (по спряженію, конечно, подобные глаголы могли отличаться благодаря разнымъ условіямъ: встрѣчи, напр., гласныхъ). Дальнѣйшимъ измѣненіемъ глаголовъ типа везти, является усвоеніе въ неопредѣлен-

номъ наклоненіи суффикса *a*, такъ писати имѣтъ *a* позднѣйшее. Мы замѣчаемъ какое-то поступательное распространеніе этого суффикса. Въ другихъ глаголахъ онъ уже изъ неопредѣл. наклоненія переходитъ въ настоящ. время: нарицати — нарицаю (вмѣсто болѣе древняго нарича^ж). Такъ же образомъ *a* переходитъ въ спряженіе и образуются дальнѣйшія измѣненія: *ae*, *ye*.

Выдвигая историческую точку зрѣнія при дѣленіи глаголовъ, я далекъ отъ мысли о возможности провести ее въ строгой системѣ. Вѣдь, всѣ разнообразныя глаголы имѣются уже въ письменности, даже болѣе того они находятъ себѣ аналогіи въ другихъ языкахъ. Но эта точка зрѣнія важна при общей характеристикѣ.

Установивъ древнѣйшіе разряды, мы можемъ установить также и нѣкоторые позднѣйшіе этипы: посредствомъ суффиксальныхъ мы можемъ и теперь образовывать новыя глаголы, но нельзя уже увеличить такимъ же образомъ разряды типа вез-ти. Суфф. рус. *ива*, *ыва* представляютъ еще дальнѣйшее образованіе.

Итакъ, руководствуясь въ общемъ указанной точкой зрѣнія, я раздѣлилъ бы такъ: 1) глаголы безсуффиксные въ темѣ наст. и неопр. накл.; 2) глаголы, которые образуютъ настоящее черезъ присоединеніе уже суффикса или наст. и неопр. наклоненіе. Во 2-мъ классѣ я бы сдѣлалъ такія подраздѣленія: 1) суфф. наст. *e* или *ie*, неопредѣл. безсуфф.: а) вести, б) жѣти, с) тѣрѣти (тѣрѣ нельзя приравнивать къ *краснѣти*; ср. тѣрѣ = рус. *тере*), д) плоти, е) пѣти, ф) клати; 2) суфф. наст. *e* или *ie*, суфф. неопр. *a*: а) рѣвати, б) писати, с) ковати, д) сѣвати; 3) суфф. наст. *ne*, тема неопр. безсуфф.: станеша — стати; 4) суфф. наст. *ne*, суфф. неопр. *нѣ*: двигнеша — двигнѣти (въ такихъ глаголахъ, какъ *сохнѣти* какъ бы переходъ отъ 3 къ 4, такъ здѣсь имѣются все же такія формы, какъ: *засохъ* и пр.); 5) суфф. наст. *и*, суфф. неопр. *нѣ*: горѣти; 6) суфф. н. *и*, суфф. неопр. *и*: любити; 7) с. наст. *ne*, неопр. *нѣ*: бѣлѣти; 8) с. наст. *ae*, неопр. *a*: дѣлати¹⁾; 9) суфф. наст. *ye*, *юe*, неопр. *ова*, *ева*.

1) Эти *ae*, *ne* несомнѣнное вліяніе уже неопр. наклоненія. Если писати — пишешь, то въ дѣлати уже видимъ переносъ дѣла въ наст. вр. Суффиксы *a*, *нѣ* обозначаютъ продолжительность, при чемъ *нѣ* — болѣе сильно; *нѣ* начало дѣйствія и мгновенность. Глаголы на

XX.

О лексикѣ др.-ц.-сл. памятниковъ.

Лексическому матеріалу, конечно, должно отводить также одно изъ важныхъ мѣстъ при изученіи памятниковъ. Этимъ объясняется въ настоящее время тотъ интересъ, который возбуждаютъ памятники именно съ этой стороны, т. к. лексика лишь иногда возможность опредѣлить отношеніе извѣстнаго памятника къ ряду другихъ: лексика труднѣе вообще поддается измѣненію, чѣмъ фонетика и морфологія. Исторія изученія древне-ц.-сл. памятниковъ со стороны ихъ лексического состава показываетъ, впрочемъ, насколько шатки были иногда мнѣнія ученыхъ, стремившихся на основаніи нѣкоторыхъ лексическихъ особенностей разрѣшать разнообразныя вопросы. Лексика памятниковъ требуетъ такой же детальной разработки, какой подвергались въ памятникахъ фонетика и морфологія. И ее не должно отрывать отъ этихъ послѣднихъ и ставить въ какое-то вполнѣ самостоятельное мѣсто.

Опираясь на тѣхъ или иныхъ данныхъ лексического характера при опредѣленіи древности памятника нужно съ большою осторожностью. Форма, напр., б р а т р ъ несомнѣнно болѣе ранняго происхожденія, чѣмъ б р а т ь (ср. *frater*, *Bruder* и др.), но употребленіе этой формы еще не можетъ свидѣтельствовать о большей древности даннаго памятника, чѣмъ какого-либо другого, въ которомъ употреблена ф. б р а т ь: форма б р а т р ъ могла быть въ говорахъ писцовъ и потому сохранялась и почему бы даже ей иной разъ не могло бы прійтись замѣнить ф. б р а т ь.

Такія слова въ Кіевск. Л., какъ о п л а т ь и п р и н о с ь могутъ намъ свободно указывать, какимъ образомъ возникаютъ въ одномъ и томъ же памятникѣ два слова для выраженія одного понятія — одно слово славянское, другое непереведенное, иностранное (здѣсь, впрочемъ, уже съ извѣстной новой звуковой окраской). Подобные же случаи мы находимъ и въ другихъ древне-ц.-сл. памятникахъ. Такъ, въ Клоцо-

ити — также позднѣйшаго происхожденія: во 1-хъ это усиленіе отъ такихъ глаголовъ, какъ везти, нести — возить, носить, во 2-хъ благодаря суф *и* глаголы обращаются въ такъ называемые винословные (или фактивные) изъ с ѣ х н ѣ т и — соушити.

вомъ Сборникѣ акрогоніен (776, изд. Вондр.) — **Ж**гъленъ (868) и пр. Эти примѣры могутъ указывать, что подобные дублеты могли возникать не такъ замѣны послѣдовавшія для улучшенія (Ср. Облакъ, Arch. f. sl. Ph. ХО, 350—1), а одновременно, въ одномъ и томъ же памятникѣ. Другого рода такіе дублеты, какъ „рѣснота“ и „истина“.

„Рѣснота“, какъ замѣчаетъ Облакъ (Нѣколко бѣлѣжки... 14—15. Ср. Zur Würd., 381), слово чуждое болгарско-македонской почвѣ. Но это слово употребляется и въ хорват. служебникѣ Новака, Карпинскомъ Ев., Синайск. Пс. и др. Паннонскимъ считаетъ это слово и Ягичъ (Zur Entstehungsg. II, 58). Облакъ считаетъ слова рѣснота и истина дублетами возникшими еще въ памятникахъ паннонскихъ и проводитъ въ этомъ случаѣ параллель съ такими словами, какъ власвиим-хоула. Но здѣсь нѣсколько невѣрное сравненіе: въ послѣднемъ случаѣ одно изъ словъ представляется нереведеннымъ греческимъ. Да и какъ поставить на одну линію слова „рѣснота“ и „истина“ въ этомъ случаѣ. Если „рѣснота“ слово несуществовавшее на болгаро-макед. почвѣ, то слѣдовательно оно было внесено позже, на почвѣ паннонской. Слѣдовательно, становясь на такую точку зрѣнія нельзя здѣсь говорить объ этихъ словахъ, какъ о равноправныхъ дублетахъ.

Тоже, напр., слова животъ, небесьскъ, раді, считаются болѣе древними сравнительно съ жизнь, небесьнъ, дѣльма, дѣліа, радьма. Зоґр. Ев. знаетъ только животъ, тоже Маріинское Ев. Въ К. Л. попадется слово животъ въ раз. ф. 5 разъ (а не 2 раза, какъ находимъ указаніе у Вондрака Altslov. Studien, Sitz.-B. W. Ak. 122 т. 10).

Трудно сказать, т. обр., какой изъ дублетовъ ранѣе проникъ въ письменность, какой изъ нихъ несомнѣнный „паннонизмъ“. Въ этомъ случаѣ отчасти могутъ подтверждать существованіе тѣхъ или иныхъ словъ въ тѣхъ или иныхъ слав. нарѣчіяхъ.

Сравнивая со стороны лексикальной евангельскіе тексты и находя съ этой стороны бѣльшее сходство между Ассем. и Остр., Зоґр. и Мар., проф. Вондракъ рѣшаетъ вопросъ такимъ образомъ, что отклоненія Асс. и Остр. внесены на болгарской почвѣ. Противъ этого совершенно справедливо возражаетъ ак. Ягичъ (Zur Entst., II, 57), указывая, что и на паннонской

почвъ могли возникать дублеты, которыми позднѣйшая письменность могла пользоваться для болѣе тонкаго разграниченія понятій (т. напр., синон. животъ и жизнь начали употребляться: первое въ значеніи ζῶν, второе — ζωή), что другіе дублеты явились въ силу желанія болѣе точно передать смыслъ греческаго подлинника (греч. ἀνῆλξατο въ Зогр., Мар. — въ звѣсиса = лат. se suspendit, въ Асс., Остр. оудависа).

Перечислю нѣкоторые изъ дублетовъ: балии (бальство) — врачъ (врачество); варити — прѣжде ити; ваште — болѣ; година — часъ; градѣ — идѣ; гостиница — господа; драсель — сѣтънъ (сѣтовати); етеръ — единъ; жаль — гробъ; жюпель — камы горашии; иночадъ — единочадъ; искръ — близъ; кладазъ — стоуденьцъ; коуръ — кокотъ; къснити — мѣдѣлити, мѣдити; ладии — корабль; неприизнь — лѣжавъ; непѣштейвати — мѣнѣти, помѣшати; отокъ — островъ; плаштаница — понѣвица; подѣпѣга — отпоушеница; раи — порода; спыти — ашютъ; соулѣи — лоучии, оунии; тачае — хоужде; тепѣ — биѣ; хлѣпати — просити; іадро — скоро. Варіанты по суффиксамъ и приставкамъ: благодѣтъ — благодать; велии — великъ; кънижъникъ — кънигъчии; пастыръ — пастоухъ; пропѣти — распѣти и пр. Греческія слова въ переводѣ и непереведенныя: аеръ — вѣтръ, въздохъ; ароматъ — воня; архисинагогъ — старѣшина събороу; епендитъ — срачица, одежда; игемонъ, ѣмонъ — владыка; иудей — жидовинъ; катапетазма — опона, завѣса и пр.

XXI.

Изъ др.-ц.-сл. синтаксиса.

Особенностей синтаксиса др.-ц.-слав. языка я коснусь только въ общихъ чертахъ, выдвину нѣкоторые факты, особенно могущіе поразить при сравненіи съ синтаксисомъ русскаго языка. Въ виду того, что памятники др.-ц.-сл. языка переводные, нужно къ синтаксич. явленіямъ подходить съ большою осторожностью.

Такіе синтаксическіе обороты:

Исоусоу рождышоусѧ влѣсви придошѧ,
Въшьдѣшоу исоусоу и приде сътникъ

мы должны перевести: когда родился Иисусъ, пришли волхвы. Когда вошелъ Иисусъ . . . пришелъ сотникъ. Такимъ образомъ наши придаточныя предложенія времени (а также причины, при разныхъ подлежащихъ въ придаточномъ и главномъ) передавались иногда оборотомъ, поставленнымъ въ дательномъ падежѣ (при чемъ сказуемое было въ причастной формѣ). Это такъ называемый дательный самостоятельный. Что оборотъ этотъ могъ казаться вполне самостоятельнымъ, показываетъ второе предложеніе, въ которомъ дательный самостоятельный соединяется съ послѣдующимъ предложеніемъ союзомъ *и*. Подобныя соединенія возможны были въ силу того, что въ др.-ц.-сл. языкѣ причастіе иногда выступало въ качествѣ сказуемаго второстепеннаго (въ „зависимыхъ“ предложеніяхъ). Русской рѣчи несвойственъ дательный самостоятельный. Лишь путемъ подражанія возникло частое употребленіе дательнаго самостоятельнаго въ древне-русской письменности. Отголоски этого употребленія мы находимъ и въ дальнѣйшемъ времени, напр., у Жуковского: и кругомъ взгроможденному морю, видитъ . . .

Весьма вѣроятно, что дательный самостоятельный возникъ изъ простаго дательнаго падежа съ причастіемъ, но это возникновеніе обусловлено было особымъ свойствомъ причастія, свойствомъ, котораго причастіе въ настоящее время не имѣетъ: бѣльшей своей предикативной силой. Теперь причастіе употребляется только въ значеніи атрибута, раньше оно могло играть роль сказуемаго хотя бы и нѣсколько второстепеннаго.

Дательный самостоятельный, это вполне оригинальный слав. оборотъ. Этимъ оборотомъ передавался греческій родительный самостоятельный, передавались часто и обороты, гдѣ не было въ греческомъ родительнаго самостоятельнаго.

Примѣръ, какъ вѣставъ и рече — выраженіе для насъ совершенно невозможное: мы не можемъ сказать: онъ вставши и сказалъ. Между тѣмъ вѣставъ, играя роль аннотации, имѣло долю сказуемости, но именно долю, такимъ образомъ предложеніе: онъ вставшій и сказалъ было возможно именно въ силу нецѣльности строя предложенія. Идя вслѣдъ за прежними воззрѣніями Буслаева и Срезневскаго,

въ приведенной фразѣ нужно было бы видѣть два предложенія (въставъ есть и рече), но идя за болѣе правильнымъ пониманіемъ Потебни, здѣсь найдемъ предложеніе одно, но какъ бы распадающееся, не такое цѣльное какъ наше современное. Союзъ *и* употребленъ именно какъ бы для того, чтобы болѣе соединить какъ бы распадающіяся части предложенія.

Чтобы все сказанное было яснѣе, я возьму изъ современнаго малорусскаго яз.: а той дідусь та був собі зовсім каліка та ще й німий. Здѣсь мы видимъ, что подлежащее соединяется со сказуемымъ союзомъ *та*. Нѣчто подобное имѣется въ указанныхъ примѣрахъ, нѣчто потому, что тамъ соединяется не только подлежащее, но и второстепенное при немъ сказуемое.

На существованіи подобныхъ примѣровъ какъ въ ставъ и рече или: и въставъше и отидоша, простъръ рѣкѣ и извлѣче и пр. основаны и случаи такъ называемаго именительнаго самостоятельнаго, когда при второстепенномъ причастномъ сказуемомъ имѣется особое подлежащее. Правда, примѣры именительнаго самостоятельнаго очень рѣдки.

Безусловно въ нѣкоторыхъ случаяхъ является употребленіе причастной формы въ подражаніе соотвѣтствующимъ греческимъ оборотомъ. Такъ Мар. 26: бѣахъ же единн отъ кънижникъ тоу сѣдаште і помышлѣхъште: ἦσαν καθήμενοι καὶ διαλογιζόμενοι. Я даже сомнѣваюсь, что примѣръ, приводимый Потебней изъ Остромирова Ев.: ꙗко нѣсмь ꙗко и прочи чловѣци... алѣча... десѣтинѣхъ даѣ, не могъ бы имѣть въ греч. текстѣ чего-либо подобнаго, хотя въ извѣстныхъ текстахъ і л. ὑπεύω, ἀποδεχάτω, чему находимъ соотвѣтствія въ другихъ евангелическихъ текстахъ.

Греч. ἔλεγε βροντὴν γεγονέναι I. 12₂₉ перев. глаголаахъ (народъ) громъ бысть. Въ этомъ переводѣ сказалось отсутствіе союза, потому что его нѣтъ въ греческомъ текстѣ, съ другой стороны получилась фраза вполне свойственная духу славянскаго языка и вмѣстѣ съ тѣмъ фраза по характеру древняго образованія (изъ подобныхъ несвязанныхъ соединеній предложений въ дальнѣйшемъ уже образуются предложенія самостоятельныя и несамостоятельныя, такъ назыв. „придаточныя“).

Можетъ быть, развитіе въ связуемости предложений за-

ставило прежде всего прибѣгнуть къ помощи причастій. Так. обр.: мѣнить сѧ имѣти Мѡ. 25²⁹, Мар. Зогр. будетъ дальнѣйшимъ развитіемъ первоначальнаго: мѣнить сѧ имѣть (т. е. имѣть). Причастіе, так. обр., выступаетъ въ роли показателя болѣе тѣсной связи между предложеніями. Особенно характерно, что въ греческомъ *ὁ δοκεῖ ἔχειν*. Изъ сказаннаго намъ будутъ понятны обороты: нѣсть кто милоуѧ Супр. 41, 24 не вѣста сѧ чего просашта Мѡ. 20²² *οὐκ οἴδατε τί αἰτεῖσθε*. Иногда подобнымъ оборотамъ находимъ соотвѣтствіе и въ греческомъ: *εὗρεν τὸ παῖδιον βεβλημένον ἐπὶ τὴν κλίνην καὶ τὸ δαιμόνιον ἐξεληλυθός* Мр. 7³⁰ обрѣте отроковицѧ лежаштѧ на одрѣ и бѣсѣ ишѣдѣшъ. Мы ожидали бы въ силу этого такого оборота: кого глѣжтѣ ма члѣви сѧшта сѧ члѣвскаго. Но наряду съ подобнымъ оборотомъ въ Мар. Ев. Мѡ. 16¹³ встрѣчается: кого быти (тамъ же 16¹⁵). Весьма вѣроятно, что послѣдній оборотъ сообразно съ греч. текстомъ.

Обороты, подобные приведеннымъ, въ настоящее время немислимы. Потому и нужно быть осторожными, чтобы при чтеніи текстовъ не внести современнаго пониманія въ строй древняго предложенія. Если мы возьмемъ примѣръ изъ древ. рус. памятника (Ипат. лѣтоп.): Данило . . . сожались отславъ сына, то здѣсь при переводѣ мы должны сказать: пожалѣлъ, что отослалъ (а не отославши).

Въ др.-ц.-сл. обычно вообще соединеніе причастій дѣйствительныхъ для выраженія составнаго сказуемаго (кромѣ причастій на *лѣ*, которыя образовали описательное время): бѣдѣши ловѧ Л. 5¹⁰, бѣдѣши мльчѧ Л. 1¹⁹ (Зогр. Ев.), бысть іоанъ крѣста Мр. 1⁴, и бѣ сѣдѧ . . . и грѣдѧсѧ (Мар., Мр. 14⁵⁴): *καὶ τὴν συγκαθήμενος . . . καὶ θερμαίνόμενος*; бѣахѧ бо въси чаѧште его: *ἦσαν γὰρ πάντες προσδοκῶτες αὐτόν* (см. различн. примѣры у Потебни Изъ Зап., 129—130 и особенно у Овсян.-Куликов. „Синтакс. наблюд.“ Ж. М. Нар. Пр. 97, № 5). Между приведенными примѣрами и нашими выраженіями: будетъ ловить, будешь молчать и пр. заключается огромная разница въ самой исходной точкѣ зрѣнія. И эта разница вскрыта съ замѣчательной научной проницательностью въ извѣстномъ трудѣ по синтаксису проф. Потебни. Если мы говоримъ: будешь ловящій (собственно у насъ ловящимъ), то мы выдвигаемъ какъ бы извѣстный признакъ, въ будущемъ присущій данному лицу, если же говоримъ: будешь

ловить, то обращаемъ вниманіе на дѣйствіе, энергію подлежащаго.

Говоря о постепенной потерѣ предикативности причастіями, мы должны помнить, что одно изъ причастій, именно прошедшее на *лз* пріобрѣло эту предикативность въ самой сильной степени, стало изъявительнымъ наклоненіемъ. Между тѣмъ первоначально въ *іесмь дѣлалъ* и *пр.* было такое же сочетаніе какъ *бѣ оуча* и *пр.* Въ др.-ц.-слав. текстахъ это причастіе съ вспомогательнымъ глаголомъ не образовывало составного сказуемаго, а уже являлось описательнымъ временемъ.

Намъ важно отмѣтить, что въ нѣкоторыхъ случаяхъ строй нашего и др.-ц.-сл. предложенія нѣсколько различаются. Др.-ц.-сл. языкъ въ этомъ случаѣ являлся представителемъ древнѣйшей стадіи развитія предложенія, нашъ — позднѣйшей. Въ др.-ц.-сл. яз. нѣтъ такого тонкаго различія въ отгѣнкахъ значенія глаголовъ служебныхъ и знаменательныхъ и потому нѣтъ такой компактности предложенія, какъ у насъ. Наше предложеніе стремится къ усиленію сказуемости.

Приведенныя предложенія распадаются какъ бы на 3 акта мысли: *іоаннъ* — 1 актъ, *бысть* — 2-й и *ловѣ* — 3-й, при чемъ *ловѣ*, входя въ составъ сказуемаго тянетъ также и къ подлежащему, съ которымъ согласовывается въ родѣ. У насъ же 2 акта: *іоаннъ* — 1, *ловилъ* — 2-й и предложеніе болѣе цѣльное.

Интересны такіе обороты:

Григорій поставьень бысть патріархъ
Супр. 90, 10.

Не нарицаите сѧ наставъници. Матв. 23⁹,
Мар. Ев.

Сътворѣ ва ловьца чловѣкомъ Мѡ. 4¹⁹.

Симона іегоже именова Петра Л. 6³.

Нѣтъ нужды, что и въ греческомъ текстѣ мы найдемъ соотвѣтствующіе падежи: эти обороты, несвойственные теперь намъ, были свойственны древнимъ славянскимъ языкамъ, на что указываютъ остатки подобныхъ сочетаній при нѣкоторыхъ глаголахъ. вмѣсто второго именительнаго и винительнаго у насъ выступаетъ творительный. Происходитъ опять таки усиленіе сказуемости: и здѣсь вмѣсто прежнихъ 3 ак-

товъ, образуется 2, такъ какъ творительный падежъ тѣсно примыкаетъ къ сказуемому.

Хотя и въ др.-ц.-слав. мы видимъ проникновеніе творительнаго падежа вм. второго именительнаго: иже прѣтварѣаше овогда тоуромъ бѣвъ. Супр. 5, 29, но это изрѣдка, при чемъ полное отсутствіе подобныхъ оборотовъ въ евангельскихъ текстахъ.

Можно думать, что слав. рѣчи не чужды были обороты и винительный съ неопредѣленнымъ (такъ что здѣсь не только вліяніе греческихъ образцовъ); впрочемъ чаще употреблялся дательный съ неопредѣленнымъ: дати намъ мсти и пр. Винит. съ неопредѣленнымъ могъ возникать какъ изъ начала изъ такихъ предложений, какъ у насъ: заставить кого прійти.

Въ др.-ц.-сл. нѣтъ дѣепричастій. Образование послѣднихъ изъ причастій, т. е. преобразование ряда послѣднихъ въ своего рода нарѣчія также говоритъ объ усиленіи въ послѣдствіи глагольности сказуемаго (такъ какъ бывшее причастіе примыкало не къ глаголу, какъ дѣепричастіе, а къ подлежащему).

Упомянемъ еще о нѣкоторыхъ синтаксическихъ особенностяхъ.

Прилагательное неопредѣленное очень часто употреблялось въ значеніи опредѣленія: добръ чловѣкъ, добра жена (у насъ опредѣленное: добрый, -ая).

Изъ формъ настоящаго времени глагола вспомогательнаго: іесмь у насъ употребляется лишь есть (суть почти совѣмъ не употребляется). Въ др.-ц.-сл. языкѣ сильно развито было употребленіе всѣхъ формъ: іесмь, іеси . . . : азъ іесмь свѣтъ, иже еси оуготовалъ. Съ отрицаніемъ не + іесмь получалась форма нѣсмь.

Согласованіе иногда было по смыслу (какъ часто и у насъ): мѣногъ народъ идонѣ глаголахъ другъ къ другоу.

Нѣкоторые глаголы требовали иного падежа, чѣмъ въ русскомъ языкѣ: хоштѣ жрътвѣ, сждѣ мироу.

Мѣстный падежъ употреблялся безъ предлога не только для обозначенія мѣста, но и времени: семь мѣстѣ, томъ часѣ.

Дательный употреблялся иногда вмѣсто родительнаго: другъ мѣтаремъ, родительный иногда безъ предлога: которааго васъ (т. е. изъ васъ). Въ случаяхъ, подобныхъ послѣднему, часто могло быть подраженіе греческому, какъ и въ такихъ выраженіяхъ: безъ него ничьтоже

бысть, еже бысть (передъ бысть пропущено *не*, въ виду существованія уже отрицанія словъ: ничьто).

Мѣстоим. свои употребляется часто тамъ, гдѣ въ греч. подлинникахъ стояло μου, σου: възлюбиши искрянѣго своего, но остави даръ твой и пр.

Въ истинѣ свободъ бѣдете I. 8³⁶, Зогр. Ев., Мар. Ев. (въ греч. ὅντως ἐλεύθεροι ἔσεσθε), семь кошъницъ исплнѣнъ Матв. 15³⁷. Здѣсь мы видимъ, что свободъ, исплнѣнъ являются прилагательными несклоняемыми. Къ подобному роду относятся: различъ, соугоубъ (удвоенный), прѣпростъ, испразднѣнъ. Болѣе данныхъ за то, что подобныя прилагательныя уподоблялись нарѣчіямъ (См. Миклошичъ V. Gr. II, 55 и несогласіе Потебни Изъ Зап., 103).

Въ нѣкоторыхъ даже какъ бы особенныхъ случаяхъ дословный переводъ съ греческаго могъ соотвѣтствовать духу слав. рѣчи: напр., ὁ παραδδξων πραγμάτων — о прѣславныхъ чудесъ, ср. малорус. молодця, серб., чуда великога.

Я лишь коснулся и то очень слегка синтаксическихъ особенностей др.-ц.-слав. языка. Собственно говоря, изучая строй др.-ц.-слав. предложенія, въ виду того что др.-ц.-слав. памятники представляютъ изъ себя исключительно переводную литературу, нужно каждый фактъ ставить на широкую почву сравненія съ данными другихъ славянскихъ языковъ. Пришлось бы входить так. образомъ и въ изученіе русскаго синтаксиса. Предполагая же начать съ Вами подробное изученіе этого послѣдняго, я и ограничиваюсь здѣсь лишь общими штрихами, необходимыми для полноты курса. Даже тѣ явленія, о которыхъ я вкратцѣ упомянулъ, оказываются въ сущности не одинокими, они существуютъ въ остаткахъ и въ славянскихъ нарѣчіяхъ, въ частности также въ русскомъ народномъ языкѣ, какъ остатки глубокой древности.

XXII.

Къ методамъ изученія др.-ц.-сл. языка. О др.-ц.-сл. языкѣ какъ предметѣ школьнаго обученія.

Затрогивая различные вопросы, касающіеся др.-ц.-слав. языка и др.-ц.-слав. письменности вообще, мы могли уже ознакомиться съ тѣмъ, какъ нужно относиться къ изученію и

изслѣдованію этихъ вопросовъ. Я стремился показать Вамъ, что является болѣе или менѣе установленнымъ, что подвергается сомнѣнію. И мы видѣли, что, въ сущности, на каждомъ шагу здѣсь возникаютъ сомнѣнія. Такимъ образомъ о догматизмѣ въ изложеніи не можетъ быть и рѣчи при желаніи дать даже „общее руководство“ по др.-ц.-сл. языку. Я позволялъ себѣ иногда переходить къ детальному изложенію нѣкоторыхъ вопросовъ, прибѣгать къ доказательствамъ изъ памятниковъ, дабы Вы сами хотя бы и въ немногихъ случаяхъ могли сдѣлаться соучастниками изслѣдованія. Въ другихъ же случаяхъ, изложенныхъ иногда въ печатаемомъ курсѣ конспективно, я также старался въ устной бесѣдѣ съ Вами обставлять большимъ количествомъ данныхъ или подробнѣе разъяснять.

Уже изъ всего сказаннаго ясно, что др.-ц.-сл. языкъ, какъ школьный предметъ, долженъ имѣть много недостатковъ. Но въ средней школѣ мы должны не задаваться цѣлью изученія др.-ц.-сл. языка какъ извѣстной самостоятельной системы, а должны выдвинуть ея служебное значеніе. Какъ извѣстно, древне-церк.-слав. языкъ имѣлъ огромное значеніе въ исторіи русскаго просвѣщенія. Онъ долго былъ нашимъ литературнымъ языкомъ: недаромъ древне-русскіе грамотеи говаривали, что церковно-слав. и русскій языкъ „единъ есть“. Благодаря такой своей роли древн.-ц.-слав. языкъ оказалъ огромное вліяніе и на выработку нашей литературной рѣчи, распространилъ даже вліяніе на отдѣльные факты русскихъ народныхъ говоровъ. Такимъ образомъ, безъ знанія формъ и законовъ др.-ц.-слав. языка мы не будемъ въ состояніи понять и освѣтить многое въ нашемъ языкѣ. Для знакомства же съ древней русской литературой, для пониманія языка нашей Церкви (ново-церковно-славянскаго) знаніе древне-церк.-слав. языка во многомъ совершенно необходимо.

Но признавая огромную историческую важность для насъ др.-ц.-слав. языка, не нужно также забывать, что нашъ школьникъ не изслѣдователь, не ученый филологъ, что древне-ц.-слав. языкъ хотя и священный языкъ, но все же мертвый, изучать формы котораго является совершенно нецѣлесообразнымъ. Забвеніе этого и повело къ тому невозможному положенію, которое создалось въ средней школѣ для грамматики древне-ц.-слав. языка, и было причиной нареканій, жалобъ, которыя несправедливо пали на самый древне-ц.-сл. языкъ.

Стоитъ токъко просмотрѣть рядъ учебниковъ по др.-ц. слав. языку и убѣдиться вполне, сознать, не изучая ихъ, сколько горя, озлобленія могло вызвать изученіе ихъ въ сердцѣ школьника. Память, одна только память требовалась для чисто механическаго изученія того, что, часто не отдавая себѣ отчета, а лишь въ силу традиціи принималъ составитель учебника; затѣмъ — совершенно ненужныя детали, мелочи, которыя могли быть только полезны при практическомъ изученіи языка.

Почти 30 изданій выдержала извѣстная грамматика Колосова. Она продолжаетъ держаться, несмотря на дальнѣйшія попытки другихъ составителей дать болѣе научныя грамматики, продолжаетъ держаться несмотря и на то, что въ большинствѣ своихъ изданій печаталась безъ перемѣнъ, так. обр. являлась устарѣвшей. Происходило это оттого, что позднѣйшіе учебники, улучшая дѣло въ частностяхъ, въ общемъ не измѣняли ничего, выполняя выработавшуюся ранѣе крайне сухую систему, и результаты въ дѣлѣ преподаванія получались тождественными. Иногда даже введеніе новаго сравнительнаго матеріала являлось только еще большимъ тормазомъ для работы памяти¹⁾.

Итакъ мы должны прійти къ тому заключенію, что др.-ц. слав. языкъ въ средней школѣ долженъ преподаваться: 1) или попутно, когда потребуеъ того изученіе главнымъ образомъ русскаго языка; 2) или, если будемъ стремиться давать по прежнему систематическое изложеніе грамматики др.-ц. слав. языка, то эта система должна быть иная, чѣмъ та, какую находимъ въ нашихъ учебникахъ.

Учебная грамматика др.-ц. сл. языка должна давать только главное, минуя различныя мелочи. Это главное должно быть связано съ хорошо извѣстнымъ матеріаломъ для школьника, т. е. съ данными русскаго языка, но не путемъ только сопоставленія, а путемъ уясненія, уловленія различныхъ причинъ, законовъ языка, насколько то, конечно, возможно; ничто не должно быть взято только памятью. Оставляя центръ тяжести

1) Задаваясь цѣлью облегчить работу по др.-ц. сл. яз. въ средней школѣ, сдѣлать эту работу болѣе цѣлесообразной, я въ прошломъ году издалъ „Граматику др.-ц. сл. яз.“ (напечатана была въ „Филолог. Запискахъ“ за 1906 г. и вышла въ отдѣльн. оттискахъ), представляющую попытку иного изложенія.

за древне-ц.-слав. языкомъ, на учебную грамматику все же нужно смотрѣть какъ на введеніе къ болѣе научному знакомству съ русскимъ языкомъ, потому также въ ней не должно быть полнаго догматизма, дабы не пришлось потомъ переучивать и сознать съ прискорбіемъ, что средняя школа ведетъ совсѣмъ не по тому пути, какъ указываетъ современная наука. Нужно помнить твердо также то, насколько несовершенны наши грамматическія познанія вообще и потому не забивать головы учащихся схоластической ученостью ¹⁾).

1) Въ дополненіе къ стр. 26 укажу на новое, недавно вышедшее изданіе Охридскаго Евангелія (въ Извѣст. Отд. рус. яз. и слов. Имп. Ак. Н.), сдѣланное мною по оригиналу. Поправки къ изданію Зографскаго Ев. и пересмотръ нѣкоторыхъ вопросовъ, касающихся этого памятника сдѣланы мною въ печатающемся въ настоящее время (въ Сборникѣ Академіи по Отд. рус. яз. и сл.) небольшомъ изслѣдованіи „Къ Зографскому Евангелію“ (здѣсь же будутъ приложены снимки, воспроизводящіе различныя части памятника).

Изъ замѣченныхъ мною опечатокъ въ настоящемъ курсѣ особенно требуютъ исправленія: 67₃₃ вм. ц, — яз.; 79, п—н; 120 п, словахъ — слогахъ, 88₃₅ азбукъ — языка.

Оглавление.

	Стр.
Предисловіе	3— 4
I. Вопросы возбуждаемые др.-ц.-сл. письменностью. Вопросъ о происхожденіи и древности кириллицы	5— 16
II. О родинѣ древне-церк.-слав. языка	17— 23
III. Главнѣйшіе источники древне-ц.-слав. языка, изданія ихъ и изслѣдованія о нихъ	23— 28
IV. Начало и развитіе научной разработки др.-ц.-сл. языка	29— 39
V. Изъ области научной разработки историческихъ памятниковъ, свидѣтельствующихъ о кирилло-меѳодіевск. времени	40— 48
VI. Изъ области ц.-слав. палеографіи	48— 54
VII. Глухіе гласные звуки ѣ и ѣ	54— 66
VIII. Носовые гласные звуки ѣ и ѣ	66— 79
IX. О звукѣ ѣ	79— 81
X. О различныхъ начертаніяхъ для и и ѣ	81— 85
XI. Начертанія о; йотація; о соотвѣтствіи гласныхъ и согласныхъ звуковъ др.-ц.-слав. языка гласнымъ и согласн. другихъ индо-евр. языковъ	85— 88
XII. Звуки з, дз, ѣ, ф, ѡ, щ; о произношеніи вообще звуковъ др.-ц.-слав. языка	88— 94
XIII. Объ измѣненіяхъ губныхъ и гортанныхъ согласныхъ	94— 97
XIV. Объ измѣненіи зубныхъ; особое положеніе Кіевск. глагол. листковъ	97—110
XV. Объ измѣненіи другихъ согласныхъ; о сочетаніяхъ рѣ, лѣ, ра, ла между согласными	110—113
XVI. Склоненіе именъ существительныхъ съ основой на о и у	113—122
XVII. Склоненія именъ существительныхъ съ основой на а, и и согласн. звуки	122—127
XVIII. Склоненія мѣстоименій, прилагательныхъ, причастій и числительныхъ	127—136
XIX. Спряженіе глаголовъ	136—150
XX. О лексикѣ др.-ц.-сл. памятниковъ	151—153
XXI. Изъ др.-ц.-сл. синтаксиса	153—159
XXII. Къ методамъ изученія др.-ц.-сл. языка. О др.-ц.-сл. языкѣ какъ предметѣ школьнаго обученія	159—162

Александръ Миклашевскій

профессоръ политической экономіи и статистики.

Арбитражъ и соглашеніе

въ

промышленныхъ спорахъ.

Гл. I. Тактика при защитѣ интересовъ труда.

Гл. II. Государство и промышленные споры.

*Эту работу
посвящаю*

моей жень.

Арбитражъ и соглашеніе въ промышленныхъ спорахъ.

Глава первая.

Тактика при защитѣ интересовъ труда.

Корабль, морской волной влечетъ тебя опять!
О, чтоже медлишь ты? Старайся портъ занять.
Ужель не видишь ты, что силою ненастій
Бока обнажены, и перебиты снасти
Порывами вѣтровъ, что реи ужъ давно
На мачтѣ стонуть всѣ, и все сокрушено?
Канаты лопнули и остовъ килемъ старымъ
Не въ силахъ болѣе бороться съ моремъ ярымъ...
Ты жъ берегися бурь сѣдого океана
Коль не желаешь быть игрушкой урагана!

Гораций въ переводѣ Ф е т а.

I.

Въ одной изъ моихъ записныхъ книжекъ я недавно обратилъ вниманіе на выписку изъ рѣчи извѣстнаго норвежскаго мыслителя и поэта Гейнриха Ибсена ¹⁾.

Ибсенъ говоритъ: „одна демократія не можетъ разрѣшить социальнаго вопроса. Элементъ аристократіи долженъ привзойти въ нашу жизнь. Само собой разумѣется, я не думаю объ аристократіи крови или кошелька, ни даже объ аристократіи интеллигенціи. Я говорю объ аристократіи характера, разума и воли. Только она слѣдуетъ насъ свободными.“

1) Пусть не удивляется читатель, что настоящая статья состоитъ почти цѣликомъ изъ обширныхъ выписокъ изъ сырого матеріала и цитатъ выдающихся лидеровъ западной демократіи. Наше общество любитъ западные авторитеты. Оно еще не успѣло выработать своей собственной тактики въ рабочемъ вопросѣ, которая удовлетворяла бы нуждамъ современнаго положенія вещей. Пусть же оно, по крайней мѣрѣ, прислушается къ голосу народолюбцевъ и руководителей западной демократіи. Я постараюсь отмѣтить такія стороны этой тактики, которыя намъ особенно необходимо имѣть въ виду.

Я вполне согласенъ съ этими простыми и ясными мыслями великаго писателя. Я неоднократно говорилъ, и буду повторять это безконечное число разъ, что предъ нашимъ обществомъ предстала великая задача „организации труда и устройства всего политическаго и культурнаго быта страны.“ Отъ эпохи трогательныхъ абстрактныхъ разговоровъ о правахъ человѣка и народа, мы должны перейти къ реальной работѣ пересозданія всѣхъ условій нашего социальнаго быта.

Высказываясь такимъ образомъ, зная ту атмосферу русской жизни, въ которой мнѣ приходится жить и работать, я заранее предвижу, что многіе изъ товарищей по литературной работѣ поторопятся меня зачислить въ число сторонниковъ такъ называемаго „социальнаго мира.“ При абстрактномъ настроеніи нашей общественной мысли всякія классификаціи людей дѣлаются очень просто. Въ число сторонниковъ социальнаго мира попасть еще пріятно, но у насъ никто изъ говорящихъ о реальной работѣ по реорганизации хозяйства не гарантированъ, что какой либо ловкій рецензентъ въ своей замѣткѣ, по нашимъ литературнымъ нравамъ всегда анонимной и потому безответственной, назоветъ Васъ презрительной кличкой „Сисмондиста“ и заранее осудитъ въ глазахъ довѣрчиваго читателя, приученнаго думать, что подъ проповѣдью социальнаго мира слѣдуетъ понимать небольшія починки и подмазываніе капиталистическаго строя въ интересахъ буржуазіи. Я не такъ наивенъ, чтобы говорить о социальномъ мирѣ тамъ, гдѣ его нѣтъ. Мы только что пережили рядъ бурныхъ всеобщихъ стачекъ, мы живемъ въ условіяхъ грознаго и дикаго аграрнаго движенія; мало по малу предъ нашимъ обществомъ спадаетъ завѣса относительно того, что такъ долго скрывалось въ предшествовавшее время, когда основнымъ девизомъ нашей государственной жизни было старинное правило всякаго произвола *bene vixit, qui bene latuit* т. е. тотъ хорошо прожилъ, кто лучше всего скрытъ.

Правительство дѣлало свое тайное дѣло, а общественныя силы свое. Въ результатѣ вытекло только полное общественное разьединеніе классовъ и самое дикое развитіе демагогическихъ стремленій съ одной стороны, и не менѣе дикій произволъ съ другой стороны. Для разумнаго спокойнаго рѣшенія общественныхъ вопросовъ почва оказалась совершенно неподготовленной и по простой причинѣ: реальнаго знанія общественныхъ вопросовъ не было и не могло быть.

За послѣдніе годы на книжный рынокъ выброшено громадное количество всевозможныхъ произведеній печати по всѣмъ общественнымъ вопросамъ; въ свое время это принесетъ плоды, когда общество начнетъ внимательнѣе разбираться въ самыхъ разнообразныхъ точкахъ зрѣнія и съумѣетъ выработать свою собственную тактику въ дѣлѣ рѣшенія общественныхъ вопросовъ, приспособленную къ наличнымъ условіямъ культурнаго уровня своего народа. Предъ моими глазами лежатъ не только неполныя данныя о русскихъ стачкахъ за время съ 1895 по 1904 г., но и точныя данныя англійской, американской, германской, австрійской и французской статистики о забастовкахъ. Въ таблицахъ слѣдующихъ страницъ я привожу эти данныя о стачкахъ въ Англіи, Соединенныхъ Штатахъ, Франціи, Германіи, Россіи и въ Австріи.

Я не стану останавливаться на детальномъ разборѣ приведенныхъ цифръ.

Внимательный читатель самостоятельно оцѣнитъ приведенныя данныя и пойметъ, какую напряженную эпоху борьбы переживаютъ современныя народныя хозяйства. Для меня будетъ достаточно только нарисовать общую картину стачечнаго движенія въ главнѣйшихъ странахъ Европы за послѣднее время. Статистика начала этого вѣка неопровержимо подтвердила тотъ фактъ, что при началѣ промышленнаго развитія стачки представляютъ сравнительно рѣдкое явленіе, но во всѣхъ странахъ, съ усиленнымъ развитіемъ капиталистической промышленности, онѣ становятся чрезвычайно многочисленны. Стачки принимаютъ эпидемическій характеръ вслѣдъ за отмѣной воспрещеній всякихъ коалицій и затѣмъ становятся непосредственно сопутствующимъ явленіемъ росту промышленности. Въ переживаемую нами эпоху въ Европѣ и въ Соединенныхъ Штатахъ стачки весьма многочисленны, значительное количество рабочихъ дней теряется въ народной экономіи на стачечную борьбу и стачки рабочихъ приводятъ къ образованію стачекъ производителей или такъ называемыхъ локаутовъ. Когда я говорю стачки рабочихъ вызываютъ локауты, я этимъ отнюдь не хочу сказать, что локауты представляютъ собой лишь простое орудіе самообороны предпринимателей. Я хочу сказать этимъ только то, что по времени стачки возникли ранѣе. Въ настоящій же моментъ инициатива борьбы исходитъ то съ одной стороны, то съ другой. Иногда локаутъ вызываетъ стачку, иногда стачки

вызываютъ созданіе или упроченіе прежней организаціи предпринимателей.

По разнымъ странамъ стачки по количеству, по продолжительности, по числу бастующихъ чрезвычайно разнообразны. Во Франціи и Германіи число стачекъ чрезвычайно велико, за послѣднее время сильно возросло, но въ этихъ странахъ за послѣднее десятилѣтіе не было столь продолжительныхъ и упорныхъ стачекъ, какъ въ Англіи и въ Соединенныхъ Штатахъ. Только въ Англіи количество стачекъ и локаутовъ, а также и число стачечниковъ значительно уменьшилось. Какъ увидимъ, одна изъ странъ англійской культуры, Новая Зеландія, а отчасти и австралійскія колоніи Англіи, прославились, какъ страны, почти безъ стачекъ. Во второй главѣ мы увидимъ, однако, что это объясняется цѣлымъ рядомъ своеобразныхъ обстоятельствъ и мы подробно остановимся на ихъ анализѣ. Въ общемъ результаты стачекъ въ Англіи были болѣе благопріятны для рабочихъ, чѣмъ въ другихъ странахъ.

Въ Соединенныхъ Штатахъ стачки были чрезвычайно упорны. По даннымъ отмѣченнаго въ таблицѣ бюллетеня бюро труда потеря американскихъ рабочихъ въ заработной платѣ отъ стачекъ съ 1881 по 1900 годъ исчисляется въ 257 милліоновъ долларовъ, трата на помощь стачечникамъ отъ рабочихъ организацій доходитъ до 16 мил. дол., потери предпринимателей опредѣляются за тотъ же періодъ въ 122 мил. дол. Всѣхъ рабочихъ, прекратившихъ работу благодаря стачкамъ, въ тотъ же періодъ было 6,102,960 человекъ. 35 % всѣхъ стачекъ окончились благопріятно для рабочихъ, 16,72 % только отчасти благопріятно, 48,26 % окончились пораженіемъ рабочихъ.

Во Франціи число потерянныхъ рабочихъ дней благодаря стачкамъ сравнительно съ 1894 годомъ возросло втрое. Около двухъ третей стачекъ окончились благопріятно или отчасти благопріятно; частичнымъ успѣхомъ оканчивались стачки, въ которыхъ принимало участіе наибольшее число стачечниковъ.

Въ Германіи съ 1899 по 1904 г. изъ общей массы стачекъ въ 7081, въ среднемъ за годъ удачно оканчивалось 296 стачекъ, съ частичнымъ успѣхомъ 431 и неудачно 618 стачекъ.

Въ Австріи за десятилѣтіе съ 1894 по 1903 изъ общей массы 2659 стачекъ съ полнымъ успѣхомъ окончилось 19,8% стачекъ, съ частичнымъ успѣхомъ 38,6% и безъ успѣха 41,6%. Число предпріятій, которыя за тоже время были охвачены стачками,

12½ тыс., стачечниковъ 409 тыс. и свыше 8-ми миллионѣвъ потерянныхъ рабочихъ дней; въ среднемъ за годъ 265 стачекъ, въ 1903 г. — 324. Любопытно отмѣтить, что въ Австріи, также какъ и во Франціи съ частичнымъ успѣхомъ окончились тѣ стачки, въ которыхъ принимало участіе наибольшее число рабочихъ.

Стаечная статистика даетъ еще много любопытныхъ данныхъ, но за недостаткомъ мѣста я принужденъ оставить ихъ въ сторонѣ. Отмѣчу только, что во всѣхъ странахъ съ организованнымъ трудомъ подмѣчено, что стачки оканчиваются тѣмъ благоприятнѣе, чѣмъ предусмотрительнѣе онѣ проводятся и потому рабочіе союзы стремятся не допускать объявленіе стачки безъ разрѣшенія центральной организациі союза.

Само собою разумѣется, что главнымъ предметомъ борьбы въ большинствѣ стачекъ и повсемѣстно является размѣръ заработной платы и часы труда.

Количество стачекъ и локаутовъ въ Англіи.

Годы.	Число рабочихъ стачечниковъ.	Общее число стачекъ и локаутовъ.	Число потерянныхъ рабочихъ дней.	
1894	325.248	929	9.529.010	Занимствовано изъ годовыхъ отчетовъ о стачкахъ и локаутахъ въ Соединенномъ Королевствѣ.
1895	263.123	745	5.746.670	
1896	198.190	926	3.746.368	
1897	230.267	864	10.345.523	
1898	253.907	711	15.289.478	
1899	180.217	719	2.516.416	
1900	188.543	648	3.152.694	
1901	179.546	642	4.142.287	
1902	256.667	442	3.479.255	
1903	116.901	387	2.338.608	
1904	166.388	354	1.454.220	

Стачки и локауты въ Англіи по достигнутымъ результатамъ.

Годы.	Стачки и локауты.					Число стачечниковъ и локированныхъ рабочихъ.				
	1898	1899	1900	1901	1902	1898	1899	1900	1901	1902
Въ пользу рабочихъ . . .	238	230	202	163	107	45.490	36.808	40.612	30.511	36.917
Въ пользу предприним. . .	227	245	211	280	202	120.667	60.475	39.497	37.675	35.515
Компромисъ . . .	243	236	221	192	123	34.501	40.237	56.390	40.955	41.645
Неопредѣл. резул. и незакончив. ст. . .	3	8	14	7	10	111	738	4.646	2.216	2.747
Всего	711	719	648	642	442	200.769	138.058	135.145	111.437	116.824

Число стачекъ и локаутовъ въ Соединенныхъ Штатахъ С. А.

Стачки.

Локауты.

Годы.	Число стачекъ.	Число промышленныхъ заведеній.	Число рабочихъ потерявшихъ работу	Средняя продолжительность стачки (дней).	Число локаутовъ.	Число промышленныхъ заведеній.	Число рабочихъ, потерявшихъ работу.	Продолжительность локаута (дней).
1891	1.717	8.116	298.939	34.9	69	546	31.041	37.8
1892	1.298	5.540	206.671	23.4	61	716	32.014	72.0
1893	1.305	4.555	265.914	20.6	70	305	28.842	34.7
1894	1.349	8.196	660.425	32.4	55	875	29.619	39.7
1895	1.215	6.973	392.403	20.5	40	370	14.785	32.3
1896	1.026	5.462	241.170	22.0	40	51	7.668	65.1
1897	1.078	8.492	408.391	27.4	32	171	7.763	38.6
1898	1.056	3.809	249.002	22.5	42	164	14.217	48.8
1899	1.797	11.317	417.072	15.2	41	323	14.817	37.5
1900	1.779	9.248	505.066	23.1	60	2281	62.653	265.1

Эти данныя заимствованы изъ 10-го и 16-го годичнаго отчета комитета Бюро труда. Въ бюллетенѣ бюро труда № 54, сентябрь 1904 г. они нѣсколько, но не существенно измѣнены.

Статистика стачекъ во Франціи съ 1894 по 1904 г.

Годы.	Число стачекъ.	Число заведеній.	Количество стачечниковъ.	Потерянные дни.	Число стачекъ окончившихся.			Число стачечниковъ въ стачкахъ окончившихся.		
					Успѣхомъ.	Частичнымъ успѣхомъ.	Неудачно.	Успѣхомъ.	Частичнымъ успѣхомъ.	Неудачно.
1894	391	1.731	54.576	1.062.480	84	129	178	12.897	24.784	16.895
1895	405	1.298	45.801	617.469	100	117	188	8.565	20.672	16.564
1896	476	2.178	49.851	644.168	117	122	237	11.579	17.057	21.215
1897	356	2.568	68.875	780.944	68	122	166	19.838	28.767	20.270
1898	368	1.967	82.065	1.216.306	75	123	170	10.594	32.546	38.925
1899	739	4.288	176.772	3.550.734	180	282	277	21.131	124.767	30.874
1900	902	10.253	222.714	3.760.577	205	360	337	24.216	140.358	58.140
1901	523	6.970	111.414	1.862.050	114	195	214	9.364	44.386	57.664
1902	512	1.820	212.704	4.675.081	111	184	217	23.533	160.820	28.351
1903	568	3.246	123.151	2.441.944	122	222	223	12.526	89.736	20.889
1904	1.026	17.250	271.097	3.934.884	297	394	335	53.555	168.034	49.508

См. Statistique des Grèves et des Recours à la Conciliation et à l'Arbitrage pendant l'année 1904.

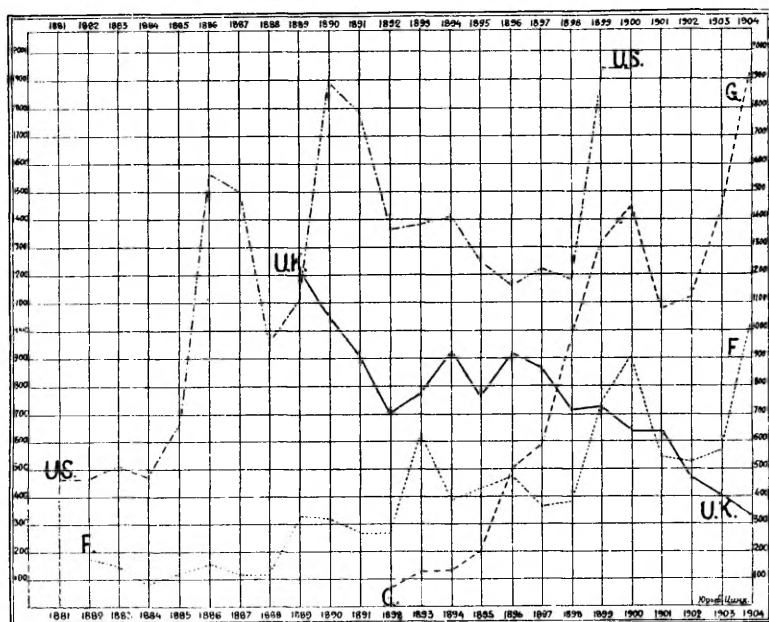
Статистики стачекъ въ Германіи съ 1899 г.

Годы.	Число стачекъ.	Число заведеній.	Общее число рабочихъ въ заведен.	Число стачечниковъ въ нихъ.	Стачки, которыя окончились					
					успѣхомъ		част. успѣхахъ		неудачно	
					число	%	число	%	число	%
1899	1.288	7.121	256.858	99.338	331	25.7	429	33.3	528	41.0
1900	1.433	7.740	298.819	122.803	275	19.2	505	35.2	653	45.6
1901	1.056	4.561	141.220	55.262	200	18.9	285	27.0	571	54.1
1902	1.060	3.437	131.086	53.912	228	21.5	235	22.2	597	56.3
1903	1.374	7.000	198.636	85.603	300	21.8	444	32.3	630	45.9
1904	1.870	10.321	273.364	113.480	449	24.0	688	36.8	733	39.2

См. Streiks und Aussperrungen im Jahre 1904.

Діаграмма, дающая картину числа промышленныхъ споровъ:

Англія обозначена линіей U. K. — Соединенные Штаты — U. S.,
Франція — F. и Германія — G.

**Стачки въ Австріи по результатамъ и числу стачечниковъ
(въ относительныхъ числахъ).**

	Годы: съ 1894 по 1903 г.		Въ 1903 году.		
	% всѣхъ стачекъ.	% рабочихъ стачечниковъ.	% всѣхъ стачекъ.	% рабочихъ стачечниковъ.	
Съ полнымъ успѣхомъ для рабоч.	19.8	9.3	47.3	10.0	По даннымъ Die Arbeitseinstellungen und Aussperrungen in Oesterreich, Wien, 1904 г.
Съ частичн. успѣхъ.	38.6	63.2	43.5	68.0	
Безъ успѣха . . .	41.6	27.5	39.2	22.0	

Что касается до исторіи стачекъ въ Россіи, то вполне точныхъ данныхъ для всей Россіи и всѣхъ промысловъ, въ крупной и мелкой промышленности, въ сельскомъ хозяйствѣ, въ торговлѣ и въ обращеніи, мы до сихъ поръ не имѣемъ. Недостатокъ этой статистики лишь отчасти восполненъ недавно изданной работой фабричнаго инспектора В. Е. Варзара: „Статистическія свѣдѣнія о стачкахъ рабочихъ на фабрикахъ и заводахъ за десятилѣтіе 1895—1904 г., изданіе Министерства торговли и промышленности, Спб. 1905 г.“ Съ нѣкоторыми основными данными этой работы не мѣшаетъ ознакомиться всѣмъ интересующимся социальнымъ вопросомъ. Проглядывая сухія цифровыя данныя этого отчета, внимательный читатель легко пойметъ, что то броженіе, которое съ такой силой охватило русскій рабочій классъ въ 1905—1906 году, подготовлялось цѣлый рядъ лѣтъ и по существу ничего разумнаго не было сдѣлано, чтобы подготовить общество заранее къ новымъ условіямъ промышленной жизни; напротивъ было принято много мѣръ для совершенной деморализаціи промышленной жизни; къ сожалѣнію, отчетъ г. Варзара не даетъ многого, что желалъ бы встрѣчать статистикъ въ такого рода изданіяхъ. Отчетъ даетъ цифры, но не даетъ сколько нибудь яркой бытовой картины тѣхъ условій, среди которыхъ протекала стачечная борьба. Въ отчетѣ читатель не найдетъ данныхъ относительно того, за какой размѣръ заработной платы боролись рабочіе, за какое число часовъ, какія условія внутренняго распорядка рабочей жизни возбуждали ихъ приниматься за стачку. Какъ увидитъ читатель изъ ниже приведенныхъ данныхъ, въ Россіи въ пользу рабочихъ окончилось около 50% всѣхъ стачекъ. Выводъ утѣ-

шительный, но для знающаго западную статистику стачек наводящій на большія сомнѣнія. При отсутствіи сколько нибудь прочной организаціи среди рабочихъ, такой успѣхъ стачекъ опытный статистикъ скорѣе всего будетъ склоненъ объяснять самою минимальностью требованій рабочихъ. Провѣрить свои сомнѣнія, однако, читатель не можетъ: отчетъ по этому вопросу не даетъ никакихъ данныхъ. Какъ ни недостаточенъ означенный отчетъ, какъ ни блѣдно выражены въ немъ условія нашей промышленной жизни, все же отчетъ представляетъ много поучительнаго.

Вотъ прежде всего таблица, дающая свѣдѣнія о числѣ заведеній, охваченныхъ стачками и о числѣ забастовавшихъ рабочихъ.

Въ среднемъ подъ надзоромъ инспекціи въ пятилѣтіе съ 1895 по 1899 г. состояло 19 тысячъ фабрикъ съ 1.500 тыс. рабочихъ, въ пятилѣтіе съ 1899 по 1904 г. 17 тысячъ заведеній и 1.700 тыс. рабочихъ; въ среднемъ за десятилѣтіе, въ круглыхъ цифрахъ, подъ надзоромъ состояло около 18 тыс. промышленныхъ заведеній и 1600 тыс. рабочихъ. Къ этому числу заведеній и рабочихъ только и относятся цифры г. Варзара, оставляя насъ въ неизвѣстности о всѣхъ другихъ промышленныхъ спорахъ, которыхъ, конечно, за отчетный періодъ было не мало.

Годы.	Число охваченныхъ стачками заведеній.		Число участвовавшихъ въ стачкахъ рабочихъ.	
	Абсолютное	въ % къ общему числу	Абсолютное	въ % къ общему числу.
1895	68	0.36	31.195	2.01
1896	118	0.62	29.527	1.94
1897	145	0.75	59.870	3.99
1898	215	1.13	43.150	2.87
1899	189	0.99	57.498	3.83
1900	125	0.73	29.389	1.73
1901	164	0.96	32.218	1.89
1902	123	0.72	30.671	2.15
1903	550	3.21	80.832	5.10
1904	68	0.40	24.204	1.46

Распределеніе стачекъ по причинамъ ихъ возникновенія и по числу участвовавшихъ рабочихъ видно изъ слѣдующей таблицы:

Разряды причинъ стачекъ.	Число рабочихъ-забастовщиковъ.	Въ %-хъ къ общему ихъ числу.	Въ среднемъ, по главн. категориямъ.
А. Заработная плата :			
1. Требования увеличенія платы. .	98.767	22.9%	{ 48.6%
2. Сопротивленіе уменьш. платы.	61.271	14.5 "	
3. Порядокъ и условія расплаты.	48.523	11.2 "	
Б. Рабочее время.			
1. Требования сокращенія раб. вр.	81.009	18.8%	{ 30.0%
2. Сопротивленіе увелич. раб. вр.	22.460	5.2 "	
3. Распредѣленіе рабочаго врем. .	25 889	6.0 "	
В. Порядокъ въ заведеніи, дѣйствіи заводоуправленій и условія быта.			
1. Вычеты и штрафы.	14.727	3.4%	{ 13.5%
2. Личный персоналъ заводоуправ. и его дѣйствія.	40.977	9.5 "	
3. Неблагоустройство раб. помѣщ.	240	0.05 "	
4. Условія довольствія и быта . .	2.688	0.6 "	
Г. Разныя причины.			
1. Случайныя причины.	2.508	0.5%	{ 7.9%
2. Профессіональныя (стачки по симпатіи, внѣшнія вліянія). .	32.195	7.4 "	

По группамъ производствъ наибольшее количество бастовавшихъ рабочихъ было въ заведеніяхъ по обработкѣ хлопка, затѣмъ металловъ, затѣмъ въ прочихъ текстильныхъ производствахъ, за исключеніемъ шерстяной промышленности. Въ остальныхъ производствахъ группы бастующихъ были менѣе многочисленны.

Число кратковременныхъ стачекъ, продолжительностью менѣе десяти дней, являлось наиболѣе частымъ. Такихъ стачекъ за десятилѣтіе было 1458 случаевъ или 82,2% общаго числа стачекъ; число потерянныхъ рабочими дней было — 1.429.358 или 67.7% общаго числа потерянныхъ дней. Стачекъ продолжительностью свыше десяти дней было 257 случаевъ или 1795 всего числа забастовокъ и 650.000 потерянныхъ дней или 31.3% общаго ихъ числа. Всего стачекъ за десятилѣтіе было 1765, забастовщиковъ 431.254 и число потерянныхъ рабочихъ дней 2.079.408.

Наименѣе тщательно въ приводимомъ отчетѣ разработаны данныя о такъ называемыхъ „видимыхъ“ потеряхъ отъ стачекъ рабочихъ и предпринимателей. Выводъ составителя отчета звучитъ очень оптимистически. „Въ общемъ, говорить

г. Варзаръ, за десять лѣтъ потери фабрично-заводской промышленности, вслѣдствіе уменьшенія производительности, исчисляются въ 10.427 тыс. рублей, а убытки рабочихъ въ 1.597 тыс. руб. Это составитъ въ среднемъ для одного года — 1.042 видимыхъ потерь промышленниковъ и 159 тыс. потерь заработка для рабочихъ. Нельзя не придти, на основаніи этого, къ тому заключенію, что при 2.415 милліонахъ годовой производительности фабрикъ и заводовъ, входящихъ въ кругъ изслѣдованія (вмѣстѣ съ обложенными акцизомъ заведеніями по подсчету за 1900 г.) и при 310 милліонахъ годовой рабочей платы (съ акцизными заводами), видимые убытки, причиняемые стачками за десятилѣтіе 1895—1904 г., не представляютъ угрожающихъ размѣровъ. Убытки предпринимателей, если опять говорить о видимыхъ, подлежащихъ учету, такъ же не чрезмерны. Такъ какъ при остановкѣ производства предприниматели не несутъ расходовъ на сырые матеріалы, топливо, рабочую плату, то по примѣрному суммарному подсчету потери ихъ составляютъ около 16% отъ общей суммы сокращенія производительности. Если даже принять въ расчетъ потери прибыли отъ всей суммы уменьшенной продуктивности, то и тогда общая сумма убытковъ предпринимателей, въ среднемъ для одного года, опредѣлится примѣрно въ 170 тыс. рублей. Такимъ образомъ, приблизительно, судя по цифрамъ истекшаго десятилѣтія, убытки предпринимателей отъ стачекъ равны видимымъ убыткамъ рабочихъ“ (стр. 47).

Оставляемъ эти вычисленія всецѣло на отвѣтственности г. Варзара. Они представляются намъ вообще весьма проблематичными, въ особенности же оптимистическій выводъ относительно равенства потерь предпринимателей и рабочихъ. Достаточно отмѣтить хотя бы то обстоятельство, что Варзаръ принимаетъ во вниманіе только потери въ заработной платѣ опредѣленнаго размѣра, забывая, что потери рабочихъ увеличиваются при всѣхъ неудачныхъ стачкахъ зачастую еще и той потерей отъ пониженія заработной платы, которую они стремились предотвратить. Кромѣ того, борьба зачастую ведется и за часы труда и всякая неудача должна оцѣниваться, какъ обезцѣненіе труда при невозможности добиться уменьшенія числа рабочихъ часовъ.

Что касается до результатовъ стачекъ, то въ общемъ они могутъ быть выражены слѣдующимъ образомъ. Вполнѣ или отчасти въ пользу рабочихъ за весь періодъ десятилѣтія

окончилось около 50%, противъ рабочихъ 45,4%. Я уже отмѣтилъ выше, что этому выводу не слѣдуетъ придавать большого значенія, такъ какъ отчетъ не даетъ никакихъ данныхъ для сужденія о размѣрахъ требованій рабочихъ вообще и о характерѣ тѣхъ компромисовъ, на которые они принуждены были согласиться. Разсматривая болѣе детально свѣдѣнія о результатахъ стачекъ по группамъ производствъ, можно замѣтить, что успѣхи рабочихъ были очень незначительны въ наиболѣе капиталистически организованныхъ промыслахъ, что весьма подтверждаетъ высказанныя мною сомнѣнія. Такъ по группамъ производствъ результаты стачекъ изображаются слѣдующей таблицей:

Группы производства.

Исходъ стачекъ.	I	II	III	IV	V	VI	VII	VIII	IX	X	XI	XII	въ % ¹⁾
Въ пользу рабочихъ . .	26.3	36.6	20.9	39.6	11.8	51.6	16.6	23.3	57.6	13.3	25.4	15.0	
Компромиссъ . . .	22.5	21.4	11.8	18.3	18.7	11.5	9.8	12.8	17.6	25.8	30.3	26.3	
Въ пользу работодателя . .	50.5	42.0	67.3	42.1	69.5	34.2	71.0	60.3	21.9	60.3	41.0	51.2	
Неизвѣстно . . .	0.7	—	—	—	—	2.7	2.6	3.6	2.8	6.5	3.3	7.5	

1) т. е. по такимъ 12 группамъ промысловъ: I. *Обработка хлопка* (производство пряжи, ткани, окраска и отдѣлка тканей). II. *Обработка шерсти* (мойка, чесаніе, пряденіе и тканье шерсти, суконныя, красильно-отдѣлочные заведенія, произв. валяныхъ издѣлій). III. *Обработка шелка* (размотка, крученіе шелка, тканье, окраска, отдѣлка шелковыхъ издѣлій). IV. *Обработка льна, пеньки и джута* (трепаніе, пряденіе, тканье, отдѣлка издѣлій, канатное произв.). V. *Обработка смѣшанныхъ матеріаловъ и волокнистыхъ веществъ* (произв. кружевъ, тюля, лентъ, трикотажныхъ издѣлій, платья, шляпъ, бѣлья, канители, зонтиковъ и т. п.). VI. *Производства: бумажной массы, бумаги и картона*, издѣлій изъ бумаги и картона, полиграфическія (типографіи) и находяшіяся съ ними въ связи. VII. *Механическая обработка дерева* (произв. лѣсопильное, столярное, мебельное, производство издѣлій изъ дерева, пробки). VIII. *Обработка металловъ, машинъ, аппаратовъ и орудій ремесла* (заводская переработка металловъ: желѣза, стали, мѣди; механическія, машиностроительныя, вагоно-паровозостроительныя, судостроительныя, ремонтныя мастерскія; фабрики, изготовляющія разныя металлическія издѣлія: проволоку, гвозди, косы, жестяныя коробки, посуду, ножевой, скобяной, замочный товаръ, издѣлія изъ драгоценныхъ металловъ и сплавовъ, стальные перья, экипажи, ремесленные орудія и т. д.). IX. *Обработка минеральныхъ веществъ*

Хотя г. Варзаръ и замѣчаетъ, что большинство стачекъ, а именно 930, протекало вполнѣ мирно и не было принимаемо никакихъ мѣръ для ихъ прекращенія, но его же данныя говорятъ, что въ 835 случаяхъ стачекъ дѣло принимало иной оборотъ, совсѣмъ необычный для странъ съ западно-европейской промышленной практикой. Если принять во вниманіе случаи проявленія особыхъ обстоятельствъ при стачкахъ въ ихъ сочетаніи между собою, то каждое изъ ниже-слѣдующихъ обстоятельствъ повторялось въ этихъ 835 стачкахъ слѣдующее число разъ:

	Случаи единичнаго проявленія.	Въ совокупности съ другими обстоятельствами.	Итого.
1. Частичный расчетъ. . . .	154	36	190
2. Аресты, высылки. . . .	95	42	137
3. Призывъ войскъ	223	117	340
4. Разрушительныя дѣйствія.	4	67	71
5. Привлеченіе къ суду . .	31	8	39

Изъ этихъ данныхъ ясно видно, что привлеченіе къ суду было сравнительно рѣдкимъ явленіемъ въ случаяхъ *немирныхъ* стачекъ. Административная репрессія почиталась главнымъ средствомъ для приведенія въ норму промышленныхъ споровъ. Немудрено, что наше народное хозяйство пережило въ 1905 и 1906 годахъ такую грозную эпоху полного разстройства отношеній между рабочимъ персоналомъ и руководителями предпріятій. Они пожинали только то, что сѣяли сами при помощи поддерживавшаго ихъ правительства. Пусть же это послужитъ для нихъ разъ и навсегда урокомъ.

(стеклянное, фарфоровое, керамическое, цементное, известковое производство; заводы кирпичные, черепичные). X. *Обработка животныхъ продуктовъ* (производства: кожевенное, скорняжное, салотопенное, мыловаренное, стеариновое, костеобжигательное; произв. издѣлій изъ кожи, кости, волоса). XI. *Обработка питательныхъ веществъ* (мукомольное, крупяное, булочное, маслoбойное, крахмальное, скотобойное, также обработка масла, кофе, консервовъ и друг. пищевыхъ продуктовъ). Сюда же изъ акцизныхъ должно отнести: сахарное, винокуренное, пивоваренное и табачное производства. XII. *Химическія производства* (производ. химическихъ, косметическихъ товаровъ и красокъ, также резинное и газовое производство). Изъ производствъ, обложенныхъ акцизомъ, сюда должно причислить: спичечное, обработку нефти и продуктовъ изъ нефти.

Чрезвычайно тяжело воспроизводить картину той политики и тактики, которыхъ держались наше правительство и значительное число предпринимателей въ рабочемъ вопросѣ за все послѣднее время. Это воистину была тактика деморализаціи.

Любопытнѣйшимъ памятникомъ правительственной тактики являются циркуляры 1896 г., и въ особенности отъ 8-го и 12-го апрѣля 1897 г. со всѣми ихъ послѣдующими разъясненіями и толкованіями. На пространствѣ двухъ какихъ нибудь лѣтъ правительство рѣшалось говорить подчиненной ей инспекціи и о патріархальности отношеній между предпринимателями и рабочими, и подчиняло рабочихъ одновременно усиленному надзору инспекціи, полиціи, и рѣшалось устранять всѣ промышленные споры въ порядкѣ положенія объ охранѣ.

Много говорилось у насъ о пресловутыхъ патріархальныхъ отношеніяхъ между предпринимателями и рабочими. Въ этихъ разговорахъ всегда скрывалась ложь; у насъ эта ложь становилась чѣмъ то особенно квалифицированнымъ.

Правительство очень хорошо знало и видѣло, что никакой патріархальности отношеній не существуетъ. Оно видѣло, что среди рабочаго сословія идетъ дѣятельная социаль-демократическая пропаганда, которая находитъ чрезвычайно благоприятную почву именно потому, что въ отношеніяхъ между предпринимателями и рабочими нѣтъ искренности и человѣчности, отсутствуетъ совершенно сознаніе, что какой либо порядокъ въ отношеніяхъ можетъ существовать только тогда, если обѣ стороны будутъ относиться другъ къ другу, какъ свободныя человѣческія существа. Для общества правительство говорило о патріархальности отношеній; въ реальной дѣйствительности оно принимало на себя роль защитника предпринимателей всѣми средствами полицейской власти, а когда стало чувствоваться, что однимъ путемъ насилія сдѣлать можно немного, оно прибѣгло къ помощи полицейскихъ агентовъ для организаціи монархически преданныхъ рабочихъ, обѣщая послѣднимъ чуть ли не полную трансформацию социальныхъ отношеній. Другими словами, оно буквально повторяло старую исторію Наполеона III-го, т. е. одновременно развращало и подчиненные ему органы администраціи, и предпринимателей, и рабочихъ.

Циркулярами 1897 года фабричная инспекція была низ-

ведена до роли полицейскаго наблюдающаго агента за настроеніемъ рабочихъ, „избѣгая, однако, личнаго ихъ опроса“, всякія попытки разсмотрѣнія претензій рабочихъ до прекращенія стачки, которая разсматривалась, какъ незаконный, наказуемый безпорядокъ, воспрещены. Полиція и вообще административная власть, по соглашенію съ инспекціей, должна была объявлять рабочимъ, что до возобновленія работъ никакія ихъ заявленія принимаемы и разсматриваемы не будутъ, а затѣмъ указывать, что рабочіе обязаны, по возможности въ кратчайшій срокъ, или стать на работу, или получить расчетъ; получившихъ расчетъ, а равно и отказавшихся отъ него, предписывалось удалять на родину, а зачинщиковъ и подстрекателей заключать подъ стражу въ порядкѣ охраны или удалять на родину и не иначе, какъ по этапу. Всякія сходки для обсужденія положенія, конечно, воспрещались. Съ особымъ стараніемъ инспекція и администрація должны были выискивать зачинщиковъ и подстрекателей, которыхъ рекомендовалось заключать подъ стражу по весьма простому соображенію, что при тревожномъ настроеніи умовъ рабочаго населенія данной мѣстности освобожденіе наиболѣе энергичныхъ вожаковъ, до полнаго успокоенія умовъ, представляется часто вреднымъ и влечетъ за собою возобновленіе безпорядковъ.

И эти чудовищные циркуляры, съ ихъ послѣдующими дополненіями существовали почти въ теченіи десяти лѣтъ! Только въ 1905 г., на совѣщаніяхъ 4 и 5-го апрѣля, подъ давленіемъ начавшейся революціи, фабричная инспекція рѣшилась высказаться открыто противъ основныхъ началъ этой деморализующей политики.

Фабричная инспекція, которую долгое время окончательно хотѣли передать въ подчиненіе министерству внутреннихъ дѣлъ и которую спасъ отъ этого только случай, потеряла за этотъ періодъ свое прежнее обаяніе и перестала, въ лицѣ многихъ своихъ представителей, понимать, что она является только строгимъ хранителемъ закона и необходимымъ посредникомъ между предпринимателями и рабочими. Она стала только невліятельною частью той „грознаго силы“, которая должна была изловить агитатора противоправительственныхъ идей и водворить на фабрикѣ или заводѣ порядокъ чисто русскими средствами: угрозами, нагайками, арестами, высылками, неправильными толкованіями закона.

Упоенные такой политикой предприниматели въ громаднѣмъ большинствѣ случаевъ были лишены всякаго не только чувства справедливости, но такта и благоразумія. Они не уважали ни себя, ни инспекцію, ни рабочихъ. Въ любопытной книгѣ проф. И. Х. Озерова: Политика по рабочему вопросу за послѣдніе годы (Москва, 1906 г.), человекъ по своимъ убѣжденіямъ очень умѣреннаго, читатель можетъ найти поразительные факты этой гнусной эпопеи деморализаціи страны, ея административныхъ органовъ и предпринимателей. О какомъ, въ самомъ дѣлѣ, промышленномъ мирѣ можно было говорить, если, по словамъ профессора Озерова, предприниматели, чтобы держать рабочихъ въ должной дисциплинѣ, прибѣгали къ такимъ формамъ защиты своихъ интересовъ, а именно: на свои средства содержали у себя на фабрикѣ частную, тайную полицію, какъ это было въ Лифляндской губерніи, или открыто въ обычной полицейской формѣ; вносили въ полицію или въ жандармское управленіе деньги съ тѣмъ, чтобы эти учрежденія содержали на фабрикахъ тайныхъ полицейскихъ агентовъ, которые должны были сообщать одновременно и по начальству, и самимъ фабрикантамъ о всѣхъ проявленіяхъ агитаціи и недовольства среди рабочихъ, обращались къ администраціи съ просьбою объ удаленіи по ихъ указаніямъ безпокойныхъ элементовъ, хлопотали, а иногда и добивались, расквартированія казаковъ на фабрикахъ въ обычное и спокойное время. Съ чувствомъ стыда за свою родину мнѣ пришлось прочесть въ мѣстной Юрьевской газетѣ, что одинъ изъ фабрикантовъ Эстляндской губерніи въ 1906 г., послѣ прекращенія всеобщей забастовки, заставилъ принявшихъ за работу подачей записокъ указать, кто по мнѣнію ихъ, рабочихъ, были главными зачинщиками безпорядковъ. И, увы, онъ достигъ своей цѣли этимъ поразительнымъ примѣненіемъ началъ всеобщаго и тайнаго голосованія; зачинщики къ удовольствію фабриканта были названы и полученныя данныя были опубликованы, очевидно, на поученіе другимъ сотоварищамъ — предпринимателямъ. Я не имѣю ни малѣйшаго желанія утверждать, что во всей Россіи отношенія между предпринимателями и рабочими были такъ ненормальны. Увѣренъ, что въ цѣломъ рядѣ предпріятій отношенія поддерживались на другихъ началахъ: иначе вся промышленная жизнь была бы невозможна; но ненормальныя отношенія въ большинствѣ предпріятій

должны были оказывать вредное вліяніе и на хорошо поставленныя предприятия¹⁾.

Всеобщая забастовка октября 1905 г., протекавшая при серьезномъ сочувствіи общественнаго мнѣнія, открыла намъ дорогу къ иному будущему. . . Затѣмъ послѣдовали вторая, третья забастовки, вооруженное возстаніе и нынѣ мы переживаемъ одну изъ тяжелѣйшихъ переходныхъ эпохъ. . . Критиковать законы этого переходнаго времени о стачкахъ, о мѣрахъ чрезвычайной охраны, о профессиональныхъ союзахъ я не имѣю ни малѣйшаго намѣренія. Законъ или вѣрнѣе Именной Высочайшій указъ 29 ноября 1905 г., предоставившій право мѣстнымъ властямъ прибѣгать къ примѣненію чрезвычайныхъ мѣропріятій безъ испрошенія на то разрѣшенія центральной власти и присваивающій военнымъ начальникамъ званіе и права генераль-губернаторовъ, служить яркимъ образчикомъ той внутренней войны, которую мы переживаемъ. Именной Высочайшій указъ 2 декабря 1905 г., который пытается прекратить забастовки усиленіемъ репрессіи въ предприятияхъ, имѣющихъ государственное значеніе; указъ, который караетъ виновныхъ въ участіи въ сообществѣ, направившемъ свою дѣятельность къ возбужденію служащихъ и рабочихъ въ подобныхъ предприятияхъ къ прекращенію, приостановленію или невозобновленію работъ, — заключеніемъ въ крѣпости отъ одного года четырехъ мѣсяцевъ и до четырехъ лѣтъ съ лишеніемъ нѣкоторыхъ особенныхъ, лично и по состоянію присвоенныхъ правъ и преимуществъ, — не можетъ содѣйствовать упроченію соціального мира.

Столь же драконовскимъ закономъ является и Именной

1) Въ любопытной брошюрѣ г. М. Григорьевскаго: „Полицейскій социализмъ въ Россіи“ (изд. журнала Образование) приведены нѣкоторыя данныя о дѣятельности г. Зубатова, Шаевича и Гапона, которыхъ, надѣюсь, будетъ въ послѣдствіи хорошо изучены будущими историками нашего соціального развитія. На стр. 46—52 этой брошюры читатель можетъ найти любопытную программу г. Зубатова, прочтенную имъ на совѣщаніи съ московскими фабрикантами въ трактирѣ Тѣстова 8 іюля 1902 г. Еще любопытнѣе изложеніе своей программы полицейскаго социализма г. Зубатовымъ сдѣлано въ особомъ письмѣ въ редакцію „Вѣстника Европы“ (мартъ, 1906 г.). Само собою разумѣется, что попытка расчлененія рабочаго класса на два лагеря: монархически-преданныхъ и противо-правительственно-настроенныхъ не удалась. Игра кончилась 9 января 1905 г. кровью. . . .

Высочайшій указъ 20-го декабря, создавній главный комитетъ по охранѣ желѣзныхъ дорогъ и опредѣляющій, что въ полосѣ отчужденія желѣзной дороги, къ которой примѣнены чрезвычайныя мѣры охраны, лица гражданского вѣдомства подлежатъ военному суду и наказанію по законамъ военного времени. Диктатура военной власти установлена этимъ указомъ въ полной мѣрѣ, но даже малоопытнѣйшій социаль-политикъ знаетъ, что никакая репрессія не въ состояніи упорядочить отношеній. Законъ 4 марта 1906 г. о профессиональныхъ союзахъ, который ставитъ возможность ихъ открытія отъ усмотрѣнія губернскаго или городского объ обществахъ присутствія, воспрещаетъ соединеніе двухъ или нѣсколькихъ профессиональныхъ обществъ въ союзъ, даетъ широкій просторъ администраціи по открытію и закрытію обществъ по соображеніямъ общественной нравственности, общественного спокойствія и безопасности, несмотря на всѣ внесенныя въ него суровыя мѣры репрессіи не приостановитъ, а скорѣе усилитъ процессъ образованія тайныхъ обществъ т.е. самъ собою будетъ содѣйствовать тому, чтобы сосредоточеніе общественныхъ силъ происходило въ тайнѣ и внѣ всякаго контроля общественного мнѣнія. Печальное и опасное положеніе дѣлъ, которое уже принесло массу всевозможнаго вреда въ условіяхъ нашего общественнаго развитія!

Государственная Дума должна создать совершенно иныя законы; но необходимо, чтобы и въ настроеніи нашей демократіи и ея вождей произошло коренное видоизмѣненіе въ двухъ направленіяхъ. Во первыхъ, мы должны отвыкнуть отъ наивной вѣры во „всемогущество государства“. Мы живемъ теперь въ странную эпоху. Всѣ наши ожиданія связываются только съ одной реформой государственнаго строя. Государство, какъ кажется многимъ, можетъ и должно все сдѣлать. Въ ближайшемъ же будущемъ намъ придется убѣдиться, что только творческая, свободная и союзная инициатива гражданъ въ состояніи оздоровить нашъ общественный организмъ. Ни бюрократія самодержавная, ни бюрократія, стоящая подъ контролемъ парламента, не въ состояніи разрѣшить социального вопроса. Для этого, во вторыхъ, необходима сознательная организація силъ, которая будетъ плодотворна только тогда, когда въ средѣ нашей демократіи образуется извѣстная аристократія разума, характера и воли, о которой говоритъ Ибсенъ. Демократія должна перестать съ восторгомъ слушать однѣ

фразы о борьбѣ съ эксплуататорами и научиться ближе понимать тотъ строй, среди котораго она живетъ и борется за свои права.

Смѣяться надъ проповѣдниками социальнаго мира легко. Для этого много думать не приходится. Фразу легко сказать, а съ теченіемъ времени, даже и у насъ, ее становится безопасно сказать и написать для пріобрѣтенія дешевой популярности народолюбца. Фразерство — легкое, безотвѣтственное времяпрепровожденіе. Настоящая же работа требуетъ знанія, времени и той воодушевленной сдержанности (*animated moderation*), какъ выражаются англичане, которая требуетъ гораздо большаго самоотверженія и глубокаго чувства долга. Было время, когда являлась необходимость чисто абстрактно говорить о необходимомъ и желательномъ. Теперь времена измѣнились: предъ нами творческая работа и всякое предложеніе, которое мы дѣлаемъ для видоизмѣненія наличныхъ отношеній, должно быть строго обдуманно и взвѣшено, чтобы сдѣлаться жизненнымъ ферментомъ новой жизни. За обѣщанія раньше не отвѣчали; теперь всякое обѣщаніе будетъ налагать отвѣтственность, а неисполненныя обѣщанія будутъ вызывать вражду въ общественныхъ классахъ и крушеніе цѣлыхъ партій. На нижеслѣдующихъ страницахъ читатель найдетъ на примѣрѣ тактики западной демократіи подтвержденіе моимъ словамъ. Обращаю его особенное вниманіе въ частности и на примѣръ Колорадо, гдѣ въ отношеніяхъ между предпринимателями и рабочими именно не было того характера, разума и воли, которые требуются для правильнаго развитія жизни. Тамъ началась, даже въ условіяхъ желаемой нами демократической свободы, такая борьба, которая извратила всѣ основы свободнаго политическаго быта. Колорадо сдѣлалось посмѣшищемъ всего союза и федеральныя войска должны были не разъ являться въ свободную страну, чтобы силою оружія водворять относительный порядокъ. Пусть же наша демократія меньше вѣритъ во всемогущество центральной власти и всегда помнитъ, что мало разрушить старый строй: необходимо, чтобы вновь создавшаяся жизнь прониклась новыми началами знанія, права и морали, безъ которыхъ немыслимо никакое общественное развитіе, никакой шагъ впередъ. Оздоровленіе жизни невозможно безъ ея морализаціи, безъ реальнаго знанія, безъ глубокаго чувства долга, которое и при всякой борьбѣ даетъ право лишь на надлежащія средства и не ви-

дять въ насиліи и подчиненіи ultima ratio общественной философіи ¹⁾).

II.

Не стану отрицать того обстоятельства, что среди такъ называемыхъ теоретиковъ соціального міра также есть не мало людей фразы. Они говорятъ много жалкихъ словъ о примиреніи труда и капитала. Я не имѣю ни малѣйшаго желанія идти этой дорогой и, какъ уже неоднократно говорилъ, фраза меня не интересуетъ, кто бы ее ни говорилъ: соціальный ли реформаторъ или соціалистъ-революціонеръ. Достаточно будетъ трехъ примѣровъ, чтобы доказать, какъ необходимы *характеръ, разумъ и воля* при всѣхъ попыткахъ подвинуть впередъ разрѣшеніе соціального вопроса и организаціи труда.

Система „канатовъ“, которая опутывала народную жизнь, къ счастью, начинаетъ лопаться. Идти старымъ путемъ невозможно и тотъ „портъ“, о которомъ я говорю, заключается въ политической свободѣ и въ умѣннй политической демократіи послѣдовательно достигать своихъ цѣлей. Не только рабочіе классы заинтересованы въ этомъ, но и буржуазія. Послѣдняя, привыкшая опираться только на грубую силу, должна совершенно перевоспитаться, и въ собственныхъ же интересахъ. Чѣмъ скорѣе она пойметъ это, тѣмъ скорѣе она приспособится къ новымъ условіямъ промышленной жизни. Она можетъ опираться отнынѣ только на свободу, на разумное самопредѣленіе работающихъ классовъ, на признаніе, исполнѣ сознательное, за ней необходимаго руководящаго значенія. Мы живемъ теперь въ чрезвычайно любопытную, но и сложную эпоху. На мѣсто старой цеховой организаціи промышленности начинается своеобраз-

1) Отъ души привѣтствую слова опытнаго борца за интересы демократіи Г. В. Плеханова, который въ № 4-мъ своего Дневника соціалдемократа пишетъ: „правда, роль тормоза — неблагодарная и совсѣмъ не живописная роль. Она исключаетъ всякую фразу. Но мы, соціалисты, вообще не охотники до революціонныхъ фразъ, и не даромъ нашъ учитель Энгельсъ говорилъ, что область революціонной фразы мы должны всецѣло предоставить анархистамъ, давно совершившимъ въ ней все человѣчески возможное.“ Къ величайшему сожалѣнію это господство фразы владѣетъ еще и до сихъ поръ нашими партіями.

ная профессиональная организация. Произвольное распоряжение трудомъ становится невозможнымъ. Промышленное дѣло опутывается цѣлымъ рядомъ новыхъ ограничений. Американское бюро труда издало чрезвычайно интересный отчетъ подъ заглавіемъ: „Регулирование и ограничение производства (Regulation and Restriction of output, Wash. 1904), въ которомъ имѣется масса указаній относительно тѣхъ ограничений, по поводу которыхъ идетъ борьба. Они касаются интенсивности работы, спеціализаціи труда, употребленія того или иного рода машинъ, часовъ труда, заработныхъ платъ и формъ ихъ, права на наемъ и расчетъ рабочихъ, соглашеній о количествѣ учениковъ и т. п. Всѣ эти ограничения наша эпоха должна примирить съ интересами всего народнаго хозяйства, съ возможностью наиболѣе полнаго развитія производительныхъ силъ и съ улучшеніемъ условій существованія личности.

Приведенныя выше данныя могутъ убѣдить читателя, что я умѣю смотрѣть жизни въ глаза; я далекъ отъ мысли зачисляться въ разрядъ такъ называемыхъ у насъ „сисмондистовъ.“ Но смѣло и рѣшительно говорю многимъ изъ нашихъ російскихъ социаль-демократовъ: господа, пора научиться осторожно и по иному работать на пользу рабочаго сословія, интересы котораго вы защищаете, стоя до сихъ поръ только на почвѣ абстрактной фразеологіи борьбы эксплуатируемыхъ противъ такъ называемыхъ эксплуататоровъ. Дѣло демократіи — святое дѣло и потому всякая ошибка въ тактикѣ работы на ея пользу это не шутка, а кровь, смерть, а потому и преступленіе противъ народа.

Когда я говорю о необходимости аристократіи характера, разума и воли среди демократіи, повторяя слова Ибсена, мнѣ представляется, что я стою на твердой почвѣ сознательной работы на пользу рабочаго сословія и мнѣ не трудно это доказать.

Для всякаго экономиста совершенно ясно, что локауты и стачки *необходимое* оружіе въ рукахъ владѣющихъ и работающихъ классовъ. Разсматривая статистическія данныя о стачкахъ, онъ безъ особаго труда можетъ убѣдиться, что при посредствѣ этого оружія рабочее сословіе борется за самыя основныя свои нужды. Статистика всѣхъ странъ показываетъ ему, что наибольшее количество стачекъ ведется для достиженія слѣдующихъ главнѣйшихъ цѣлей.

за тотъ или иной размѣръ заработной платы, затѣмъ, въ послѣдовательномъ порядкѣ, идутъ слѣдующія причины стачекъ : борьба за часы труда, за право на работу тѣхъ или другихъ разрядовъ рабочихъ или лицъ, за распорядокъ работы и дисциплину, за промысловыя правила, за право союзовъ, за общую поддержку интересовъ своего класса и т. п.

Въ зависимости отъ той или иной социальной обстановки, эти причины стачекъ въ своемъ послѣдовательномъ порядкѣ нѣсколько перемѣщаются, но первенство почти всегда принадлежитъ вопросу о заработной платѣ. Цифры, которыя я привелъ, достаточно краснорѣчиво говорятъ, что стачечная борьба стоитъ не мало средствъ, какъ рабочимъ, такъ и предпринимателямъ и что, въ тоже время, почти во всѣхъ странахъ даже съ прочно организованной рабочей организацией не болѣе $\frac{1}{2}$ стачекъ оканчиваются съ полнымъ успѣхомъ для рабочаго класса.

Увы, въ промышленныхъ отношеніяхъ классовъ, также какъ и въ отношеніяхъ между народами, путь къ умиротворенію идетъ чрезъ войну. Таковъ общечеловѣческій законъ и „его же не преидеши.“

Но война войнѣ рознь. Столкновеніе классовъ можетъ имѣть разрушительный характеръ, когда борьба идетъ безъ всякаго сознанія нѣкоторой общности интересовъ, когда знаютъ только интересы и своекорыстныя вождѣнія классовъ и забываютъ, что борьба идетъ за осуществленіе лучшей жизни для всѣхъ, для всего человѣчества и что исторія, создавшая дробленіе общества на классы, не была ошибкой и недоразумѣніемъ, а необходимостью, неизбѣжнымъ факторомъ человѣческаго прогресса.

Поэтому, когда въ социальныхъ вопросахъ говорятъ о необходимости разума, характера и воли, то подъ этимъ обыкновенно понимаютъ наличность слѣдующихъ трехъ свойствъ у борящагося за свои права чловѣка.

1. Разумъ, какъ необходимое условіе для пониманія предшествовавшихъ и наличныхъ отношеній социального быта. Только знаніе и разумъ даютъ возможность понять, что исторія тяжелый процессъ, въ которомъ и личность, и классы выполняли и будутъ выполнять извѣстную общественную функцію. Пусть демократія помнитъ драгоцѣнныя слова своего учителя Маркса, который писалъ въ предисловіи къ первому тому Капитала : „еще нѣсколько словъ во избѣжаніе

возможныхъ недоразумѣній. Фигуры капиталиста и землевладѣльца я изображаю отнюдь не въ розовомъ свѣтѣ. Но въ моемъ изложеніи о личностяхъ идетъ рѣчь лишь постольку, поскольку онѣ являются олицетвореніемъ экономическихъ категорій, носителями извѣстныхъ классовыхъ отношеній и интересовъ. Моя точка зрѣнія, рассматривающая развитіе общественно экономическихъ формаций, какъ естественно экономическій процессъ, менѣе, чѣмъ какая либо другая можетъ дѣлать отдѣльную личность отвѣтственной за отношенія, социальнымъ созданіемъ которыхъ она является, какъ бы ни возвышалась субъективно она надъ этими отношеніями.“

Старая индивидуалистическая школа, какъ справедливо еще указывалъ Родбертусъ, разорвала народное хозяйство на части. Въ основаніе своихъ выводовъ она положила имущество и капиталъ, или отсутствіе его, у отдѣльнаго лица. Въ ея воззрѣніяхъ общество представляло собою не болѣе какъ сумму различныхъ хозяйственныхъ единицъ. Многіе представители социализма и до сихъ поръ стоятъ на этой точкѣ зрѣнія. Они никакъ не могутъ понять, что народное хозяйство представляетъ собою нравственное, или что тоже, социальное цѣлое, что мы можемъ понять законы производства и распредѣленія въ этомъ хозяйствѣ, только исходя изъ представленій объ исторически сложившемся національномъ имуществѣ, національномъ капиталѣ и трудѣ, национальной производительности. Всякій экономистъ долженъ помнить, поэтому, что задача экономической политики должна заключаться не въ раздробленіи социальной работы, а въ ея организаціи, что отъ размѣровъ національнаго производства зависитъ и распредѣленіе; всѣ классы произошли въ процессѣ этой организаціи труда и существованіе ихъ столь же покоится на законмѣрности, какъ и все, что вырабатывается историческимъ процессомъ, который создаетъ необходимое, какъ наиболѣе для данной эпохи цѣлесообразное и видоизмѣняетъ необходимое чрезъ новое созданіе цѣлесообразнаго. Безъ разума, безъ знанія условій необходимаго историческаго процесса невозможна, поэтому, никакая политика справедливости. Политика справедливости, исходящая только изъ естественныхъ правъ, бываетъ поэтому часто лишь политикой дѣтской наивности и нецѣлесообразности. Напротивъ политика исторической организаціи труда

представляетъ результатъ разумнаго пониманія законовъ исторіи и того великаго приспособленія человѣка къ людямъ и внѣшней средѣ, которая во внѣ выражается какъ великій процессъ соединенія людей чрезъ общеніе воли, духа и матеріальныхъ интересовъ. Нашимъ социалистамъ не вредно было бы почаще заглядывать въ труды Родбертуса.

II. Характеръ, какъ добросовѣстность въ выборѣ средствъ въ борьбѣ, и открытая честная защита своихъ правъ путемъ осторожной и по слѣдовательной защиты своихъ интересовъ путемъ права же и его видоизмѣненія. Борьба за демократическія учрежденія должна непременно имѣть благородный характеръ, иначе она рискуетъ обратиться въ насилие, дѣйствующее подъ девизомъ: цѣль оправдываетъ средства.

Борьба средствами безъ разбора не ускоряетъ, а замедляетъ общественное развитіе и только та сторона въ этой борьбѣ вѣрно и надежно побѣждаетъ, надъ средствами которой красуется ореолъ правды, справедливости, самопожертвованія и нравственной чистоты. Темныя силы борются темными средствами. Демократія можетъ побѣдить, только употребляя чистыя, высокія средства. Борьба темными средствами, хотя бы и противъ темныхъ силъ, враждебно настраиваетъ общественное мнѣніе противъ демократіи, а это уже начало пораженія. . . .

Хорошій знатокъ англійской исторіи профессоръ Дайси ¹⁾ пишетъ: „чартизмъ потерялъ довѣріе благодаря тому, что многіе изъ чартистовъ стремились достигнуть своихъ цѣлей путемъ насилія или угрозы физической силой. Трэдьюнионизмъ, въ свой „революціонный періодъ“ шелъ рука объ руку съ чартизмомъ и актами насилія, употребленіемъ угрожающихъ фразъ, тайными клятвами, всей шумихой революціи и конспираціи вызвалъ оппозицію всѣхъ людей, которые способны были цѣнить значеніе закона и порядка . . . Въ 1848 году народные вожди и ихъ враги были жертвами иллюзіи, воспитанной традиціями французской революціи. Предполагалось, что инсургенты способны разбить дисциплинированныя войска. Это представленіе основывалось на успѣхахъ во время великой революціи и также на побѣдахъ толпы во Франціи въ 1830 и 1848 году. Ни одна изъ идей, получавшихъ распространеніе, не основана менѣе на

1) Law and Public Opinion in England, L. 1905, стр. 241.

фактахъ, чѣмъ эта. Вѣра въ мистическую силу народнаго энтузіазма была простымъ суевѣріемъ. Ни въ одномъ изъ случаевъ въ періодъ революціонной исторіи Франція съ 1789 года и до нашихъ дней дисциплинированныя войска, при надлежащемъ руководствѣ, не были развиты инсургентами. Армія также не обнаруживала особой охоты присоединяться къ народу. Въ этомъ отношеніи событія 1848 года и 1871 года имѣютъ наиболѣе доказательный характеръ. Въ іюнѣ 1848 года инсургенты имѣли всѣ преимущества, они вооружались въ теченіи недѣль, они сражались съ большимъ энтузіазмомъ и подъ защитой хорошо сооруженныхъ баррикадъ. Ихъ противниками были національные гвардейцы и подвижная гвардія, набранная изъ бѣднѣйшихъ классовъ парижскаго населенія, на абсолютную вѣрность которыхъ трудно было разсчитывать. И тѣмъ не менѣе инсургенты были разбиты. Въ 1871 году войска, которыми распоряжалось правительство, состояли изъ солдатъ, разбитыхъ пруссаками. Среди коммунаровъ было много дисциплинированныхъ солдатъ и все же коммунары были разбиты.“ Демократія должна помнить уроки исторіи и не вѣрить тѣмъ, кто предвѣщаетъ ей легкую побѣду.

III. Воля, какъ та непреоборимая энергія, которая, не смотря на всякія возможныя невзгоды, заставляетъ служить своему долгу и разъ принятому рѣшенію бороться для достиженія своихъ идеаловъ медленнымъ, сдержаннымъ, но вѣрнымъ эволюціоннымъ путемъ.

Извѣстный Уордъ, характеризируя воззрѣнія Контизма, легшаго въ основу разумной соціалистической доктрины, пишетъ: „къ чему сводится великая проблема о движеніи общества впередъ, какъ не къ вопросу о порядкѣ и прогрессѣ, на которыхъ всегда настаиваетъ Контъ. Партія порядка, въ своей любви къ порядку, начинаетъ ненавидѣть прогрессъ и считать его враждебнымъ порядку. Партія прогресса въ своемъ стремленіи къ прогрессу начинаетъ ненавидѣть порядокъ и считаетъ его великимъ препятствіемъ прогрессу . . . Однако, не имѣя яснаго представленія объ истинномъ отношеніи порядка къ прогрессу, обѣ партіи обыкновенно доходятъ до крайности . . Въ дѣйствительности, всемірная исторія есть разсказъ объ этой ритмически перемежающейся борьбѣ между элементами

порядка и элементами прогресса, отмѣчающій упорное упрямство первыхъ, за которымъ въ концѣ концовъ слѣдуетъ отступленіе передъ необузданною силою послѣднихъ, которые, донесенные волнами побѣды до великихъ крайностей, въ свою очередь покрываются и поглощаются другой длинной волной реакціи и такъ далѣе. Какъ измѣнилось бы все это, если бы можно было заставить человѣчество понять, что истинная цѣль порядка есть прогрессъ, а истинное условіе прогресса порядокъ¹⁾“.

Въ настоящій главѣ я остановлюсь въ видѣ примѣровъ на трехъ любопытныхъ и сложнѣйшихъ вопросахъ современной тактики труда: на вопросѣ о такъ называемомъ каканнизмѣ, на ожесточенной борьбѣ ассоціацій труда и капитала въ Колорадо и на проблемѣ всеобщей стачки въ освященіи выдающагося лидера западной демократіи Жореса.

Этихъ примѣровъ будетъ достаточно, чтобы показать, какую тактику въ рабочемъ вопросѣ выработала западная демократія и какія послѣдствія ожидаютъ страну при возможныхъ ошибкахъ и легкомысліи въ этой тактикѣ. Пусть же читатель поглубже задумается надъ этими примѣрами.

„Каканнизмъ“ обратилъ на себя общественное вниманіе въ Англіи въ 1896 г. и продолжалъ служить предметомъ оживленнаго общественнаго обсужденія почти въ теченіи пяти лѣтъ. Въ октябрѣ 1896 года въ Англіи появился чрезвычайно любопытный циркуляръ отъ имени международной ассоціаціи рабочихъ на корабляхъ, въ докахъ и на рѣкахъ (International Federation of Ship, Dock and River Workers), гдѣ впервые было объяснено, что означаетъ это загадочное слово „ка-канни“. Въ этомъ циркулярѣ оно объяснено слѣдующимъ образомъ. Когда два шотландца прогуливаются и идутъ слишкомъ скоро, то одинъ говоритъ другому: „Са’canny, mon; са’canny“, что означаетъ: go easy, man, милѣйшій иди, потише! Два члена парламента Ричардъ Маги (R. Magee) и Гавелокъ Вильсонъ (H. Wilson), а также и Лесли Джонсонъ (L. Johnson), секретарь національнаго союза матросовъ и кочегаровъ, приложили эту систему къ промышленной

1) Огюсть Контъ и позитивизмъ, сборникъ статей, Москва, 1897 г., стр. 315 и слѣд.

жизни. Сущность этой доктрины такова: „нѣтъ надобности въ стачкахъ, рабочіе могутъ заставить предпринимателей заплатить имъ надлежащую плату, отказываясь работать прежнимъ темпомъ. Они являются на работу, но что называется тянуть ее: стачки нѣтъ, но работа идетъ вяло, безъ всякой энергіи и въ результатѣ получается значительное уменьшеніе производительности труда. Фабрикантъ въ состояніи выработать меньше. Мистеръ Маги на одномъ собраніи говорилъ: рабочимъ „Каканнируйте, ребята, вы будете жить дольше, получите болѣе высокую заработную плату, приобретете больше уваженія среди предпринимателей, поможете получить занятіе многимъ безработнымъ, ибо предпринимателямъ придется поставить вмѣсто одного трехъ работниковъ; а это обозначаетъ болѣе комфорта для вашихъ дѣтей, лучшую жизнь для женщинъ и меньшую возможность предпринимателямъ грабить результаты вашего труда“.

Слѣдуетъ отмѣтить, что жизнь рабочаго союза, который пустилъ въ ходъ этотъ циркуляръ и эту политику, продолжалась только четыре года. Среди предпринимателей поднялся настоящій вопль, пресса начала энергичнѣйшую компанію противъ этой политики. Отмѣченные члены парламента потеряли значительную долю своего вліянія. Мистеръ Вильсонъ сдѣлался предметомъ безконечныхъ судебныхъ процессовъ и былъ положительно затравленъ прессой.

По собственному почину мистеръ Вильсонъ предсталъ предъ особымъ комитетомъ, образованнымъ министерствомъ торговли для изслѣдованія торговаго мореплаванія, чтобы оправдаться въ глазахъ общественнаго мнѣнія. На вопросъ предсѣдателя комиссіи, чѣмъ онъ можетъ оправдать эту доктрину, которая, по мнѣнію его — предсѣдателя, исключительно создана для подрыва и разрушенія жизненности англійской націи (*to sap and destroy the vitality of this nation*), Вильсонъ отвѣтилъ, что онъ честно и открыто проповѣдывалъ свою теорію, но ее не слѣдуетъ понимать въ томъ смыслѣ, какъ она истолкована въ газетѣ „Таймсъ“ а именно, какъ „призывъ къ простому проведению времени въ праздности“. Какъ видно изъ всего имъ сказаннаго во время этого допроса, Вильсонъ проводитъ весьма рѣзкое различіе между „каканни“, какъ общей политикой и какъ послѣднимъ ресурсомъ въ особенно тяжелыхъ обстоятель-

ствахъ. Онъ утверждаетъ, что рабочіе прибѣгнутъ къ этой системѣ, если „она окажется необходимой“.

Какъ я уже отмѣтилъ, въ газетѣ Таймсъ, этомъ основномъ органѣ англійской буржуазіи, появился по поводу этой политики рядъ статей, которыя, въ концѣ концовъ, обратились въ настоящій обвинительный актъ противъ всей дѣятельности англійскихъ рабочихъ союзовъ. Въ отвѣтъ на эти статьи „Правящій комитетъ генеральной федераціи рабочихъ союзовъ“ счелъ себя вынужденнымъ отвѣтить; и прежде чѣмъ высказывать какія либо соображенія по поводу этой политики, я сдѣлаю нѣкоторыя выдержки изъ этого замѣчательнаго отвѣта. Отвѣтъ, подписанный, если можно такъ выразиться, сливками союзной организаціи Англіи, былъ циркулярно отпечатанъ въ 1901 г.¹⁾

„Обвиненія Таймсъ, пишетъ комитетъ, могутъ быть сформулированы слѣдующимъ образомъ. Союзы защищаютъ политику отлыниванія (skulk), которая противорѣчитъ высшей производительности труда и даже вырождается въ уменьшеніе количества занятаго труда. Союзы борются противъ введенія всякихъ машинъ и нововведеній, сокращающихъ трудъ. Они постоянно конспирируютъ, стараясь уменьшить ловкость и энергію труда своихъ членовъ. Они требуютъ, чтобы платили одну и ту же заработную плату людямъ разныхъ способностей и заслугъ. Всѣ эти обвиненія выставляются съ утомляющими новаторствами и преувеличеніями, сопровождаются подтвержденіями различныхъ адвокатовъ „свободнаго труда“, которыхъ жалостныя дополненія характерны массой обнаруживающагося въ нихъ яда, уравнивающагося, правда, недостаткомъ логики и здраваго смысла.

Всѣ обвиненія эти главнымъ образомъ основываются на статьѣ напечатанной въ Seamen's Chronicle, 24 октября 1896 г., въ которой указывается новое орудіе или средство политики, которымъ, по мнѣнію автора, слѣдуетъ пользоваться вмѣсто стачки, а именно „каканни или работай потише“. Ни единого свидѣтельства не приводится, чтобы доказать, что любой отвѣтственный представитель стараго или новаго юніонизма проповѣдывалъ эту систему и не указывается мѣста, гдѣ бы

1) Въ общей сложности 17-ю представителями рабочихъ союзовъ, среди которыхъ были такія извѣстныя имена, какъ С. Mitchell, Ben Tillet, J. Bell, Allen Gee, C. Barnes и друг.

онъ это дѣлалъ. Что касается до статьи въ „S. Chron.“, то изъ замѣтки, помѣщенной въ „Daily News“, мы видимъ, что авторъ вовсе не былъ тредъюніонистомъ и, если онъ и говорилъ отъ имени союза моряковъ, что сомнительно, то во всякомъ случаѣ онъ не говорилъ, выражая мнѣнія какого либо представительства рабочихъ союзовъ нашей страны. Въ дѣйствительности, указанный журналъ былъ однимъ изъ тѣхъ эфемерныхъ созданій лагеря тредъюніонистовъ, которыя привѣшиваются къ каймѣ (frindge) тредъюніонизма, также, какъ и ко всѣмъ другимъ движеніямъ.

Правда, было процитировано и правило одного союза, которое воспрещало работнику дѣлать „двойной трудъ, чтобы заслужить одобрительную улыбку мастера“ и оно приводилось, какъ нѣчто весьма подтверждающее указанную политику. Къ несчастью для Таймсъ, однако, по словамъ корреспондента „Daily News“ оно выхвачено изъ документовъ одного небольшого союза въ Юркширѣ, который прекратилъ свое существованіе 35 лѣтъ тому назадъ.

Не имѣя свидѣтельствъ, чтобы поставить въ вину представителей рабочихъ союзовъ политику „каканни“, авторъ статей въ Таймсъ принужденъ прибѣгать къ воображенію, чтобы сдѣлать это очевиднымъ для своихъ читателей. Эта политика навязывается членамъ какой — то де темной силой, извѣстной только Таймсъ. Здѣсь говорится, что существуетъ какой то „неписанный законъ“ и средній представитель союзовъ слишкомъ хитеръ для того, чтобы отпечатать его чернымъ по бѣлому въ правилахъ союза. Тѣмъ не менѣе онъ тайно киваетъ въ эту сторону и молчаливо поощряетъ своихъ подчиненныхъ дѣйствовать опредѣленно въ указанномъ направленіи.

Въ защиту можно было бы привести письмо въ Таймсъ г.г. Сиднея и Беатрисы Веббовъ, помѣченное 6 декабря, въ которомъ они говорятъ: „послѣ изслѣдованія обвиненій Таймсъ мы можемъ сказать, что они совершенно невѣрны и не соотвѣтствуютъ истинѣ. Корреспондентъ Дэли Ньюсъ изложилъ тѣ слабыя основанія, на которыхъ обвиненіе было построено и далъ возможность публично привести взгляды цѣлаго ряда представителей союзовъ, которые отрицаютъ всякую свою симпатію и связь съ каканнизмомъ.“ Но тѣмъ не менѣе еще и нынѣ имѣется рядъ людей, которые не удовлетворены указанными отвѣтами, и, поэтому, можетъ быть

полезнымъ, отъ имени генеральной федераціи рабочихъ союзовъ высказать слѣдующія общія соображенія по затронутому вопросу.

Конечно, совершенно невозможно спорить съ корреспондентомъ Таймса и особенно потому, что его экскурсіи въ область „неписаннаго закона“ и темныя мистеріи скрываютъ его отъ достижимости. Краткое установленіе, однако, законныхъ стремленій тредъюніонизма, результатовъ ихъ дѣятельности на пользу труда и въ интересахъ общества вообще могутъ устранить недоразумѣнія, вызванныя статьями этой газеты.

Во первыхъ, мы съ негодованіемъ отвергаемъ, что политика, навязываемая Таймсомъ рабочимъ союзамъ, составляетъ какую либо сторону ихъ дѣятельности.

Тредъюніонизмъ стремится содѣйствовать интересамъ труда чрезъ замѣну индивидуальнаго торга своихъ членовъ съ предпринимателями коллективнымъ договоромъ. Онъ стремится опредѣлить извѣстныя минимальныя условія по части заработной платы и часовъ труда, но онъ вовсе не желаетъ подвести всѣхъ подъ одинъ уровень. Въ дѣйствительности онъ не ставитъ никакихъ препонъ своимъ членамъ, которые стремятся стать выше извѣстныхъ минимальныхъ условій благодаря своей особой ловкости, искусству или прилежанію.

Во всѣхъ рабочихъ союзахъ имѣются люди, вышедшіе изъ рядовъ простыхъ рабочихъ, выполняющіе отвѣтственныя обязанности въ качествѣ архитекторовъ, инженеровъ, мануфактуристовъ и публицистовъ.

Главная задача союзовъ, однако, заключается въ установленіи и сохраненіи *минимальныхъ условій*, при которыхъ возможна работа. Авторъ статей въ Таймсѣ говоритъ, что это невозможно, въ отвѣтъ на что мы должны указать, что эти минимальныя условія не только не невозможны, но минимальныя заработныя платы уже и установлены, гдѣ тредъюніонизмъ достаточно силенъ.

Тредъюніонизмъ, такимъ образомъ, стремится выдѣлить трудъ изъ категоріи простыхъ матеріальныхъ благъ, цѣна которыхъ опредѣляется ихъ относительной рѣдкостью или изобиліемъ и дать труду возможность торговаться объ условіяхъ своей работы разумно и со справедливостью. Создавая, такимъ образомъ, общія правила въ жизни простого рабочаго

средняго качества, союзы принесли *громадное благо обществу* именно потому, что они предохранили массы рабочихъ отъ низведенія ихъ до уровня ниже необходимой промышленной производительности.

Правда, союзы противостоятъ эксплуатаціи труда безсовѣстными предпринимателями и борятся противъ того, чтобы ихъ члены обременялись ненормальнымъ напряженіемъ свыше силъ, несогласующимся съ здоровьемъ и постоянною работоспособностью. Это они будутъ продолжать дѣлать и впредь, но они утверждаютъ, что поступая такъ, они дѣйствуютъ въ лучшихъ интересахъ общества. Быть можетъ, тягостныя условія труда въ теченіи нѣкотораго времени и могли бы давать больше работы, занимать большее количество рукъ, но разсмотрѣніе относительныхъ условій въ организованныхъ и неорганизованныхъ промыслахъ этой страны не оставляетъ ни малѣйшаго сомнѣнія относительно конечныхъ послѣдствій той воображаемой свободы, для которой обнаруживаетъ старанія авторъ статей Таймса.

Классическимъ примѣромъ „свободнаго труда“ этой страны служитъ земледѣльческій рабочій. „Свободный“ неорганизованный рабочій въ земледѣліи въ рядѣ поколѣній былъ подъ невозможнѣйшимъ давленіемъ лэндлордизма и *устарѣлыхъ методовъ производства; въ результатъ и трудъ его былъ дешевъ*. Онъ благодаря этому былъ доведенъ до состоянія физическаго и нравственнаго голоданія; теперь земледѣліе бѣдствуетъ и никто не получилъ выгоды отъ деградации земледѣльца. Съ другой стороны въ тѣхъ промыслахъ, какъ напр. въ машиностроительномъ дѣлѣ, въ кораблестроеніи, въ рудникахъ и т. п. промыслахъ трудъ добился своей организаціей лучшихъ условій труда по отношенію къ заработной платѣ и часамъ труда, а улучшение его положенія послужило стимуломъ къ изобрѣтенію и введенію машинъ, которое принесло пользу, какъ рабочимъ, такъ и обществу. *Слѣдовательно, утвержденіе, что союзы препятствовали введенію машинъ и сокращающихъ трудъ изобрѣтеній не только не вѣрно, но абсолютно противорѣчитъ истинѣ*.

Мы можемъ только выразить сожалѣніе, что газета такого рода, какъ Таймсъ, рѣшилась вступить на путь, который можетъ ввести въ обманъ общественное мнѣніе. Сравнительно въ недавнее время такія обвиненія сыпались на такихъ людей и на такія общественныя направленія, по разнымъ по-

водамъ и скорѣе съ неблагопріятными результатами для Таймсъ, и мы надѣмся, что, памятуя о нихъ, а также становясь на точку зрѣнія простой справедливости, ни одинъ разумный человѣкъ не станетъ приписывать союзамъ и ихъ представителямъ политику, съ которой они не имѣютъ ничего общаго. Если бы союзы дали такія инструкціи своимъ членамъ, о которыхъ говорятъ обвинители, это стало бы достояніемъ общественнаго мнѣнія въ 24 часа. Если припомнить, что нѣкоторые изъ союзовъ имѣютъ по 90 тыс. членовъ и до 600 отдѣленій, разбѣянныхъ по всей странѣ, то станетъ тотчасъ же очевиднымъ, что единственный способъ для раздачи указаній по части политики возможенъ только при посредствѣ пріемовъ, легко доступныхъ Таймсу. . . . Ничего подобнаго, однако, не обнаружено.

Въ заключеніе позволяемъ себѣ процитировать правила федераціи, въ составъ которой входитъ до 77 союзовъ съ числомъ членовъ болѣе 420 тысячъ.

Задача союза: содѣйствовать промышленному миру и всѣмъ дружественными средствами, какъ то соглашеніемъ, посредничествомъ, конференціями или чрезъ установленіе особыхъ постоянныхъ бюро предотвращать стачки и локауты между предпринимателями и рабочими и споры между промыслами и организаціями. Гдѣ разногласіе возникло, помогать его устраненію правомѣрными и справедливыми способами“¹⁾. . .

1) Въ газетахъ промелькнулъ слухъ, будто министерство торговли и промышленности въ проэктированномъ вновь законѣ о стачкахъ желаетъ предоставить нашимъ фабриканту право разсчитывать рабочихъ во всѣхъ отдѣленіяхъ, „если онъ поставленъ въ невозможность продолжать въ нихъ работу“, т. е. если, напр., прядильное отдѣленіе забастовало, можно разсчитать всѣхъ ткачей. Инженеръ А. А. въ № 122 за 1906 г. газеты „Русскія Вѣдомости, обсуждая этотъ проэктъ, замѣчаетъ: „эти новыя правила могутъ быть обойдены. *Извѣстны уже случаи, когда и на русскихъ фабрикахъ примѣнялась особая форма стачки, при которой рабочіе, не оставляя фабрики и не давая повода, следовательно, ихъ разсчитывать, цѣлыми отдѣленіями работами настолько плохо, что вносили опасное расстройство въ общій ходъ дѣла.*“ Такимъ образомъ тактика каканнизма нарождается и у насъ! Совершенно вѣрно, что репрессіей тутъ ничего не подѣлаешь, но пора понять и фабрикантамъ, и рабочимъ, что такіе пріемы борьбы — гибель всякой организаціи промышленности и труда. Нужна новая нравственная атмосфера въ отношеніяхъ труда и капитала, какъ въ Англіи, не опирающаяся ни на репрессіи закона, ни нагнетъ и эксплуатацію капитала, ни на деморализацію труда. . .

УЧЕНЫЯ ЗАПИСКИ

ИМПЕРАТОРСКАГО

ЮРЬЕВСКАГО УНИВЕРСИТЕТА

выходить съ 1893 г. въ неопредѣленные сроки, не менѣе 4 разъ въ теченіе года.

Ученныя Записки распадаются на два отдѣла: officialный и научный.

Въ officialномъ отдѣлѣ помѣщается годовая отчетъ Университета, актовыя рѣчи, отзывы о диссертацияхъ, обзорѣніе лекцій и т. п.

Въ научномъ отдѣлѣ помѣщаются работы преподавателей Университета; изъ студенческихъ же работъ печатаются (по возможности въ извлеченіи) лишь сочиненія, удостоенныя золотою медалію.

Научныя статьи **Ученыхъ Записокъ** печатаются какъ на русскомъ языкѣ, такъ и на одномъ изъ болѣе распространенныхъ западно-европейскихъ языковъ, а также на латинскомъ, по выбору автора.

Подписка принимается Правленіемъ Императорскаго Юрьевскаго Университета.

Подписная цѣна 6 руб. въ годъ.

Редакторъ **Д. Кудрявскій.**
